А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ

ОЧЕРКИ по ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-1850 гг.

А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ
ОЧЕРКИ по ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ 1840-1850 гг.

А. Г. ДЕМЕНТЬЕВ

ОЧЕРКИ ПО ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

1840–1850 гг.

Государственное Издательство
Художественной Литературы
Москва · Ленинград
1951

ОТ АВТОРА

Настоящие «Очерки» посвящены истории русской журналистики 1840—1850-х годов. Однако не все журналы того времени охарактеризованы в них с одинаковой полнотой. Так, о журналистике второй половины 1850-х годов сказано в «Очерках» значительно меньше, чем о журналистике первой половины этого десятилетия. Наличие трехтомного исследования В. Е. Евгеньева-Максимова о «Современнике» показалось нам достаточным основанием к тому, чтобы ограничиться общей характеристикой этого журнала и сосредоточиться на подробном разборе помещенных в нем статей Белинского. С другой стороны, обращение к деятельности первой Вольной типографии, к «Полярной звезде» и «Колоколу» неизбежно заставило нас выйти в этом случае далеко за пределы эпохи 1850-х годов. Надеемся, что эти особенности «Очерков» не мешают им быть работой внутренне цельной и единой. Борьба передовой революционно-демократической журналистики и критики с реакционными и либеральными направлениями в русском общественно-политическом и литературном движении является главной темой всех «Очерков».

Особое внимание уделено в работе литературной критике, поскольку она составляла, по словам

В. Г. Белинского, «душу и жизнь» журналов, определяла их направление. Деятельности Белинского в «Современнике» посвящена специальная глава.

Чтобы не перегружать «Очерки» многочисленными ссылками, мы, назвав тот или иной источник, при последующих обращениях к нему указываем лишь название статьи или дату письма.

I. ОБЩЕСТВЕННОЕ И ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ, КРИТИКА И ЖУРНАЛИСТИКА 1840-х ГОДОВ

1. ОБЩЕСТВЕННОЕ ДВИЖЕНИЕ 1840-х ГОДОВ

Режим жестокой общественно-политической реакции, установившийся в России после разгрома декабристов, не мог уничтожить тех социально-экономических противоречий, которые вызвали движение дворянских революционеров. Характерной чертой исторической жизни России 1830—1840-х годов является усиливающийся распад крепостного строя под энергичным напором капиталистических отношений. Растет торговля внутренняя и внешняя, растут промышленные предприятия и кадры вольнонаемных тружеников, в дворянские усадьбы проникают методы капиталистического предпринимательства. Вместе с тем из года в год нарастает недовольство и возмущение широких народных масс. Все чаще и сильнее вспыхивают восстания крепостных крестьян. По далеко не полным данным, в 1830-х годах было 105 крестьянских волнений, а в 1840-х годах — 273 волнения, т. е. почти в три раза больше. «Мысль о свободе крестьян тлеет между ними беспрерывно. Эти темные идеи все более развиваются и сулят вечно нехорошее», — писало III отделение в отчете за 1841 год. [1]

О нарастающих из года в год крестьянских волнениях было отлично осведомлено не только правительство. О них угрожающе напоминает Белинский в знаменитом

---

[1] Материалы о крестьянском движении в 1840-х годах см. в сборнике «Крестьянское движение. 1827—1869», вып. 1, подготовил к печати Е. А. Мороховец, М., 1931.

письме к Гоголю, о них пишет в своем дневнике Герцен,[1] о них с ужасом говорит в своих письмах реакционер Шевырев. «Мы живем среди кровопролитий», — жалуется Шевырев Гоголю, сообщая об убийствах крепостными своих господ.[2]

В 1840-е годы правительству Николая I приходится иметь дело и с вновь поднимающейся волной революционного движения в среде интеллигенции. Несмотря на то, что царизм беспощадно расправлялся со всяким проявлением прогрессивной мысли, освободительное движение против самодержавия и крепостничества усиливается. Достаточно напомнить о деятельности Белинского, Герцена, о петрашевцах, о Шевченко и Кирилло-Мефодиевском братстве, о молодом Чернышевском. В основе нового подъема революционных настроений лежит кризис крепостничества, развитие капиталистических отношений и, особенно, рост возмущения и недовольства народных масс. Именно благодаря связи идеологии передовой русской интеллигенции с движением крепостного крестьянства, в России 1840-х годов так высоко поднялся уровень общественно-политической и философской мысли, литературного движения и критики.

1840-е годы относятся к тому периоду русского освободительного движения, который В. И. Ленин называет дворянским. Вместе с тем уже в эти годы намечается переход от первого — дворянского — этапа русского освободительного движения ко второму этапу — разночинному, буржуазно-демократическому. Дворянский революционер Герцен становится социалистом и революционером-демократом. «Предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении»[3] был вождь русского освободительного движения 1840-х годов Белинский. Заметно изменился массовый состав участников освободительного движения.

---

[1] Например, 24 декабря 1843 года и 15 сентября 1844 года. Произведения, письма и дневники Герцена, кроме случаев, специально оговоренных, цитируются по Полному собранию сочинений и писем, под ред. М. К. Лемке, М.—П., 1919—1925.

[2] Письма Шевырева к Гоголю опубликованы в приложениях к «Отчету имп. Публичной библиотеки» за 1893 год. См. письма от 20 октября 1846 года и 28 ноября 1850 года.

[3] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

Среди петрашевцев, членов Кирилло-Мефодиевского братства, в кружках 1840-х годов рядом с интеллигенцией из дворян выступает интеллигенция разночинная. Проповедь «комунисма, социалисма, пантеисма» пользуется особым успехом среди «огромного класса, ежедневно умножающегося, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить, — кантонистов, семинаристов, детей бедных чиновников и проч. и проч.», — доносил Булгарин. [1]

Освободительное движение 1840-х годов сопровождалось напряженными теоретическими исканиями. Передовая интеллигенция этого времени с исключительной энергией ищет правильной теории, объясняющей законы развития общества и природы. «Никогда в России так ревностно не отдавались наукам, — писал Герцен. — Революцией и философией, точными знаниями, поэзией, историей России, — прежде всего России, — занимались все серьезные умы» («В редакцию «Польского демократа»).

Революционное выступление декабристов не прошло бесследно. Декабристы разбудили передовую русскую интеллигенцию 1830—1840-х годов и передали ей свои высокие и благородные идейные традиции. С другой стороны, поражение восстания декабристов заставило передовых людей России искать новых путей освобождения народа от гнета крепостничества и самодержавия. «Главным занятием мыслящих русских было обдумывание способа раскрепощения крестьян», — свидетельствует Герцен.

Отсюда глубокое изучение передовыми людьми 1840-х годов истории России и других государств, философии и естествознания, социальных теорий и политической экономии. «В течение около полувека, примерно с 40-х и до 90-х годов прошлого века, передовая мысль в России, под гнетом невиданно дикого и реакционного царизма, жадно искала правильной революционной теории, следя с удивительным усердием и тщательностью за всяким и каждым «последним словом» Европы и Америки в этой области», — писал В. И. Ленин. [2]

---

[1] Доносы Булгарина опубликованы в книге М. Лемке «Николаевские жандармы и литература. 1826—1855 гг.», СПБ, 1909.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 31, стр. 9.

Интерес русской интеллигенции к передовым явлениям западно-европейской культуры вовсе не лишал русскую мысль оригинальности и не означал ее подчинения западно-европейским теориям (как это утверждали буржуазные ученые и публицисты). Этот интерес лишь показывает, что деятели русского освободительного движения, вырабатывая свое мировоззрение, считали необходимым учесть мировой исторический опыт и изучить лучшие достижения всей передовой культуры человечества. Русские наука, философия, литература никогда не представляли провинциального явления, изолированного от мировой культуры. Но в сущности своей идейные искания передовой русской интеллигенции, как и ее общественно-политическая деятельность, возникли на основе русского исторического процесса и были вызваны внутренними запросами и потребностями русского народа. Поэтому отношение передовых русских мыслителей к европейской культуре было вполне самостоятельным и критическим. Выражая в своих теоретических исканиях интересы трудовых масс России, они решали многие вопросы глубже, чем представители домарксовской научно-теоретической мысли Западной Европы.

В области философии передовая русская интеллигенция 1840-х годов опиралась в своих исканиях на замечательные достижения Ломоносова, Радищева, Пушкина и декабристов. В то же время она внимательно следила за развитием философии в Западной Европе, особенно в Германии. Каждое существенное явление философского движения Германии находило в России живой отклик. Когда Шеллинг, после долголетнего молчания, выступил в 1841 году в Берлинском университете с направленными против Гегеля лекциями о «философии откровения», это событие вызвало отклик не только в Германии, но и в России. На лекциях Шеллинга присутствовали М. А. Бакунин, И. С. Тургенев, М. Н. Катков и другие русские; Белинский очень неодобрительно высказался о них в своих письмах, Герцен столь же недоброжелательно — в дневнике; в журналах «Отечественные записки» и «Москвитянин» появились статьи о выступлении Шеллинга.

С большим интересом и вместе с тем весьма критически изучалась философия Гегеля. В журналах и в Московском университете, в кружках и салонах велись горя-

чие диспуты по поводу его учения, «зачитывалось до дыр, до пятен, до падения листов» все написанное о нем в России и Германии. «Нет параграфа во всех трех частях гегелевской логики, в двух его эстетики, энциклопедии и пр., который бы не был взят отчаянными спорами нескольких ночей», — вспоминал Герцен в «Былом и думах». Хорошо знала передовая интеллигенция 1840-х годов и статьи левых гегельянцев Арнольда Руге, Бруно Бауэра, Фридриха Штрауса и, в особенности, вышедшую в 1841 году известную книгу Л. Фейербаха «Сущность христианства».

Передовой части русской интеллигенции 1840-х годов несомненно были известны и ранние работы К. Маркса и Ф. Энгельса. В круг чтения Герцена, Белинского и других представителей передовой русской интеллигенции 1840-х годов входили и «Германский телеграф» К. Гуцкова, и «Немецкие летописи» А. Руге, и другие периодические издания, в которых принимали участие молодые Маркс и Энгельс. Известно, например, что Белинский был «бодр и весел», познакомившись с первым номером журнала «Немецко-французские летописи» за 1844 год, в котором были помещены статьи К. Маркса «К критике гегелевской философии права», «К еврейскому вопросу» и Ф. Энгельса «Очерки критики политической экономии».[1] В библиотеке петрашевцев были «Нищета философии» Маркса и «Положение рабочего класса в Англии» Энгельса. Больше того, — и это является событием, значение которого трудно переоценить, — на страницах январского номера «Отечественных записок» за 1843 год в статье В. П. Боткина о немецкой литературе был дан без указания источника почти буквальный перевод первой части одной из самых интересных работ молодого Энгельса «Шеллинг и откровение», вышедшей в Берлине отдельной брошюрой в 1842 году. Некоторые представители русской интеллигенции 1840-х годов и лично знали К. Маркса; один из них — П. В. Анненков — присутствовал при исторической беседе Маркса с Вейтлингом

---

[1] Более подробно о знакомстве Белинского с работами классиков марксизма см. в статье В. Шульгина «О знакомстве Белинского с работами Маркса и Энгельса» — «Историк-марксист» 1940, № 7.

и в период 1846—1848 годов переписывался с ним. Анненкову адресовано знаменитое письмо Маркса о «Философии нищеты» Прудона с блестящим изложением теории исторического материализма.

С философскими исканиями связан и глубокий интерес русских людей 1840-х годов к естественным наукам. Именно тогда начинается то увлечение естествознанием, которое позднее — в 1860-е годы — охватит почти всю передовую русскую интеллигенцию. В журналах 1840-х годов статьям по различным вопросам естествознания отводилось весьма значительное место. Герцен в 1840-х годах посещал лекции по анатомии в Московском университете, читал книги по химии, настойчиво разъяснял важность естествознания в «Письмах об изучении природы». «Нам кажется, — писал он в заметке «Публичные чтения г-на профессора Рулье», — почти невозможным без естествоведения воспитать действительно мощное умственное развитие. . .» Белинский был «без ума» от физиологических работ Литтре, для своей дочери приобрел в Париже великолепные зоологические альбомы и мечтал о ее воспитании на естествознании и точных науках. Естественными науками увлекались и Т. Н. Грановский, и В. П. Боткин, и В. Н. Майков, и В. А. Милютин.

Углубилось и усилилось начавшееся еще в 1830-е годы в кружке Герцена изучение социальных проблем. Передовая русская интеллигенция, развивая идеи Радищева и декабристов, мучительно искала ответа на вопрос, что делать, чтобы освободить русский народ от самодержавия и крепостничества, старалась понять законы исторического развития и уяснить будущее России и всего человечества. В связи с этим она проявила большой интерес к различным социалистическим учениям. Книги Фурье, Кабэ, Луи Блана, Прудона и других социалистов-утопистов, по свидетельству П. В. Анненкова, «были во всех руках в эту эпоху, подвергались всестороннему изучению и обсуждению, породили, как прежде Шеллинг и Гегель, своих ораторов, комментаторов, толковников. . .» [1] Среди

---

[1] Воспоминания П. В. Анненкова впервые были опубликованы в «Вестнике Европы» 1880-х годов. В советские годы вышли под ред. и с примеч. Б. М. Эйхенбаума: П. В. Анненков. Литературные воспоминания, «Academia», Л., 1928.

петрашевцев интерес к социально-политическим проблемам даже преобладал над интересом к философии. «Из Франции Сен-Симона, Кабэ, Фурье, Луи Блана и, в особенности, Жорж-Занд лилась в нас вера в человечество, оттуда воссияла нам уверенность, что золотой век не позади, а впереди нас», — писал в цикле «За рубежом» М. Е. Салтыков-Щедрин.

Замечательным опытом самостоятельной пропаганды и популяризации социалистических учений является вышедший в 1845—1846 годах в Петербурге «Карманный словарь иностранных слов, вошедших в состав русского языка» (2 выпуска), изданный Н. Кирилловым и составленный в значительной части М. В. Буташевичем-Петрашевским и В. Н. Майковым. В ряде статей здесь излагались теории различных социалистов-утопистов, рекомендовались их сочинения и восхвалялся идеальный строй, основанный на «гармонии общественных отношений». Белинский, приветствуя выпуск «Карманного словаря» сочувственной рецензией, советовал этим словарем «запасаться всем и каждому! (составлен умно, со знанием дела, словарь превосходен)». [1]

Наряду с социалистическими теориями, общественная мысль России 1840-х годов проявила глубокий интерес и к вопросам политической экономии. «Политическая экономия, на которую романтики и люди феодальные смотрели как на науку слишком материальную, лавочную, как на науку торгашей, в наше время стала наукой государственного управления», — писал в «Письмах об Испании» В. П. Боткин. Изучались классики экономической мысли, появились оригинальные экономические работы. В 1847 году вышел «Опыт о народном богатстве или о началах политической экономии» (в трех томах) А. Бутовского и вызвал оживленную полемику. В журналах публиковались многочисленные статьи на экономические темы, и некоторые из них («Пролетарии и пауперизм в Англии и во Франции», «Мальтус и его противники» В. А. Милютина, «О причинах колебания цен на хлеб в России» А. П. Заблоцкого-Десятовского и др.) явились

[1] Произведения Белинского, кроме специально оговоренных случаев, цитируются по Полному собранию сочинений под ред. С. А. Венгерова, томы XII—XIII под ред. В. С. Спиридонова, 1900—1948.

ценным вкладом в развитие русской социально-экономической мысли.

Главные идейные бои 1840-х годов происходили между защитниками интересов крепостного крестьянства (Белинским, Герценом и их последователями) с одной стороны и защитниками интересов дворянства (славянофилами) и буржуазии (либералами-западниками) — с другой стороны. Вместе с тем революционно настроенная интеллигенция вела постоянную борьбу и с откровенными защитниками реакции и крепостничества — Шевыревым, Погодиным, Булгариным, Бурачком и другими.

В основе мировоззрения Белинского и Герцена лежала диалектика, понятая как «алгебра революции», и материализм, преодолевавший ограниченность фейербаховского антропологизма. Многие статьи и письма Белинского и работы Герцена «Дилетантизм в науке» (1842—1843) и «Письма об изучении природы» (1844—1846) представляют собой замечательнейшие произведения философской мысли. «Первое из «Писем об изучении природы», — «Эмпирия и идеализм», — написанное в 1844 году, показывает нам мыслителя, который, даже теперь, головой выше бездны современных естествоиспытателей-эмпириков и тьмы тем нынешних философов, идеалистов и полуидеалистов», — утверждал В. И. Ленин.[1]

Диалектику и материализм Белинский и Герцен пытались применить и к общественной жизни. «Социализм нам казался самым естественным силлогизмом философии, применением логики к государству», — писал Герцен. «Живое, меткое, оригинальное сочетание идей философских с революционными» Герцен считал важнейшей чертой Белинского.[2] И хотя Белинскому и Герцену не удалось до конца преодолеть идеализм в понимании исторических явлений, все же они пришли к воззрениям более глубоким и правильным, чем современные им историки и социалисты Западной Европы, кроме Маркса и Энгельса. Диалектика дала им возможность увидеть антагонистический и преходящий характер и крепостного и капиталистического строя. Еще в то время, когда капитализм в России только зарождался, они поняли не только его

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 10.

[2] См. «О развитии революционных идей в России» и воспоминания о Белинском в «Былом и думах».

прогрессивность, но и обреченность. Диалектика помогла им обосновать необходимость революционного преобразования общества и возможность нового строя, основанного на отсутствии эксплоатации и политическом равенстве. Социализм органически соединялся в их воззрениях с идеями революционной демократии. В своей общественно-политической и литературной деятельности они выражали интересы крестьянства, в котором крепостной гнет накопил большие революционные силы.

К Белинскому, Герцену и некоторым их друзьям и сторонникам с полным правом можно отнести глубокую характеристику просветителей, данную В. И. Лениным в статье «От какого наследства мы отказываемся?» Ленин писал, что просветители одушевлены «горячей враждой к крепостному праву и *всем его* порождениям в экономической, социальной и юридической области». Для них характерны «защита просвещения, самоуправления, свободы, европейских форм жизни», «отстаивание интересов народных масс, главным образом крестьян. . .» [1] Ленин подчеркивал, что просветителям было чуждо узкое буржуазное своекорыстие, что они искренно боролись за общее народное благосостояние.

Борьба наших революционных просветителей сороковых годов с крепостничеством не мешала им критически относиться к жизни и культуре Западной Европы. К буржуазному строю Белинский и Герцен относились так же враждебно, как и к крепостническому. Они ценили лишь прогрессивные достижения европейских государств и были решительными врагами низкопоклонства перед заграницей и космополитизма, свойственных русскому барству и буржуазным либералам-западникам. В «Мыслях и заметках о русской литературе» Белинский с негодованием писал о «пустоголовых европейцах», восхищающихся всякой европейской дрянью, «для которых Россия не имеет будущего, и в ней все дурно и ничего порядочного быть не может».

Белинскому, Герцену и их единомышленникам вовсе не было чуждо чувство национальной гордости, как это утверждали их противники. Им был враждебен лишь квасной патриотизм, возвеличивавший реакционные сто-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 2, стр. 472.

роны русской жизни и проповедовавший шовинизм и презрение к другим народам. «Любить свою родину — значит пламенно желать видеть в ней осуществление идеала человечества и по мере сил своих споспешествовать этому», — утверждал Белинский в статье о стихотворениях Лермонтова. Революционные демократы 40-х годов уважали русский народ, верили в великое будущее России и считали, что она сможет создать более передовой общественный строй и высокую культуру, чем другие государства. «Завидуем внукам и правнукам нашим, которым суждено видеть Россию в 1940 году, стоящую во главе образованного мира, дающею законы и науке и искусству и принимающею благоговейную дань уважения от всего просвещенного человечества», — писал Белинский в рецензии на «Месяцеслов» на 1840 год.

Разумеется, Белинский и Герцен были не учениками философов и социалистов Запада, как пыталась изобразить их либерально-буржуазная наука, а оригинальными мыслителями, которые самостоятельно разрешали вопросы философии и по-своему осмысливали опыт русской и европейской истории. Их теоретическая мысль была связана с народным освободительным движением в России и опиралась как на достижения европейской культуры, так и на замечательное наследие национальной философии и общественной мысли, на творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя. Выработанные ими воззрения отвечали потребностям русской жизни и во многом превосходили лучшие достижения домарксистской западноевропейской теории. «Эти люди, — писал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода русской литературы» о деятелях, стоявших во главе умственного движения 40-х годов, — уже не зависели ни от каких посторонних авторитетов в своих понятиях... Тут в первый раз умственная жизнь нашего отечества произвела людей, которые шли наряду с мыслителями Европы, а не в свите их учеников, как бывало прежде». [1]

Мировоззрение Белинского и Герцена складывалось на основе преодоления и критики реакционных сторон не-

---

[1] Произведения, письма и дневники Чернышевского цитируются по Полному собранию сочинений, М., 1939—1951.

мецкой философии. «Абсолют им нипочем, — писал Белинский о немецких философах, — но все в чинах и филистеры».[1] Выступление Шеллинга с «философией откровения» приветствовали у нас только Катков, сторонники официальной народности и славянофилы; Белинский и Герцен встретили его иронически и враждебно. «Скоро ли Шеллинг перестанет позориться, т. е. умрет? Право, не стоит жить, чтобы после такой славы на старости лет быть Шевыревым», — писал Белинский Кудрявцеву 15 мая 1846 года.[2]

Жестокой критике со стороны Белинского и Герцена подверглось и учение Гегеля. Белинский свой путь в 1840-е годы начал с того, что проклял «гнусное стремление к примирению с гнусной действительностью», к чему склонился на непродолжительное время вслед за Гегелем и от чего отошел не без влияния споров с Герценом, беспощадно обрушившимся на слабые стороны учения Гегеля. С этого времени Белинский с Герценом шли «рука в руку» и вместе боролись против филистерства и реакционных социально-политических взглядов Гегеля, против отвлеченной умозрительности его идей и непоследовательности его диалектики, обращенной лишь к прошлому, а не к настоящему и будущему, против гегелевского идеализма. Диалектику Гегеля в ее идеалистическом виде усвоили в России только некоторые славянофилы; Герцен же и Белинский восприняли ее как «алгебру революции» и начали материалистически перерабатывать ее. «Эти люди, — писал Чернышевский, — открыли пробелы и непоследовательности системы Гегеля, увидели погрешности в ее выводах, несогласие ее принципов с результатами, основных идей с применениями, постигли и односторонность принципов. . .» («Очерки гоголевского периода. . .»).

Оценив по достоинству великое значение диалектического метода, Белинский и Герцен не могли, естественно, не понять недостатков философии Фейербаха. Для них были очевидны и метафизическая ограниченность и созерцательный характер материализма Фейербаха. Они стре-

---

[1] Письмо к М. Н. Каткову и А. П. Ефремову от 6 апреля 1842 г.— «Литературное наследство» № 56, М., 1950.

[2] Письма Белинского цитируются по изданию: Белинский. Письма, три тома. Ред и примеч. Е. А. Ляцкого, СПБ., 1914.

мились не только к объяснению действительности, но к ее революционному изменению. Теория была у них неотделима от общественно-политической практики. Белинский и Герцен были свободны и от фейербаховского антропологизма. Для них человек являлся не только биологическим, но и общественным существом.

В конце 1840-х годов некоторые либералы-западники начали увлекаться входившими тогда в моду теориями позитивизма и вульгарного естественно-научного материализма. В. П. Боткин в 1844—1845 годах слушал в Париже лекции О. Конта и был в восхищении от них. В связи с этим у него появляется «неуважение к немецкой философии», т. е. к диалектике. В. Н. Милютину казалось, что естествознание отменяет философию и психологию, что только от физиологии и естественных наук можно ожидать «сознания основных начал и действительных законов общественной жизни».[1]

Белинский и Герцен справедливо увидели в позитивизме и естественно-научном материализме учения, которые не только не двигали вперед философскую мысль, но тянули ее назад. «Конт, — писал Белинский к Боткину 17 февраля 1847 года, — человек замечательный; но чтоб он был основателем новой философии — далеко кулику до Петрова дня!..» Белинский и Герцен правильно утверждали, что явления духовной жизни человека, и тем более общественной жизни людей, не могут быть до конца объяснены физиологией, естествознанием. Герцен в «Письмах об изучении природы» резко порицал эмпирический вульгарный материализм естествоиспытателей, который «шел прямо на уничтожение всего невещественного, отрицал всеобщее, видел в мысли отделение мозга, в эмпирии единый источник знаний, а истину признавал в одних частностях, в одних вещах, осязаемых и зримых...» По мнению Герцена, «философия без естествоведения так же невозможна, как естествоведение без философии». С Герценом был согласен Белинский.[2]

---

[1] См. письмо Боткина к Анненкову от 26 ноября 1846 года в книге «П. В. Анненков и его друзья», СПБ., 1892, и статью В. Н. Милютина «Мальтус и его противники» — «Современник» 1847, № 9.

[2] См., например, письмо Белинского к Боткину от 17 февраля 1847 года.

Социально-политические взгляды Белинского и Герцена тоже формировались не только в процессе усвоения положительных достижений утопического социализма, но и в процессе преодоления его слабых сторон. Герцен и Белинский ценили в утопическом социализме критику буржуазного строя и «величайшие пророчества будущего», но совершенно отчетливо сознавали его практическую беспочвенность и бессилие. «Люди смелые на критику были слабы на создание, — писал про европейских социалистов-утопистов Герцен в 1847 году в «Письмах из Франции и Италии», — все фантастические утопии двадцати последних годов проскользнули мимо ушей народа; у народа есть реальный такт, по которому он, слушая, бессознательно качает головой и не доверяет отвлеченным утопиям. . .» Белинский решительно возражал против механического применения абстрактных учений современных социалистов-утопистов к России, ее общественным нуждам и запросам. Особенно резко критиковал он иллюзорные надежды утопистов на мирный переход человечества к социализму. «Смешно и думать, — писал он Боткину в сентябре 1841 года,— что это может сделаться само собою, временем, без насильственных переворотов, без крови».

Белинский и Герцен шли к научному социализму. Их мысль развивалась в том же направлении, в каком развивалась тогда мысль Маркса и Энгельса. Из мыслителей домарксовской эпохи русские революционные демократы Белинский и Герцен, Чернышевский и Добролюбов ближе всех подошли к диалектическому материализму, но отсталость крепостной России помешала им правильно понять законы общественного развития.

Тем не менее заслуги Белинского и Герцена в истории развития общественной и философской мысли исключительно велики. Своими выступлениями против религии и идеализма, обскурантизма и политической реакции и пропагандой материализма и диалектики, социализма и демократии они произвели настоящую идейную революцию в сознании русского общества. Их идеи отвечали на задачи, поставленные историческим развитием России, выражали интересы народа и чрезвычайно способствовали развитию революционного движения в нашей стране. Они были учителями петрашевцев, Чернышевского и Добролюбова, нескольких поколений прогрессивной русской

интеллигенции и своей теоретической деятельностью подготовили почву для появления и распространения марксизма в России, для возникновения высшего достижения русской и мировой культуры — ленинизма. В своей классической работе «Что делать?» В. И. Ленин писал: «...*роль передового борца может выполнить только партия, руководимая передовой теорией.* А чтобы хоть сколько-нибудь конкретно представить себе, что́ это означает, пусть читатель вспомнит о таких предшественниках русской социал-демократии, как Герцен, Белинский, Чернышевский и блестящая плеяда революционеров 70-х годов; пусть подумает о том всемирном значении, которое приобретает теперь русская литература...» [1]

Под сильнейшим влиянием идей Белинского и Герцена сложился в середине 1840-х годов в Петербурге кружок петрашевцев. В него входили многие литераторы: Ф. М. Достоевский, М. Е. Салтыков, А. Н. Плещеев (известное стихотворение которого «Вперед без страха и сомненья» заслужило название «гимна петрашевцев»), В. Н. Майков, С. Ф. Дуров, А. И. Пальм и др. Пропаганда социализма соединялась у петрашевцев с критикой крепостнической России, с мечтами «всю эту жизнь мучений, бедствий, нищеты, стыда, срама превратить в жизнь роскошную, стройную, веселья, богатства, счастья...» [2] Петрашевцы воспитывались на статьях Белинского и Герцена, огромное впечатление в их среде произвело письмо Белинского к Гоголю, многие петрашевцы сотрудничали в «Отечественных записках» и некрасовском «Современнике». «Петрашевцы, — писал Герцен в «Былом и думах», — были нашими меньшими братьями, как декабристы — старшими».

Петрашевцы развивали в демократическом духе идеи и традиции декабристов. Их объединение было очень пестрым и по своему социальному составу и по своей идеологии. Среди петрашевцев были и дворяне, и разночинцы, и мирные вольнодумцы-мечтатели, и такие замечательные революционеры и социалисты, как М. В. Буташевич-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 5, стр. 342.

[2] Д. Д. Ахшарумов. Речь на обеде в день рождения Фурье. Цитирую по книге П. Сакулина «Русская литература и социализм», изд. 2-е, т. I, М., 1924, стр. 317.

Петрашевский, Н. А. Спешнев. Последний, как известно, стремился превратить «заговор идей» в тайную революционную организацию.

К передовому направлению общественной мысли 1840-х годов примыкал и кружок известного переводчика Диккенса и историка литературы Иринарха Введенского. Прозванный Погодиным «отцом нигилистов», Введенский объединил вокруг себя в 1840-е годы нескольких молодых людей, к которым принадлежал и Н. Г. Чернышевский, бывший тогда студентом Петербургского университета. Уже в 1840-е годы, под влиянием передовых идей того времени, Чернышевский стал социалистом и революционным демократом. Осенью 1848 года он записал в свой дневник: «Мне кажется, что я стал по убеждению в конечной цели человечества решительно партизаном социалистов и коммунистов и крайних республиканцев».

Белинский, Герцен и их последователи вели ожесточенную идейную борьбу против славянофилов, к которым принадлежали К. С. и И. С. Аксаковы, И. В. и П. В. Киреевские, А. С. Хомяков, Ю. Ф. Самарин и некоторые другие представители московской дворянской интеллигенции.

Противопоставление Европы и России, путей и перспектив их исторического развития является коренной идеей славянофилов. Они решительно отвергали прогрессивные формы общественно-политических отношений и передовые явления духовной культуры Западной Европы. Особенно отрицательно относились они к европейскому революционному движению, социалистическим учениям, материалистической философии.

Славянофилы считали, что у России особый, самобытный путь исторического развития, и жестоко нападали на своих противников за их якобы слепое преклонение перед европейскими порядками и презрение к русскому народу. Славянофилы идеализировали допетровскую Русь и мечтали о патриархальных отношениях между крестьянами и дворянством, монархией, православной церковью. Они полагали, что в России не будет ни революций, ни капитализма, что ей останутся чужды и опасные учения социалистов и философия, оторванная от веры. Особые надежды в связи с этим они возлагали на сельскую общину, в которой видели оплот против разрушительных потрясений и безверия.

Славянофильство возникло как дворянская реакция на развитие капитализма и революционного движения в России и Европе, на распространение идей социализма и материализма, на деятельность Белинского и Герцена. Критика некоторых пороков буржуазного строя была связана у славянофилов с апелляцией к феодальному прошлому; выступления за самостоятельность русской культуры соединялись с борьбой против ее наиболее прогрессивных достижений, а симпатия к русскому народу — с ложными представлениями о нем как о народе смиренном, богобоязненном и верноподданном.

Известно, что многие славянофилы возмущались крепостным правом и высказывались за освобождение крестьян, но, разумеется, в своей критике крепостничества они были очень умеренны, ни при каких условиях не мыслили расстаться со своими дворянскими привилегиями и предполагали освободить крестьян «сверху». Известно также, что славянофилы довольно резко критиковали режим Николая I, справедливо считая, что правящие круги петербургской аристократии и бюрократии плохо заботятся о национальных интересах России. Именно поэтому правительство Николая I относилось к славянофилам с недоверием, преследовало их, запрещало их издания. Но, конечно, и в отношении к самодержавию славянофилы не шли дальше дворянского либерализма и всегда были убежденными сторонниками монархии.

Не следует противопоставлять учение славянофилов взглядам руководителей и ближайших сотрудников журнала «Москвитянин» — М. Н. Погодина, С. П. Шевырева, М. А. Дмитриева, Ф. Н. Глинки и др. Различия между тем и другими не имеют принципиального характера и сводятся лишь к оттенкам. Погодин, Шевырев и их единомышленники, в отличие от славянофилов, были «добросовестно раболепны» (Герцен) и далеки от какой бы то ни было критики крепостничества и самодержавия. Погодин и Шевырев развивали теорию «официальной народности», основные принципы которой были сформулированы еще в 1830-е годы министром просвещения Уваровым («православие, самодержавие, народность») и которая выражала интересы правительства и наиболее реакционных кругов русского дворянства.

Между славянофилами и руководителями «Москвитянина» возникали трения. Иногда славянофилы пытались совершенно отделить себя от таких «союзников», как Погодин, Шевырев, М. Дмитриев и другие.

На битвы выходя святые,
Да будем чисты меж собой! —
Вы прочь, союзники гнилые,
А вы, противники, на бой! —

писал в стихотворении «К союзникам» К. Аксаков.

Однако попытки славянофилов отмежеваться от руководителей «Москвитянина» успеха не имели. Белинский и Герцен справедливо считали, что славянофильское учение весьма близко теории «официальной народности» и, подобно последней, стремится увековечить экономическую, политическую и культурную отсталость крепостнической России. «Мы видели в их учении новый елей, помазывающий царя, новую цепь, налагаемую на мысль, новое подчинение совести раболепной византийской церкви», — писал Герцен в «Былом и думах».

Острая идейная борьба между Белинским, Герценом, их союзниками и славянофилами заполняет собою все 1840-е годы. Она велась повсюду — в журналах, университетах, гостиных — и хотя касалась преимущественно вопросов философских, научных, литературных, но под ними явственно обозначались разногласия социально-политического характера. Спор, писал Анненков в своих воспоминаниях, «принужден был держаться на литературной, философской, эстетической и частью археологической аренах и притворяться, никого, впрочем, не обманывая, невинным спором различных видов одного и того же русского патриотизма, а иногда даже и пустым разногласием двух школьных партий... В сущности дело шло... о создании программы для будущего развития государства».

Обострение отношений между Белинским, Герценом и славянофилами относится к 1842 году и связано с полемикой Белинского и К. Аксакова по поводу «Мертвых душ» и с известным памфлетом Белинского «Педант», направленным против Шевырева, но вызвавшим недовольство и в среде славянофилов.

В последующие годы борьба еще более усилилась.

Особенно разгорелась она в связи с публичными лекциями Грановского по истории Западной Европы, которые тот начал читать осенью 1843 года. Лекции Грановского собрали до 300 слушателей (весь цвет московской интеллигенции) и имели большое общественное значение. Чаадаев назвал их «историческим событием», Анненков — «событием политическим». Они хотя и были основаны на идеалистической концепции исторического процесса, но носили ярко выраженный политический характер и были направлены против официальной народности и славянофильства. «Хочу полемизировать, ругаться и оскорблять... Постараюсь заслужить и оправдать вражду моих врагов», — писал Грановский Кетчеру 15 ноября 1843 года, приступая к чтению лекций.[1]

Многие славянофилы и еще более Погодин и Шевырев отнеслись к лекциям Грановского отрицательно. «Они обвиняли Грановского в пристрастии к западному развитию, к известному порядку идей, за которые Николай из идеи порядка ковал цепи да посылал в Нерчинск», — вспоминал Герцен.

Являясь профессорами университета, Погодин и Шевырев решили дать отпор Грановскому и противопоставить его выступлениям свой курс лекций. С этой целью осенью 1844 года Шевырев начал публичные лекции по истории русской словесности. Это и был ответ Грановскому со стороны руководителей «Москвитянина» и славянофилов.

Славянофилы были в восторге от лекций Шевырева и подняли вокруг них сильную шумиху. Хомяков писал о лекциях Шевырева пространные письма, И. В. Киреевский посвятил их разъяснению статью в «Москвитянине», Н. М. Языков воспел «подвиг» Шевырева в специальном стихотворении. Герцен и его друзья, не имея возможности оценить лекции Шевырева в печати, развернули против них активную агитацию в университете и в московских гостиных. «Партия Чаадаева и партия Грановского — что почти одно и то же — кричат и вопят, видя его [Шевырева] победу и одоление... — писал Н. М. Язы-

---

[1] Письма Грановского опубликованы в книге «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897.

ков. — Аксаков говорит, что боится, как бы не было драки на лекции, и готовит себя и кулаки свои в защиту православия».[1]

Борьба враждебных направлений приняла еще более острые формы, когда Языков, желая защитить Шевырева и его курс от нападений его противников и «раздразненный своими друзьями», выступил в конце 1844 года с циклом воинственных «проклятий в стихах», направленных против «не наших»: Белинского, Герцена, Грановского, Чаадаева. Стихотворения эти обвиняли «не наших» в безбожии и измене родине и граничили с доносом. Они заставили Герцена разорвать личные отношения со славянофилами, а Грановского едва не довели до дуэли с Петром Киреевским. Герцен счелся с «денонсациями» Языкова и в печати — в помещенном в февральской книжке «Отечественных записок» за 1845 год фельетоне «Москвитянин» и вселенная».

Неоднократно и наиболее непримиримо выступал против славянофилов Белинский. В 1845 году, в статье «Взгляд на русскую литературу 1844 года», он подверг жестокой критике славянофильских поэтов Хомякова и Языкова, а в статье о повести В. Соллогуба «Тарантас» нанес беспощадный удар по И. В. Киреевскому и славянофильским теориям.

Последнее крупное столкновение Белинского и славянофилов относится к 1847 году. Во второй книжке «Москвитянина» за этот год Ю. Ф. Самарин поместил статью «О мнениях «Современника» исторических и литературных». В ней он нападал на натуральную школу в литературе и на Белинского. «Современник» ответил Самарину статьями Белинского и К. Д. Кавелина. В своем «Ответе «Москвитянину» Белинский блестяще защищал «натуральную школу» и оспаривал стремление славянофилов присвоить себе «монополию на симпатию к простому народу». Спорить с Самариным о себе Белинский отказался, справедливо полагая, что «публика и сама

---

[1] В. Шенрок. Н. М. Языков — «Вестник Европы» 1897, № 12, стр. 644. Подробно о публичных курсах Грановского и Шевырева рассказано в моей статье «Грановский и Шевырев», напечатанной в «Ученых записках» Ленинградского гос. университета, серия филолог. наук, вып. 3, 1939.

увидит разницу» между ним и «каким-нибудь баричем, который изучал народ через своего камердинера».

Против славянофильства и официальной народности Белинский и Герцен выступали иногда вместе с либералами-западниками: Грановским, Кавелиным, Боткиным, Анненковым и другими. Это было возможно в те годы, когда еще не обнаружились с достаточной определенностью противоречия труда и капитала, на арену истории не выступили массы и была слаба разночинная демократия; «...либерал сочувствовал демократии, пока демократия не приводила в движение настоящих масс», — писал В. И. Ленин.[1] В сущности же Белинский и Герцен и либералы-западники уже в 1840-х годах стояли по разные стороны баррикады. Белинский и его единомышленники были сторонниками народной революции, а либералы ратовали за реформы. Революционные демократы подвергали критике капиталистические порядки, либералы-западники восхваляли их.

Кавелин в своих воспоминаниях о Белинском так характеризует отношения между Белинским и Грановским: «Это были две натуры совершенно противоположные...» Белинский «выходил из себя от гармонической, сосредоточенной умеренности и идеальности Грановского», Грановский говорил, что Белинский «страшно увлекается и впадает в крайность». «Если бы эти натуры, — заключает Кавелин, — не сплочали в теснейший союз внешние обстоятельства, благородство общих стремлений, личная безукоризненность и сумасшедший гнет мысли, науки и литературы сверху, Белинский и Грановский, наверно бы, разошлись, как Грановский впоследствии разошелся с Герценом».[2]

Нечто подобное можно сказать и про отношения Белинского с Боткиным, Анненковым и самим Кавелиным.

Уже в 1840-х годах противоречия между представителями революционной демократии и либералами прини-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 16, стр. 109.

[2] Воспоминания Кавелина о Белинском опубликованы в т. III Собрания его сочинений и перепечатаны в сборнике «Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948. Оценку воспоминаний Кавелина и некоторых других мемуаров о Белинском см. в статье И. Сергиевского «Борьба за наследие Белинского» — «Литературное наследство» № 55, М., 1948.

мают настолько острый характер, что Белинский и Герцен начинают решительно выступать не только против славянофилов, но и против западников. С другой стороны, либералы, напуганные ростом влияния Белинского и усилением крестьянского революционного движения, становятся открытыми врагами демократов. «Либерал отвернулся от демократии, когда она втянула массы, начавшие осуществлять *свои* задачи, отстаивать *свои* интересы», — писал В. И. Ленин.[1]

Еще в 1840 году Грановский пытался возобновить журнал «Московский наблюдатель», с тем чтобы противопоставить его как «Отечественным запискам» и Белинскому, так и Герцену и Огареву. В качестве ближайших сотрудников журнала Грановский предполагал пригласить либералов Корша, Крюкова, Редкина. «Распространение Humanität — вот цель. Дрянной публике мы угождать не станем», — так характеризовал Грановский направление журнала. Белинский оценил намерение Грановского как «вздорное предприятие» и предсказывал, что «толку не будет никакого». Проект Грановского действительно остался неосуществленным.[2]

В самом начале 1840-х годов Белинский и Герцен резко разошлись с Грановским по вопросу об отношении к Робеспьеру и якобинцам, иначе говоря, по вопросу о революционном насилии. Белинский заявлял тогда, что любит человечество «маратовской любовью», и утверждал, что «тысячелетнее царство божие утвердится на земле не сладенькими и восторженными фразами идеальной и прекраснодушной Жиронды, а террористами — обоюдоострым мечом слова и дела Робеспьеров и Сен-Жюстов». Белинского поддерживал Герцен, считавший, что Робеспьер — «истинно великий человек революции».[3] Умеренный же Грановский ставил «чистую и святую» Жиронду гораздо выше «мелкого, дрянного» Робеспьера и решительно осуждал революционные идеи Белинского. «Тебе

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 16, стр. 109.

[2] См. письмо Грановского к Станкевичу от 4 марта 1840 года и письмо Белинского к Боткину от 16 апреля 1840 года.

[3] Письмо Герцена к Белинскому, относящееся к маю 1842 года, — «Литературное наследство» № 56, М., 1950.

нравится личность Робеспьера потому, что он удовлетворяет делами своими твоей ненависти к аристократам, и т. д.», — писал он Белинскому.

Несколько позднее борьба со славянофилами еще более отчетливо выявила противоречия между Белинским и либералами-западниками. Дело в том, что, при всех своих частных разногласиях, и либералы и славянофилы были противниками революции и возлагали надежды на реформы сверху. Из воспоминаний Анненкова известно, что Грановский даже заявлял, что по многим вопросам он сочувствует гораздо более славянофилам, чем Белинскому и «Отечественным запискам». Это знали и славянофилы. «Хорошо будет, если ты тоже к Грановскому сходишь, — писал Ю. Самарин К. Аксакову. — Нападем на него вдвоем, врасплох, этот человек, видимо, колеблется». [1] Что же касается Белинского, то он не только постоянно негодовал на «модерацию» и «идеальность» Грановского, но справедливо обвинял даже Герцена в том, что его отношения к славянофилам «попахивают умеренностью и благоразумием житейским». «Плюю в лицо всем Хомяковым, и будь проклят, кто осудит меня за это!», — писал он Боткину 6 февраля 1843 года.

Когда же Грановский и Герцен приняли участие в торжественном обеде, организованном славянофилами по случаю окончания публичных лекций Грановского, и там мирились и целовались со своими противниками, а Грановский в это же время поместил одну из своих статей в «Москвитянине», Белинский прислал Герцену письмо «вроде диссертации», в котором горячо обрушился на прекраснодушных москвичей: «Я жид по натуре и с филистимлянами за одним столом есть не могу, — писал он. — Грановский хочет знать, читал ли я его статью в «Москвитянине». Нет и не буду читать; скажи ему, что я не люблю ни видеться

---

[1] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, т. II, стр. 418—419. — Ср. в письме Хомякова Самарину конца 1846 года: «Слышно, что Грановский как будто начинает сомневаться в правоте своего направления». (Письма Хомякова собраны в томе VIII Полного собрания его сочинений, М., 1904.)

с друзьями в неприличных местах, ни назначать им там свидания». [1]

Очень глубокие и серьезные разногласия обнаружились в 1845—1846 годах между Герценом и Огаревым с одной стороны и Грановским — с другой. В центре споров стоял вопрос о материализме и бессмертии души, а поводом к ним послужили «Письма об изучении природы» Герцена. Грановский, не находя аргументов против учения о единстве духа и материи, оказался тем не менее не в силах порвать с идеализмом и отказаться от веры в потустороннее существование. «Личное бессмертие мне необходимо», — только и мог сказать он Герцену в ответ на его замечание, «что современное состояние науки *обязывает* нас к принятию кой-каких истин, независимо от того, хотим мы или нет».

Другим предметом спора явился вопрос о социализме и революции. Анненков вспоминает, что Герцен связывал переворот, произведенный материализмом «в области метафизических идей, с политическим переворотом, который возвещали социалисты, в чем Герцен опять сходился с Белинским». Грановский же, по словам Анненкова, смотрел на социализм как на «опасную болезнь века», а переворот, предвещаемый социалистами, «не вызывал у него ни малейшей симпатии, никаких радужных надежд или ожиданий». Идеалы Грановского, как и других либералов, не шли дальше парламентарного строя при сохранении монархии. [2]

Как показал дальнейший ход событий, «теоретический разрыв» между Белинским, Герценом и западниками не только не был изжит, но, наоборот, еще более отчетливо определился и углубился.

Одним из реальных проявлений усиливающихся противоречий был переход Белинского, Герцена, Некрасова, Панаева в 1846 году из «Отечественных записок» в «Современник». После этого «Современник» становится органом революционной демократии, а «Отечественные

---

[1] Письмо не сохранилось. Приведенный отрывок частично записан Герценом в дневнике 17 мая 1844 года, а полностью приведен в «Былом и думах».

[2] Споры Герцена с Грановским описаны в «Былом и думах» Герцена и в воспоминаниях Анненкова.

записки» быстро линяют и превращаются в орган буржуазного либерализма.

В своих статьях в «Современнике» Белинский и Герцен ведут борьбу на два фронта: не только против славянофилов, но и против либералов-западников, преклоняющихся перед буржуазной цивилизацией и буржуазным парламентаризмом. В этом отношении весьма характерна полемика по вопросу об исторической роли буржуазии, которая возникла в связи с появлением в «Современнике» «Писем из Avenue Marigny» Герцена. В своих «Письмах» Герцен горячо нападал на буржуазию, буржуазный строй и культуру. Это вызвало недовольство у Боткина, Грановского, Анненкова, Корша, которые взяли буржуазию под свою защиту. Герцена поддержал Белинский, который, считая развитие капитализма в России явлением прогрессивным, в то же время был как нельзя более далек от восторженного отношения к буржуазии.

Спор о буржуазии разоблачил истинное лицо либералов. Он обнаружил, что Боткин и другие западники пренебрежительно относятся к России и русскому народу, в то время как Белинский и Герцен являются убежденными патриотами и прекрасно видят глубокие пороки и язвы современной Европы.

В этом плане показательна и полемика Белинского с В. Н. Майковым по вопросу о космополитизме. В своих статьях, печатавшихся в 1846—1847 годах в «Отечественных записках», Майков показал себя защитником космополитизма; он считал, что нация может оказывать только вредное влияние на развитие культуры. Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» решительно выступил против «фантастического космополитизма» и европеизма Майкова и других и убедительно показал как теоретическую несостоятельность концепции Майкова, так и ее практическую порочность.

Вообще в последние годы жизни Белинского борьба между революционными демократами и либералами-западниками с каждым днем становилась все более и более острой. Боткин, Кавелин, Анненков и другие открыто и резко выступают в это время против народа и социализма, материализма и диалектики и с испугом

встречают революцию 1848 года. Революционно-демократические и материалистические убеждения Белинского и Герцена становятся в эти годы еще более глубокими и воинственными. Несколько позднее Герцен порвет с либералами и все личные связи; смерть помешала это сделать Белинскому. [1]

---

[1] Из новых работ, освещающих общественно-политическое и философское движение 1840-х годов, отметим книгу Д. И. Чеснокова «Мировоззрение Герцена», М., 1948, и стенограмму публичной лекции Б. Д. Дацюка «Основные направления в русском общественно-политическом движении 30—40-х годов XIX века», М., 1950.

2. ЛИТЕРАТУРНОЕ ДВИЖЕНИЕ 1840-х ГОДОВ

Общественное движение 1840-х годов, естественно, сопровождалось очень важными изменениями в русской литературе. Как русская философия и социальная мысль перешли от абстракций и утопий к жизни и практике, так и русская литература того времени обратилась от вымысла и фантазий к истине и действительности. 1840-е годы — это период окончательного падения романтизма и торжества реализма в русской литературе. «Если бы нас спросили, — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года», — в чем состоит отличительный характер современной русской литературы, мы отвечали бы: в более и более тесном сближении с жизнью, с действительностью, в большей и большей близости к зрелости и возмужалости... Таланты были всегда, но прежде они *украшали природу, идеализировали действительность,* т. е. изображали несуществующее, рассказывали о небывалом, а теперь они воспроизводят жизнь и действительность в их истине».

В связи с подъемом освободительного движения и обострением идейно-политической борьбы в 1840-х годах русская литература сильнее проникается общественными интересами. Романтические представления о «чистом», отрешенном от жизни и ее запросов искусстве, о равнодушном к толпе художнике теряют свою былую популярность и заменяются у передовой части литераторов представлениями о социальных задачах искусства, о художнике-гражданине — выразителе общественных идей

своей эпохи. «В наше время, — констатировал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года», — искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов, потому что в наше время эти вопросы стали общее, доступнее всем, яснее, сделались для всех интересом первой степени, стали во главе всех других вопросов».

Усиление крестьянской борьбы за землю и волю, появление в общественном движении и литературе 1840-х годов разночинцев, распространение идей социализма и демократии повлекли за собою и радикальную демократизацию русской литературы. В своем основном русле она была тесно связана с пламенной проповедью Белинского, деятельностью петрашевцев. Протест и ненависть, стремления и надежды широких масс трудового народа России нашли свое выражение в лучших произведениях художественной литературы 1840-х годов. «Вся литература времен Николая была оппозиционной литературой... — писал Герцен в статье «Новая фаза русской литературы». — Слагая песни, она разрушала; смеясь, она подкапывалась. Раздавленная в газете, она возрождалась на университетской кафедре; преследуемая в поэме, она продолжала свое дело в курсе естественных наук».

Утвердившаяся на путях реализма и «социальности», русская литература была совершенно самостоятельной и самобытной. Многие передовые писатели Западной Европы — Жорж Санд, Бальзак, Диккенс, Гейне, Беранже и другие — пользовались самой широкой популярностью и любовью у русских литераторов-реалистов 1840-х годов, но это не мешало последним итти своей дорогой, избегая подражания и заимствований. «Повести г. Гончарова, г. Григоровича, Л. Н. Т. [Л. Н. Толстого], г. Тургенева, комедии г. Островского так же мало наводят вас на мысль о заимствовании, так же мало напоминают вам что-либо чужое, как романы Диккенса, Теккерея, Жорж-Занд», — справедливо утверждал Чернышевский в «Очерках гоголевского периода».

После всего сказанного понятно, почему в 1840-е годы были почти забыты или отодвинуты на второй план Марлинский, Бенедиктов, Кукольник, Загоскин, Н. Полевой и другие ранее популярные писатели, которых Белинский относил к «риторической школе» в литературе.

Некоторые из этих писателей риторической школы продолжали печататься и отстаивать свои позиции: несколько романов и драм написал Кукольник, два романа выпустил Загоскин, издавали свои сочинения Н. Полевой, Сенковский, Булгарин. Однако все их попытки завоевать расположение читателей были безуспешны.

Падение в 1840-е годы авторитета писателей риторической школы было неизбежно уже потому, что их произведения были далеки от действительности, от русской жизни и от ее властных запросов. Искусство, основанное на убеждении, что не следует обращать внимание на обыденную жизнь, на «пошлую» современность, что надо изображать лишь необыкновенные страсти исторических героев или артистических личностей, естественно, вошло в противоречие с коренными принципами и потребностями русской жизни 1840-х годов.

Связь многих писателей риторической школы с идеологией официальной народности явилась другой причиной падения их славы. Народностью своего творчества гордились и Кукольник, и Загоскин, и Полевой, и сотрудники «Москвитянина», и сотрудники «Маяка», но это была реакционная псевдонародность. В их произведениях царил дух квасного патриотизма, воздавалась хвала самодержавию, церкви, крепостничеству, идеализировались и приукрашивались отрицательные стороны старинного русского быта.

Произведения «ложно-величавой школы, — вспоминал И. С. Тургенев, — проникнутые самоуверенностью, доходившей до самохвальства, посвященные возвеличиванию России — во что бы то ни стало, в самой сущности не имели ничего русского: это были какие-то пространные декорации, хлопотливо и небрежно воздвигнутые патриотами, не знавшими своей родины. Все это гремело, кичилось, все это считало себя достойным украшением великого государства и великого народа, — а час падения приближался». [1]

---

[1] «Литературные и житейские воспоминания» — Сочинения, т. XI, Л., 1934. «Воспоминания Тургенева о Белинском» перепечатаны в сборнике «Белинский в воспоминаниях современников», М., 1948.

Огромное влияние на русскую литературу 1840-х годов оказало творчество Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова. В 1830-е годы Пушкин и Гоголь не были еще в полной мере поняты и оценены критикой и читателями, теперь наступила пора их торжества и самого широкого признания. С большим интересом встретило русское общество издание в 1841 году трех последних томов (9, 10, 11) первого собрания сочинений Пушкина, где были впервые опубликованы повесть «Дубровский», ряд стихотворений и статей поэта. В следующем году потрясающее впечатление на читателей произвели «Мертвые души» Гоголя, появившиеся после длительного молчания их автора. В Лермонтове многие, уже после его первых выступлений в печати, увидели достойного преемника погибшего Пушкина; первые издания в 1840 году его стихотворений и «Героя нашего времени» и посмертная публикация его произведений в «Отечественных записках» упрочили за ним эту славу. Горячо приветствовала передовая русская интеллигенция стихотворения А. В. Кольцова. Она по достоинству оценила народность песен и дум поэта. Безвременная смерть Кольцова, как незадолго перед ней трагическая гибель Лермонтова, вызвала многочисленные сочувственные отклики и отзывы.

Реалистическое и подлинно народное искусство Пушкина, Гоголя, Лермонтова, Кольцова почти совершенно подорвало влияние риторической школы и эпигонов романтизма в русской литературе. Стала очевидной фальшь и неестественность «красоты» и «народности» их произведений. Уже в 1842 году Белинский отмечал в статье «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке»: «Публика прочла «Капитанскую дочку» и посмертные произведения Пушкина, познакомилась в театре с «Ревизором», заучила наизусть стихи Лермонтова и много раз перечла его «Героя нашего времени»... Какой шаг вперед! Удивительно ли, что эта публика даже не дочла до конца «Девы чудной» [Сенковского] и назвала ее «девою скучною»... Публика даже не стала читать ни «Эвелины де Вальероль» [Кукольника], ни «Двух призраков» [Ф. Фан-Дима], ни «Альфа и Альдоны» [Кукольника], а нарасхват раскупила «Мертвые души».

Особенно большую роль в борьбе с отжившими свой век литературными направлениями сыграл, по справед-

ливому мнению Белинского, Гоголь: «Гоголь убил два ложные направления в русской литературе: натянутый, на ходулях стоящий идеализм, махающий мечом картонным, подобно разрумяненному актеру, и потом — сатирический дидактизм» («Взгляд на русскую литературу 1843 года»).

Пушкин, Лермонтов и, в особенности, Гоголь подготовили почву для возникновения новой литературной школы, получившей тогда название натуральной, и появления целой плеяды таких замечательных писателей, как Тургенев, Герцен, Некрасов, Достоевский, Гончаров, Салтыков и др. На основе наследия Пушкина, Гоголя, Лермонтова, а также под влиянием подъема освободительного движения и критики Белинского, русская литература достигает в 1840-е годы необычайного расцвета. Ни одно десятилетие XIX века не было столь богато новыми и притом великими талантами. Выступление писателей так называемой натуральной школы, иначе говоря, могучее развитие русского реализма — это самое важное событие литературной жизни 1840-х годов, значение которого далеко выходит за пределы и литературы и своей эпохи.

Натуральная школа — школа русского реализма — складывалась постепенно. В начале 1840-х годов число писателей, которые принадлежали или примыкали к ней, было еще очень незначительно, а их произведения не представляли ничего выдающегося. «Беден был хорошими писателями 1842 год, но прошлый 1843-й оказался еще беднее», — жаловался Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1843 года». Повести Гребенки, И. И. Панаева, Соллогуба, «Записки одного молодого человека» Герцена, очерки Даля, поэма Тургенева «Параша» были первыми ласточками нового направления. Белинский приветствовал появление этих произведений, иногда даже преувеличивая их достоинства.

Перелом наступил в середине 1840-х годов. В 1845—1846 годах были напечатаны: первая часть романа Герцена «Кто виноват?», «Бедные люди» Достоевского, «Деревня» Григоровича, «Помещик» Тургенева, «Псовая охота», «В дороге», «Колыбельная песня», «Петербургские углы» Некрасова. В эти же годы Некрасов издал два замечательных альманаха — «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». Последний, по словам

Белинского, представлял собою «еще небывалое явление в нашей литературе» и был настоящим манифестом новой литературной школы. Уже один перечень имен участников этого альманаха показывает его значение. В нем поместили свои произведения Достоевский (его «Бедные люди» были «гвоздем» альманаха), Тургенев, Некрасов, Герцен, Белинский, И. И. Панаев и другие.

Конец 1840-х годов был временем полного торжества реалистического направления в русской литературе. Появляется еще несколько новых замечательных писателей: Гончаров, Салтыков, Островский, еще целый ряд прекрасных произведений: «Обыкновенная история», «Сон Обломова», рассказы из «Записок охотника», вторая часть романа «Кто виноват?», «Сорока воровка», «Свои люди — сочтемся», «Антон Горемыка» и другие.

Все попытки помешать развитию нового литературного направления и росту его влияния были безуспешны, хотя недостатка во врагах у него не было. Натуральная школа, — писал Белинский в «Ответе «Москвитянину», — «с ожесточением преследуется двумя литературными школами — неестественною, или риторическою, состоящей из отставных беллетристов, и славянофильскою». Против натуральной школы выступали с критическими статьями, с пародиями (например, «Повесть о том, как господа Петушков, Цыпленков и Тетеркин сочиняли повести» Маркиза Глаголь, т. е. К. Масальского — «Сын отечества» 1843, кн. IV), с веселыми водевилями и комедиями («Натуральная школа» Каратыгина, «Натуральная школа» Н. Куликова) и даже с доносами.

В обзоре русской литературы за 1847 год Белинский писал: «Натуральная школа стоит теперь на первом плане русской литературы... Какие журналы пользуются большей известностью, имеют более обширный круг читателей и большее влияние на мнение публики, как не те, в которых помещаются произведения натуральной школы? Какие романы и повести читаются публикой с особенным интересом, как не те, которые принадлежат натуральной школе, или, лучше сказать, читаются ли публикой романы и повести, не принадлежащие к натуральной школе? Какая критика пользуется бо́льшим влиянием на мнение публики... как не та, которая стоит за натуральную школу против риторической?»

Реалистическое направление собрало под свои знамена почти всех лучших и наиболее передовых писателей 1840-х годов. Их объединяло общее преклонение перед художественным творчеством Гоголя, признание авторитета Белинского в области литературы, общее стремление к реализму и изображению жизни обыкновенных людей, но в идейно-политическом отношении они стояли подчас довольно далеко друг от друга.

В произведениях таких писателей, как Герцен, Некрасов, Салтыков, слышалось глубокое сочувствие к народным массам, к идеям революции и социализма, и беспощадно критиковалась самодержавно-крепостническая действительность; в произведениях Гончарова и Григоровича сказывался умеренный либерализм авторов. Даже наиболее близкий к демократам Тургенев — и тот в своей критике крепостничества не поднимался (подобно Герцену и Некрасову) до революционных выводов. Что же касается Достоевского, то после «Бедных людей» он в «Двойнике», «Господине Прохарчине» и «Хозяйке» далеко отошел от идей и принципов, пропагандируемых Белинским, от критического реализма.

Иначе говоря, борьба между революционными демократами и либералами отражалась (в несколько более осложненных формах) и в литературе.

Как уже говорилось, основной принцип нового литературного направления — реализм, правдивое изображение действительности. Само название натуральной (пущенное в оборот Булгариным как бранное и подхваченное и переосмысленное Белинским) школа получила за свое стремление к реалистическому воспроизведению всех сторон жизни; в сущности говоря, термин натурализм в 1840-х годах означал реализм. «Так называемую натуральную школу нельзя упрекнуть в риторике, разумея под этим словом вольное или невольное искажение действительности, фальшивое идеализирование жизни», — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года».

Очень существенной чертой писателей натуральной школы был их глубокий интерес к жизни простого народа: крепостного крестьянства, городской бедноты, мелкого чиновничества, разночинной интеллигенции. Вслед за Пушкиным и Гоголем они обратились к изображению

низших слоев русского общества, обыкновенных героев, обыденного быта. Гоголь обратил «внимание на толпу, на массу, а не на приятные только исключения из общего правила», — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года». Произведения писателей 1840-х годов о бедных людях, о деревне, о петербургских углах чрезвычайно расширили область явлений действительности, получивших право на изображение в искусстве. Новый герой — выходец из народных низов, крестьянин, разночинец — завоевывает литературу.

В свое время это обращение писателей натуральной школы к воспроизведению «низкой действительности» и новых героев воспринималось многими как весьма опасное новшество.

В водевиле Каратыгина «Натуральная школа» распевались такие куплеты:

Мы натуры прямые поборники,
Гении задних дворов:
Наши герои — бродяги да дворники,
Чернь петербургских углов!

Эстетический и политический смысл подобных нападений на натуральную школу очевиден — в нем сказался испуг реакционеров перед демократизацией русской литературы. Горячо защищал обращение писателей к «низкой действительности» Белинский.

Произведения писателей, продолжавших традиции Гоголя, проникнуты духом отрицания реакционных явлений действительности. Реализм натуральной школы — это критический реализм. «Отрицание составляет действительно преобладающее направление новой школы», — утверждал Белинский.

Самой жестокой критике подвергалось в произведениях передовых писателей 1840-х годов крепостное право и все его политические, бытовые, идеологические следствия. «В моих глазах, — вспоминал Тургенев, находившийся, как известно, в 1840-е годы под сильным влиянием Белинского, — враг этот имел определенный образ, носил известное имя: враг этот был — крепостное право. Под этим именем я собрал и сосредоточил все, против чего я решился бороться до конца — с чем я поклялся никогда не примириться... Это была моя Аннибаловская

клятва; и не я один дал ее себе тогда» («Литературные и житейские воспоминания»). Действительно, не только Тургенев считал своим долгом борьбу с крепостным правом, но и многие другие писатели — его современники, и не только «Записки охотника» раскрывали зло, ужас и несправедливость крепостного рабства, но и «Кто виноват?», и «Сорока воровка» Герцена, и стихотворения Некрасова, «Деревня» и «Антон Горемыка» Григоровича, и «Сон Обломова» Гончарова.

С такой же беспощадной правдой показывали произведения писателей-реалистов 1840-х годов социальные пороки городского уклада жизни, губительную власть денег и чинов, противоречия бедности и богатства. Следуя традициям «петербургских повестей» Гоголя, с жуткой простотой рисуют Некрасов и Салтыков жалкое положение скромных тружеников, трагическую нищету обитателей углов. Герою повести Салтыкова «Запутанное дело», замученному нуждой Мичулину, человеческое общество представляется в виде пирамиды, в подножии которой, придавленные страшной тяжестью, в муках корчатся бедняки.

Ненависть к господствующим классам крепостной России соединялась у передовых писателей 1840-х годов с любовью и уважением к угнетенному русскому народу, простым, маленьким людям города и деревни. Великие демократические идеи гуманизма, нашедшие столь яркое выражение в творчестве Пушкина и Гоголя, получили дальнейшее развитие в литературе 1840-х годов. Тургенев показал в «Записках охотника» величие и красоту души крепостного русского крестьянина, повести Салтыкова, «Петербургские углы» Некрасова, «Бедные люди» Достоевского полны сострадания к униженным труженикам города, Герцен с глубоким сочувствием писал о русской интеллигенции. Горячо ратовала русская литература 1840-х годов за раскрепощение женщины от общественного гнета и домостроевских семейных отношений. «Дворяне изображены подлецами и скотами, а учитель, сын лекаря и прижитая с крепостной девкой дочь — образцы добродетели», — доносил Булгарин управляющему III отделением Дубельту по поводу романа Герцена «Кто виноват?»

Писатели, группировавшиеся вокруг Белинского, сурово осуждали и рефлексию русских гамлетов, и беспочвенную

мечтательность молодого Адуева, и бездейственность Бельтова, и лень Обломова. Иногда в их произведениях звучат ноты сочувствия к «лишним людям» (как к жертвам среды и обстоятельств), но нет в них ни оправдания, ни идеализации их.

В некоторых произведениях литературы 1840-х годов прекраснодушным и пассивным идеалистам и романтикам противопоставляются в качестве положительных героев трезвые буржуа-предприниматели. Особенно это характерно для Гончарова — создателя образов Адуева-дяди, а позднее Штольца и Тушина. Это, несомненно, было связано с тем восторженным отношением к буржуазии, которое было свойственно Боткину и другим западникам. Однако сколько-либо широкого распространения в литературе 1840-х годов преклонение перед предпринимательством и промышленно-капиталистической деятельностью не имело. И Белинскому и передовым писателям того времени положительные идеалы Гончарова казались узкими и бедными. Но другой положительный герой — защитник народных интересов, человек революционного действия — еще не получил широкого распространения в России, и литература того времени не нарисовала его. Известную роль в этом отношении сыграли и цензурные условия.

Это не означает, что в художественных произведениях 1840-х годов не нашли отражения революционные идеи и настроения. Сквозь все цензурные рогатки проникали они в литературу. «Не могу надивиться глупости цензоров, пропускающих подобные сочинения, — писал Плетнев Гроту 27 марта 1848 года о повести Салтыкова «Запутанное дело». — Тут ничего больше не доказывается, как необходимость гильотины для всех богатых и знатных». [1]

Тот же «вредный образ мыслей» сказался и в известном стихотворении Плещеева, считавшемся гимном петрашевцев:

Вперед! Без страха и сомненья
На подвиг доблестный, друзья!
Зарю святого искупленья
Уж в небесах завидел я!

---

[1] Переписка Я. К. Грота с П. А. Плетневым издана в трех томах в 1896 году.

Смелей! Дадим друг другу руки
И смело двинемся вперед,
И пусть под знаменем науки
Союз наш крепнет и растет.

Жрецов греха и лжи мы будем
Глаголом истины карать,
И спящих мы от сна разбудим
И поведем на битву рать!

Столь же несомненны социалистические тенденции повестей Герцена и некоторых других произведений 1840-х годов. Критика крепостничества и неравенства, защита интересов народных масс велась в них с социалистических позиций, под влиянием социалистических учений. «Мало-помалу литературные произведения прониклись социалистическими стремлениями и настроениями, — писал Герцен в известной работе «О развитии революционных идей в России», — романы и рассказы... протестовали против существующего строя общества с точки зрения более широкой, чем чисто политической». «Благородно, велико и свято призвание поэта, который хочет быть провозвестником братства людей!» — писал Белинский в рецензии на стихотворения П. Штавера.

Вместе с содержанием натуральная школа изменила и художественные формы русской литературы. 1840-е годы стали временем преобладания прозы над поэзией в нашей литературе, торжества прозаических жанров: романа, повести, очерка — над жанрами стихотворными. Если в конце 1820-х годов И. В. Киреевский, выражая распространенное настроение, восклицал: «для счастья жизни, для красоты жизни, для возвышенности жизни необходимо писать стихи»,[1] то в эпоху Белинского и натуральной школы, пожалуй, никто не решился бы повторить эти слова. «Бывало, стихи и стишки составляли отраду и утешение нашей публики, — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года». — Их читали, перечитывали, учили наизусть, покупали, не жалея денег, или переписывали в тетрадки... Стихотворцы являлись без

[1] Из письма И. В. Киреевского к А. И. Кошелеву от 1 октября 1828 года — Полное собрание сочинений И. В. Киреевского, т. I, М., 1911, стр. 12.

счету, росли, как грибы после дождя. Теперь не то. Стихи играют второстепенную в сравнении с прозою роль».

Любопытно, что этот переход первенства от поэзии к прозе можно весьма наглядно продемонстрировать на творчестве самих писателей натуральной школы. Многие из них — Тургенев, Герцен, Гончаров, Салтыков — отдали в начале своего пути ту или иную дань поэзии, а затем перешли к прозе, и это было не только их личной особенностью, но и характерной чертой того времени. Общая атмосфера захватила даже такого прирожденного поэта, как Некрасов. И он в 1840-е годы был больше прозаиком, чем стихотворцем, и написал значительно больше рассказов, повестей, романов и водевилей, чем стихотворений.

1840-е годы были временем расцвета русского романа и повести, которые заняли тогда ведущее место в нашей литературе. «Роман и повесть стали теперь во главе всех других родов поэзии», — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года». Наряду с романом и повестью очень характерен для натуральной школы, с ее стремлением к всестороннему и детальному познанию действительности, жанр «физиологического очерка». В этом отношении чрезвычайно симптоматичным произведением был изданный Некрасовым в 1845 году двухтомный сборник «Физиология Петербурга». В сборнике были помещены очерки: Даля («Петербургский дворник»), Григоровича («Петербургский шарманщик»), Панаева («Петербургский фельетонист»), Гребенки («Петербургская сторона»), Некрасова («Петербургские углы») и статьи Белинского «Петербург и Москва», «Петербургская литература» и «Александринский театр».

В сущности говоря, процесс вытеснения поэзии прозой относится еще к 1830-м годам, но тогда преобладала проза романтическая, с необыкновенными героями и страстями, сложными драматическими сюжетами, экзотической, далекой от реальной русской жизни обстановкой. Тогда писали повести итальянские, восточные, светские, философско-фантастические, исторические. Теперь же проза стала реалистической — с обыкновенными героями, с обычными житейскими сюжетами, с будничной, обыден-

ной обстановкой. Гончаров даже в названии своей повести подчеркнул ее антиромантический характер: «Обыкновенная история».

Изменился в известной степени и язык прозы. И в лексике и в синтаксисе он освободился от всяких прикрас, вычурностей, всего пышного и «поэтического» и стал проще и доступнее. Язык произведений реалистов 1840-х годов — это язык, отразивший перемены, происходившие в жизни, с довольно большим количеством слов, перешедших в литературу из философии, науки и публицистики, а в иных случаях (например, в физиологических очерках) — с неизбежными диалектизмами. Новые идеи и воззрения, новый подход к действительности, естественно, сказались и на языке литературы.

Основные причины преобладания в 1840-е годы прозы над поэзией и расцвета романа и повести очевидны. Роман и повесть предоставляли наибольший простор для всестороннего воспроизведения действительности, постановки сложных общественных вопросов, для наилучшего выявления всех основных особенностей нового реалистического направления в литературе. Поэтому и толстые журналы того времени (пришедшие на смену стихотворным альманахам 1820-х — 1830-х годов), как и их новый демократический читатель, проявляли значительно больший интерес к прозе, чем к поэзии. «Это самый широкий, всеобъемлющий род поэзии... — писал о романе и повести Белинский. — На его долю преимущественно досталось изображение картин общественности, поэтический анализ общественной жизни» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Поэзия отошла тогда на второй план вовсе не потому, что не было поэтов или они мало писали. Известно, что в 1840-е годы со стихами выступали не только такие известные поэты, как Баратынский и Языков, но и целый ряд молодых поэтов: Некрасов, А. Майков, Фет, Полонский, Огарев, Плещеев, Тургенев и др.

Но в 1840-е годы даже сборники стихов Баратынского, Языкова, А. Майкова, Фета, Полонского прошли довольно незаметно, потому что Баратынский и Языков оказались не в ладах с современностью и передовой общественной и философской мыслью, а поэзия Майкова, Фета, Полонского была далека от гражданских интересов

и имела по преимуществу узко личный, камерный характер. Иначе говоря, русская поэзия 1840-х годов в меньшей мере прониклась прогрессивными принципами реализма, чем проза. А передовые читатели требовали и от поэтов откликов на жгучие вопросы современности, проникновения в сущность противоречий действительности, глубокой социальной мысли. «Для успеха в поэзии теперь мало одного таланта: нужно еще и развитие в духе времени, — писал Белинский в статье о стихотворениях Аполлона Майкова. — Поэт уже не может жить в мечтательном мире: он уже гражданин царства современной действительности. . .»

В известной мере запросам передовых читателей отвечали стихотворения и поэмы Тургенева, Огарева, Плещеева, а также поэмы А. Майкова «Две судьбы» и «Машенька». Но только один среди поэтов того периода вполне отразил в своей поэзии «дух времени». Это — Некрасов. Его огромная заслуга заключалась в том, что не только в прозе, но и в стихотворных жанрах он смело шел по пути критического реализма. Такие стихотворения Некрасова, как «Чиновник», «Еду ли ночью», «Колыбельная песня», «В дороге», «Псовая охота», «Современная ода», и по своей тематике и по своим художественным принципам неразрывно связаны с реалистической прозой 1840-х годов, в том числе и его собственной. Для них характерны и верность изображения русской жизни, и отрицательное отношение к существующей действительности, и обращение к «низкой» тематике.

Еще медленнее, чем поэзией, овладевал реализм драматургией. Репертуар русской сцены пополнялся в 1840-е годы главным образом за счет переведенных и переделанных мелодрам и водевилей, а также за счет оригинальных псевдопатриотических драм Кукольника, Н. Полевого, Ободовского и водевилей Кони, Каратыгина, Ленского и др. «Наша драматическая литература составляет какую-то особую сферу вне русской литературы, — писал Белинский. — Гений ее — г. Кукольник; ее первоклассные таланты — гг. Полевой и Ободовский; за ними идет уже мелочь» («Русская литература в 1842 году»).

Однако уже в конце 1840-х годов натуральная школа одержала важные победы и в русской драматургии. Тогда были написаны пьесы Тургенева «Завтрак у пред-

водителя», «Нахлебник», «Холостяк» и главное «Свои люди — сочтемся» («Банкрот») Островского. «Я считаю на Руси три трагедии: «Недоросль», «Горе от ума», «Ревизор». На «Банкруте» я ставлю номер четвертый», — заявил, познакомившись с комедией Островского, В. Одоевский.[1] Действительно, как Некрасов завоевал для критического реализма русскую поэзию, так Островский, опираясь на гоголевские традиции, направил по дороге критического реализма русскую драматургию.

Достижения передовой русской литературы 1840-х годов имеют совершенно исключительное значение. Чрезвычайно выросла роль художественной литературы в общественной жизни России, усилилось ее влияние на русское освободительное движение. «Литература у народа, не имеющего политической свободы, — писал Герцен, — единственная трибуна, с высоты которой он может заставить услышать крик своего негодования и своей совести» («О развитии революционных идей в России»). Творчество выдающихся писателей, выступивших в 1840-е годы, определило характер развития русской литературы почти на всю вторую половину XIX века. Утвержденные передовыми писателями 1840-х годов принципы критического реализма, общественного служения искусства, гуманности стали главными особенностями всей русской литературы.[2]

---

[1] Из письма В. Ф. Одоевского к приятелю-помещику от 20 августа 1850 года — «Русский архив» 1879, № 4, стр. 525.

[2] Из последних работ о литературном движении 1840-х годов см. статью Я. Эльсберга «Идейная и литературная борьба 40-х годов XIX века» — «Литература в школе» 1950, № 3.

3. КРИТИКА И ЖУРНАЛИСТИКА 1840-х ГОДОВ

В связи с расцветом художественной литературы и общим идейным подъемом в 1840-е годы высоко поднялось значение литературной критики. Она стала играть исключительно важную роль в жизни русского общества и в развитии русской культуры. Так как прямое распространение философских и социальных идей и учений в России того времени было почти невозможно, политические отделы в журналах были запрещены, передовая критика стала разрешать не только литературные, но и все «проклятые вопросы» эпохи. «Можно сказать без преувеличения, что пока еще только в искусстве и литературе, а следовательно, в эстетической и литературной критике, выражается интеллектуальное сознание нашего общества», — писал Белинский («Речь о критике...», статья 1). Критика не только раскрывала смысл и характер творчества различных писателей, указывала русской литературе плодотворные пути развития, но и была средоточием русской философской и общественно-политической мысли. Передовой критик становится «властителем дум» общества, а литературно-критические статьи оказывают необычайно сильное влияние не только на воспитание эстетических вкусов, но и на формирование политических взглядов читателей. «Много я ездил по России, — писал И. Аксаков родителям 9 октября 1856 года, — имя Белинского известно каждому сколько-

нибудь мыслящему юноше, всякому жаждущему свежего воздуха среди вонючего болота провинциальной жизни».[1]

Многие ранее популярные критики в 1840-е годы теряют свой авторитет, будучи не в силах понять и оценить новые явления умственной и литературной жизни. Надеждин в 1840-е годы совсем замолчал. Н. Полевой до конца своей жизни продолжал защищать отсталую романтическую эстетику и выступал против творчества Гоголя и натуральной школы. Вся критическая деятельность Шевырева была направлена на борьбу с теорией и практикой критического реализма. Никаким влиянием не пользовались и критические выступления профессоров Плетнева и Никитенко. Плетнев писал чрезвычайно бесцветно и вяло, боясь открыто и прямо выражать свои литературные взгляды, а Никитенко безуспешно старался примирить немецкую идеалистическую эстетику со «стихией общественности и действительности».

Разрешение задач, выдвинутых перед литературной критикой всем ходом развития общественной жизни и литературы, пало на долю Белинского. Он стал руководителем русской литературы и идейной жизни 1840-х годов. Еще в 1830-х годах, усвоив положительные стороны критической деятельности Пушкина и декабристов, Надеждина и Полевого, Белинский начал бороться с реакционными и архаическими идеями в русской критике. Позднее, опираясь на диалектику и материализм, исходя из новых эстетических принципов реализма и революционно-демократической народности, Белинский разъяснил русскому обществу значение творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, оценил по достоинству произведения молодых писателей натуральной школы. Вместе с тем Белинский превратил литературную критику в орган передовой общественно-политической мысли. Выработав свои эстетические взгляды под воздействием русской классической литературы, обобщив ее опыт и осветив ее достижения, Белинский в свою очередь оказал огромное влияние на развитие художественной литературы и критической мысли.

---

[1] Письма И. С. Аксакова, кроме особо оговоренных случаев, цитируются по четырехтомному изданию: «И. С. Аксаков в его письмах», М., 1888—1896.

Передовые принципы русской критики складывались в ожесточенной борьбе. Литературные споры 1840-х годов носили крайне острый характер. Еще Чернышевский правильно объяснял это в «Очерках гоголевского периода» тем, что спорящие стороны «заботились не столько о чисто эстетических вопросах, сколько вообще о развитии общества». Первая крупная литературная битва 1840-х годов разгорелась в связи с выходом в свет первого издания «Героя нашего времени» и «Стихотворений» Лермонтова. Белинский был единственным критиком, по достоинству и правильно оценившим творчество Лермонтова. В противоположность Н. Полевому, утверждавшему, что «за полдюжины пьесок, весьма недурных» и за плохую прозу Лермонтов не может быть назван великим поэтом и «представителем русской прозы», Белинский поставил Лермонтова рядом с Пушкиным как великого национального поэта. В противоположность Булгарину, пытавшемуся истолковать «Героя нашего времени» как нравоучительный роман, доказывающий гибельность неверия и отрицания, Белинский справедливо нашел, что роман Лермонтова «это грустная дума о нашем времени», что в образе Печорина воплощен критический дух «нашего века».

Полемика о Лермонтове возобновилась в 1843 году в связи с посмертной публикацией произведений поэта в «Отечественных записках» и выходом в свет второго издания его стихотворений. На этот раз Белинский отстаивал творчество Лермонтова от нападений Сенковского и особенно Шевырева. Поводом к полемике с Шевыревым послужила вышедшая тогда впервые известная «Хрестоматия» А. Д. Галахова. Шевырев в своей пространной рецензии на «Хрестоматию» возмутился тем, что Галахов поместил в ней произведения Лермонтова рядом с произведениями Карамзина, Жуковского, Крылова, Шиллера, Гете и явно предпочел Лермонтова «лучшим лирикам современности» — Языкову, Хомякову и Бенедиктову.

Шевыреву отвечал Галахов, но по вопросам современной литературы и особенно по вопросу о Лермонтове в спор вмешался Белинский. В самой резкой форме он высмеял утверждения Шевырева о подражательности Лермонтова и заявил, что любое его стихотворение выше

«лучших стихотворений гг. Языкова, Хомякова и Бенедиктова».[1]

В 1842 году возникли горячие споры по поводу «Мертвых душ» Гоголя. Белинский боролся и против врагов Гоголя и против его ложных друзей. В своих «Литературных и журнальных заметках» за 1842 год он показал всю неосновательность и пустоту обвинений, выдвинутых против «Мертвых душ» Сенковским, Гречем и Булгариным, которые, как известно, не нашли в поэме Гоголя ничего, кроме «клеветы на Россию», «грубости» и «неправильного слога». Столь же убедительно выступил Белинский против мнений, высказанных о «Мертвых душах» Шевыревым. Он показал, что Шевырев напрасно приписывает себе честь «открытия» дарования Гоголя, пытаясь прикрыть свое отрицательное отношение к «Мертвым душам» бессодержательными похвалами. Он очень удачно разоблачил сущность той псевдонародности, к которой Шевырев старался склонить Гоголя, высмеяв восторги критика «Москвитянина» перед неиспорченной натурой кучера Селифана и перед «радушием», с которым Селифан изъявляет готовность быть высеченным. В противовес Шевыреву Белинский развил свое понимание «Мертвых душ» как гениального произведения, антикрепостнического по своему социальному содержанию и критического по характеру реализма.

Особенно горячий спор по поводу «Мертвых душ» произошел между Белинским и К. Аксаковым. На брошюру Аксакова о «Мертвых душах» Белинский ответил специальной рецензией, на «объяснение» противника — «объяснением на объяснение». Фанатик славянофильства К. Аксаков нашел, что «Мертвые души» знаменуют собой возрождение древнего эпоса, который был доведен до упадка на Западе и снова возникает у нас в России. В связи с этим он и трактовал «Мертвые души» как эпопею русской народной жизни, совершенно умалчивая о критическом и антикрепостническом характере поэмы Гоголя. Естественно, что Белинский решительно возра-

---

[1] Об отношении Белинского к Лермонтову и о борьбе вокруг творчества Лермонтова в русской критике см. статью Н. И. Мордовченко «Лермонтов и русская критика 40-х годов» — «Литературное наследство» № 43—44, М., 1941.

жал против мнений Аксакова. «В «Илиаде», — писал он, — жизнь возведена в апофеозу; в «Мертвых душах» она разлагается и отрицается; пафос «Илиады» есть блаженное упоение, проистекающее от созерцания дивно божественного зрелища; пафос «Мертвых душ» есть юмор, созерцающий жизнь *сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слезы»*.

Борьба вокруг творчества Гоголя развернулась еще сильнее в 1847 году, после выхода известной книги «Выбранные места из переписки с друзьями». Эта книга вызвала многочисленные и самые противоречивые отклики в русском обществе и критике. Реакционные круги приветствовали «Выбранные места». Со статьями, одобряющими ее, выступили Булгарин, Шевырев, Вяземский и другие. Они решили, что в новой книге Гоголь порывает с прежним сатирическим направлением и переходит на их позиции. Они использовали «Выбранные места» для атаки на Белинского и натуральную школу.

Белинский в статье о «Выбранных местах», помещенной в «Современнике», а еще более решительно в знаменитом зальцбруннском письме к Гоголю, дал отпор реакции, поднявшей книгу Гоголя на щит. Он беспощадно осудил «Выбранные места» как проповедь кнута, невежества, обскурантизма и мракобесия, как защиту самодержавия, крепостничества, церкви. Однако отношение Белинского к прежним произведениям Гоголя не изменилось. В противовес Шевыреву и Вяземскому, он продолжал считать Гоголя великим писателем — основоположником «отрицательного направления» и натуральной школы в русской литературе. Известно, что письмо Белинского к Гоголю получило широкое распространение среди прогрессивной интеллигенции 1840-х годов и оказало огромное влияние на развитие русского революционного движения, общественной мысли и литературы. [1]

---

[1] Об отношении Белинского к Гоголю и о борьбе вокруг творчества Гоголя в критике 1840-х годов см. статью Н. И. Мордовченко «Белинский в борьбе за Гоголя в 40-е годы» — Сборн. «Белинский. Статьи и материалы», изд. Ленингр. гос. университета, 1949.

Во второй половине 1840-х годов споры о Гоголе были неотделимы от споров о натуральной школе. После выхода в свет «Петербургского сборника» вопрос о натуральной школе стал в центре литературно-критической борьбы. Против натуральной школы и отрицательного направления в литературе неоднократно выступали и Булгарин, и Шевырев, и славянофилы. Булгарин упрекал натуральную школу в пристрастии к изображению низкой действительности, Шевырев — в пренебрежении к «чистому искусству», К. Аксаков и Самарин — в односторонне-отрицательном подходе к действительности и презрении к народу. В обзорах русской литературы за 1846 и 1847 годы и в «Ответе «Москвитянину» Белинский блестяще вскрыл отсталость литературно-эстетических принципов врагов натуральной школы, разъяснил ее прогрессивное значение, высоко поднял знамя критического реализма.

В конце жизни Белинского обнаружилось, что его критика встречает отрицательное отношение не только со стороны реакционеров и славянофилов, но и со стороны либералов-западников. Кое-кому из либералов уже тогда казалось, что литературно-критические взгляды Белинского устарели и нуждаются в исправлении.

Так, Боткин, проповедовавший позитивизм и «практическое направление» в философии и политике, требовал «дельности» и «практической идеологии» от литературы и критики. «Белинский, — писал он Анненкову 26 ноября 1846 года, — почти освободясь от гегелианских теорий, еще крепко сидит в художественности, и от этого его критика еще далеко не имеет той свободы, оригинальности, того простого и дельного взгляда, к которым он способен по своей природе... Немецкие теории чуть не убили здравый смысл в нашей критике, и если Белинский успел-таки сберечь его в себе, зато сколько же и нагородил он дикостей на своем веку!» Может показаться, что в своем протесте против немецких теорий и художественности Боткин выражает прогрессивные тенденции русской мысли, преодолевающей идеалистические абстракции немецкой философии и эстетики. На самом же деле Боткин, как буржуазный либерал, призывал к полному отказу от диалектики в философии и от рассмотрения художественных особенностей и эстетической

ценности произведений искусства во имя позитивизма, «практической идеологии» и «промышленных интересов».

Либеральным кривотолкам об «устарелости» и «отсталости» критики Белинского отдал дань и талантливый критик 1840-х годов В. Н. Майков. Его критическая деятельность продолжалась недолго — немногим больше года, но он успел написать довольно много и приобрести себе популярность.

Несомненно, что Майков как критик испытал на себе сильнейшее влияние Белинского. Вслед за Белинским он решительно выступает против идеалистической эстетики, отрывающей искусство от земли, от действительности, против классицизма и романтизма, которые изображали «жизнь несуществующую». Как и Белинский, Майков был горячим защитником реализма Гоголя и натуральной школы. «Верность действительности, — утверждал он в статье о Вальтер Скотте, — составляет такое существенное условие всякого изящного произведения, что человек, одаренный художническим талантом, никогда не произведет ничего противного этому условию». [1] Характеризуя творчество В. Одоевского, Майков показывает, что на основе чудесного и мистицизма нельзя создать подлинно поэтического произведения.

Вслед за Белинским Майков был пропагандистом гражданского, социального направления в литературе. «Мы, — писал он в статье о В. Одоевском, — требуем теперь, да и всегда, кажется, будем требовать, от литературы выражения общества, его развития, духа народа». Именно поэтому Майков чрезвычайно высоко оценил Кольцова, как поэта, который на богатство и бедность смотрит «так же серьезно, как самый ревностный политико-эконом», и создал «истинный chef d'oeuvre экономической поэзии» — стихотворение «Что ты спишь, мужичок?» За попытку показать общественно-экономические противоречия современного города похвалил Майков «Петербургские вершины» Буткова.

Влияние Белинского определило наиболее сильные стороны критики Майкова. Именно поэтому Чернышевский даже в статье Майкова о Кольцове, — в которой наи-

---

[1] Статьи В. Майкова цитируются по изданию: В. Майков. Критические опыты, СПБ., 1889.

более очевидно сказались серьезные ошибки Майкова, — находил прекрасные места и полагал, что она хотя и «направлена, повидимому, против статьи Белинского, но в сущности представляет развитие мыслей, высказанных Белинским» (рецензия на «Стихотворения Кольцова» 1856 г.).

Однако как в своем мировоззрении, так и в своей критике Майков развивал иногда взгляды несколько упрощенные и путаные. Не определив до конца своего места в идейно-политической борьбе, не отличаясь последовательностью воззрений, Майков колебался между демократами и либералами и допускал в своих выступлениях очень серьезные ошибки. С одной стороны, он был связан с петрашевцами и вместе с Петрашевским редактировал «Карманный словарь» Кириллова, а с другой стороны, он выступал против Белинского в защиту космополитизма. Вместе с тем Майков был сторонником «положительного, реального мышления», и на его критике сказалась ограниченность позитивизма. Естественно поэтому, что критические выступления Белинского казались ему бездоказательными, а их страстный тон — диктаторским.

Сущность «научной», «опытной» критики и эстетики Майков понимал скорее как объективист, чем как диалектик. Он отрицал активную роль эстетической теории и критики и ограничивал их задачи лишь исследованием условий творческой деятельности. Современная эстетика, — утверждал Майков в статье «Нечто о русской литературе 1846 года», — «отказалась навсегда от титла руководительницы художественного таланта: сфера ее ограничивается *исследованием обстоятельств*, сопровождающих зачатие, развитие и выражение художественной мысли». Сами литературные произведения были для Майкова по преимуществу материалом для изучения истории общества, а не могучим средством преобразования действительности. С этой точки зрения он и оценивал их «полезность».

Наиболее ярко недостатки «позитивной» критики Майкова сказались в его споре с Белинским о Кольцове. В то время как Белинский трактовал Кольцова как народного русского поэта, Майков увидел в нем поэта-космополита, который якобы вышел за пределы национальной «ограниченности» и даже борется с ней с позиций

общечеловеческой цивилизации. В то время как Белинский считал, что в поэзии Кольцова отразились свойственные русскому народу душевный размах и удаль, могучий порыв к воле и страстный протест против нужды и угнетения, Майков выдвигал в качестве основных тем «экономической поэзии» Кольцова «физический труд, любовь к полезной работе, деньги, выручаемые по́том и терпением». В статье Майкова о Кольцове с неоспоримой ясностью сказались его космополитические заблуждения, идеализация буржуазной цивилизации, недооценка роли народных масс в истории.

Другой серьезной ошибкой Майкова как критика была защита им «Двойника» Достоевского, который он приветствовал как симптом отхода литературы от традиций Гоголя к индивидуалистическому психологизму.

Обвинения Майковым критики Белинского в ненаучности были столь же неосновательны, как и упреки Боткина по поводу преданности Белинского «немецким теориям». Критика Белинского опиралась на передовые научные и философские принципы и была совершенно самостоятельна. Опираясь на материалистическую философию и диалектику, на идеи революции и социализма, Белинский поднял русскую литературно-критическую мысль на такую высоту, до которой не могли, конечно, подняться ни идеалистическая эстетика Гегеля, ни, тем более, эстетика позитивизма. Эстетическое учение Белинского проложило широкий путь для развития критического реализма и сыграло огромную роль в развитии русской и мировой критики и литературы. «Лучшая традиция советской литературы, — говорил А. А. Жданов, — является продолжением лучших традиций русской литературы XIX века, традиций, созданных нашими великими революционными демократами — Белинским, Добролюбовым, Чернышевским, Салтыковым-Щедриным, продолженных Плехановым и научно разработанных и обоснованных Лениным и Сталиным». [1]

---

[1] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», Госполитиздат, 1946, стр. 26. О критике 1840-х годов см. классическую работу Н. Г. Чернышевского «Очерки гоголевского периода русской литературы» и книгу Н. И. Мордовченко «Белинский и русская литература его времени», М.—Л., 1950.

Претерпевает серьезные изменения в 1840-е годы и русская журналистика.[1]

Стали разнообразнее, чем прежде, самые типы периодических изданий. Наряду с такими литературными ежемесячниками, как «Отечественные записки», «Библиотека для чтения» и другие, выходят театральный журнал «Репертуар и Пантеон», первый русский журнал карикатур «Ералаш»,[2] еженедельный иллюстрированный журнал, рассчитанный на широкие слои читающей публики, «Иллюстрация» Н. Кукольника (1845—1849), журналы, предназначенные для определенного круга читателей, вроде изданий военного министерства «Журнал для чтения воспитанникам военно-учебных заведений» (1836—1863) или «Чтение для солдат» (1848—1897).[3]

Растет значение газет. В ряде губернских городов упрочилось, введенное по предписанию правительства в 1838 году, издание «Губернских ведомостей». Кроме официальных лиц, в них принимала участие местная интеллигенция, а иногда и политические ссыльные (Герцен в Вятке и Владимире и другие). Наряду с официальными материалами «Губернские ведомости» давали сведения о культурной жизни провинции, помещали статьи этнографического характера, произведения народного творчества и т. п. Из старых газет начинает приобретать популярность газета «Санктпетербургские ведомости», перешедшая в руки А. Н. Очкина, который придал им солидный характер и умеренно-либеральное направление. В Москве

---

[1] Краткую характеристику русской журналистики 1840-х годов дает Б. Д. Дацюк в лекции «Русская журналистика 40-х годов XIX века. Журнально-публицистическая деятельность В. Г. Белинского» (Высшая партийная школа при ЦК ВКП(б). Курс журналистики), М., 1948.

[2] «Ералаш» (1846—1849) издавался известным карикатуристом 1840-х годов М. Л. Неваховичем и выходил четыре раза в год. Он затрагивал злободневные темы петербургского быта, театра, литературы. Делали журнал сам Невахович и Н. А. Степанов — позднее редактор «Искры». Острый и мастерский по исполнению «Ералаш» пользовался успехом.

[3] Журналы военного министерства по своему направлению, разумеется, соответствовали видам правительства. В отделе словесности они обычно перепечатывали произведения Бенедиктова, Хомякова, Кукольника, Ф. Глинки, Шевырева и др.

в 1847 году выходила газета «Московский городской листок», находившаяся под влиянием славянофилов.

В издательское дело все больше проникают капиталистические начала, вытесняющие патриархальные, меценатские, «домашние» нравы и принципы. Издание некоторой части журналов приняло просто коммерческий характер. Функции редактора постепенно отделяются от функций предпринимателя-издателя и перестают объединяться в одном лице. Сотрудники журнала — литераторы не считают уже постыдным делом получение вознаграждения за свой труд; не безразличной для них становится и величина гонорара. Издатели используют высокие гонорары как одно из средств объединения нужных сотрудников вокруг своего журнала. Увеличивается количество профессиональных журналистов и литераторов, для которых журнальная и литературная работа является единственным средством существования.

Литературные журналы приобретают совершенно исключительное значение. Среди читателей они вызывают толки, споры, горячие симпатии и антипатии. Книгопродавцы жалуются на падение книжной торговли вследствие конкуренции со стороны журналов. С негодованием писал о «журнальном периоде» в истории русской литературы Шевырев. Напротив, весьма положительно оценивал непрерывно возрастающее влияние журналов Герцен. По его мнению, они «распространили в последние двадцать пять лет огромное количество знаний, множество понятий, идей. Они давали возможность жителям Омской или Тобольской губернии читать романы Диккенса или Жорж-Занда через два месяца после их появления в Лондоне или Париже» («О развитии революционных идей в России»). Журналы действительно проникали глубоко в провинцию, везде находили своего читателя, везде способствовали расширению круга читающей публики. Рядом с дворянским читателем растет читатель из чиновничества, купечества, духовенства, крестьян.

Толстые ежемесячники, отзывчиво откликаясь на все существенные явления умственной жизни общества, вобрав в себя почти всю оригинальную и переводную беллетристику (и не только стихи, очерки и рассказы, но и объемистые повести и романы), обзаведясь солидно поставленным отделом «Науки и искусства» и разнообразно

подобранной «Смесью», превратились в чрезвычайно важный фактор социально-политического и культурного движения и сделались центром идейной жизни страны. Еще более важное место, чем прежде, стала занимать в журналах литературная критика. Журнал, пренебрегавший критикой, весьма проигрывал в глазах читателей. «Критика должна составлять душу, жизнь журнала, — писал Белинский еще в 1830-х годах, — должна быть постоянным его отделением, длинною, не прерывающеюся и не оканчивающеюся статьею» («Ничто о ничем»).

Вместе с тем журналы приобрели большую, чем раньше, определенность в смысле принадлежности к тому или иному направлению общественной мысли. Между отдельными журналами возникают более четкие различия и границы, определяемые направлением журнала. «Журнал должен иметь прежде всего физиономию, характер, — писал Белинский, — альманачная безличность для него всего хуже. Физиономия и характер журнала состоят в его направлении, его мнении, его господствующем учении, которого он должен быть органом» («Ничто о ничем»). Многие руководители журналов тщательно заботились о согласованности всех отделов ежемесячника и общей идейной направленности помещенных в них критических, философских, научных статей и художественных произведений. Убеждение в необходимости для журналов иметь строгое направление все глубже проникало в среду литераторов. Как известно, Белинский на вопрос Герцена, читал ли он статью Грановского, помещенную в «Москвитянине», ответил, что он не любит видеться с друзьями в неприличных местах. Когда Плетнев, передавая «Современник» Некрасову и Панаеву, согласился остаться в журнале в качестве сотрудника, это вызвало огорчение и возмущение среди его друзей.

Никогда не прекращавшаяся журнальная полемика разгорается в 1840-е годы с новой силой и становится более содержательной. Естественно, что главная и наиболее принципиальная линия борьбы проходит между журналами демократического направления («Отечественные записки» при Белинском, некрасовский «Современник») с одной стороны и периодическими изданиями в духе официальной идеологии («Маяк», «Северная пчела», «Москвитянин», «Сын отечества», «Библиотека для чте-

ния») и славянофильства («Московские сборники») — с другой. «Чувствую теперь вполне и живо, что я рожден для печатных битв и что мое призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — *полемика*», — писал Белинский Боткину 31 марта 1842 года. Такое же настроение царило и в лагере врагов Белинского. «В одном только я позволю себе с вами не согласиться: с «Отечественными записками» нужна полемика... Сколько статей остается без отражения, а между тем они действуют. Противодействия нет. Мне кажется, здесь пренебрежение невыгодно», — писал Шевырев Плетневу. [1]

---

[1] Письма Шевырева к Плетневу напечатаны в сборнике «Н. В. Гоголь. Материалы и исследования», изд. Академии наук СССР, т. I, Л., 1936.

4. «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» И «СОВРЕМЕННИК»

В 1836 году на прошение В. Ф. Одоевского и А. А. Краевского о разрешении издавать журнал «Русский сборник» царем была наложена резолюция: «И без того много». После этого Главное управление по делам цензуры запретило на некоторое время издание новых журналов. Основные изменения, происходившие в русской журналистике в 1840-е годы, нашли поэтому выражение не в появлении новых журналов, а в коренном преобразовании некоторых старых. [1] Такими журналами были «Отечественные записки» и «Современник».

«Отечественные записки», находившиеся с 1818 года в руках П. Свиньина, в 1830-е годы прекратили свое существование, а в 1838 году Свиньин счел за лучшее передать издание журнала Краевскому, который с января 1839 года и начал выпускать его под своей редакцией.

---

[1] Запрещение издания новых журналов стало одной из причин появления в 1840-х годах большого количества всевозможных литературных сборников и альманахов, причем некоторые из них выходили периодически. «Государь строжайше запретил разрешать издание новых журналов. Но ум человеческий хитер и изворотлив», — писал по этому поводу 12 июля 1841 года в своем дневнике Никитенко. Лучшими сборниками того времени были изданные Некрасовым в 1845—1846 годах «Физиология Петербурга» и «Петербургский сборник». Славянофилы выпустили три книги «Московского сборника» — в 1846, 1847 и 1852 годах. Большим успехом пользовались сборники «Наши, списанные с натуры русскими», заключавшие в себе ряд «физиологических очерков».

«Закваской, солью, духом и жизнью» «Отечественных записок» стал Белинский, который с осени 1838 года берет на себя ведение критико-библиографического отдела журнала и переезжает для этого из Москвы в Петербург. Все написанное Белинским в период с 1839 по 1846 год (за очень редкими исключениями) было опубликовано в «Отечественных записках». Вместе с Белинским самое активное участие в «Отечественных записках» принял и Герцен, поместивший в журнале ряд фельетонов и статей, философские работы «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы» и некоторые художественные произведения (в том числе первую часть романа «Кто виноват?»). Кроме Белинского и Герцена, в «Отечественных записках» приняли участие: Лермонтов, Кольцов, В. Ф. Одоевский, Некрасов, Огарев, Тургенев, Достоевский, Салтыков, Грановский, И. И. Панаев, Галахов, В. Н. Майков, В. А. Милютин и другие писатели, критики, ученые. Некоторые из сотрудников «Отечественных записок» были петрашевцами (Достоевский, Салтыков, Пальм и др.), другие посещали собрания петрашевцев и были к ним близки. Вообще вокруг «Отечественных записок» объединились те многочисленные литераторы, которые давно уже испытывали горячую потребность в организации журнала независимого направления и готового взять на себя борьбу с продажной журналистикой и официальной идеологией.

Таким образом «Отечественные записки» превратились в журнал прогрессивной, демократической общественной мысли и литературы. Легко увидеть в этом одно из проявлений общего подъема общественного движения в 1840-е годы. Время работы Белинского в журнале было лучшим временем в жизни «Отечественных записок». «Отечественные записки» стали самым замечательным журналом 1840-х годов и чрезвычайно влиятельным руководителем общественного мнения. К 1847 году число подписчиков на журнал достигло 4000, в то время как «Москвитянин» имел в 1847 году 300 подписчиков, а «Современник» Плетнева в 1846 году — 233 подписчика.

С прекращением сотрудничества Белинского в «Отечественных записках» (1846) начинается падение журнала,

утрата им содержательности, идейности и потеря им влияния на общество.[1]

Потребность литераторов и читателей 1840-х годов в журнале независимого демократического направления не могла быть удовлетворена наличием «Отечественных записок», находившихся в руках беспринципного дельца Краевского. Известны, например, попытки Герцена и Грановского организовать издание журнала в Москве. В 1844 году Грановский возбуждает соответствующее ходатайство перед правительством, но Николай I снова ответил :«И без нового довольно». После этого Герцен некоторое время рассчитывал на приобретение какого-либо из старых журналов, но и эти планы не получили осуществления. Только в 1847 году, и не в Москве, а в Петербурге, возникает новый журнал демократического направления — «Современник».[2]

«Современник» был основан Пушкиным в 1836 году. После смерти Пушкина «Современник» перешел в руки П. А. Плетнева — профессора Петербургского университета, критика и поэта, который и издавал его до 1846 года включительно. Плетнев превратил «Современник» в журнал, который чуждался «злобы дня», полемики и стоял в стороне от общественной и литературной жизни. При-

---

[1] Еще в 1837 году, до перехода в его руки «Отечественных записок», Краевский приобрел у Воейкова «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», которые переименовал в 1840 году в «Литературную газету». Под редакцией разных лиц (главным образом самого Краевского) «Литературная газета» просуществовала до 1849 года. Выходила она в течение первых трех лет два и три раза в неделю, а затем еженедельно. По своему направлению «Литературная газета» примыкала к «Отечественным запискам», но была гораздо менее определенной. Иногда в «Литературной газете» помещал свои статьи Белинский; в начале 1840-х годов в ней сотрудничал молодой Некрасов.

[2] Переходу «Современника» в руки Некрасова и Панаева предшествовали изданные Некрасовым иллюстрированный альманах «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (1846).

«Петербургский сборник» был явлением исключительным по своему содержанию. В нем приняли участие: Достоевский («Бедные люди»), Тургенев (рассказ в стихах «Помещик», повесть «Три портрета»), Некрасов (стихотворения «В дороге», «Пьяница», «Колыбельная песня», «Отрадно видеть, что находит»), А. Майков (поэма «Машенька»), Герцен («Капризы и раздумье»), Белинский («Мысли и заметки о русской литературе»), В. Ф. Одоевский, В. А. Соллогуб, И. И. Панаев, Никитенко, Кронеберг.

данный им журналу облик Плетнев прикрывал разговорами о служении «высшим задачам искусства и истине» и оправдывал ссылками на невежество читателей и низость нравов, царящих в литературе и журналистике. «Пусть царствует в литературе запустение, — писал Плетнев своему другу Я. К. Гроту 1 марта 1844 года, — по крайней мере, мой «Современник», без влияния, без интереса, будет чист и, по моему мнению, прав».

Разумеется, усвоенной «Современником» позе беспристрастия мысли, благородства чувств и изящества эстетического вкуса доверять нельзя. Внутренне Плетнев и его ближайшие сотрудники по журналу были полны отвращения и ненависти: они только не находили в себе решимости излить их открыто и предпочитали заявлять о своих симпатиях и антипатиях втихомолку, вполголоса. Но как бы то ни было, направление журнала не вызывает сомнений. Вся современная литература и журналистика делилась Плетневым на две «стороны»: «правую» и «левую». К «правой» он относил Жуковского, Вяземского, Языкова, свой журнал и его сотрудников, а к «левой» прежде всего Белинского и «Отечественные записки». К «левой» стороне литературы отнес «Современник» и «Петербургский сборник». «Бедные люди» Достоевского Плетневу не понравились, а «Колыбельную» Некрасова он назвал «грязным исчадием праздности». [1]

Что подобные оценки текущих литературных явлений не были для «Современника» случайными, свидетельствуют более открытые высказывания Плетнева в письмах к друзьям. Там можно найти отнюдь не беспристрастные, а грубые и совсем не благородные характеристики Белинского, Лермонтова, Некрасова, повести Салтыкова «Запутанное дело». За подобными литературными оценками Плетнева стояли, конечно, очень определенные политические позиции — позиции дворянской реакции.

Изоляция «Современника» от жизни, неуклонно проводимая Плетневым, затаенная вражда его к новым прогрессивным явлениям общественного движения и литературы быстро превратили журнал в издание мало заметное и не имевшее сколько-нибудь серьезного влияния.

---

[1] См., например, «Современник» 1846, т. 41, стр. 272—274, и т. 42, стр. 357—358.

В первые после смерти Пушкина годы в нем помещали (хотя и редко) свои произведения Гоголь, Тютчев, Жуковский, Баратынский, Кольцов, Вяземский, Языков (не говоря уже о посмертных публикациях некоторых вещей самого Пушкина), но скоро их участие в журнале сошло на нет, и «Современник» из номера в номер стал заполняться статьями Грота, очерками А. О. Ишимовой, библиографическими обзорами Плетнева, стихами Плетнева, Грота, Ф. Глинки и никому не известных виршеплетов вроде Коптева, Айбулат-Розена, Марсельского. Долгое время Плетнева не смущало постепенное уменьшение сотрудников в его журнале. «Ужели вы, Александра Осиповна [Ишимова], да я не наполним чем-нибудь четырех книжек?» — писал он Гроту 8 октября 1840 года. Но вместе с писателями не стало у «Современника» и читателей. Количество подписчиков колебалось в 1840-е годы между 300 и 400, а в 1846 году упало до 233. Журнал зашел в тупик. Благожелательно относившийся к Плетневу Гоголь писал ему: «Современник» вышел плохим журналом... всяк спрашивал в недоумении друг у друга: «Объясните мне, зачем и для чего издает Плетнев свой журнал? Что хочет он сказать им? Что значат эти общие места в его программе, эти повторения о беспристрастии, о бескорыстной любви к искусству, о стремлении к истине и т. п., которые обещает всякий журналист и которых не исполняет никто? Тощее содержание его тоненьких книжек, неживой, безучастный, вялый и неопределенный слог его суждений обо всем современном задавал только загадку решать: зачем он назван «Современником»? Будем говорить откровенно. У тебя нет качеств журналиста: ни юношеского живого участия ко всем волненьям современным, ни трепета к вопросам, раздающимся в массе общества...» [1]

Но еще до получения письма Гоголя Плетнев решил отказаться от издания журнала и передал его в руки Некрасова и Панаева. Дело в том, что уже весною 1846 года Белинский прекратил сотрудничество в «Отечественных

---

[1] Письмо представляет собою статью, посвященную характеристике «Современника», и относится к первым числам декабря 1846 года. Напечатано в томе III Писем Гоголя под ред. В. Шенрока, СПб., 1901, стр. 267—282.

записках», будучи не в силах продолжать работу в журнале Краевского. Причин для ухода из «Отечественных записок» у Белинского было более чем достаточно. Главная из них заключалась в идейных разногласиях Белинского с Краевским. Беспринципный Краевский пытался привносить в «Отечественные записки» такие тенденции, которые были совершенно неприемлемы для революционера-демократа Белинского.

Одновременно с Белинским отказались от участия в «Отечественных записках» и Некрасов с Панаевым. С января 1847 года «Современник» выходит уже под новой редакцией и совершенно меняет свое лицо. Юридически редактором «Современника» в 1847—1848 годах числился А. В. Никитенко — благонамеренный профессор Петербургского университета и цензор, но фактически журнал вел Некрасов, а его идейным руководителем был Белинский.

Вместе с Белинским из «Отечественных записок» в «Современник» перешел и Герцен. Сотрудниками журнала стали Тургенев, Гончаров, Григорович, Огарев, В. А. Милютин и другие.

Преобразование «Современника», превращение его в трибуну Белинского, Герцена, Некрасова вызвало характерные отклики. «Издание этого (возобновленного) журнала, — утверждал один из реакционеров в письме к председателю Московского цензурного комитета Голохвастову, — будет последним coup de grâce [смертельным ударом] нашей нравственности и нашему монархизму. Увидят это: иные к своей адской радости, другие к скорби неутешной... Не так ли французская литература переходила в руки Бомарше и Мирабо?» [1]

Уже в первые два года в «Современнике» были опубликованы такие выдающиеся произведения художественной литературы, как «Кто виноват?» (весь роман в приложении к № 1), «Сорока воровка» и «Записки доктора Крупова» Герцена, «Обыкновенная история» Гончарова, ряд рассказов из «Записок охотника» и комедия «Где тонко, там и рвется» Тургенева, повесть Григоровича «Антон Горемыка», стихи Некрасова, Огарева, А. Майкова, переводы из Шекспира, Жорж Санд, Диккенса, Альфреда де Мюссе и другие. В других отделах журнала

---

[1] Опубликовано в «Литературном наследстве» № 56, М., 1950.

наиболее замечательными были статьи Белинского (среди них два годичных обзора русской литературы за 1846 и 1847 годы), «Письма из Avenue Marigny» Герцена, экономические статьи В. А. Милютина. Обратили на себя внимание читателей статьи «Взгляд на юридический быт древней России» Кавелина, «Ирландия» Н. М. Сатина, «Парижские письма» Анненкова, «Письма об Испании» Боткина.

Успех преобразованного «Современника» был очень велик, и в первый же год своего существования он имел 2000, а на второй год уже 3100 подписчиков.

По своему направлению «Современник» конца 1840-х годов был журналом революционно-демократическим. Он старался проводить сквозь препоны и рогатки цензуры те идеи, которые были выражены Белинским в зальцбруннском письме к Гоголю, — идеи революционной борьбы с крепостничеством, самодержавием и религией. Письмо Белинского к Гоголю было подлинной программой «Современника». Как и письмо, журнал выражал настроения и чаяния крепостных крестьян. Произведения литераторов и ученых, не разделявших полностью убеждений Белинского, будучи напечатанными в «Современнике», подчинялись общему направлению журнала и приобретали нужное Белинскому и Некрасову звучание.

Главной целью «Современника» была борьба против крепостного права. Журнал печатал ярко выраженные антикрепостнические художественные произведения Герцена, Тургенева, Григоровича и в статьях Белинского поднимал их на щит и разъяснял их смысл и значение. В других отделах журнала были помещены статьи и заметки, доказывающие невыгодность крепостного труда, пагубное влияние крепостного права на народное хозяйство России, необходимость развития промышленности, железных дорог, пароходства в стране.

В № 11 за 1847 год в «Современнике» была напечатана статья бывшего участника кружка Герцена в Московском университете Н. М. Сатина «Ирландия». В ней была нарисована выразительная картина ужасного положения крестьянства и ненормальных отношений между землевладельцами и крестьянами в Ирландии. Но каждый читатель статьи Сатина мог без особого труда убедиться в том, что в ней имеется в виду не столько Ирландия, сколько крепостническая Россия. Заканчивалась статья

следующими словами: «Необходимы средства решительные: нужно изменить нравы и законодательство, организацию политическую, административную, судебную и религиозную, нужно изменить условия собственности и промышленности, отношения богатого и бедного; нужно создать и тем и другим новые обязанности в соединении с новыми правами; словом, необходим коренной переворот, и если для Ирландии такой переворот не придет сверху, то он не замедлит явиться снизу».

Совершенно очевидно, что требования, выдвинутые Сатиным, относились к России. Недаром Некрасов писал Сатину 4 января 1848 года: «Ваша статья об Ирландии... сделала эффект... О достоинстве ее и об интересе для русской публики нечего и говорить. Она читается, как повесть». [1]

«Современник» вел активную борьбу со всеми защитниками крепостного права и самодержавия. Он систематически разоблачал псевдодемократизм славянофилов, квасной патриотизм официальной народности, продажность Булгарина. Очень энергично выступали Белинский и Герцен в «Современнике» против либералов-западников, преклоняющихся перед буржуазной Западной Европой. Свою программную статью «Взгляд на русскую литературу 1846 года» Белинский направил не только против славянофилов, но и против раболепствующих перед заграницей космополитов. В «Записках доктора Крупова», в «Письмах из Avenue Marigny» Герцен подверг беспощадной критике не только крепостничество в России, но и буржуазный строй Западной Европы.

Возбуждая в народе ненависть к крепостному праву, самодержавию, капиталистическим порядкам, «Современник», насколько это было возможно, пропагандировал социалистическое устройство общества. Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» писал, что благосостояние в обществе должно быть равно простерто на всех его членов; Герцен в «Письмах из Avenue Marigny» утверждал, что «все несчастие прошлых переворотов состояло в упущении экономической стороны», и предсказывал такой переворот, который сокрушит власть буржуазии и приведет к власти трудящихся; Милютин

---

[1] Н. Некрасов. Собрание сочинений, т. V, Л., 1930, стр. 110.

в статьях о Мальтусе и русском экономисте Бутовском доказывал необходимость «радикального преобразования экономических отношений» и, критикуя системы утопического социализма, выражал вместе с тем уверенность, что будущее принадлежит социалистическим принципам. Иначе говоря, в «Современнике» пропаганда революционных идей соединялась с пропагандой идей социализма (разумеется, утопического).

В области философии «Современник» развивал идеи диалектики и материализма и боролся с «христианской философией» представителей официальной народности и славянофильства, которые пытались при помощи реакционной мысли Запада (например, «философии откровения» Шеллинга) подвести философские основания под православие.

В рецензии на книгу В. Григорьева «Еврейские секты в России» Белинский подчеркивал земные корни религиозных идей. Неоднократно указывая на вредную общественную роль религиозных сект, и Белинский и другие сотрудники «Современника» имели в виду религиозные системы. В отзыве о лекциях профессора Медико-хирургической академии Зацепина «Современник» (1847, № 4) резко высказался против его попытки подчинить науку религии. В подтверждение он ссылался на программу лекций Зацепина по энциклопедии медицины: «Человек с телесной стороны; с душевной стороны; духовное начало человека; идеал человека; совершенный человек в духе веры откровенной; вера как источник врачевания и животворящее начало врачебной науки; веры отрицательные; веры положительные; вера православная» и т. д. «Современнику» достаточно было перепечатать подобную программу, чтобы выявить ее мракобесный характер.

Центральным моментом литературной критики «Современника» была борьба за реалистическое, подлинно народное искусство, искусство большого идейного и общественного значения. Принцип реализма и народности в литературе противопоставлялся им принципу «чистого искусства», «украшения и облагораживания действительности», который поддерживали разного рода идеалисты и романтики. Защищая реализм и подлинную народность в искусстве, Белинский в своих статьях в «Современнике» дал итоговую глубокую оценку деятельности Гоголя, спра-

ведливо считая его художественное творчество гордостью русской национальной культуры.

«Современник» энергично боролся за развитие натуральной школы и сумел правильно оценить и выдвинуть таких писателей, как Герцен, Гончаров, Тургенев и др., творчество которых было встречено более чем недоброжелательно журнальными врагами «Современника». «Современнику» приходилось отстаивать свои оценки и характеристики в борьбе не только с литературными архаистами, не шедшими в своих симпатиях дальше Карамзина, но и с теми журналами и критиками, которые производили в великих писателей Кукольника, Бенедиктова, Хомякова, Н. Полевого и даже Булгарина.

Направление «Современника» приобрело ему много и друзей и врагов. Реакционные журналы 1840-х годов вели с ним постоянную войну. Журналисты типа Булгарина не гнушались любыми средствами борьбы, вплоть до доносов.

Жестоко преследовала «Современник» цензура. Особенно страдали от цензурной расправы статьи Белинского. Письма его буквально переполнены горькими жалобами на цензуру. «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи», — писал Белинский Боткину 28 февраля 1847 года. Сильно изуродовала цензура и некоторые произведения Герцена, особенно «Сороку воровку». Не проявляла она снисходительности и мягкости и к другим сотрудникам «Современника».

Но ничто не могло помешать росту славы и популярности «Современника». В первый же год своего существования он, по признанию читателей, «взял пальму первенства». [1]

---

[1] Богатые материалы по истории «Современника» 1840-х годов приведены в первой части трехтомной монографии В. Е. Евгеньева-Максимова «Современник» в 40—50 гг.», Л., 1934. Однако характеристика направления «Современника» 1840-х годов, данная В. Е. Евгеньевым-Максимовым, в значительной мере устарела.

5. «ФИНСКИЙ ВЕСТНИК»

Насколько велика была среди лучшей части интеллигенции 1840-х годов потребность в организации соответствующих своему образу мыслей журналов свидетельствует не только преобразование «Отечественных записок» и «Современника», но и неоднократные попытки некоторых кругов литераторов превратить в орган прогрессивной мысли «Финский вестник».

«Финский вестник» был основан в 1845 году Ф. К. Дершау — автором книги «Финляндия и финляндцы». Издание нового журнала было ему разрешено, вероятно, потому, что «Финский вестник» ставил себе специальные цели: знакомить Россию со Скандинавией и Финляндией, а Финляндию с Россией. Редактором был приглашен В. Н. Майков, который до этого времени принимал (вместе с Петрашевским) участие в составлении первого выпуска «Карманного словаря иностранных слов» Кириллова и был известен как человек образованный и талантливый. В числе сотрудников «Финского вестника» в объявлении о подписке на журнал был назван Белинский.

«В «Финском вестнике», прочитав статью Майкова в отделе наук, я ужаснулся направлению, противоположному «Москвитянину» и «Маяку». Новый язычник возник на Руси в подкрепление «Отечественным запискам», — писал из Архангельска некто Вальнев М. П. Погодину. Но сотрудничество Майкова в «Финском вестнике» было очень непродолжительным. Он принял участие в выпуске

двух первых книжек, успел поместить в них свою статью «Общественные науки в России» и после этого отказался от сотрудничества в журнале. Отказался потому, что добивался превращения «Финского вестника» в журнал прогрессивной общественной мысли и литературы и на этом пути разошелся с Дершау, который, будучи, по воспоминаниям одного из современников, «самым бессодержательным молодым человеком», проявлял неумеренные редакторские претензии. К тому же он не имел средств для оплаты главных сотрудников.

После ухода Майкова «Финский вестник» до 1848 года продолжал существование в качестве журнала довольно неопределенного и бесцветного. Большое место в журнале занимали специальные отделы: «Северная словесность» (заполнявшаяся преимущественно переводами из скандинавских писателей) и «Материалы для северной истории». Русская художественная литература была представлена в «Финском вестнике» довольно слабо и пестро: Кукольник, Загоскин, Ростопчина — и наряду с ними петрашевцы Пальм и Дуров. Особо нужно отметить наличие отдела «Нравоописатель», где было помещено большое количество физиологических очерков, принадлежавших перу Даля, Гребенки, В. Толбина и др. Отдела критики не было. Вместо него велась «Библиографическая хроника», заполнявшаяся анонимными рецензентами. Здесь тенденции журнала сказались несколько яснее. «Отечественные записки» и «Современник» Некрасова оцениваются «Финским вестником» как превосходные журналы, «оправдывающие ожидания публики и много обещающие в будущем»; «Москвитянин» же характеризуется как «жалкий представитель известной партии московских литераторов ученых и неученых». О «Петербургском сборнике» Некрасова «Финский вестник» отозвался как о книге, в которой «отразилось направление живое, современное», а о «Московском сборнике» 1846 года — как о книге, в которой «проявились химерические идеи истых славянофилов, которыми они потешают публику во славу бороды и армяка». Статьи Белинского, Герцена «Финский вестник» считает «дельными и умными», а романы «Бедные люди», «Кто виноват?», роман Жорж Санд «Лукреция Флориани» замечательными, высокохудожественными произведениями современной литературы.

Но симпатии к «живому и современному» направлению общественной мысли и литературы не могли изменить общего бесцветного облика «Финского вестника». Популярности среди читателей журнал не снискал, и Дершау едва сводил концы с концами.

В 1847 году приобрести журнал (или войти в долю с издателем) хотел Петрашевский, но эта попытка вдохнуть жизнь в «Финский вестник» не осуществилась.

С 1848 года «Финский вестник» переходит в руки В. В. Григорьева — профессора-востоковеда Петербургского университета, который привлекает к ближайшему участию в журнале других профессоров университета: археолога П. С. Савельева и слависта И. И. Срезневского. Журнал коренным образом меняется, начиная с названия. С января 1848 года он получает название «Северное обозрение», что связано с постепенной утратой журналом своего специального скандинавско-финского назначения. Еще более решительным образом меняется направление журнала. Новая редакция объявляла, что журнал будет издаваться в «религиозно-патриотическом духе» и станет «полезною оппозициею другим петербургским журналам». «Наш журнал будет другом «Москвитянину», если сей последний не опочил навеки от трудов», — писал Григорьев издателю и редактору «Москвитянина» Погодину. «Честь и слава вам, что вы решились на подвиг», — отвечал Григорьеву Шевырев. И Хомяков извещал своего друга Попова, что в «Петербурге молодые люди... стали издавать журнал «Северное обозрение» в духе нашего направления». [1]

Теперь «Северное обозрение» как нельзя лучше соответствовало тому направлению общественной мысли, которое официально признавалось весьма желательным. Однако журнал не был поддержан читателями. Выпустив в 1848 году только три книжки, Григорьев передал его В. В. Дерикеру, бывшему некогда наборщиком, затем помощником Сенковского по «Библиотеке для чтения», а позднее ставшему известным врачом-гомеопатом.

---

[1] Письма Григорьева, Шевырева, Хомякова и некоторые другие материалы о возникновении «Северного обозрения» приведены Н. Барсуковым в IX томе «Жизни и трудов М. П. Погодина», стр. 412—417.

При Дерикере «Северное обозрение» хотя и отказалось от «религиозно-патриотического» направления и совсем утратило свое специальное назначение, но вместе с тем стало совершенно бессодержательным журналом, потерявшим всякую определенность в своем облике. Такому превращению журнала сильно способствовала и вся обстановка трудного для русской печати семилетия (1848—1855), характеризующегося, как известно, безудержным разгулом реакции и цензурным террором.

Журнал, согласно воле редактора, стал осуществлять в своей деятельности «беспристрастие, справедливость, снисходительность» и сторониться «исключительных идей». С одинаковым рвением «Северное обозрение» начало хвалить и Тургенева и Масальского, и «Современник» и «Библиотеку для чтения», и «Отечественные записки» и «Сын отечества». Отдел «Нравоописатель» в журнале исчезает, но зато разрастается отдел «Науки». Истории, археологии, этнографии, естественным наукам, истории литературы были выделены в каждом номере «Северного обозрения» особые разделы, которые заполнялись специальными научными работами. [1]

В 1850 году издание «Северного обозрения» было прекращено.

---

[1] В I и II книжках «Северного обозрения» за 1849 год были опубликованы интересные статьи Ир. Ив. Введенского о Державине и Тредьяковском.

6. «ЖУРНАЛЬНЫЙ ТРИУМВИРАТ» В 1840-е ГОДЫ

1840-е годы в истории русской журналистики характерны не только возникновением журналов, тесно связанных с растущим революционно-демократическим общественным движением, но и постепенным закатом некогда могучего «журнального триумвирата». Одновременно с расцветом «Отечественных записок» и «Современника» гибнут или теряют всякую популярность органы Греча, Булгарина, Сенковского.

Ярким примером может служить судьба «Сына отечества». «Сын отечества» побывал в руках Греча и Н. Полевого (1838—1840), Никитенко и Н. Полевого (1841), Сенковского (1842), К. П. Масальского (1843—1844 и 1847—1850), Масальского и П. Р. Фурмана (1850—1852), менял внешний облик и план издания, превращался из ежемесячника в еженедельник, из еженедельника в ежемесячник и тем не менее все время влачил жалкое существование, запаздывая с выдачей книжек журнала, выходя неполными годовыми комплектами, теряя год за годом подписчиков. Во второй половине 1844 года К. Масальский вынужден был приостановить издание «Сына отечества» до 1847 года. Но появившись в 1847 году, журнал опять продержался недолго и в 1852 году окончательно прекратил свое существование. [1]

---

[1] В 1856 году «Сын отечества» был восстановлен А. В. Старчевским.

Самые сильные надежды на возрождение «Сына отечества» возникли у читателей в связи с привлечением в 1838 году к руководству журналом такого опытного и прославленного журналиста, как Николай Полевой.[1] Подписка на журнал быстро поднялась: в 1837 году, при редакторе Грече, «Сын отечества» имел 279 подписчиков, в 1838 году, при Н. Полевом, — 2000 подписчиков.

Но Полевой не оправдал ожиданий публики. «Грустное удивление встретило первые номера его нового журнала, — писал Герцен. — Он стал покорным и льстивым. Печально было смотреть на этого смелого борца... пошедшего на сделки со своими врагами, как только прекратили его журнал. Печально было слышать фамилию Полевого рядом с фамилиями Греча и Булгарина» («О развитии революционных идей в России»). Действительно, Н. Полевой в качестве редактора «Сына отечества» мало напоминал редактора «Московского телеграфа». Правительственная опала, материальные лишения превратили его в соратника Греча и Булгарина и защитника официальной идеологии. Вместе с Гречем и при ближайшем сотрудничестве Булгарина стал он выпускать «Сын отечества».

И несмотря на то, что Полевой отдался своему делу с энтузиазмом, что «Сын отечества» был единственным журналом, которому было разрешено иметь политический отдел, что с 1838 года он стал выходить в объеме «Библиотеки для чтения» (до 30 печатных листов), успеха журнал не имел, и подписка на него стала катастрофически падать. Нельзя не увидеть в этом следствие принятого «Сыном отечества» направления. Квасной патриотизм и панегирики по адресу правительства и его политики не могли собрать вокруг журнала талантливых писателей и привлечь к нему симпатии читателей. К тому же Полевой, явно отставая от века, совсем не понимал новых явлений общественной и литературной жизни и продолжал развивать в «Сыне отечества» устарелые

---

[1] В 1837 году Н. И. Греч передал издание «Сына отечества» Смирдину. Последний пригласил для редактирования журнала Н. Полевого, который, согласившись, переехал из Москвы в Петербург. Официальным редактором остался Греч, так как правительство не разрешило опальному редактору «Московского телеграфа» стать ответственным руководителем «Сына отечества».

философские и эстетические теории. Он поверхностно иронизировал над диалектикой, считая ее схоластикой, защищал эстетические принципы романтизма и боролся с позиций официальной народности и романтизма с творчеством лучших писателей своего времени. Лермонтов для Полевого — создатель полудюжины недурных стихов и плохой прозы, а Гоголь — автор пятиактного водевиля («Ревизор») и забавных повестушек в жанре «малороссийского жарта». Полевой был серьезно уверен, что у различных, даже в свое время никому не известных, Озерецковских, Фроловых, Княжевичей и им подобных (не говоря уже о Грече и Булгарине), «право, станет дарования против какого-нибудь Лермонтова».

Естественно, что «Сын отечества» вынужден был влачить жалкое существование; естественно, что на Полевого и его журнал со всею силою своего таланта и негодования обрушился Белинский (см., например, его статью об «Очерках русской литературы» Полевого). «Уважаю его за прежнее, — писал Белинский Боткину, — но теперь, — что он делает теперь? — пишет навыворот по-телеграфски, проповедует ту расейскую действительность, которую так энергически некогда преследовал. . .» Сильнее всего негодовал Белинский на дружбу Полевого с «подлецами, доносчиками, фискалами, площадными писаками, от которых гибнет наша литература, страждут истинные таланты и лишено силы все благородное и честное. . .» (Письмо от 30 декабря 1840 — 22 января 1841 года).

После Полевого «Сын отечества» и вовсе упал.

Еще более жалкой была судьба другого периодического издания, предпринятого Гречем и Н. Полевым в 1840-е годы, — журнала «Русский вестник». «Русский вестник», издававшийся некогда (с 1808 по 1824 год) С. Н. Глинкой, перешел в 1840 году от Глинки к Н. И. Гречу, который, пригласив в качестве ближайших помощников Н. Полевого и Кукольника, начал выпускать журнал с января 1841 года.

Редакция ожидала от издания «Русского вестника» всяческих благ. Полевой надеялся иметь в 1842 году 1000—1200, а в 1843 году 2000 подписчиков. Но уже с самого начала издания стало ясно, что успеха «Русский вестник» иметь не будет. «Русский вестник» идет плохо,

а в редакции его такое же согласие в идеях, как у щуки, сокола, рака в басне Крылова», — уже в марте 1841 года вынужден был констатировать Полевой в письме к брату.[1]

В 1842 году Полевой попытался взять руководство «Русским вестником» полностью в свои руки, но и это не улучшило положение журнала. Полевому удалось собрать лишь 500 подписчиков и выпустить за 1842 год только 6 книжек журнала. «Величайшую, огромнейшую глупость мы сделали, предпринявши «Русский вестник», — писал он брату в марте 1842 года. В 1843 году «Русский вестник» не выходил. В 1844 году возродить его пытался третьестепенный писатель П. Каменский, но безрезультатно: за весь год читатели получили только одну книжку журнала.

Да и мог ли иметь успех журнал, который заполнялся, главным образом, сухими специальными статьями и материалами (три четверти одной из книжек было отведено «Книге Указной» царя Михаила Федоровича) и по своему направлению ничем не отличался от ранее выходившего под редакцией Полевого «Сына отечества»? Как и «Сын отечества», «Русский вестник» ратовал за «самобытно русское» миросозерцание; утверждал, что «современное искусство походит не на богиню изящного, а на полупьяную растрепанную вакханку»; исключал из «области изящного» и ставил ниже самых грубых фарсов и буффонад романы Диккенса и Жорж Санд; разносил Гоголя за то, что он «выставляет уродливым и нелепым» все русское. С особенной резкостью обрушился «Русский вестник» на появившийся в начале 1842 года первый том «Мертвых душ». С точки зрения Полевого, это — произведение, «бедное содержанием», полное «небывалых преувеличений и грубых карикатур», чуждое стремлению «примирить для нас видимый раздор действительности изящною идеею искусства», произведение антипатриотическое. Одним словом: «искусству нечего делать, не в чем рассчитываться с «Мертвыми душами».

Естественно, что и читатели 1840-х годов решили, что им «нечего делать» с «Русским вестником», и журнал в 1844 году прекратил свое существование.

---

[1] Письма Николая Полевого к брату Ксенофонту Полевому приведены во второй части «Записок» Кс. Полевого, изд. в 1888 году.

Не только «Сын отечества» и «Русский вестник», но и самый распространенный журнал 1830-х годов «Библиотека для чтения» стал в 1840-е годы клониться к упадку. Продолжая пользоваться популярностью в среде грамотных обывателей, чиновничества, поместного дворянства, журнал тем не менее утратил прежнее влияние и постепенно терял своих подписчиков. Если в 1830-е годы количество подписчиков «Библиотеки» достигало огромной по тому времени цифры 5—7 тысяч, то к 1847 году их число упало до 3 тысяч. Совершенно очевидно, что широкие слои читателей перестал удовлетворять коммерческий облик журнала, его безидейность и беспринципность, его угодничество перед властью и близость к булгаринской клике. Успех «Отечественных записок» и «Современника» самым пагубным образом отразился на положении журнала Сенковского. «Как только в литературе выглянуло нечто новое и энергичное, Сенковский опустил свои паруса и скоро совершенно стушевался», — писал Герцен («О развитии революционных идей в русской литературе»).

Остроумие и шутки Брамбеуса (которые становились все более плоскими и грубыми) не могли больше помочь «Библиотеке». Читатель уже знал «смех сквозь слезы» Гоголя, глубокую и серьезную иронию Белинского, блестящее остроумие Герцена.

Читателям не могла нравиться и критика Сенковского, основанная на возведенной в принцип беспринципности, на потакании провинциальным, полукультурным вкусам, на безоговорочном принятии официальных установок. Всегда свойственная Сенковскому вражда ко всему значительному и талантливому в литературе в 1840-е годы еще усилилась. В угоду отсталым читателям он выступал с плоским вышучиванием всех больших, настоящих произведений искусства.

Как и Полевой, Сенковский замалчивал творчество Кольцова и неодобрительно относился к произведениям Лермонтова. «Откровенно сказать, — писал он, — «Герой нашего времени» — не такое произведение, которым русская словесность могла бы похвалиться... Это — просто неудавшийся опыт юного писателя». Стихотворения Лермонтова Сенковский в 1840 году снисходительно назвал «милыми пьесами», а в 1843 году утверждал, что «мно-

гого, очень многого недоставало еще Лермонтову как поэту, между прочим литературного образования, немножко хороших сведений, немножко классической учености».

Мнения Сенковского о Гоголе и его «Мертвых душах», как отметил еще Чернышевский, были заимствованы у Н. Полевого, «даже знаменитое сравнение Гоголя с Поль де Коком». Как и Полевой, Сенковский видел в «Мертвых душах» «унижение русских людей», грубость, сальность, неправильность и неприличие слога и т. п. Новым было только дешевое зубоскальство Сенковского. Он нашел смешным, что «Мертвые души» названы поэмой и, разбирая вслед за ними книги по анатомии, ботанике, физике и т. д., иронически именовал их «поэмами».

Произведения русской натуральной школы Сенковский считал «низкими» и «грязными» и противопоставлял им «светскую повесть», изысканным языком изображающую «возвышенные чувства» людей образованного круга. Вместе с тем Сенковский продолжал твердить о гениальности Кукольника, Тимофеева и других второстепенных писателей. Даже в 1852 году «Библиотека для чтения» утверждала: «Кукольник владеет громадным талантом. Было время, когда сам Пушкин завидовал успеху Н. В. Кукольника... Кукольник умнее, ученее, основательнее и дельнее его [Пушкина] смотрит на вещи... Гоголь как беллетрист гораздо ниже Кукольника».

Вокруг «Библиотеки для чтения» группировались третьестепенные писатели и журналисты, над произведениями которых Сенковский смело мог чинить привычную для него расправу, беспощадно их переделывая, сокращая и дополняя. «Сенковского окружала, — писал Герцен, — группа молодых литераторов, которых он губил, развращая их вкус... не было ничего живучего, реального в тех истерических образах, которые дали Кукольники, Бенедиктовы, Тимофеевы и др. Такие цветы могли распускаться только у подножия императорского трона и под сению Петропавловской крепости» («О развитии революционных идей в России»).

Падение «Библиотеки для чтения» было, таким образом, неизбежно.

Уже в 1848 году издатель «Библиотеки» книгопродавец Печаткин оттесняет Сенковского от единоличного

управления журналом и приглашает в качестве соредактора А. В. Старчевского. А к 1856 году Сенковский и совсем был отстранен от участия в созданном им журнале. После Сенковского и Старчевского журнал переходил из рук в руки (Дружинин, Писемский, Боборыкин) и в 1865 году навсегда закончил свое существование.

Так в 1840-е годы один за другим утрачивают свое значение или вовсе прекращаются журналы «триумвирата», уступая место другим изданиям, в большей степени соответствующим духу времени.

Постепенно теряет в 1840-е годы свою популярность и газета Булгарина и Греча «Северная пчела».

Направление газеты, как и прежде, было самым «благонамеренным». Разумеется, руководители «Северной пчелы» были ярыми врагами Гоголя, натуральной школы, Белинского, попрежнему руководились в своих выступлениях охранительно-меркантильными соображениями и попрежнему не брезговали доносами в борьбе со своими противниками.

«Мертвые души» Булгарин и Греч, как и все другие реакционные критики, встретили упреками и нападками. Критический реализм и антикрепостническая сатира Гоголя пугали их и вызывали резко отрицательное отношение. Греч писал, что Гоголь «стал ниже Поль де Кока», что «его язык и слог самые неправильные и варварские», что «все лица, выведенные автором на сцену, более или менее карикатурны. . . нет ни одного порядочного, не говоря уже честного и благородного человека». С Гречем был согласен и Булгарин, утверждавший, что Гоголь «подмечает, схватывает пошлости, но и преувеличивает их».

Если «Мертвые души» Булгарин бранил, то «Героя нашего времени» он хвалил. Однако и это обстоятельство свидетельствует лишь о разнообразии его критической тактики. Булгарин пытался истолковать роман Лермонтова как нравоучительное произведение, доказывающее гибельность неверия и отрицания. «Герой нашего времени», — писал Булгарин, — есть создание высокое, глубоко обдуманное, выполненное художественно. Господствующая идея есть разрешение великого нравственного вопроса нашего времени: к чему ведут блистательное воспитание и все светские преимущества без положи-

тельных правил, без веры, надежды и любви? Автор отвечает своим романом: к эгоизму, к пресыщению жизнью в начале жизни, к душевной сухотке и, наконец, к гибели».[1]

Непрерывную войну вели критики «Северной пчелы» против писателей гоголевского направления и их вождя Белинского. Уже в 1845 году Булгарин, возмущаясь демократизмом новой литературной школы, писал, что она «стяжала себе лестный эпитет натуральной, т. е. старательно ищущей вдохновения исключительно в одних темных углах и закоулках жизни». Выход «Петербургского сборника» был встречен «Северной пчелой» в штыки, а помещенные в нем произведения Достоевского, Некрасова, Тургенева, Белинского подверглись с ее стороны самым жестоким нападениям.

Белинского Булгарин и Греч обвиняли в незаслуженных похвалах Гоголю, писателям натуральной школы и особенно в том, что он уничтожал «выгодное мнение, водворившееся в публике о Н. И. Грече, Н. Н. Загоскине, Н. А. Полевом, Ф. В. Булгарине, О. И. Сенковском, Н. В. Кукольнике и др.», т. е. как раз о тех литераторах, которые рекламировались «Северной пчелой» и безуспешно противопоставлялись ее критиками передовым писателям эпохи.

---

[1] «Северная пчела» 1840, № 246.

7. «РЕПЕРТУАР И ПАНТЕОН»

Нельзя сказать, чтобы большой успех имели в 1840-е годы и периодические издания, которые, не задаваясь сколько-либо серьезными целями, стремились доставить публике занимательное чтение. К такому типу изданий относится известный театрально-литературный журнал 1840-х годов «Репертуар и Пантеон».

«Репертуар и Пантеон», несомненно, имел своих читателей. И не только в театральном мире, но и среди грамотных обывателей столицы (главным образом чиновников), которые не отличались особенной взыскательностью и были горячими поклонниками Александринского театра того времени и его жалкого репертуара. Но, вместе с тем, никакой серьезной роли в идейной жизни общества «Репертуар и Пантеон» не играл, широким распространением не пользовался и издателей своих не обогатил. К тому же некоторое время «Репертуар и Пантеон» был связан с Булгариным и его литературной группой, которая привила журналу не только коммерческий дух, но и свои политические и литературные «убеждения».

«Репертуар и Пантеон» (полное название: «Репертуар русского и Пантеон всех европейских театров») возник в 1842 году из слияния двух журналов: «Репертуара» и «Пантеона».

«Репертуар русского театра» издавался с 1839 года Песоцким. Редактором его был В. С. Межевич — тот самый Межевич, которому Краевский в 1839 году пытался поручить критический отдел «Отечественных записок»

и который, с приходом в «Отечественные записки» Белинского, ушел от Краевского и, по выражению Белинского, «душою и телом предался Полевому, Гречу и Булгарину». Во вкусе своих новых друзей Межевич и руководил «Репертуаром».

«Пантеон русского и всех европейских театров» издавался с 1840 года книгопродавцем Поляковым. Редактором его был известный в свое время театральный критик и водевилист Ф. А. Кони. «Пантеон», не отличаясь глубиной и идейностью, был все же более содержателен, чем «Репертуар». Один из сотрудников «Пантеона», А. Башуцкий, приветствовал его рождение такими словами:

Вырастай, наш «Пантеон»...
Не давай нам драм злодейских,
Патриото-фарисейских,
Ни комедий штукодейских,
Сцен трактирных и халдейских,
Водевилей полицейских
И куплетов из лакейских.

Башуцкий имел в виду ту драматургию, которая украшала страницы «Репертуара». С «Репертуаром» «Пантеон» повел довольно резкую полемику, в основе которой лежала журнальная конкуренция. Нельзя не отметить, однако, очень смелого и злого нападения редактора «Пантеона» Кони на вдохновителя «Репертуара» Булгарина в водевиле «Петербургские квартиры», где под именем продажного журналиста Авдула Авдеича Задарина изображен Фаддей Венедиктович Булгарин («Пантеон» 1840, № 10). В «Пантеоне» начал свою литературную деятельность Некрасов, печатавший там свои водевили и театральные рецензии.

Но существование двух литературно-театральных журналов было тогда невозможно по малочисленности читателей. В 1842 году журналы соединяются и образуют издание: «Репертуар и Пантеон». Издателем становится Песоцкий, а редактором сначала Булгарин (1842), а затем снова Межевич (до 1847 года).

Естественно, что объединенный журнал ничем существенным не отличался от «Репертуара». Только наряду с пьесами, игранными на русской сцене, «Репертуар и Пантеон» стал помещать и неигранные да, кроме обозрения русских театров, стал давать обозрения театров евро-

пейских. Во всем остальном журнал не изменился. Как и прежде, он заполнялся главным образом пустенькими комедиями и водевилями (переводными, переделанными, оригинальными) и романтическими драмами псевдопатриотического характера (типа драм Полевого). Как и прежде, театральное обозрение журнала велось на редкость бесцветно. «Обозрения театров в «Репертуаре», — писал Белинский в одной из рецензий на «Репертуар», — давно уже знамениты отсутствием всякого мнения, удивлением всему и всем и разве легкими заметками насчет самых плохоньких пьес, которых, по русской пословице, только ленивый не бьет».

Характерно, что это «отсутствие всякого мнения» было возведено редакцией в принцип: «Входить в рассмотрение литературного достоинства имеющих успех пьес редакция считает совершенно излишним, представляя суд над оными самой публике, которой приговоры всегда и во всяком случае правее приговоров одного или даже многих частных лиц». Таким образом, «Репертуар и Пантеон» в качестве высшего судьи драматических произведений избрал публику Александринского театра — в массе своей обывательскую — и плелся в ее хвосте. Исключение из этого правила делалось только для драматургии Гоголя, которую «Репертуар и Пантеон», вслед за Булгариным, не одобрял. Не проявляя заботы о мнениях и направлении «Репертуара и Пантеона», его редакция прилагала все усилия к тому, чтобы журнал был занимательным. Для этого, кроме водевилей и комедий, журнал заполнялся биографиями артистов и музыкантов, театральными мемуарами, закулисной хроникой, слухами и двусмысленными анекдотами.

Сотрудниками «Репертуара и Пантеона» были, по выражению Белинского, преимущественно «не литераторы, а литературщики», т. е. мелкие журналисты, ради заработка готовые писать и водевили, и рецензии, и хронику, и анекдоты.

Вместо того чтобы бороться за передовую драматургию, за высокую театральную культуру, «Репертуар и Пантеон» насаждал и поощрял драмоделье, дурно влиял на театр и актеров, прививал обывательские вкусы зрителям и читателям. По справедливому замечанию Белинского, журнал придерживался «тактики унижения

истинных талантов через возвышение жалкой посредственности».

Сравнительно более серьезный облик принял «Репертуар и Пантеон» в 1846 году, когда ближайшим сотрудником Межевича стал Аполлон Григорьев, помещавший в журнале стихи и прозу, статьи и рецензии. «Печально и жалко состояние русской драматургии, — писал А. Григорьев. — Уединенно только высятся над общим уровнем посредственности вовсе не сценические поэмы Пушкина и юношеская, но смелая драма Лермонтова, великая сатира Грибоедова и глубокие создания Гоголя».

Но и участие А. Григорьева не могло поднять падающий «Репертуар и Пантеон», принести ему успех, и в 1846 году журнал был передан Ф. А. Кони, который и стал его издателем и редактором с 1847 года. При Кони «Репертуар и Пантеон» хотя и не утратил до конца своего коммерчески-обывательского характера, но стал более содержателен. Журнал перестал восхищаться плохими изделиями драмоделов, бранить и замалчивать драматургию Гоголя, одобрительно отзывался о произведениях писателей натуральной школы (одно время литературные обозрения у Кони вел М. М. Достоевский) и, наконец, с одобрением встретил первые драматические произведения А. Н. Островского.

Под редакцией Кони «Репертуар и Пантеон» выходил вплоть до своего прекращения в 1856 году.

8. «МАЯК» И «МОСКВИТЯНИН»

Подъем освободительного движения, распространение демократических идей, усиление влияния передовой журналистики заставили правительство и господствующие классы России искать средств и форм энергичного противодействия. В связи с этим, наряду с полицейскими мероприятиями, направленными на удушение всяких проявлений прогрессивного общественного движения, реакционные круги русского общества стали думать о создании ряда периодических изданий, соответствующих их видам и желаниям. При этом нужно сказать, что известную часть правящей верхушки и большую часть верноподданически настроенной дворянской и служилой интеллигенции деятельность Булгарина, Греча, Сенковского, Н. Полевого и самый характер их периодических изданий далеко не удовлетворяли. Как журнальные деятели и литераторы названные лица были уже сильно скомпрометированы в глазах общества, а их издания стояли на весьма невысоком культурном уровне, были проникнуты коммерческим духом, безидейностью и продажностью. Значение и влияние их, естественно, с каждым годом падали, как и авторитет их редакторов. Вот почему некоторые группы реакционной интеллигенции пытаются в 1840-е годы создать журналы, которые были бы независимы от книгопродавцев и журнальной монополии триумвирата и приобрели бы такое значение, которое могло бы поколебать влияние «Отечественных записок». Отсюда возникновение таких журналов, как «Маяк»

и «Москвитянин», для которых правительством Николая I было сделано отступление от правила, запрещавшего издание новых журналов.

«Маяк современного просвещения и образованности» начал выходить в 1840 году. Редакторами и издателями журнала были в 1840—1841 годах П. А. Корсаков и С. А. Бурачек, а затем — один Бурачек.

«Маяк» был органом воинствующего мракобесия и обскурантизма, в котором казенно-православное направление являлось совершенно открыто, по-домашнему. «Спасительное православие», «благотворное самодержавие» и «богом данную самобытную народность» «Маяк» славил на каждой своей странице, во всех своих отделах и притом в псевдонародном, юродивом стиле.

Поэзия была представлена главным образом «барабанными» стихами вроде «Русь святая», «Заздравный кубок русскому царю» и т. п., которые бездарно имитировали формы народного творчества. Проза «Маяка» не отставала от поэзии. Не удовлетворяясь псевдонародными повестями Н. Тихорского, П. Корсакова, Н. Елагина, журнал стал помещать произведения «русских мужичков» (?), написанные, по мнению редакции, «русским умом-разумом и деревенским складом». Появились на страницах «Маяка» «огородник с Выборгской стороны», «областянин», «маячный сторож» и им подобные «мужички», которые, представляя в журнале «добрый русский народ», говоря от его имени, помещали в нем статьи и повести вроде: «Ложь да обман — православью изъян, а правда груба, да богу люба», или: «На чужую кучу нечего глаза пучить, а свою заведи, да как хошь и гляди». [1] Присяжным баснописцем «Маяка» был Борис

---

[1] Необходимо отметить, что в «Маяке» принимала участие группа украинских писателей: Основьяненко, Гулак-Артемовский, Тихорский и другие. Т. Г. Шевченко опубликовал в «Маяке» «Никиту Гайдай» (отрывок из драмы) и поэму «Бесталанный» (1842, № 5, и 1844, № 14). Привлечение к сотрудничеству в «Маяке» писателей-украинцев объясняется стремлением редакции журнала объединить на основе «официальной народности» культурные силы славянских народов России. Участие в «Маяке» Шевченко носило случайный характер и связано, видимо, с тем, что П. Корсаков был цензором «Кобзаря». К творчеству Шевченко журнал относился очень осторожно. В развернутой рецензии на «Гайдамаков»

Федоров, известный своими доносами на «Отечественные записки». Достаточно указать на опубликованную им в «Маяке» басню «Крысы», чтобы понять, какого рода произведениями (их называли «юридическими») не пренебрегал «Маяк» в борьбе со своими врагами. В басне идет речь о крысах, которые, заведясь в книжной кладовой, «поэзию зубами рвали и на Державина напали». Федоров имел в виду Белинского и критику «Отечественных записок». Мораль басни содержала прямой призыв к «котам» из III отделения:

Литературных крыс я наглости дивился:
Знать, Васька-кот запропастился!

Философией ведал в «Маяке» Бурачек. Он беспощадно расправлялся с ней и призывал за разрешением всех важнейших задач ума человеческого обращаться к религии. «Что больше: ум или бог, наука об уме или наука о боге? — спрашивал Бурачек, «анализируя» систему Канта и решая «задачи философии». «Если философию ограничить наукою об уме, так о боге и помина не будет! ..» Для истинного христианина философия — «одно пустословие, потому что важнейшие ее вопросы давно уже решены» (1840, № 9; 1842, № 6).

Столь же «успешно» разрешал «Маяк» и проблемы эстетики в статьях другого редактора журнала, Корсакова. «Бесспорно, что природа должна быть основанием идеалов искусства, но какая природа? Только прихоть художника решится изображать с математической точностью низкую природу... Подле гениальной картины Брюллова кто станет любоваться какою-нибудь оргиею фламандской школы?» (1840, № 1).

Отношение журнала к различным явлениям русской литературы совершенно определенное и ясное. Русской литературе, утверждал «Маяк», явно недостает религиозности, «патриотизма», «народности». «Не ищите у Пушкина религиозности: его умели отвратить от нее». Поэтому

Н. Тихорский разъяснял, что Шевченко смотрит на историю глазами язычника, а не христианина, что в его поэме представлена «картина», может быть и близкая к природе, но не очень поэтическая, и призывал «певца Гайдамаков» обратиться к миру духовному (1842, № 4).

«тот, кто призван был воссоздать русскую поэзию [Пушкин], именно тот уронил ее по крайней мере десятилетия на четыре» (см. статьи Мартынова о Пушкине, 1843, №№ 7—12). «Пушкин — флигельман русской литературы, которая доселе повторяет его мишурные артикулы», — писал и сам Бурачек на свойственном ему, как бывшему военному моряку, флотском «диалекте».

В творчестве Лермонтова «Маяк» тоже не нашел «и следов философии, религиозности, русской народности» и увидел лишь «клевету на целое поколение людей» и «проповедь отвратительного эгоизма и пессимизма». «Итого: воровство, грабеж, пьянство, похищение и обольщение девушки, два убийства, презрение ко всему святому, одеревенелость, парадоксы, софизмы, зверство духовное и телесное», — характеризовал Бурачек «Героя нашего времени». Особенно возмущала Бурачка лермонтовская поэтизация борьбы, неукротимого стремления к свободе сильных волей героев. «Надоел этот «могучий дух»! — писал он. — «Могучий дух» в медведе, барсе, василиске, Ваньке Каине, Картуше, Робеспьере, Пугачеве, в диком горце, в Наполеоне — один и тот же род: дикая, необузданная воля, преступная в человеке» (1840, № 4).

Гоголь и современная русская литература получают у «Маяка» еще более отрицательную оценку: «литература дошла до разжиженного состояния», «все пороки, все мерзости человечества поступили в число материалов для изящных произведений».

Лермонтову и современным литераторам «Маяк» противопоставляет писателей XVIII века, в творчестве которых он находит (часто совсем неосновательно) и религию, и преданность самодержавию, и угодную журналу «народность». Впрочем, и среди современных русских писателей «Маяк» выделяет достойных. Их он называет «портретными писателями», т. е. такими, «которых не только сочинения, но личность в портрете известна и любезна всей России». К ним журнал, уступая вкусам читателей, милостиво относит и Пушкина с Жуковским. Но зато в какое окружение они поставлены! «Греч, Полевой, Жуковский, Пушкин, Зотов, Булгарин, Карпович, Кукольник, Александров, Каменский, Воскресенский — все это у нас портретные писатели, т. е. даровитые, всеми любимые и всеми уважаемые писатели» (1842, № 1).

Откровенное мракобесие, исповедовавшееся журналом, естественно, не смогло собрать под свои знамена талантливых писателей и сотрудников, не смогло привлечь к себе и сочувствия читателей. Даже журналы реакционного направления старались отмежеваться от «Маяка». Передовые же журналы, не имея острой необходимости и возможности полемизировать с «Маяком», ограничивались обычно короткими насмешливыми замечаниями по поводу фантастического издания, обретающегося на «заднем дворе литературы». Большой популярностью пользовалась эпиграмма на «Маяк» Соболевского:

«Просвещения "Маяк»
Издает большой дурак,
По прозванию Корсак,
Помогает дурачок,
По прозванью Бурачек».

В 1840 году «Маяк» имел 800 подписчиков. С каждым годом число их уменьшалось, и в 1845 году журнал вынужден был прекратить свое существование, сыграв роль предшественника «Домашней беседы» Аскоченского и других подобного рода периодических изданий, которые в различных формах возникали в России вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции.

«Маяк» издавался в Петербурге. Между тем настоятельную потребность в организации своего журнала давно уже испытывала и московская консервативная интеллигенция, с беспокойством наблюдавшая за ростом влияния демократического направления в русской журналистике. В 1841 году в Москве начал выходить журнал «Москвитянин», редактором и издателем которого был профессор Московского университета историк М. П. Погодин, а руководителем критического отдела другой профессор — историк литературы С. П. Шевырев.

«Москвитянин» был журналом «официальной народности», открыто написавшим на своем знамени известную формулу Уварова: «православие, самодержавие, народность». Журнал постоянно предостерегал русское общество от увлечения революционными и социалистическими идеями. Отстаивая учение о самобытности исторического развития России, «Москвитянин» защищал крепостное право, деспотизм и религию. Народность

и патриотизм журнала являлись псевдонародностью и лжепатриотизмом и носили реакционный характер. Выступления сотрудников журнала Погодина против рационализма и материализма, их попытки создать так называемую «христианскую философию» дали повод Герцену иронически называть «Москвитянин» журналом «сухопутного православия» в отличие от «Маяка» — журнала «морского православия».

В соответствии с общим направлением журнала Шевырев выступал в своих критических статьях против всех передовых явлений литературы, в первую очередь против натуральной школы, и защищал все отсталое и отживающее.

С самого начала своего существования «Москвитянин» выступил как журнал воинствующей идеологии. Он активно боролся против философских, исторических, литературных мнений «Отечественных записок» и «Современника», против Белинского и Герцена. Боролся и тяжеловесными научными статьями, и критическими рецензиями, и прозой, и стихами. Особенно враждебно относился «Москвитянин» к Белинскому.

На протяжении всех 1840-х годов «Москвитянин» влачил довольно жалкое существование. Только первые два года журнал пользовался некоторой популярностью, а затем интерес к нему упал. Новая полоса существования начинается для «Москвитянина» с 1850 года, когда отделы литературы и критики журнала перешли в ведение «молодой редакции», т. е. А. Н. Островского, А. А. Григорьева, Е. Н. Эдельсона, Б. Н. Алмазова, Т. И. Филиппова. Под руководством «молодой редакции» «Москвитянин» несколько видоизменился.

Но в 1853 году кружок, объединившийся вокруг «Москвитянина» и А. Григорьева, распался. Журнал выходил еще некоторое время, а затем, в связи с обозначившимся в середине 1850-х годов переломом в русской общественной жизни и ростом новых, враждебных ему идей, навсегда прекратил свое существование (1856).

9. 1848 ГОД В РОССИИ И ПОЛОЖЕНИЕ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

С 1848 года в истории русского освободительного движения, литературы и журналистики начинается период «мрачного семилетия». Революция 1848 года зажгла революционный пожар во всех европейских странах и весьма сильно сказалась в России. В стране поднимается глухое брожение в народных массах, нарастают волнения крестьян, создается острое положение в Польше и Прибалтике, возникает страх и паника среди дворянства. «Все ходили озабоченные, в каком-то неопределенном страхе... — пишет в своих «Записках» барон Корф. — Более других страшился и, может статься, один имел повод страшиться класс помещиков перед вечным пугалищем — крепостного нашего состояния». С другой стороны, усиливаются революционные и оппозиционные настроения и чаяния среди передовой русской интеллигенции. Не только петрашевцы, Герцен, молодой Чернышевский, но даже такие умеренные и трусливые либералы, как А. В. Никитенко, начинают питать надежды на перемены в общественно-политическом режиме России. Но надеждам подобного рода не суждено было осуществиться. Наоборот: в стране наступило торжество самой гнетущей реакции. Правительство Николая I («вооруженная рука Священного союза») встало на путь жестокой расправы с общественным движением не только в России, но и в Европе. Как известно, не ограничиваясь дипломатическими шагами, Николай I осуществил военное вмешательство в европейские события (так называемая

«Венгерская кампания»). В самой же России неспокойные губернии были наводнены войсками, и по всей стране усилились полицейские мероприятия и надзор. Очень сильно сказалась политическая реакция на судьбах русского просвещения. В университетах значительно сократили число студентов, изъяли из числа изучаемых дисциплин философию, носились даже слухи о закрытии университетов. Дело дошло до того, что сам министр Уваров был заподозрен в либерализме и должен был уступить свое место законченному мракобесу Ширинскому-Шихматову, про которого современники говорили, что он объявил русскому просвещению «шах» и «мат» одновременно.

В связи с событиями 1848 года особенное внимание правительства Николая I привлекла русская литература и журналистика. Булгарин, Федоров и другие доносчики давно уже призывали III отделение расправиться с очагами революции в русской литературе, но до поры до времени их доносы не вызывали серьезных последствий. В начале февраля 1848 года — незадолго до получения в России первых известий о революции во Франции — III отделение получило еще три анонимные доноса, в которых речь шла главным образом об «Отечественных записках», «Современнике» и Белинском. В доносах говорилось, что в сочинениях Белинского и его последователей «есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться вполне коммунистическим», что целью «Отечественных записок» и «Современника» является «потрясение основ». На этот раз, в связи с известиями о февральской революции, доносам был дан ход. 23 февраля (на следующий день после получения первых достоверных сведений из Франции) шеф жандармов граф Орлов представил доклад царю о положении периодической печати в России, в котором почти дословно повторял один из доносов и утверждал, что «Отечественные записки» и «Современник» могут в молодом поколении «поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме». Орлов предлагал царю усилить строгость цензурного надзора. Кроме Орлова, аналогичные записки Николаю I подали барон Корф и граф С. Г. Строганов. Корф, напуганный «ужасными происшествиями на западе Европы», советовал «обратить самое бдительное внимание на журнальную нашу литера-

туру». «Русские журналы и газеты, — доносил Корф, — читаются и всеми мелкими чиновниками, и в трактирах, и в лакейских, рассыпаясь таким образом между сотнями тысяч читателей», и могут «в случае ложного или не довольно осмотрительного направления произвести самые гибельные последствия».

Исходя из доклада Орлова и записок Корфа и Строганова, Николай I указом от 27 февраля учредил особый комитет под председательством князя Меньшикова (члены: Бутурлин, Строганов, Корф, Дубельт и Дегай), которому было поручено тщательно обследовать содержание выходивших журналов и действия цензуры. Над лучшими журналами нависла угроза закрытия. К этому времени в распоряжение комитета поступило из III отделения несколько новых доносов, в том числе Булгарина и Федорова. Булгарин в своем доносе, озаглавленном «О коммунизме и цензуре в России», требовал: «Краевскому и Никитенко (ибо «Современник» есть эхо «Отечественных записок») запретить вовсе быть редакторами каких бы то ни было журналов, и журналы их запретить... Это даст острастку всем писакам и всей шайке коммунистической. Пока будут действовать Краевский и Белинский, в литературе чумы не истребить...» Федоров же приводил многочисленные выписки из «Отечественных записок» и «Современника» с целью доказать, что эти журналы проповедовали идеи: «противорелигиозные», «противонравственные», «против повиновения законам и о стремлении к свободе», «возмутительные, и о политических переворотах», «материализм и политические мнения в сочинениях Искандера (Герцена)» и т. п.

29 марта на заседании «меньшиковского комитета» обсуждались результаты обследования периодических изданий. Как и следовало ожидать, отзывы о «Северной пчеле», «Библиотеке для чтения», «Москвитянине» были благоприятны. «Северную пчелу», — заявил Дубельт, — должно причислить к самым благонамеренным, в духе правительства действующим журналам». Корф был столь же лестного мнения о «Москвитянине».[1] Совсем иначе были оценены членами комитета «Отечественные

[1] Это не помешало Корфу утверждать, что помещенное в «Москвитянине» в 1847 году «Слово архиепископа харьковского» «может возбудить идеи коммунизма».

записки» и «Современник». Строганов указывал, что «Современник» «содержит в себе места, написанные в духе прогрессистов и так называемой натуральной школы», и в подтверждение ссылался на статью Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года», на статью Герцена «Несколько замечаний об историческом развитии чести», на повесть Григоровича «Антон Горемыка». Еще более неблагожелательным был отзыв Дегая об «Отечественных записках».

На основании всех материалов, оказавшихся в его распоряжении, «меньшиковский комитет» (заканчивая свою работу) представил доклад царю, в котором рекомендовал подвергнуть «Отечественные записки» и «Современник» строжайшему надзору и пригрозить их редакторам не только запрещением журналов, но и личной ответственностью. Николай I предложение комитета полностью одобрил, и Краевскому и Никитенко пришлось явиться в III отделение и дать подписку на бумаге следующего содержания: «Государь император, рассмотрев всеподданнейший доклад, представленный комитетом, высочайше утвержденным под председательством генерал-адъютанта князя Меньшикова, и прочитав выписки, помещенные в упомянутом докладе из «Отечественных записок» и «Современника», изволил признать, что журналы сии допускали в статьях своих мысли в высшей степени преступные, могущие поселить и в нашем отечестве правила коммунизма, неуважение к вековым и священным учреждениям, к заслугам людей, всеми почитаемых, к семейным обязанностям и даже к религии, повредить народной нравственности и вообще подготовить у нас те пагубные события, которыми ныне потрясены западные государства. Хотя по всей справедливости следовало бы издателей «Отечественных записок» и «Современника» Краевского и Никитенку подвергнуть личной наистрожайшей ответственности, но его императорское величество в милосердии своем на сей раз соизволил ограничиться повелением: внушить издателям упомянутых журналов, Краевскому и Никитенке, чтобы они на будущее время не осмеливались ни под каким видом помещать в своих журналах статей и мыслей, подобных вышеизъясненным, чтобы, напротив того, всеми мерами старались давать журналам своим направление, совершенно соглас-

ное с видами нашего правительства, и что за нарушение этого при первом после сего случае им запрещено будет издавать журналы, а сами они подвергнутся наистрожайшему взысканию и поступлено с ними будет как с государственными преступниками».

Царское предупреждение нагнало на Краевского и Никитенко сильный страх. Никитенко обратился к шефу жандармов с письмом, в котором уверял в своей преданности «великому государю» и сваливал «упущения» «Современника» на его сотрудников. Письмо граничило с доносом. А когда Николай I ответил на письмо: «пусть докажет на деле свои чувства», Никитенко счел за лучшее совсем отказаться от редактирования «Современника» (в апреле 1848 года). Краевский же сначала побежал в III отделение и изъявил там готовность «быть органом правительства», потом отправил письмо Дубельту, в котором, как и Никитенко, объяснял наличие «чужеземного влияния» в журнале увлечениями своих сотрудников и, наконец, поместил в «Отечественных записках» статью «Россия и Западная Европа в настоящую минуту», где в самых льстивых выражениях превозносил русское самодержавие.

Некоторые сотрудники «Отечественных записок» и «Современника» пострадали от деятельности «меньшиковского комитета» в гораздо большей степени, чем редакторы журналов. М. Е. Салтыкову, на «неблагонамеренность» повести которого «Запутанное дело» обратил особое внимание Дегай, пришлось отправиться в ссылку в Вятку, и нет никакого сомнения в том, что только преждевременная смерть спасла от правительственных репрессий Белинского.

Но и этим не исчерпываются результаты деятельности «меньшиковского комитета». Поскольку он установил вредное направление в русской журналистике и серьезные упущения цензуры, было решено учредить постоянный комитет по делам печати. Такой комитет и был создан под именем «комитета 2-го апреля», или «бутурлинского», как его обычно называют по имени его председателя Бутурлина.[1] Кроме Бутурлина, членами комитета были

---

[1] Мракобесие Бутурлина имело анекдотический характер. Он говорил, что евангелие следовало бы запретить за демократиче-

назначены Корф и Дегай, а в подспорье им приданы шесть помощников, в том числе и Борис Федоров. «Комитет 2-го апреля» был облечен исключительными полномочиями. Его ведению подлежали все произведения печати, их дух и направление. Комитет был негласный; он не заменял, а контролировал цензурное ведомство и рассматривал произведения литературы по выходе их в свет. Все заключения комитета, после утверждения царем, передавались как личные распоряжения и указания Николая. По словам Корфа, царь, учреждая «комитет 2-го апреля», сказал: «Цензурные установления остаются все как были, но вы будете я, т. е. как самому мне некогда читать все произведения нашей литературы, то вы станете делать это за меня и доносить мне о ваших замечаниях, а потом мое уже дело будет расправиться с виновниками».

С образованием «бутурлинского комитета» наступили для русской литературы и журналистики совсем уже трудные времена. Период семилетней деятельности комитета даже в официальных «Исторических сведениях о цензуре России» (1862) назван «эпохой цензурного террора».

...Поднялась тогда тревога
В Париже буйном — и у нас
По-своему отозвалась...
Скрутили бедную цензуру,
Послушав наконец клевет,
И разбирать литературу
Созвали целый комитет —

вспоминал впоследствии Некрасов в поэме «В. Г. Белинский».[1]

ский дух, настаивал на закрытии университетов, находил даже в акафистах богородице «опасные выражения» и утверждал, что формула Уварова «православие, самодержавие, народность» — революционный лозунг.

[1] Материалы о влиянии революции 1848 года на Россию и о положении русской журналистики в связи с революцией 1848 года см. в книгах: А. С. Нифонтов. 1848 год в России, М., 1949; М. Лемке. Николаевские жандармы и литература 1826—1855 гг., СПБ., 1909, и В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50 гг., Л., 1934.

10. «МРАЧНОЕ СЕМИЛЕТИЕ» В ИСТОРИИ РУССКОЙ ЖУРНАЛИСТИКИ

Годы с 1848 по 1855 — это время, по сравнению с которым даже жестокий политический режим предшествовавшего десятилетия кажется гуманным. Т. Н. Грановский имел все основания сказать: «Благо Белинскому, умершему во-время». Наступил разгул правительственной реакции и репрессий, тяжело сказавшийся на русской литературе и журналистике.

В 1849 году была организована чудовищная расправа над петрашевцами, среди которых было немало писателей и журналистов (Достоевский, Плещеев, Пальм, Дуров и др.). В том же году подвергся заключению в Петропавловскую крепость и высылке в Симбирскую губернию славянофил Ю. Самарин и был арестован и допрошен другой славянофил — И. Аксаков. По мнению правительства, Самарин в «Остзейских письмах», а Аксаков просто в своих частных письмах, прочитанных полицией, высказывают недозволенные и опасные мысли, что, начиная с Петра I, русское самодержавие действует «только по внушению и под влиянием немцев», что петербургское дворянство «оторвалось от народа» и т. п. В 1850 году учреждается полицией надзор за Островским, в связи с тем, что комедия «Свои люди — сочтемся» вызвала недовольство царя и была запрещена им к постановке на сцене. Тогда же подверглись аресту Огарев, Сатин и другие. В 1852 году за безобидный некролог Гоголя высылается в свое имение Тургенев. «Трудно себе

представить, как тогда жили люди. Люди жили, словно притаившись... — вспоминает П. В. Анненков. — Некоторые из нервных господ, вроде В. П. Боткина... почти что тронулись. Этот господин трепетал за каждый час существования».[1]

Под влиянием гнетущих обстоятельств происходит поправение и перерождение интеллигенции, оторванной от народа. Она или замыкается в круг личных интересов и обывательского времяпрепровождения, или усваивает нравы богемы.

Идейная борьба Белинского и Герцена с либералами-западниками обозначилась уже в середине 1840-х годов. Естественно, что в период реакции многие былые «друзья» Белинского и Герцена, которые и раньше не шли дальше либерализма, явно отрекаются от их заветов. «Вы по доброте вашей слишком снисходительно слушаете всех этих гг. Боткиных с братиею, — писал Чернышевский И. С. Тургеневу в конце апреля 1857 года. — Они были хороши, пока их держал в ежовых рукавицах Белинский, умны, когда он набивал их головы своими мыслями. Теперь они выдохлись».

Боткин, Анненков, Кавелин, Корш, Григорович, Галахов и другие в период «мрачного семилетия» исповедуют вылинявший либерализм, скептически оценивающий духовные силы и возможности русского народа, преклоняющийся перед капиталистической культурой Запада, сблизившийся с умеренным консерватизмом.

В воспоминаниях А. Я. Панаевой рассказывается об одном споре Некрасова с Боткиным, который хорошо показывает, до какой степени пренебрежения к русскому народу и низкопоклонства перед Западом доходили тогда либералы:

«Василий Петрович в ужасе схватил себя за голову и воскликнул: — ...Хочешь быть русским Беранже; но ведь ты, мой любезный, не сообразил, что во Франции народ цивилизованный, а наш русский — это эскимосы, готентоты! — Ты бы, Василий Петрович, лучше молчал о русском народе, о котором не имеешь понятия! — раздражительно воскликнул Некрасов. — И знать не хочу

---

[1] П. В. Анненков. Две зимы в провинции и деревне — «Былое» 1922, № 18, стр. 9—10.

звероподобную пародию на людей и считаю для себя большим несчастьем, что родился в таком государстве. Ведь вся Европа, любезнейший, смотрит на русского чуть ли не как на людоеда».[1]

Годы «мрачного семилетия» были вместе с тем и эпохой цензурного террора. Цензура во главе с негласным «бутурлинским комитетом» неистовствовала. «Комитет 2-го апреля», по словам официальных «Исторических сведений о цензуре», рассматривал литературу как «скользкое поприще» и обращал главное внимание «на междустрочный смысл сочинений». «Становится невозможным что-либо писать и печатать!» — негодовал благонамеренный Никитенко. И в самом деле, даже «Москвитянин» оказался в затруднительном положении; замечания и выговоры цензуры следовали одни за другими. И за пьесу Островского «Свои люди — сочтемся», и за отклик на смерть Гоголя, и за опубликование рассказа В. И. Даля «Ворожейка», и за многие иные грехи и промахи. История с «Ворожейкой» особенно любопытна. Рассказ Даля о том, как ворожея-цыганка обманула невежественную крестьянку, кончался словами: «Крестьяне заявили начальству — тем, разумеется, дело и кончилось». Эта фраза обошлась Далю очень дорого: ему буквально запретили писать. «Как, неужели и Даль попал в коммунисты и социалисты?» — недоумевал Никитенко.[2]

Не только Даль, но и славянофилы были заподозрены в сочувствии коммунизму. В 1852 году был запрещен второй выпуск «Московского сборника», а его участники Иван и Константин Аксаковы, Хомяков, Иван Киреевский, Черкасский были отданы под полицейский надзор и получили распоряжение впредь проводить все свои произведения через Главное управление по делам цензуры (что равнялось запрещению писать).

Даже в безобидной заметке «Северной пчелы» о несоблюдении извозчиками установленной платы увидели критику правительственных распоряжений и, сделав стро-

---

[1] В советские годы воспоминания Панаевой переиздавались неоднократно, последнее издание, под редакцией и со вступительной статьей К. И. Чуковского, вышло в 1948 г.

[2] Запись в дневнике от 1 декабря 1848 года. «Записки и дневник» А. В. Никитенко изданы в 2 томах в 1904—1905 годах.

гое внушение Булгарину, приняли решение: «не допускать в печать никаких, хотя бы косвенных, порицаний действий и распоряжений правительства и установленных властей, к какой бы степени сии последние ни принадлежали».

Но несравненно тяжелее было, конечно, положение лучшего журнала тех лет — «Современника». Само существование журнала, обвиненного в проповеди коммунизма и революции, висело на волоске.

В 1848 году цензура запретила уже совсем готовый «Иллюстрированный альманах», который должен был выйти в качестве приложения к «Современнику». «Альманах» содержал в себе роман Станицкого (Панаевой) «Семейство Тальниковых», повести Дружинина и Гребенки, рассказы Достоевского и Даля, рисунки Степанова, Неваховича, Агина, Федотова. Запрещение «Альманаха» принесло Некрасову и Панаеву убыток в 4000 рублей.

В 1849 году Бутурлин предложил министру просвещения сделать «вразумление» цензору за помещенную в «Современнике» статью С. М. Соловьева о смутном времени. В статье Соловьева рассказывалось о народном движении Болотникова и приводились воззвания последнего. Бутурлин же исходил из решения «комитета 2-го апреля», запрещавшего статьи, «относящиеся к смутным временам нашей истории, как то ко временам Пугачева, Стеньки Разина и т. п.».

Тогда же, в 1849 году, «Современник» снова навлек на себя гнев «бутурлинского комитета» и самого царя, поместив статью И. И. Давыдова «О назначении русских университетов». Статья была написана по поручению министра просвещения Уварова, в связи с распространившимися слухами о закрытии (по настоянию Бутурлина) русских университетов, и содержала в себе очень осторожную защиту университетского образования. «Бутурлинский комитет» обратил на статью Давыдова внимание царя, усмотрев в ней «неуместное для частного лица вмешательство в дела правительства». Николай I полностью согласился с мнением комитета и нашел статью, помещенную в «Современнике», «неприличною». «Должно повиноваться, а рассуждения свои держать про себя», — заявил он по поводу статьи Давыдова. Уварову вскоре после этой истории пришлось уйти в отставку.

Наконец, в том же 1849 году, редакторам «Современника» пришлось побывать в III отделении и выслушать там выговор за смелое выступление против невыносимого цензурного режима в скромной рецензии на учебник Смарагдова по истории средних веков. В рецензии, между прочим, нашли место такие строки: «Вы хотите новых романов, хотите ученых статей, хотите умных рецензий и критик? Но подумали ли вы хотя раз о положении вашей литературы, вашей журналистики? Кто нынче пишет? Нынче решительно век книгоненавидения».

Как видно, положение «Современника» в 1849 году было критическим. Оно не стало более устойчивым и в последующие годы «эпохи цензурного террора». Угроза закрытия постоянно тяготела над журналом. Цензура и «бутурлинский комитет» продолжали вести с ним и всей передовой русской литературой беспощадную войну. «Громы грянули над литературой и просвещением в конце февраля 1848 года, — пишет М. Н. Лонгинов в своих воспоминаниях об А. В. Дружинине. — Журналистика сделалась делом опасным и в высшей степени затруднительным. Надо было взвешивать каждое слово, говоря даже о травосеянии или коннозаводстве, потому что во всем предполагалась личность или тайная цель. Слово «прогресс» было строго воспрещено, а «вольный дух» признан за преступление даже на кухне. Уныние овладело всей пишущей братией. . .» [1]

Под влиянием цензурного гнета и общей политической реакции периода «мрачного семилетия» русская журналистика существенным образом изменилась.

Некоторые периодические издания преждевременно закончили свое существование. Вполне вероятно, что прекращение «Литературной газеты», «Ералаша» и «Северного обозрения» произошло не без влияния общественно-

---

[1] Воспоминания Лонгинова напечатаны в VIII томе Собрания сочинений А. В. Дружинина, СПБ., 1865. О «Современнике» в годы «мрачного семилетия» см. названную выше работу В. Е. Евгеньева-Максимова. Материалы по истории русской цензуры в период «мрачного семилетия» см. в «Очерках по истории русской цензуры» А. М. Скабичевского и в книгах М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература» и «Очерки по истории русской цензуры и журналистики XIX столетия», СПБ., 1904.

политических обстоятельств, создавшихся после 1848 года. Прямое вмешательство правительства положило конец выпуску «Московских сборников».

Продолжавшие издаваться журналы потускнели, стали менее содержательными и потеряли, естественно, свое былое значение. Строгость направления журналов была утрачена. «Вследствие отсутствия строго разделенных партий в нашем обществе и в нашей литературе и самые журналы не представляют резких между собою отличий, а могут быть разделяемы только по некоторым и большею частью весьма слабым оттенкам», — писал в «Современнике» автор «Обозрения русской литературы за 1850 год», воздавая при этом хвалу богу, избавившему журналы от «одностороннего преследования той или другой идеи». Естественно, что и писатели перестали быть разборчивыми при выборе журналов, в которых будут помещены их произведения. Григорович печатался в «Современнике», «Отечественных записках» и... «Москвитянине». Тургенев печатался в «Современнике», «Отечественных записках» и вел дружескую переписку с И. Аксаковым по поводу участия в «Московском сборнике». Дружинин помещал свои вещи в «Современнике» и в «Библиотеке для чтения». Писемский, Даль, Фет, Полонский и многие другие помещали свои произведения буквально где придется. О степени падения принципиальности и журналов и писателей можно судить уже по одному факту появления в «Современнике» в 1851 году юдофобской «были» Н. Кукольника «Третий понедельник». Кукольник в «Современнике»! Разве это было возможно при Белинском?

В связи с обезличением журналов исчезает и принципиальная полемика между ними. И если Белинский заявлял, что его «призвание, жизнь, счастье, воздух, пища — полемика», то Дружинин писал, что «не вступать ни в какую полемику и избегать журнальных споров до крайности похвально». Принципиальная полемика уступает место ничтожной и пустой грызне. Неточные даты, опечатки, а иногда и личные качества того или иного сотрудника журнала стали главным предметом журнальных дискуссий. Особенно острый характер подобная полемика принимала перед подпиской на новый

год. При этом часто брань по адресу журнала-конкурента сопровождалась беззастенчивым рекламированием своего издания, вплоть до качества бумаги и количества опубликованных произведений. В стихотворении «Беседа журналиста с подписчиком» Некрасов прекрасно характеризовал «осенний поход» журналистов на читателей и сопровождающие его журнальные битвы:

Забыв достоинство своей журнальной чести,
Из зависти, вражды, досады, мелкой мести
Спешите вы послать врагам своим стрелу.
Враги стремительно бросают вам перчатку, —
И бурей роковой к известному числу
Все разрешается... Ошибку, опечатку
С восторгом подхватив, готовы целый том
О ней вы сочинить... А публика? Мы ждем,
Когда окончится промышленная стычка,
Критический отдел наполнившая весь
И даже, наконец, забравшаяся в «Смесь»,
И думаем свое...

Но как ни сожалел Некрасов о пустоте и ничтожности полемики, вернуться к серьезным спорам 1840-х годов было решительно невозможно уже по цензурным условиям.

По тем же причинам журналам пришлось отказаться и от освещения самых существенных событий окружающей жизни. Смерти Белинского в «Современнике» было посвящено 10 строк; на смерть Гоголя почти нельзя было откликнуться. Что же касается таких событий, как революция 1848 года, то о них приходилось совершенно молчать. Для сравнения отметим, что незадолго до 1848 года «Современник» (несмотря на все строгости цензуры) имел возможность публиковать такие произведения, как «Письма из Avenue Marigny» Герцена.

Сильно упало в журналах качество литературной критики. Общий уровень критической мысли, так высоко поднятый Белинским, очень снизился. Критические статьи и обзоры стали осторожно обходить «проклятые вопросы» жизни и старались держаться исключительно в плоскости эстетических вопросов. Горячие демократические убеждения и революционная страстность сменились в них холодным беспристрастием и либеральным объективизмом. В критике получили широкое распространение идеи «искусства для искусства», враждебные «гоголевскому

направлению» в литературе — тому направлению, которое так высоко ценил Белинский. Критика стала вялой, мало содержательной, литературные обзоры превратились в библиографическую хронику и номенклатурные перечисления.

Характерным критиком эпохи «мрачного семилетия» является А. В. Дружинин — англоман, весьма умеренный либерал, сторонник идеалистической теории «чистого искусства», открыто отрекавшийся от традиций Белинского. «Поэзии мало в последователях Гоголя, — заявлял Дружинин, — поэзии нет в излишне реальном направлении многих новейших деятелей... Скажем нашу мысль без обиняков: наша текущая словесность изнурена, ослаблена своим сатирическим направлением». Отвергая «гоголевское направление», Дружинин противопоставлял ему Пушкина, тенденциозно интерпретированного как олимпийца, который изображал жизнь «тихо, спокойно и радостно». Настоящий поэт, по мнению Дружинина, «не дает уроков обществу» и видит свой идеал в бескорыстном служении «идеям чистой красоты», «он живет среди своего возвышенного мира и сходит на землю, как когда-то сходили на нее олимпийцы, твердо помня, что у него есть свой дом на высоком Олимпе». [1]

Вместо животрепещущих статей о современных писателях журналы стали заполняться пространными статьями (Галахова, Геннади и др.) о писателях XVIII столетия. При этом историко-литературные работы носили большей частью узко библиографический, оторванный от жизни характер. По этому поводу Н. Г. Чернышевский писал в 1853 году Н. И. Костомарову: «Апатия в Петербурге достигла чрезвычайно высокой степени развития; нельзя узнать тех людей, которых я знал два года назад. Прежнего осталось в них одни только имена. Петербург решительно отстал от провинции. Как пример перемены, происшедшей во всех областях умственной деятельности, укажу вам современное направление литературной критики. Она обратилась в чистую библиографию. Место

---

[1] См. статьи Дружинина «Критика гоголевского периода и наши к ней отношения» и «Пушкин и последнее издание его сочинений» в VII томе Собрания сочинений А. В. Дружинина, СПБ, 1865.

Белинского занимают теперь Геннади и Тихонравов, знающие наизусть Сопикова и смирдинский каталог с тремя прибавлениями. Я признаю важность библиографии как вспомогательной науки для истории литературы. Но ставить выше всего на свете изыскания о том, что писал Елагин и нет ли неизвестных еще сочинений Ельчанинова, кажется мне буквоедством. Эти господа с презрением смотрят на прежние стремления людей, занимавшихся критикой как средством распространения человеческого взгляда на вещи; они обвиняют их в неосновательности за то, что, говоря, например, о Ломоносове, не описывали они формата, шрифта и т. д. всех изданий Ломоносова. Я слышал, как люди, два года тому назад не смевшие подумать без уважения о «Телеграфе», трактуют Чаадаева как смешного дурака, которому в самом деле прилично было сидеть в сумасшедшем доме. Зато ими отысканы глубокие истины у Озерова и гениальные благодетельные планы в распоряжениях Ширинского».

Несколько позднее — в 1856 году — над мертвым эмпирическим направлением критики издевался Добролюбов. «Теперь дорожат каждым малейшим фактом биографии и даже библиографии, — писал Добролюбов. — Где первоначально были помещены такие-то стихи, какие в них были опечатки, как они изменены при последних изданиях, кому принадлежит подпись «А» или «В» в таком-то журнале или альманахе, в каком доме бывал известный писатель, с кем он встречался, какой табак курил, какие носил сапоги, какие книги переводил по заказу книгопродавцев, на котором году написал первое стихотворение — вот важнейшие задачи современной критики, вот любимые предметы ее исследований, споров, соображений» (статья «Собеседник любителей российского слова»).

Наряду с появлением большого количества историко-литературных работ чисто описательного и мелочного характера — в качестве обратной стороны медали — получил необыкновенное развитие пустой и легкомысленный литературный фельетон. Даже «Отечественные записки» жаловались в 1854 году, что «фельетон изгнал и серьезные обозрения литературы, и серьезные критические статьи, и серьезные рецензии». Примером могут служить «Письма иногороднего подписчика» (А. В. Дружинина) в «Современнике» и «Библиотеке для чтения», фельетоны

Эраста Благонравова (Б. Н. Алмазова) в «Москвитянине» и постоянные фельетоны других журналов. Наиболее популярные фельетоны тех лет — «Письма иногороднего подписчика» Дружинина — возвели в принцип отсутствие направления и безразличие к действительности, аморальность и дендизм на английский манер, безидейное шутовство по поводу пустяков и мелочей.

Очень разросся в журналах этих лет отдел «Науки». Однако статьи, заполнявшие этот отдел, имели по большей части узко специальный характер. «Москвитянин» писал «о способах обработки торфа» и «новом способе дубления кожи», «Библиотека для чтения» — «об истории тонкорунного овцеводства» и «укреплении летучих песков», «Современник» — «о рыбоводстве», «Сын отечества» — «о переугливании лесов». Редакции журналов не смущались ни чертежами, ни сложными вычислениями с употреблением логарифмов и интегралов, которыми были снабжены некоторые научные работы, вроде статьи «Графический способ деления дуги на три части», или рецензии на диссертацию «О весе пая висмута», которую «Современник» напечатал в отделе критики. Их не смущала и величина научных статей или материалов. Так, например, «Отечественные записки» на 120 страницах перепечатали Сибирские летописи XVI—XVII столетий и опубликовали очень громоздкий филологический разбор перевода «Одиссеи», половину которого занял греческий текст. Очевидно, что такие статьи, место которым — в соответствующих специальных изданиях, отягощали журналы и не могли заинтересовать сколько-нибудь широкие круги читателей. Некрасов в «Беседе журналиста с подписчиком» так характеризовал отдел наук журналов того времени:

...«Науки»
Так пишутся у вас, что просто вон из рук.
Прислушивался я частехонько к молве
И слышал все одно: «быть может, и прекрасно,
Да только тяжело, снотворно и неясно!»
Притом, какие вы трактуете предметы?
«Проказы домовых, пословицы, приметы,
О роли петуха в языческом быту,
Значенье кочерги, история ухвата...»

Единственным журналом, который старался сохранить свой прежний облик и значение, был «Современник».

Некрасов не давал журналу забыть традиции 1840-х годов и заветы Белинского. Тем не менее общий упадок русской журналистики коснулся и «Современника». Журнал стал менее содержателен и ярок. Даже художественный отдел «Современника» — лучший отдел журнала — стал беднее. Никто, конечно, не мог заменить умершего Белинского и эмигрировавшего Герцена, а без них в «Современнике» довольно явственно сказываются ограниченные, либеральные тенденции.

Таковы основные изменения, которые произошли в русской журналистике в связи с установившейся после 1848 года политической реакцией и цензурным террором. Новый период в истории русской журналистики начнется после поражения России в Крымской кампании и смерти Николая I, когда поднимется новая волна революционного движения и на общественно-политической арене и в литературе выступит новое поколение деятелей и писателей во главе с Чернышевским и Добролюбовым — поколение разночинной революционной демократии 1860-х годов.

II. «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» 1840-х ГОДОВ

1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Одним из самых важных событий в истории русской журналистики второй половины 1830-х годов является переход журнала «Отечественные записки» в руки А. А. Краевского.

Основанные чиновником коллегии иностранных дел П. П. Свиньиным еще в 1818 году, «Отечественные записки» на всем протяжении 1820-х годов представляли собой издание серое и скучное. Заполнялся журнал преимущественно статьями исторического и географического характера и сообщениями о быте и нравах русских людей, якобы благоденствующих под властью царя и церкви. При этом, несмотря на претензии редактора «Отечественных записок» на ученость, статьи, публиковавшиеся в журнале, изобиловали курьезными промахами. Многое здесь зависело опять-таки от того псевдопатриотического направления, которое было характерно для журнала Свиньина. Именно казенно-патриотическое усердие заставляло Свиньина утверждать, что зала библиотеки Главного штаба имеет в вышину 100 аршин (вместо 10), или распространяться в статьях «Мясник-астроном», «Провинциальный оптик» и т. п. о нелепых «изобретениях» и выдумках преданных царю-батюшке «добрых мужичков и ремесленников». Естественно, что такой журнал не пользовался популярностью у читателей 1820-х годов, и в 1831 году Свиньин, по недостатку подписчиков, вынужден был прекратить его издание. В 1838 году он сделал попытку возродить «Отечественные

записки», но успеха не имел и выпустил лишь несколько книжек журнала.

Убедившись в невозможности самому продолжать издание «Отечественных записок», Свиньин во второй половине 1838 года охотно уступил право издания журнала А. А. Краевскому. Сначала Краевский принялся издавать «Отечественные записки» на правах арендатора, согласившись выплачивать Свиньину 5000 рублей ассигнациями в год, но в апреле 1839 года Свиньин умер, и Краевский тотчас же возбудил ходатайство о передаче журнала в его собственность. Главное управление по делам цензуры дало на это свое согласие.

Андрей Александрович Краевский (1810—1889) был в литературных кругах человеком довольно известным. Окончив в 1828 году Московский университет, он начал свою журнальную деятельность с участия в «Московском вестнике», где поместил несколько рецензий литературного, исторического и философского характера. В 1831 году Краевский перебрался в Петербург, вошел в столичные литературные кружки и с 1832 года стал сотрудником, а с 1834 года — помощником редактора «Журнала министерства народного просвещения». К середине 1830-х годов ему удалось сблизиться с группой литераторов пушкинского круга, и когда Пушкина не стало, имя Краевского появилось в числе издателей «Современника» рядом с именами Жуковского, Вяземского, В. Ф. Одоевского и Плетнева. Характерный для 1830-х годов процесс капитализации журнального дела, успех «Библиотеки для чтения» заставили и Краевского усиленно добиваться возможности стать в ряды «журнальных концессионеров эпохи». По свидетельству П. В. Анненкова, «он принялся искать редакторского кресла для себя по всем сторонам, и притом с выдержкой, упорством и твердостью действительно замечательными». Еще в 1836 году Краевский вместе с В. Ф. Одоевским пытались получить разрешение на издание журнала «Русский сборник», но ходатайство их было безуспешным. В 1837 году Краевский становится редактором приобретенной им у Воейкова газеты «Литературные прибавления к Русскому инвалиду», которую позднее — в 1840 году — он переименовывает в «Литературную

газету». Наконец, в 1838 году Краевский приобретает «Отечественные записки».

Будучи человеком предприимчивым, Краевский начал издание «Отечественных записок» с должным размахом. Не обладая для этого достаточными материальными средствами, он сумел объединить вокруг издания ряд вкладчиков (В. Ф. Одоевский, И. И. Панаев и др.), которые и оказали ему необходимую помощь. В «Литературных прибавлениях» (1838, № 43) было помещено программное объявление. Оно оповещало, что в энциклопедическом журнале будет восемь больших отделов, что в нем примут участие все виднейшие литераторы и ученые (в объявлении были названы 126 сотрудников), что цель журнала — «передавать отечественной публике все, что только могло встретиться в литературе и жизни замечательного, и полезного, и приятного». О журнале заговорили до его появления. 1 января 1839 года первая книжка обновленных «Отечественных записок» вышла в свет. «Это была, впрочем, не книжка, — вспоминает И. И. Панаев, — а книжища, вдвое — если не более — толще «Библиотеки для чтения». Все любители литературы бросились смотреть на нее — и вот: «Громада двинулась и рассекает волны. . .» [1]

«Отечественные записки» произвели впечатление и нашли теплый прием у читателей. Это было естественно уже потому, что в первых же книжках журнала были помещены стихотворение Пушкина «В альбом», «Бэла» и несколько стихотворений Лермонтова, несколько «песен» Кольцова, повесть Соллогуба «История двух калош», повесть В. Ф. Одоевского «Княжна Зизи» и некоторые другие талантливые произведения. «Отечественные записки» не замедлят занять первое место в современной русской журналистике», — писал Белинский в «Московском наблюдателе» (1839, ч. II), весьма положительно оценивая художественную прозу и стихотворения журнала Краевского.

Предпринимая издание «Отечественных записок», Краевский прежде всего стремился к личному обогаще-

---

[1] «Литературные воспоминания» И. И. Панаева переизданы в 1950 году Гослитиздатом со вступительной статьей и примечаниями И. Г. Ямпольского.

нию. По единодушному свидетельству современников, он смотрел на журнал «как на хорошее коммерческое предприятие». Однако, понимая, что и читатели и литераторы давно уже ожидают появления издания, противостоящего «журнальному триумвирату», Краевский объявил главной целью своего журнала борьбу с монополией Сенковского, Булгарина, Греча в русской журналистике. «Если и эта новая попытка, — говорил новый издатель «Отечественных записок», — противопоставить оплот смирдинской клике не удастся, то всем нам останется только сложить руки и провозгласить ее торжество» (Анненков).

Различные группы русских литераторов 1830-х годов, объединявшиеся вокруг таких журналов, как «Московский телеграф», «Телескоп», «Московский наблюдатель», «Современник», уже пытались положить конец монополии журнального триумвирата, но по тем или иным основаниям все попытки подобного рода успеха не имели. Между тем борьба против органов Булгарина, Греча, Сенковского имела в то время первостепенное общественное значение. Поэтому появление «Отечественных записок» было встречено с радостью не только читателями, но и большею частью литераторов. В числе сотрудников журнала были названы лица самых разнообразных направлений: и будущие активные участники «Москвитянина» (Погодин, Шевырев, И. И. Давыдов, М. А. Дмитриев и др.), и будущие славянофилы (Хомяков, С. Т. Аксаков), и литераторы пушкинского круга (Жуковский, Вяземский, Баратынский, В. Ф. Одоевский, Д. Давыдов и др.), и перешедшие в «Отечественные записки» из «Литературных прибавлений» молодые писатели: Лермонтов, Соллогуб, И. И. Панаев. «Клич Краевского, — рассказывает Анненков, — собрал под знамя обновленного журнала много старых и молодых сил... бедные и богатые принялись работать на журнал г. Краевского почти без вознаграждения или за ничтожное вознаграждение».

Опираясь на сочувствие и поддержку различных литературных кругов, Краевский мог действовать увереннее и решительнее. Когда Булгарин предложил Краевскому присоединиться с приобретенным журналом к их журнальной монополии и «образовать нечто вроде синдиката», издатель «Отечественных записок» с негодованием отверг это предложение. В 5-й книжке журнала

за 1839 год Краевский писал: «Благосклонный прием «Отечественных записок» публикою показывает, что время спекулянтов прошло, что читатели начинают ясно видеть проказы этих господ и отличать настоящую литературу от *биржевой*».

Полному успеху преобразованных «Отечественных записок» мешало отсутствие у журнала определенной и ясной программы. Выступая против триумвирата, «Отечественные записки» не противопоставляли органам Греча, Булгарина и Сенковского своего направления. Положительные цели журнала Краевский всегда формулировал довольно туманно: «способствовать, сколько возможно, русскому просвещению», «обогащать ум знаниями», «настроить к восприятию впечатлений изящного», «истина в науке, истина в искусстве, истина в жизни» и т. п. Благодаря отсутствию положительной программы первые номера «Отечественных записок», хотя и были удачны, все же походили скорее на пестрые литературные сборники, чем на журнал, где содержание всех отделов подчинено единым целям и задачам. «В Петербурге, — по словам Анненкова, — оказался с «Отечественными записками» великолепный склад для ученых и беллетристических статей, но не оказалось учения и доктрины, которых можно было бы противопоставить развратной проповеди руководителей «Библиотеки для чтения» и «Северной пчелы».

С отсутствием «учения и доктрины» был связан и другой недостаток преобразованных «Отечественных записок» — невысокий уровень критического отдела журнала. Краевский начал издание «Отечественных записок», не имея руководящего критика, что немедленно и обнаружилось. Критический дебют «Отечественных записок» был неудачен; статья «Русская литература в 1838 году» оказалась плохой компиляцией, наполненной общими местами. «Кто же у вас будет заниматься критическим отделом?» — спрашивали издателя «Отечественных записок».

Поднимающееся общественное движение и развивающаяся литература нуждались в осмыслении и идейном руководстве. Журнал, объединивший литераторов самых различных убеждений, не имеющий своего лица и пренебрегающий критикой, не мог рассчитывать на продол-

жительный успех. Все это довольно быстро понял Краевский. С присущей ему энергией он начинает искать нужного для «Отечественных записок» руководителя критического отдела. Найти такого человека было нелегко. От И. И. Панаева Краевский получил предложение поручить критику «Отечественных записок» В. Г. Белинскому. «Покорно вас благодарю, — сказал г. Краевский резко и сухо, — я не имею никакого желания связываться с этим крикуном-мальчишкой». «Он презирал Белинского и его молодых друзей, — пишет Панаев. — Сближаться с Белинским — значило компрометировать себя во мнении авторитетов, перед которыми усердно преклонялся г. Краевский».

Отказавшись от приглашения Белинского, Краевский предложил руководство критическим отделом «Отечественных записок» своему старому московскому знакомому В. С. Межевичу, который был известен ему как учитель словесности, публиковавший иногда статейки о литературе в различных изданиях. Межевич дал согласие и в конце февраля 1839 года перебрался из Москвы в Петербург. Первые же бесцветные и бесталанные статьи Межевича показали всем и каждому, что он на роль критика «Отечественных записок» не годится. «Он имел характер совершенно слабый и мелкий... Он чувствовал боязнь к уму, к убеждениям, ко всякой моральной силе», — пишет Панаев. Несколько позднее — с приходом в «Отечественные записки» Белинского — Межевич «сбежал» от Краевского, стал сотрудником «Северной пчелы» и, по выражению Белинского, «душою и телом предался Полевому, Гречу и Булгарину».

Таким образом, надежды Краевского на Межевича рухнули, приходилось на место руководителя критического отдела «Отечественных записок» искать другого человека. Обстоятельства вынуждали Краевского обратиться к Белинскому и связать свою судьбу с «крикуном-мальчишкой» и его друзьями. При этом Краевскому пришлось пренебречь и предостерегающими советами многих доселе близких ему сотрудников «Отечественных записок», враждебно относившихся к Белинскому.[1]

---

[1] См. письмо Н. Ф. Павлова к В. Ф. Одоевскому — «Русская старина» 1904, № 4, стр. 197—201.

И когда И. И. Панаев снова передал ему, что Белинский предлагает свое сотрудничество, Краевский ответил Панаеву письмом, в котором говорилось: «Прошу Белинского статью о Менцеле и душевно рад его будущему сотрудничеству. Поклон ему от меня низкий и вопрос: как устроится это сотрудничество?» [1]

С июня 1839 года Белинский начал печататься в «Отечественных записках», а в конце октября переселился из Москвы в Петербург и принял на себя ведение критико-библиографического отдела журнала. Краевский обязался платить Белинскому 3500 рублей ассигнациями (1000 рублей серебром) в год. Первые же статьи Белинского в «Отечественных записках» заставили читателей и литераторов почувствовать, что в журнале Краевского появилась «и живая мысль и сильная рука». На другой день после выхода 11-й книжки журнала за 1839 год Булгарин, встретив Панаева, сказал ему: «Почтеннейший, почтеннейший, — бульдога-то это вы привезли меня травить?»

Белинский отдался работе в «Отечественных записках» со всею присущею ему страстью. «Отечественные записки» и «Литературные прибавления» — *наше общее* дело: отныне я их душою и телом, их интересы — мои интересы», — писал он 19 августа 1839 года Краевскому. «Умру на журнале и в гроб велю положить под голову книжку «Отечественных записок», — писал он через несколько месяцев, 14 марта 1840 года, Боткину. — Я литератор — говорю это с болезненным и вместе радостным и гордым убеждением. Литературе расейской моя жизнь и моя кровь».

К активному сотрудничеству в «Отечественных записках» Белинский призывал и своих московских друзей и знакомых. «Журналистика в наше время все: и Пушкин, и Гёте, и сам Гегель были журналисты. Журнал стоит кафедры. . . Потягнем, братцы!» — убеждал он их. [2] Призыв Белинского не остался без ответа. Вместе с ним сотрудниками «Отечественных записок» стали Боткин, Бакунин, Грановский, Кетчер, Кудрявцев, а несколько позднее — Огарев, Герцен, Тургенев, Некрасов и другие.

---

[1] Письмо Краевского Панаев приводит в своих воспоминаниях.

[2] См. письма к В. П. Боткину от 18—20 февраля и от 16 апреля 1840 года.

Белинский и новые участники «Отечественных записок» заставили не только потесниться, но и совсем покинуть журнал многих прежних его сотрудников. От помещения своих произведений в «Отечественных записках» постепенно отказались и будущие участники «Москвитянина», и будущие славянофилы, и Жуковский с Вяземским, и Плетнев, и Бенедиктов, и Межевич. Состав основных сотрудников журнала существенно изменяется и становится более сплоченным. Краевский, вопреки желаниям старых литературных друзей, не препятствовал переменам, совершавшимся в его журнале. Он дал возможность «Отечественным запискам» стать трибуной для Белинского и Герцена и органом писателей реалистического направления.[1]

---

[1] О переходе «Отечественных записок» в руки Краевского и первых шагах преобразованного журнала см. статью В. Н. Орлова «Литературно-журнальная деятельность А. А. Краевского (в тридцатые годы)» — «Ученые записки» Ленинградского гос. университета, серия филолог. наук, вып. 11, 1941.

2. КРАТКИЙ ОБЗОР СОДЕРЖАНИЯ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» 1840-х ГОДОВ

«Отечественные записки» 1840-х годов представляли собою объемистый (до 40 печатных листов) ежемесячник, все содержание которого было разбито на восемь отделов: I. Современная хроника России; II. Науки; III. Словесность; IV. Художества; V. Домоводство, сельское хозяйство и промышленность вообще; VI. Критика; VII. Современная библиографическая хроника; VIII. Смесь.

В «Отечественных записках» приняли участие почти все замечательные писатели 1840-х годов. Ни один другой журнал того времени не имел столь богатого отдела словесности. Лермонтов, Кольцов, Герцен, Огарев, Тургенев, Некрасов, Достоевский, Салтыков-Щедрин, Григорович и многие другие талантливые поэты и прозаики помещали свои произведения в «Отечественных записках».

С первого же номера преобразованного журнала началось сотрудничество в нем М. Ю. Лермонтова. Еще в 1838 году в «Литературных прибавлениях», редактируемых Краевским, была опубликована «Песнь о купце Калашникове». «Где и как он [Лермонтов] сошелся с г. Краевским, этого я не знаю, — пишет Панаев, — но он был с ним довольно короток и даже говорил ему ты». Лермонтов был также знаком и с Белинским. Естественно, что «Отечественные записки» стали жур-

налом, где появились почти все вещи Лермонтова, опубликованные в годы 1839—1841. Среди них несколько десятков лучших стихотворений поэта, а также «Бэла», «Тамань», «Фаталист». Публикацию произведений Лермонтова «Отечественные записки» продолжали и после смерти поэта — до 1844 года. Кроме ряда стихотворений, были напечатаны отрывки из поэмы «Демон», поэмы «Сказка для детей», «Боярин Орша», «Измаил-Бей».[1]

Одновременно с Лермонтовым — в 1839 году — началось сотрудничество в «Отечественных записках» А. В. Кольцова, которое продолжалось до смерти поэта (1842). Несколько десятков «песен» и «дум» поместил Кольцов в журнале Краевского — в том числе и такие шедевры своей поэзии, как «Что ты спишь, мужичок?», «Хуторок», «Доля бедняка» и другие. Участие Кольцова в «Отечественных записках» становится более активным со времени перехода в журнал Белинского, с которым Кольцов был связан тесными дружескими отношениями.[2]

Благодаря Белинскому и тому направлению, которое он придал журналу, «Отечественные записки» приобрели сотрудничество и многих других крупных писателей 1840-х годов. Как уже отмечено выше, это были по преимуществу литераторы, так или иначе связанные с Белинским и принадлежавшие к натуральной школе. К таким писателям прежде всего относится А. И. Герцен. Герцен начал свое сотрудничество в «Отечественных записках» в 1840 году и продолжал его до середины 1846 года — до разрыва Белинского с Краевским. За это время за подписью «Искандер» он поместил в «Отечественных записках» несколько художественных произведений («Записки одного молодого человека», «Еще из записок одного молодого человека», первую часть романа «Кто виноват?»), свои большие философские работы «Дилетантизм

[1] Отношениям Лермонтова и Краевского посвящена статья В. А. Мануйлова «Лермонтов и Краевский», напечатанная в «Литературном наследстве» № 45—46, М., 1948.

[2] См. В. Тонков. «В. Г. Белинский и А. В. Кольцов», Воронеж, 1948.

в науке» и «Письма об изучении природы», ряд публицистических статей, в том числе три фельетона, направленных против журнала «Москвитянин». Несомненно, Герцен был не только одним из наиболее активных сотрудников «Отечественных записок», но и литератором, определявшим вместе с Белинским направление журнала.

Еще в 1841 году несколько своих стихотворений поместил в «Отечественных записках» И. С. Тургенев, но тесная связь его с журналом Краевского установилась только после сближения писателя с Белинским, одобрительно отозвавшимся об его поэме «Параша» (1843). Почти все свои произведения, написанные до «Записок охотника» (которые начали печататься с 1847 года в «Современнике»), Тургенев поместил в «Отечественных записках». Здесь появились ряд стихотворений, поэма «Андрей», пьесы «Неосторожность» и «Безденежье», рассказы «Андрей Колосов», «Бреттер» и другие. Сотрудничество Тургенева в «Отечественных записках» продолжалось и после перехода Белинского, Герцена, Некрасова из «Отечественных записок» в «Современник». В конце 1840-х годов и в начале 1850-х годов он поместил в «Отечественных записках» пьесы «Холостяк» и «Провинциалка», повести «Дневник лишнего человека», «Яков Пасынков» и другие.

С начала 1840-х годов и до 1846 года продолжалось сотрудничество в «Отечественных записках» Н. А. Некрасова. «Моя встреча с Белинским была для меня спасением», — говорил Некрасов. Кроме нескольких рассказов («Необыкновенный завтрак», «Опытная женщина») и стихотворений («Современная ода», «Когда из мрака заблужденья», «Огородник», «Старушке»), Некрасов поместил в «Отечественных записках» значительное количество анонимных рецензий, нравившихся Белинскому. «Вы писывали превосходные рецензии в таком роде, в котором я писать не могу и не умею», — говорил Белинский Некрасову. «Я помню, — писал Белинский и Кавелину, — кажется, в 42 или 43 году он [Некрасов] написал в «Отечественных записках» разбор какого-то булгаринского изделья с такой злостью, ядовитостью, с таким мастерством, что

читать наслажденье и удивленье» (письмо от 7 декабря 1847 года).[1]

Во второй половине 1840-х годов начинает помещать свои произведения в «Отечественных записках» Ф. М. Достоевский, дебютировавший в литературе романом «Бедные люди», опубликованным в «Петербургском сборнике» Некрасова (1846). Почти все свои последующие произведения 1840-х годов Достоевский поместил в «Отечественных записках»: «Двойник», «Господин Прохарчин», «Хозяйка», «Белые ночи», «Елка и свадьба», «Неточка Незванова» и другие повести и рассказы.

С «Отечественными записками» связано и начало литературной деятельности М. Е. Салтыкова-Щедрина. В 1847 году в журнале была опубликована его повесть «Противоречия», а в 1848 году — другая повесть: «Запутанное дело», за которую автор поплатился ссылкой в Вятку.

В «Отечественных записках» предполагал начать свой литературный путь и А. Ф. Писемский. В 1846 году он послал Краевскому роман «Боярщина», но цензура не пропустила его, и писатель на некоторое время замолчал.

Кроме названных крупнейших русских писателей в отделе словесности «Отечественных записок» 1840-х годов в разные годы помещали свои произведения такие прозаики и поэты, как В. Ф. Одоевский («Княжна Зизи», «Косморама» и другие), Д. В. Григорович («Деревня» и др.), Г. Ф. Квитка-Основьяненко («Пан Халявский» и др.), В. И. Даль, В. А. Соллогуб («История двух калош», «Большой свет», главы из «Тарантаса»), И. И. Панаев, П. Н. Кудрявцев, Е. П. Гребенка, А. Д. Галахов, Н. П. Огарев, А. Н. Майков, Я. П. Бутков, А. А. Фет и другие.[2]

---

[1] Об отношениях Некрасова и Белинского и сотрудничестве Некрасова в «Отечественных записках» см. в монографии В. Евгеньева-Максимова «Жизнь и деятельность Н. А. Некрасова», т. I, Л., 1947; т. II, Л., 1950.

[2] К сотрудничеству в «Отечественных записках» Белинский пытался привлечь и Н. В. Гоголя, убеждая его, что «Отечественные записки «теперь единственный журнал на Руси, в котором находит себе место и убежище честное, благородное и — смею думать — умное мнение» (письмо от 20 апреля 1842 года). Но попытка Белинского успеха не имела.

Высокими качествами отличалась в «Отечественных записках» 1840-х годов переводная художественная литература. Над переводами для «Отечественных записок» работали такие опытные переводчики, как Кронеберг, Струговщиков, Кетчер. Помещались почти исключительно переводы современных западно-европейских писателей; что же касается писателей прошлого, то было дано лишь несколько переводов из Гёте (отрывки из «Фауста», «Вильгельма Мейстера», стихи) и перевод «Двенадцатой ночи» Шекспира (перевод Кронеберга). Из современных явлений западных литератур «Отечественные записки», естественно, тяготели преимущественно к французскому социальному роману. Особенно много было помещено произведений Жорж Санд: «Орас», «Мельхиор», «Андре», «Жак», «Лукреция Флориани», «Домашний секретарь», «Жанна», «Теверино», «Маркиза». Из английской литературы в «Отечественных записках» были напечатаны романы Диккенса («Оливер Твист», «Барнеби Редж», «Жизнь и приключения Мартина Чезлвита»), из американской — роман Ф. Купера «Путеводитель в пустыне». Из немецкой литературы в журнале были помещены «Мейстер Фло» и «Крошка Цахес» Гофмана, «Избыток жизни», «Виттория Аккоромбона» Л. Тика и несколько стихотворений Гейне.

Отдел критики и библиографии «Отечественных записок» с осени 1839 и до апреля 1846 года вел Белинский. Он печатал в журнале, за очень редкими исключениями, все свои работы этого времени, начиная со статей о «Бородинской годовщине» Жуковского и об «Очерках Бородинского сражения» Ф. Глинки и кончая одиннадцатой (последней) статьей о Пушкине, помещенной в 10-й книжке «Отечественных записок» за 1846 год. В числе работ Белинского, помещенных в «Отечественных записках», были и общие обзоры русской литературы за 1840—1845 годы, и статьи о народной поэзии, и две статьи о творчестве Лермонтова, и одиннадцать статей о творчестве Пушкина, и несколько полемических заметок о «Мертвых душах» Гоголя, и огромное количество других замечательных произведений великого критика.

Кроме Белинского, в отделе критики и библиографии «Отечественных записок» 1840-х годов принимали участие

М. Н. Катков,[1] А. Д. Галахов,[2] П. Н. Кудрявцев,[3] В. П. Боткин, Н. А. Некрасов и другие литераторы, в большей или меньшей степени находившиеся тогда под влиянием литературных мнений Белинского. После ухода Белинского из «Отечественных записок» отдел критики и библиографии журнала некоторое (весьма непродолжительное) время находился в руках В. Н. Майкова, поместившего в нем статью о Кольцове и несколько рецензий, а затем перешел в руки С. С. Дудышкина, дебютировавшего в 1847 году статьей о Фонвизине.

Критики и рецензенты «Отечественных записок» уделяли внимание не только явлениям отечественной литературы, но и литературам европейским. Кроме Белинского, постоянно откликавшегося на все существенные явления западной литературы, обзоры иностранных литератур в «Отечественных записках» вели К. Ф. Липперт, Боткин (немецкая литература), И. И. Панаев (французская литература). Вместе с тем Липперт поместил в журнале четыре статьи о Гёте, Боткин — статью «Шекспир как человек и лирик», Кронеберг — «Обзор мнений о Шек-

---

[1] Впоследствии, в 1850—1860 годах, Катков стал редактором «Русского вестника» и деятелем сначала умеренно-либерального, а затем реакционного лагеря русской общественной мысли. Начал же он свою литературную деятельность в конце 1830-х годов как сотрудник «Московского наблюдателя» и «Отечественных записок». В «Отечественных записках» 1839—1840 годов Катков поместил значительное количество статей и рецензий (о «Песнях русского народа» Сахарова, об «Истории древней русской словесности» М. Максимовича, об «Основаниях русской стилистики» Зиновьева, о сочинениях Сарры Толстой и др.), а также несколько переводов (роман Купера, стихи Гейне). Сотрудничество Каткова в «Отечественных записках» продолжалось недолго; осенью 1840 года он уехал в Германию, увлекся там «философией откровения» Шеллинга и отошел от Белинского и от «Отечественных записок».

[2] А. Д. Галахов, более всего известный как автор распространенной хрестоматии по русской литературе, был в 1840-е годы одним из близких сотрудников «Отечественных записок». Кроме большого числа критических статей и рецензий, Галахов поместил тогда в журнале интересную статью «Философия анатомии» и под псевдонимом «Сто Один» несколько повестей («Записки человека», «Старое зеркало» и другие). Кроме того, через Галахова, проживавшего в Москве, поддерживались связи «Отечественных записок» с их московскими сотрудниками.

[3] П. Н. Кудрявцев, впоследствии профессор Московского университета по кафедре всеобщей истории, тоже принимал в «Отечественных записках» 1840-х годов активное участие. Кроме ряда

спире, высказанных европейскими писателями XVIII—XIX века». Наконец, были помещены статьи о Шекспире, Лессинге, Гофмане и других западных писателях, переведенные с иностранного. Так, В. П. Боткин (вообще активно сотрудничавший в «Отечественных записках» 1840-х годов как критик, переводчик, обозреватель художественных выставок и т. д.) перевел для журнала статьи Ретшера «Четыре новые драмы Шекспира» и Джемсон «Женщины, созданные Шекспиром».

Другие отделы «Отечественных записок», хотя и не были столь богаты, как «Словесность» и «Критика и библиография», содержали в себе ряд в высшей степени интересных и ценных произведений по философии, истории, естествознанию и т. д.

Среди работ по вопросам философии выделяются замечательные работы Герцена «Дилетантизм в науке» и «Письма об изучении природы». Положительно были оценены Белинским статьи «О философии» Бакунина и «Философия анатомии» Галахова. «Статья Галахова — прелесть, чудо, объядение», — писал он Боткину.

Среди работ по историческим и экономическим вопросам привлекли внимание читателей: «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции» В. А. Милютина, «О причинах колебания цен на хлеб в России» А. П. Заблоцкого-Десятовского («архипревосходнейшая статья», по мнению Белинского), полемические статьи Грановского против Хомякова, рецензии Кавелина на книги по русской истории. Вообще «Отечественным запискам» удалось привлечь к сотрудничеству ряд наиболее передовых ученых Петербургского и Московского университетов.

Большое место уделял журнал освещению жизни России, особенно жизни хозяйственной. В журнале было помещено значительное количество статей и материалов соответствующего характера: кроме названной работы

рецензий, он поместил в журнале под псевдонимами «А. Н.» и «Нестроев» около десятка повестей: «Недоумение», «Звезда», «Цветок», «Последний визит», «Ошибка» и другие. Некоторые из них нравились Белинскому. Позднее Белинский писал, что переоценил творческие возможности Кудрявцева. В сборнике «В. Г. Белинский и его корреспонденты» (М., 1948) напечатаны 7 писем Кудрявцева к Белинскому, в которых содержится много сведений, касающихся «Отечественных записок».

Заблоцкого-Десятовского, восемь статей П. Небольсина «Рассказы о сибирских золотых приисках» («прекрасная и преинтересная» работа, по отзыву Белинского), статья П. И. Мельникова-Печерского о нижегородской ярмарке, статьи И. В. Сабурова «Записки пензенского земледельца о теории и практике сельского хозяйства» и т. д.

Кроме оригинальных статей русских ученых, «Отечественные записки» в отделе «Науки» помещали также переводы работ европейских ученых: «Рассказы о временах Меровингов» Тьерри (перевод Герцена), «Консульство и империя» Тьера, «Система железных дорог в Германии» Фр. Листа, «Космос» Гумбольдта и другие. Судя по всему, руководителей «Отечественных записок» интересовало не столько историческое прошлое Европы, сколько ее настоящее. Это подтверждает ряд статей, посвященных современной европейской жизни и литературе, в частности «Письма из-за границы» П. В. Анненкова, печатавшиеся в отделе «Смесь».

Уже краткий обзор содержания «Отечественных записок» за 1840-е годы показывает, что это был журнал, сосредоточивший в себе многие выдающиеся произведения русской художественной литературы, критики и науки того времени. Естественен успех журнала в широких кругах читателей. Еще в 1841 году ссыльный декабрист В. К. Кюхельбекер в своем дневнике назвал «Отечественные записки» «журналом больших достоинств». Ему понравились и стихи Лермонтова и статьи Белинского.

3. НАПРАВЛЕНИЕ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК»

Главное условие, которое поставил Белинский перед Краевским при своем переходе в «Отечественные записки», заключалось в обеспечении ему полной свободы мнений. Сообщая 18 февраля 1839 года И. И. Панаеву, что он готов «продать себя» Краевскому, Белинский добавлял: «не стесняя притом моего образа мыслей, выражения, словом *моей литературной совести,* которая для меня так дорога, что во всем Петербурге нет и приблизительной суммы для ее купли. Если дело дойдет до того, что мне скажут: независимость и самобытность убеждений или голодная смерть, — у меня достанет силы скорее издохнуть, как собаке, нежели живому отдаться на позорное съедение псам... Что делать — я так создан». Договорившись с Краевским, Белинский тотчас же начинает ревниво следить за выдержанностью направления «Отечественных записок». «Бога ради, Андрей Александрович, — писал он Краевскому 19 августа 1839 года, — какими судьбами попала в «Отечественные записки» гнусная статья пошляка, педанта и школяра Давыдова? .. зачем же пятнать его [журнал] такими нечистотами?» [1]

Краевский, не отличаясь принципиальностью и будучи заинтересован в успехе своего издания, не препятствовал превращению «Отечественных записок» в орган Белинского и его единомышленников. Серьезных возражений

---

[1] Речь идет о статье реакционного профессора И. И. Давыдова «О возможности эстетической критики».

с его стороны не вызвало и отречение Белинского в 1840 году от «примирения с действительностью». По свидетельству И. И. Панаева, когда Краевский «заметил перемену направления в своем журнале, это сначала крайне удивило его. Делать, впрочем, было нечего... В области мысли он не был так силен, как в области денежных расчетов, и должен был покориться безусловно Белинскому... К тому же новое направление, может быть, еще обещало усиление подписки». Свидетельство Панаева небеспристрастно, но в основном, несомненно, справедливо.

Энергично и настойчиво Краевский стремился превратить «Отечественные записки» в издание широко распространенное, с большим количеством подписчиков. Он прекрасно понимал, что в сложившейся тогда обстановке журналы «патриархального», «домашнего» характера, вроде «Современника» Плетнева или «Москвитянина», обречены на прозябание и гибель, что успех может иметь только журнал, организованный на новый лад — с профессиональными сотрудниками, с отлично, как точный механизм, работающей конторой, с широко поставленной рекламой.

Желание Краевского сделать «Отечественные записки» массовым журналом совпадало с намерениями Белинского. Но цели их были совершенно различны. В то время как Краевский руководился личными, материальными интересами, Белинский исходил из побуждений совсем иного свойства. Он хотел, чтобы «Отечественные записки» были не органом узкого кружка интеллигенции, далекой от народа, а выразителем народных идей и стремлений, и обращались бы не к немногим «избранным» и «посвященным», а ко всем передовым читателям. Белинский стремился превратить и превратил «Отечественные записки» в трибуну для пропаганды таких взглядов, которые отвечали бы задачам народного освобождения и прогресса России. «Как же действовать? — писал Белинский. — Только два средства: кафедра и журнал, — все остальное вздор». «Для нашего общества журнал — все, и... нигде в мире не имеет он такого важного и великого значения, как у нас» (письма к Боткину от 31 октября и от 10—11 декабря 1840 года).

Направление, которое Белинский стремился придать «Отечественным запискам», не вызывает сомнений.

Он был непримиримым врагом крепостничества, самодержавия и религии, социалистом и революционным демократом, «предшественником полного вытеснения дворян разночинцами в нашем освободительном движении».[1] Известно, что в своих первых статьях, напечатанных в «Отечественных записках» («Бородинская годовщина», «Очерки Бородинского сражения», «Менцель, критик Гёте», «Горе от ума»), Белинский развивал реакционную теорию примирения с действительностью. Однако вскоре после переезда в Петербург — уже в 1840 году — под влиянием непосредственного знакомства с политическими порядками николаевской России, под влиянием Герцена и передовой русской литературы он порвал с «примирением». В своих статьях, решающих не только литературно-эстетические вопросы, но и все «проклятые вопросы» русской жизни, Белинский стал пропагандировать те взгляды, итогом которых было зальцбруннское письмо к Гоголю и которые, как и это письмо, находились в тесной связи с настроениями крепостных крестьян и их борьбой против крепостничества. Пробудить политическую активность народных масс, поднять их на борьбу с крепостничеством и самодержавием — вот в чем заключался смысл деятельности Белинского в «Отечественных записках».[2] Недаром князь Вяземский писал о журнальной деятельности великого критика: «Белинский — не что иное, как литературный бунтовщик, который, за неимением у нас места бунтовать на площади, — бунтует в журналах».[3]

В духе своих убеждений Белинский и руководил «Отечественными записками», «одушевляя, оживляя и подстрекая всех к труду». Ближайшим соратником и единомышленником его был Герцен. Некоторые основные сотрудники журнала (Боткин, Галахов и др.) отличались от Белинского и Герцена либеральным характером своих воззрений, но подчинялись их влиянию и авторитету и, в меру своих возможностей, участвовали в борьбе против официальной идеологии и славянофильства. Благодаря

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

[2] Характеристике философских и социально-политических взглядов Белинского посвящен сборник статей под редакцией З. В. Смирновой «Великий русский мыслитель В. Г. Белинский», М., 1948.

[3] «Русский архив» 1885, № 6, стр. 327.

этому и достигалось идейное единство в направлении журнала. Белинский, сотрудничая с западниками, вел журнал по своему пути. Белинского, свидетельствует Кавелин, «не только нежно любили и уважали, но и побаивались. Каждый прятал гниль, которую носил в своей душе, как можно подальше. Беда, если она попадала на глаза Белинскому: он ее выворачивал тотчас же напоказ всем и неумолимо, язвительно преследовал...»[1]

Когда Белинский в апреле 1846 года ушел из «Отечественных записок», их направление начало изменяться. Но первое время (до событий 1848 года) Краевский считал целесообразным сохранять в известной мере прежнюю репутацию журнала. Поэтому он привлек к сотрудничеству в журнале В. Н. Майкова и В. А. Милютина, напечатал повести М. Е. Салтыкова «Противоречия» и «Запутанное дело», известную статью А. Н. Заблоцкого-Десятовского «О причинах колебания цен на хлеб в России» и некоторые другие произведения, соответствующие тому направлению журнала, которое было придано ему Белинским.

В тяжелых подцензурных условиях «Отечественные записки» боролись с крепостничеством и всеми его проявлениями в политическом строе, быту и идеологии. Журнал ратовал за просвещение и свободу, за прогрессивные формы экономической, политической, культурной жизни, за всестороннее развитие России и отстаивал интересы народных масс, крепостного крестьянства. Явственно сказывалось в журнале положительное отношение к народным движениям и революционным переворотам. Такого рода взгляды находили выражение не только в статьях Белинского, в публицистике Герцена, в художественных произведениях, помещавшихся в «Отечественных записках» (достаточно напомнить о романе Герцена «Кто виноват?»), но и в содержании всех отделов журнала. В отделе «Смесь» не случайно очень часто появлялись статьи и заметки о рабовладении в Соединенных Штатах Америки («О торговле неграми и их бедствиях» — 1846, том 40; «Об уничтожении рабства негров» — 1847, том 54; текст воззвания об освобождении негров во французских коло-

---

[1] Ср. в воспоминаниях И. И. Панаева: «Тургенев очень уважал авторитет Белинского и подчинялся безусловно его нравственной силе... Он даже несколько побаивался его».

ниях — 1848, том 56, и т. д.); в отделе «Науки» помещались статьи, довольно прозрачно доказывающие необходимость отмены крепостного права: к таким статьям относится, например, упомянутая выше работа Заблоцкого-Десятовского «О причинах колебания цен на хлеб в России» (1847, № 5—6), автор которой утверждал, что даровой труд крепостных крестьян уничтожает возможность устойчивых цен на хлеб, что «правильная соразмерность между производством и запросом хлеба на рынках может установиться только тогда, когда рента примет естественный, экономический характер» (т. е. с уничтожением крепостного права). Отдел «Современная хроника России» с сочувствием следил за развитием отечественной промышленности и торговли.

Глубокая и всесторонняя критика социально-политических отношений крепостнической России и стремление к их коренному преобразованию естественно заставили «Отечественные записки» встать на путь борьбы с идеологией квасного патриотизма, идеализировавшей и увековечивавшей отсталость России. «Патриотизму», соединенному с православием, самодержавием и крепостным правом, «Отечественные записки» противопоставляли патриотизм, неотделимый от борьбы за освобождение русского народа от власти помещиков, царя и церкви. Отсюда — постоянная полемика журнала против славянофилов, «Москвитянина», «Маяка», псевдопатриотической журналистики и литературы.

Вместе с тем «Отечественные записки» решительно выступали против того пренебрежительного отношения к русскому народу, к русской культуре и раболепия перед заграницей, которые были свойственны господствовавшим классам царской России и дворянско-буржуазному «образованному обществу». «Было время, — писал Белинский в статье «Несколько слов о поэме Гоголя» (1842, № 8), — когда на Руси никто не хотел верить, что русский ум, русский язык могли на что-нибудь годиться; всякая иностранная дрянь легко шла за гениальность на святой Руси, а свое, русское, хотя бы и отличенное высокой даровитостью, презиралось за то только, что оно русское».

Критикуя экономическую, политическую и культурную отсталость России, «Отечественные записки» были далеки от какого бы то ни было преклонения перед капиталисти-

ческой цивилизацией Западной Европы и Америки. Белинский, Герцен и многие сотрудники журнала ценили прогрессивные явления европейской жизни и культуры, но решительно отвергали основы буржуазного строя и буржуазной идеологии. Достаточно сослаться на известную статью Белинского о романе Э. Сю «Парижские тайны» (1844, № 4), в которой с поразительной глубиной раскрыты и непримиримые противоречия между капиталистами и рабочими и фальшь буржуазной демократии.

«Французский пролетарий, — писал Белинский, — перед законом равен с самым богатым собственником (propriétaire) и капиталистом; тот и другой судится одинаким судом и, по вине, наказывается одинаким наказанием; но беда в том, что от этого равенства пролетарию ничуть не легче. Вечный работник собственника и капиталиста, пролетарий весь в его руках, весь его раб, ибо тот дает ему работу и произвольно назначает за нее плату. Этой платы бедному рабочему не всегда станет на дневную пищу и на лохмотья для него самого и для его семейства; а богатый собственник, с этой платы, берет 99 процентов на сто... Хорошо равенство!» [1]

Столь же убийственно характеризовал Белинский и буржуазный парламентаризм. В статье «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (1842, № 9), говоря о том, что безнравственные люди, вроде Чичикова, существуют не только в России, но и за границей, Белинский восклицал: «Те же Чичиковы, только в другом платье: во Франции и в Англии они не скупают мертвых душ, а подкупают живые души на *свободных* парламентских выборах. Вся разница в цивилизации, а не в сущности. Парламентский мерзавец образованнее какого-нибудь мерзавца нижнего земского суда; но в сущности оба они не лучше друг друга».

Жуткую картину бедствий трудящихся при капитализме нарисовал В. А. Милютин в статье «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции» (1847, №№ 1—4). Статья эта заслуживает особого внимания. Автор ее был талант-

---

[1] См. статьи А. Иващенко «Социальный роман Э. Сю в оценке Маркса и Белинского» — «Вестник Академии наук СССР» 1948, № 6, и «Белинский о французском социально-утопическом романе» — сб. «Белинский — историк и теоретик литературы», М.—Л., 1949.

ливым, оригинальным и самостоятельным русским экономистом, предвосхитившим ряд положений экономической теории Чернышевского. Кроме «Отечественных записок», Милютин помещал свои статьи и в «Современнике». Милютин посещал пятницы Петрашевского. Ему была посвящена первая повесть М. Е. Салтыкова-Щедрина «Противоречия», опубликованная в том же 1847 году в «Отечественных записках». В своей работе Милютин писал следующее:

«Если мы не будем останавливаться на одной поверхности, а проникнем в самую глубину современной жизни, то увидим, что под внешним блеском и богатством государств Западной Европы кроется язва нищеты и страданий, язва страшная и глубокая. Мы увидим, что эта нищета и эти страдания постоянно тяготеют над рабочими классами; что никакая предусмотрительность, никакая деятельность, никакие добродетели не могут спасти их от этого рокового и неотвратимого жребия».[1]

Полагая, что капитализм был бы шагом вперед в историческом развитии России, Белинский и некоторые другие сотрудники «Отечественных записок» рассматривали его как переход к новой, высшей фазе общественных отношений. Известно, что в 1840-е годы идея социализма стала для Белинского «идеею идей, бытием бытия, вопросом вопросов, альфою и омегою веры и знания» (письмо к Боткину от 8 сентября 1841 года). Через все отделы «Отечественных записок» проходило положительное отношение к попыткам преобразования общественной жизни человечества на началах социализма.

В отделе «Науки» излагались работы социалистов Запада, отдел «Смесь» знакомил читателей «Отечественных записок» с жизнью и деятельностью Томаса Мора, Кабэ, Луи Блана и рекомендовал такие книги, как «Destinée sociale» Консидерана или «Etudes sur les réformateurs modernes» (том I: Ch. Fourier, S.-Simon, R. Oven; том II: Les communistes, les chartistes, les unitaires, les humanitaires») и другие. Сообщая читателям о выходе 8-го тома «Encyclopédie nouvelle», «издаваемой известным энергич-

---

[1] Статьи В. А. Милютина, напечатанные в «Отечественных записках» и «Современнике» 1840-х годов, изданы отдельной книгой: В. А. Милютин. Избранные произведения, М., 1946.

ным Леру», «Отечественные записки» (1842, том 21) писали: «Мы советуем решиться на чтение этого тома не иначе, как вооружившись достаточно против пантеизма, который последнее время начинает подкапывать общество, и против утопических начал коммунизма, которые суть не что иное, как политическое приложение первого... Тот же Леру издал «Семь речей о нынешнем состоянии общества...» Предостережения читателю были, конечно, замаскированной рекомендацией. Известно, что Белинский и Герцен весьма положительно относились тогда к Пьеру Леру.

В рецензии на исторические сочинения Ф. Лоренца (1842, № 4) Белинский заявлял, что «свет победит тьму, разум победит предрассудки, свободное сознание сделает людей братьями по духу и — будет новая земля и новое небо...». Нетрудно догадаться, что в завуалированной форме Белинский выражает здесь свою горячую веру в социалистическое преобразование общества. В статье «Об истории Малороссии Николая Маркевича» (1843, № 5) Белинский опять проводил идеи социализма: «И недалеко уже время, — писал он, — когда исчезнут мелкие эгоистические расчеты так называемой политики и народы обнимутся братски, при торжественном блеске солнца разума...»

Говоря о пропаганде «Отечественными записками» идей социализма, укажем снова и на статью В. А. Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции». В ней Милютин проводил следующие мысли: «Одна из самых главных и самых деятельных причин нищеты заключается в экономическом устройстве европейских обществ...»; «Труд — это товар, причем расценка его недобровольная и несправедливая...»; «Богатство вместо того, чтобы распространяться в одинаковой мере на все классы общества, сосредоточивается в руках немногих избранных, в руках людей, владеющих капиталами...»; «Интересы капиталистов не только не тождественны с интересами работников, но прямо противоположны им...»; «Недалеко то время, когда, не довольствуясь одними частными мерами, приступят к полному и существенному преобразованию хозяйственных отношений и заменят ныне существующее неустройство более правильною, твердою и разумною организациею труда».

Говоря о социалистических идеях «Отечественных записок», необходимо отметить, что Белинский и некоторые другие сотрудники журнала, хотя и были идеалистами в понимании исторических явлений, все же пытались преодолеть фантастические элементы утопического социализма Западной Европы. В то время как западно-европейские социалисты-утописты не верили в творческие силы масс, боялись революции, апеллировали к филантропам и правительствам, в лучших статьях «Отечественных записок» идеи социализма соединялись с пропагандой революционного движения народных масс против крепостничества и самодержавия. Известно, что с начала 1840-х годов Белинский приходит к убеждению, что новый общественный строй может быть создан не сладенькими и восторженными фразами, а революционным насилием, и начинает «любить человечество по-маратовски». Идеи революции, насильственного переворота Белинский старался провести и в «Отечественных записках». Во всем этом легко убедиться, обратившись к выступлениям Белинского и Герцена, к такой повести, как «Запутанное дело» Салтыкова. Так, в статье о «Парижских тайнах» Белинский, указав на то, что народ, проливавший свою кровь в революции 1830 года, ничего от нее не получил, писал: «Но искры добра еще не погасли во Франции — они только под пеплом и ждут благоприятного ветра, который превратил бы их в яркое и чистое пламя. Народ — дитя; но это дитя растет и обещает сделаться мужем, полным силы и разума. Горе научило его уму-разуму и показало ему конституционную мишуру в ее истинном виде. Он уже не верит говорунам и фабрикантам законов и не станет больше проливать кровь за слова, которых значение для него темно, и за людей, которые любят его только тогда, когда им нужно загрести жар чужими руками, чтоб воспользоваться некупленным добром».

Надежды на народную революцию, уверенность в необходимости насильственного изменения действительности почти неприкрыто звучали и в «Запутанном деле» Салтыкова. Правительство справедливо обнаружило в этой повести «вредный образ мыслей и пагубное стремление к распространению идей, потрясших уже всю Западную Европу и ниспровергших власти и общественное спокойствие».

Во второй пушкинской статье Белинский почти неприкрыто звал читателей «Отечественных записок» на путь революционной борьбы, раскрывая перед ними идеал человеческого существования. «Благо тому, кто не праздным зрителем смотрел на этот океан шумно несущейся жизни, кто видел в нем не одни обломки кораблей, яростно вздымающиеся волны да мрачную, лишь молниями освещенную ночь, кто слышал в нем не одни вопли отчаяния и крики гибели, но кто не терял при этом из виду и путеводной звезды, указывающей на цель борьбы и стремления, кто не был глух к голосу свыше: «борись и погибай, если надо: блаженство впереди тебя, и если не ты — братья твои насладятся им. . .»

Общий строй социально-политических идей, развивавшихся на страницах «Отечественных записок», находил свое отражение и в отделе «Словесность». Выше говорилось уже о «Запутанном деле». Следует напомнить также в этой связи, что в журнале были напечатаны «Кто виноват?» Герцена, «Деревня» Григоровича, что в нем помещали свои произведения такие писатели, как Лермонтов, Кольцов, Тургенев, Некрасов, Огарев, что в отделе переводной литературы печатались произведения представителей западно-европейского реализма, и в особенности Жорж Санд и Диккенса. Разоблачение зла и гнусности крепостнических и капиталистических отношений и настойчивые поиски реальных путей осуществления социальных идеалов — основные мотивы многих художественных произведений, помещенных в «Отечественных записках». В них нашли правдивое отражение и безотрадная жизнь крестьянства, и нищенский быт городской бедноты, и умственная жизнь русской интеллигенции.

Большое внимание уделяли «Отечественные записки» вопросам философии. Журнал знакомил своих читателей не только с достижениями русской философии, но и пристально следил за развитием философской мысли на Западе. Так, на каждое новое явление теоретической жизни Германии «Отечественные записки» откликались почти одновременно с немецкой печатью. Уже в февральской книжке журнала за 1842 год была помещена заметка по поводу лекций Шеллинга о «философии откровения», прочитанных им в Берлинском университете в ноябре 1841 года. Возникновение среди немецких последователей

Гегеля группы левых гегельянцев также было отмечено «Отечественными записками». Тот круг философских идей, на основе которого происходило оформление миросозерцания Маркса и Энгельса, был постоянно в поле зрения «Отечественных записок». Не только учение Шеллинга и Гегеля, но и имена и работы Бруно Бауэра, Штрауса, Фейербаха были хорошо известны сотрудникам журнала. В сентябрьской и октябрьской книжках «Отечественных записок» за 1839 год была помещена написанная специально для русского журнала и доставленная Варнгагеном фон Энзе статья о немецкой литературе одного из левых гегельянцев — Людвига Буля. В декабрьской книжке «Отечественных записок» за 1840 год было дано краткое изложение книги «Фридрих Великий и его противники», автором которой является другой левый гегельянец, Карл Кеппен. И Буль и Кеппен были близко знакомы с Марксом и Энгельсом; названная книга Кеппена была посвящена Марксу.

Больше того: однажды на страницах «Отечественных записок» было дано изложение основных мыслей работы молодого Энгельса «Шеллинг и откровение», вышедшей в Берлине отдельной брошюрой в 1842 году. Это сделал, не указывая источника, Боткин во вводной части своей статьи о немецкой литературе. Сопоставление статьи Боткина и работы Энгельса с абсолютной очевидностью свидетельствует о том, что Боткин не только использовал брошюру Энгельса, не только пересказал ее, но местами дал из нее буквальный перевод.[1] Следуя за Энгельсом, Боткин в своей статье развил следующие идеи. Философия Гегеля, писал Боткин, несмотря на ее «тернистый язык», открыла «широкие врата к доселе скрытому дивному богатству». Но некоторые «выводы» и «результаты» Гегеля, его «политические мнения», его «понятие о государстве» кажутся Боткину устаревшими. «Лучшая критика выводимых им результатов есть проверка их его же методом». Особенно это относится к «философии религии» и «философии права» Гегеля. «Принципы в них

---

[1] См. К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. II, стр. 114—122. Статья Боткина, опубликованная в «Отечественных записках» (1843, № 1), перепечатана во II томе его Сочинений, СПБ., 1891.

всегда независимы, свободны и истинны, заключения и выводы часто близоруки». В этом обстоятельстве лежала причина разделения школы на правую и левую. Одна часть учеников обратилась к принципам, к диалектическому методу, внеся в него все жизненные вопросы времени, и отвергла выводы, если они не вытекали из принципов. Эта школа названа была «левою школою». По мнению Боткина, эта школа стоит «на первом плане борьбы» ученых партий в Германии. Правящие круги Пруссии, «чтобы парализовать движение гегелевой философии... пригласили в Берлин самого Шеллинга». Они ожидали, что «стоит только Шеллингу выдать свою систему, и от учения Гегеля останутся пыль и прах», так как Шеллинг «занимал в философии место высокое и значительное». «Чтения начались. Туча, собравшаяся на юге Германии, разразилась громом и молнией на кафедре в Берлине». Но «Шеллинг не оправдал надежд своих последователей... К удивлению всех, Шеллинг оставил в стороне путь чистой мысли и погрузился в мифологические и гностические фантазии». Так характеризует Боткин современное философское движение Германии, с полным сочувствием перелагая и переводя Энгельса. Статья Боткина очень понравилась Белинскому. «Твоя статья о «Немецкой литературе» в 1 №, — писал ему Белинский 6 февраля 1843 года, — мне чрезвычайно понравилась, — умно, дельно и ловко».

Освоение лучших достижений западно-европейской философии не мешало, разумеется, «Отечественным запискам» развивать в области философии (как и в области социально-политической мысли) совершенно самостоятельные и оригинальные воззрения. Философские взгляды, пропагандировавшиеся «Отечественными записками», претерпели известную эволюцию. Как известно, к началу 1840-х годов Белинский порвал с «примирением с гнусной действительностью», осознал идею «отрицания» и, подобно Герцену, понял диалектику как «алгебру революции». Дальнейшие теоретические искания привели руководящих деятелей «Отечественных записок» от идеализма к материалистическому миросозерцанию.

Для характеристики философских позиций «Отечественных записок» особенный интерес представляют опубликованные в журнале работы Герцена «Дилетан-

тизм в науке» и «Письма об изучении природы». В этих замечательных произведениях русская философская мысль 1840-х годов нашла свое глубокое и блестящее выражение. «Не спокон ли века сознавали люди, что не мертвая косность сущего предмета, не его тождество с собою — полная истина его?.. — писал Герцен в «Письмах об изучении природы». — Бытие живо движением; жизнь есть не что иное, как движение беспрерывное, не останавливающееся, деятельная борьба». Устанавливая великое значение диалектического метода, Герцен в то же время подвергал суровой критике учение Гегеля и указывал путь от идеализма к материализму. У Гегеля, — писал Герцен в «Дилетантизме в науке», — «недоставало геройства, последовательности, самоотвержения в принятии истины во всю ширину ее и чего бы она ни стоила». В «Письмах об изучении природы» Герцен утверждал материализм еще яснее: «Гегель хотел природу и историю как *прикладную логику,* а не логику как отвлеченную разумность природы и истории... Гегель поставил мышление на той высоте, что нет возможности после него сделать шаг, не оставив совершенно за собою идеализма». Защита диалектики и материализма не исчерпывает богатого содержания статей Герцена. В них можно найти и последовательное отрицание всякой поповщины, и блестящую критику эмпиризма, и понимание недостатков позитивизма и механистического материализма, и убежденную пропаганду естественных наук. Несомненно, что Герцен сделал шаг вперед не только по сравнению с учением Гегеля, но и по сравнению с созерцательным материализмом Фейербаха и, как утверждал В. И. Ленин, «вплотную подошел к диалектическому материализму и остановился перед — историческим материализмом». [1]

Философским единомышленником Герцена выступал в «Отечественных записках» Белинский. Как и Герцен, он боролся против немецкого идеализма и его русских поклонников из лагеря славянофилов, как и Герцен, он активно пропагандировал диалектику и материализм. В статье по поводу руководства по истории С. Смарагдова

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 18, стр. 10. О философских работах Герцена 1840-х годов см. работу Д. И. Чеснокова «Мировоззрение Герцена», М., 1948.

(1844, № 9) Белинский писал, например: «Нелепо было бы думать, что теперь развитие должно остановиться, потому что дошло до самой крайней степени и дальше итти не может. Нет предела развитию человечества, и никогда человечество не скажет себе: «стой, довольно, больше итти некуда!» Несомненно, что мысли Белинского направлены против Гегеля, распространявшего диалектику только на прошлое.

Неоднократно выступал Белинский и против религии и мистицизма. Когда Шевырев в одной из статей заявил, что в русском народе «таится наклонность к философско-религиозной думе», Белинский решительно отверг это утверждение: «Неправда, — писал он, — где доказательства этого элемента в нашем простонародьи?.. уж не в народной ли русской поэзии, где его нет ни следа, ни признака?» («Несколько слов «Москвитянину», 1843, том 30). Легко заметить близость этих строк к словам из знаменитого письма Белинского к Гоголю: «Приглядитесь пристальнее, и Вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

Но, конечно, выступать против религии в журнале было почти невозможно. Познакомившись с работами Маркса («К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу») и Энгельса («Очерки критики политической экономии»), напечатанными в «Deutsch-französische Jahrbücher», Белинский писал Герцену 26 января 1845 года: «Истину я взял себе, — и в словах *бог* и *религия* вижу тьму, мрак, цепи и кнут, и люблю теперь эти два слова, как следующие за ними четыре. Все это так, но ведь я попрежнему не могу печатно сказать все, что я думаю и как я думаю. А чорт ли в истине, если ее нельзя популяризировать и обнародовать? — мертвый капитал». [1]

В своих материалистических убеждениях Белинский, как и Герцен, пошел дальше созерцательного и абстрактно-антропологического материализма Фейербаха. В отличие от Фейербаха, он понимал, что человек

---

[1] Пометки Белинского на полях «Deutsch-französische Jahrbücher» см. в публикации Л. Ланского «Библиотека Белинского» — «Литературное наследство» № 55, М., 1948.

является существом не только биологическим, но и социальным. В девятой статье о Пушкине (1845, № 3) Белинский писал: «Создает человека природа, но развивает и образует его общество. Никакие обстоятельства жизни не спасут и не защитят человека от влияния общества, нигде не скрыться, никуда не уйти ему от него».

В области литературно-эстетической «Отечественные записки», в соответствии со своим социально-политическим и философским направлением, боролись за искусство реалистическое, народное, гражданское, глубоко прогрессивное по своему идейному содержанию и общественному значению.

Белинский создал цельную концепцию художественного реализма, сделав шаг вперед в развитии не только русской, но и мировой эстетической мысли. Опираясь на материалистическую философию, он утверждал, что искусство — это воспроизведение действительности, что природа искусства — земная, материальная, а не потусторонняя, метафизическая, как считали идеалисты, как считал сильнейший из них — Гегель. Он нанес смертельный удар романтико-идеалистическим теориям, трактовавшим искусство как «украшенную природу», оправдывавшим идеализацию действительности в искусстве.

Определяя искусство как воспроизведение действительности, Белинский видел в нем выражение общественных идей, стремлений, запросов. Он был горячим защитником гражданской, социальной направленности искусства и литературы и врагом идеалистической теории «искусства для искусства». Со всей энергией Белинский подчеркивал, что «наш век» «решительно отрицает искусство для искусства, красоту для красоты». Он требовал от литературы активного служения интересам народа, России, прогресса и высмеивал поэтов, которые способны петь, как птицы, безучастно взирая на страдания народа. По его мнению, подлинно великое произведение искусства представляет собою гармоническое соединение глубокого общественного содержания с высоко художественной формой. Служение интересам общества, считал Белинский, нисколько не противоречит свободе художественного творчества. «Свобода творчества, — писал он, — легко согласуется с служением современности: для этого не нужно принуждать себя, писать

на темы, насиловать фантазию; для этого нужно только быть гражданином, сыном своего общества и своей эпохи, усвоить себе его интересы, слить свои стремления с его стремлениями; для этого нужна симпатия, любовь, здоровое практическое чувство истины, которое не отделяет убеждения от дела, сочинения от жизни» («Речь о критике. . .», статья 1).

Белинский был защитником не только реализма, но и народности в литературе. При этом его понимание народности резко отличалось своею глубиной и прогрессивностью от взглядов других критиков 1840-х годов. В противоположность критикам «Маяка» и «Москвитянина», он утверждал, что истинная народность в искусстве ничего общего не имеет с квасным патриотизмом и бахвальством, порядками и нравами самодержавно-крепостнической России. Белинский боролся и против славянофильских представлений о народности в литературе, основанных на реакционно-романтической идеализации патриархального быта и утопическом учении о самобытности России. Он преследовал и всякую лубочную подделку под народность. Белинский понимал под народностью в произведениях искусства воплощение в них национально-народного отношения к многообразным явлениям жизни, проявление в них мудрости, чаяний, идеалов народных масс, правдивое изображение действительности. Защита народности в его критике была неразрывно связана с защитой критического реализма и имела ярко выраженный демократический характер. [1]

Статьи Белинского произвели подлинный переворот в русской литературе. Исходя из принципов реализма и демократической народности, Белинский развенчал «ложно-величавую школу» в русской литературе и подорвал популярность ее наиболее видных представителей:

---

[1] Об эстетических взглядах Белинского см. книгу А. Лаврецкого «Белинский, Чернышевский, Добролюбов в борьбе за реализм», М., 1941, и статьи: А. Лаврецкого «О мировом значении критики Белинского» — «Литературное наследство» № 55, 1948; Г. Фридлендера «Белинский как теоретик литературы» — там же; Б. Бурсова «Теория реализма в эстетике Белинского» — сборник «Белинский. Статьи и материалы», изд. Ленинградского гос. университета, 1949; З. Смирновой «Проблема реализма в эстетике Белинского» — «Вопросы философии» 1948, № 2.

Кукольника, Бенедиктова, Марлинского, Полевого и других. Тем самым он расчистил дорогу для дальнейшего прогрессивного развития русской литературы.

Белинский развил поразительно глубокое понимание творчества Пушкина, Лермонтова, Гоголя, разъяснил значение их деятельности и навсегда утвердил за ними место основоположников и родоначальников новой русской литературы.

Поэзия Пушкина, по мнению Белинского, не только явилась завершением и итогом всего предшествующего развития русской поэзии, но и открыла новую эпоху в развитии русской литературы.[1] Ее важнейшей отличительной особенностью является правдивость, верность действительности, реализм. Поэзия Пушкина, — писал Белинский, — «чужда всего фантастического, мечтательного, ложного, призрачно-идеального: она вся проникнута действительностью; она не кладет на лицо земли белил и румян, но показывает ее в ее естественной, истинной красоте; в поэзии Пушкина есть небо, но им всегда проникнута земля». Другой существенной чертой поэзии Пушкина является ее высокое художественное совершенство, совершенство ее художественной формы. По мнению Белинского, назначение Пушкина состояло в том, чтобы «завоевать, усвоить навсегда русской земле поэзию как искусство, так, чтобы русская поэзия имела потом возможность быть выражением всякого направления, всякого содержания, не боясь перестать быть поэзией и перейти в рифмованную прозу».

Высоко ценил Белинский содержательность и глубину образов, созданных гением Пушкина. «Евгения Онегина» он назвал «энциклопедией русской жизни» и «в высшей степени народным произведением». Белинский считал, что, создав образ Евгения Онегина, Пушкин стал на путь критики и отрицания крепостнической действительности, подготовив Гоголя и расцвет отрицательного направления

---

[1] Статьи Белинского о Пушкине объединены в сборнике «В. Г. Белинский. Сочинения Пушкина», Л. 1937 (с примечаниями Н. Мордовченко). Об отношении Белинского к Пушкину см. статьи: В. Щербины «Белинский и Пушкин» — «Октябрь» 1936, № 12; А. Лаврецкого «Пушкин в оценке Белинского» — «Литературный критик» 1937, № 1; Н. Мордовченко «Белинский и Пушкин» — «Литературная учеба» 1939, № 7.

в русской литературе. С другой стороны, Белинский видел в Пушкине «человека, душою и телом принадлежащего к основному принципу, составляющему сущность изображаемого им класса».

Но говоря о том, что «принцип класса» для Пушкина — «вечная истина», видя черты классовой ограниченности в творчестве Пушкина, Белинский в то же время понимал бессмертную ценность поэзии Пушкина. «К особенным свойствам его поэзии, — писал Белинский, — принадлежит ее способность развивать в людях чувство изящного и чувство гуманности, разумея под этим словом бесконечное уважение к достоинству человека». Белинский утверждал, что Пушкин «будет в России поэтом классическим, по творениям которого будут образовывать и развивать не только эстетическое, но и нравственное чувство».

Лермонтова Белинский считал прямым и непосредственным продолжателем Пушкина, хотя и подчеркивал при этом, что «нет двух поэтов, столь существенно отличных», что в поэзии Лермонтова отразилась новая историческая эпоха русской жизни. Белинский оценивал Лермонтова как «поэта русского, *народного,* в высшем и благороднейшим значении этого слова, — поэта, в котором выразился исторический момент русского общества», и считал, что пафос поэзии Лермонтова заключается в беспощадном отрицании существующей действительности, в защите человеческой личности от какого бы то ни было унижения. Белинский восхищался «Думой», «Поэтом», «И скучно и грустно» и другими стихотворениями Лермонтова, считая, что в них отразились страдания и муки целого поколения передовых людей России. Он высоко ценил в поэзии Лермонтова «исполинский взмах, демонский полет», *«с небом гордую вражду».* Он защищал Печорина от нападок реакционной критики как человека с богатой натурой, ставшего жертвой крепостнического строя и воплотившего в себе «критический дух нашего века». [1]

---

[1] Статьи Белинского о Лермонтове объединены в сборнике «В. Г. Белинский. М. Ю. Лермонтов. Статьи и рецензии», под ред. и со вступ. статьей Н. Мордовченко, Л., 1941. Об отношении Белинского к Лермонтову см. также названную выше статью Н. Мордовченко «Лермонтов и русская критика 40-х годов».

Еще в статьях 1830-х годов Белинский раскрыл сущность и значение творчества Гоголя как писателя, существенными чертами творчества которого являются «верность жизни» и «смех, растворенный горечью». В «Отечественных записках» Белинский развил это понимание творчества Гоголя и показал его антикрепостнический и объективно революционный смысл. «Пафос поэмы, — писал он о «Мертвых душах», — состоит в противоречии общественных форм русской жизни с ее глубоким субстанциональным началом», т. е. (Белинский не мог сказать это с полной ясностью) в противоречии между самодержавно-крепостническим строем и огромными потенциальными возможностями русского народа. «Мертвые души», утверждал Белинский, это «творение чисто русское, национальное, выхваченное из тайника народной жизни, столько же истинное, сколько и патриотическое, беспощадно сдергивающее покров с действительности и дышащее страстною, нервистою, кровною любовью к плодовитому зерну русской жизни». [1]

Белинский вел в «Отечественных записках» активную борьбу за плодотворное развитие гоголевского творчества, против реакционной критики, сбивавшей Гоголя с избранного им критического направления. Вместе с тем, опираясь на творчество Пушкина, Лермонтова, Гоголя, Белинский направлял развитие русской литературы по пути критического реализма и народности. Отсюда его упорная и страстная борьба за натуральную школу в русской литературе. Когда Некрасов задумал издать сборник «Физиология Петербурга», Белинский горячо поддержал это начинание. Он написал для сборника вступительную статью (это была декларация натуральной школы), а по выходе сборника в свет защищал его от нападений реакционной критики. Еще более положительно отнесся Белинский к изданию и появлению «Петербургского сборника». Он и сам предполагал в 1846 году выпустить

---

[1] Об отношении Белинского к Гоголю см. статьи: А. Лаврецкого «Гоголь в оценке Белинского и Чернышевского» — «Литературный критик» 1938, № 4; Н. Мордовченко «Белинский в борьбе за Гоголя в 40-е годы» — сборник «Белинский. Статьи и материалы», изд. Ленинградского гос. университета, 1949; Н. Степанова «Белинский и Гоголь» — сборник «Белинский — историк и теоретик литературы», М.—Л., 1949.

огромный литературный сборник «Левиафан», объединив вокруг него писателей реалистического направления, но потом передал собранные им произведения в перешедший в руки Некрасова и Панаева журнал «Современник».

С изумительной верностью и прозорливостью Белинский оценил первые реалистические произведения Герцена, Тургенева, Некрасова — писателей, ставших впоследствии гордостью русской литературы. Воздействие идей Белинского помогло этим писателям создать великие произведения художественной литературы. [1]

Таково направление «Отечественных записок» 1840-х годов (до 1848 года). В сущности говоря, Булгарин, Б. Федоров и другие литературные доносчики были правы, когда утверждали, что «Отечественные записки» проповедуют «вольнодумство и противу религии», что все направление «Отечественных записок» «клонится к тому, чтобы возбудить жажду к переворотам и революциям».

---

[1] Об отношении Белинского к натуральной школе см. статью Н. Мордовченко «Белинский в борьбе за натуральную школу» — «Литературное наследство» № 55, 1948; его же статью «Белинский — теоретик и организатор реалистического направления» — «Знамя» 1948, № 6; статью А. Дубовикова «Белинский и его роль в развитии натуральной школы» — «Литература в школе» 1948, № 1.

4. БОРЬБА «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» С ВРАЖДЕБНЫМИ ЖУРНАЛАМИ

Журнал новых социально-политических и философских идей и новой литературы «Отечественные записки» неизбежно должен был стать журналом воинствующим. Тем более что союзников у него не было, а врагов было более чем достаточно. Из всех литературных журналов 1840-х годов «Отечественные записки» наиболее сдержанно относились к журналу Плетнева «Современник». «Современник» стоял в стороне от журнальных битв и «злобы дня», не пользуясь успехом у читателей и не оказывая никакого влияния на литературную жизнь. Почти со всеми другими литературными журналами 1840-х годов «Отечественные записки» вели постоянную и беспощадную войну.

Как было указано выше, «Отечественные записки» с первых дней своего существования поставили себя во враждебное отношение с журнальным триумвиратом. С приходом в «Отечественные записки» Белинского борьба против периодических изданий Булгарина, Греча, Сенковского усилилась и стала более глубокой и принципиальной. Уже в статье о сочинениях А. Марлинского, помещенной во 2-й книжке за 1840 год, Белинский, говоря о задачах и целях «Отечественных записок», подчеркивал: «Надо, чтобы пошлые и торговые мнения об искусстве заменились «мыслями» об искусстве; чтобы литературные промышленники, объясняющие законы искусства своею благонамеренностью и усердием к пользе

«почтеннейшей» публики, уступили место тем, которые говорят об искусстве, потому что любят и понимают его».

Начиная борьбу с «литературными спекулянтами», Белинский свое первое полемическое выступление в «Отечественных записках» посвятил не Булгарину и не Сенковскому, а Н. А. Полевому.

Падение Полевого, ставшего соратником своих недавних врагов, Греча и Булгарина, глубоко возмутило Белинского. Еще в самом начале переговоров о сотрудничестве в «Отечественных записках» — 22 февраля 1839 года — он писал Панаеву: «Если я буду крепко участвовать в «Отечественных записках», то — уговор лучше денег — Полевой — да не прикоснется к нему никто, кроме меня! Это моя собственность, собственность по праву... у меня уже готова в голове статья». Статья Белинского о Полевом, об его «Очерках русской литературы» появилась в первом номере за 1840 год. Она в самой резкой форме осуждала «новый и особенный против прежнего» образ действий Н. Полевого и обнажала реакционность его политических взглядов, отсталость его эклектической философии, романтической эстетики и суждений о конкретных явлениях русской литературы. Статья об «Очерках русской литературы» положила начало той постоянной борьбе, которую вели «Отечественные записки» против журналов Полевого — «Сына отечества» и «Русского вестника», против их критических выступлений, в которых осуждались Гоголь и «Мертвые души», Лермонтов и натуральная школа. «Отечественные записки» неоднократно выступали и против псевдопатриотической драматургии Полевого и его романтической прозы. Эта борьба осуществлялась не только в убийственных критических статьях и заметках Белинского, но и в произведениях других сотрудников. Так, в № 3 журнала за 1845 год был помещен рассказ Говорилина (А. Я. Кульчицкого) «Необыкновенный поединок», представлявший собой, по мнению Белинского, произведение, «способное навести читателя на некоторые весьма любопытные соображения насчет некоторых знаменитых имен нашей литературы» («Русская литература в 1845 году»), а по мнению Чернышевского, высказанному в «Очерках гоголевского периода», — «превосходную пародию» на романтические повести Полевого, Мар-

линского, Кукольника. Выступления «Отечественных записок» против Полевого продолжались вплоть до прекращения последним всякой литературной и журнальной деятельности. На смерть Полевого в 1846 году Белинский отозвался большой статьей — «Н. А. Полевой». К этому времени сотрудничество Белинского в журнале Краевского уже прекратилось, и статья была издана отдельной брошюрой. В ней Белинский дал окончательную оценку всей деятельности Полевого, ее положительных и отрицательных сторон.

Еще более враждебно было отношение «Отечественных записок» к Булгарину, Гречу, Сенковскому и их периодическим изданиям — «Северной пчеле» и «Библиотеке для чтения». Несмотря на все цензурные препятствия («цензура, верная воле Уварова, марает в «Отечественных записках» все, что пишется в них против Булгарина и Греча», — писал Белинский Кетчеру 3 августа 1841 года), Белинский в своих «Литературных и журнальных заметках» систематически разоблачал продажность и доносы «Северной пчелы» и беспринципность «Библиотеки для чтения». Законченный портрет Булгарина, характеристику его «деятельности» Белинский дал в статье о «Воспоминаниях» Булгарина (1846, №№ 4 и 5), где отвратительная фигура наглого агента III отделения в литературе, прикрывающего свою продажность демагогией о правдолюбии и патриотизме, показана во весь рост. [1]

Из статей против Сенковского и его журнала наиболее значительной является статья Белинского «Литературный разговор, подслушанный в книжной лавке» (1842, № 9), дополняющая ту блестящую характеристику «Библиотеки», которую дал Белинский еще в «Телескопе» в статье «Ничто о ничем». «Литературный разговор» прекрасно раскрывал и отсутствие самостоятельных убеждений и мнений у «барона Брамбеуса», и плоский характер его остроумия, и чрезмерное пристрастие к циническим сценам, и неосновательность его литературных оценок. Особенно много внимания уделил Белинский мнениям

---

[1] Вопрос о принадлежности второй части этой статьи Белинскому вызвал разногласия. См. об этом в примечаниях В. С. Спиридонова к XIII тому Полного собрания сочинений Белинского, Л., 1948, стр. 337—341.

«Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения» о «Мертвых душах». Вульгарное отрицание Булгариным и Сенковским «Мертвых душ» как грязного и бессодержательного произведения дало ему возможность с полной убедительностью показать все убожество критических мнений руководителей «Северной пчелы» и «Библиотеки». Кроме Белинского, против Булгарина, Греча, Сенковского выступали в «Отечественных записках» и другие сотрудники журнала. Так, в очерках И. И. Панаева «Русский фельетонист» и «Тля» были изображены Булгарин и его литературное окружение (1841, том 15, и 1843, № 2). Сам Краевский выступил однажды со статьей против Греча и, повидимому, является автором нескольких заметок, направленных против триумвирата. Собирался выступить в «Отечественных записках» против Булгарина и Греча и Герцен. Но написанная им статья «Ум хорошо, а два лучше» или «Два литературных брака» (Булгарин и Греч, Погодин и Шевырев) получилась настолько острой, что и автор и руководители «Отечественных записок» вынуждены были отказаться от ее помещения в журнале.

В самом начале сороковых годов русская периодика пополнилась двумя литературными журналами — «Маяком» и «Москвитянином». В этих изданиях «Отечественные записки» приобрели новых врагов, которые главной целью своего существования поставили борьбу с передовой общественной мыслью 1840-х годов. В полемику с «Маяком» «Отечественные записки» вступали довольно редко. Такая полемика была далеко не безопасной, а дикий, откровенный обскурантизм «Маяка» и сам по себе не привлекал к нему симпатий сколько-нибудь широких кругов читателей. Поэтому «Отечественные записки» ограничивались в войне с «Маяком» небольшими насмешливыми заметками и попутными замечаниями. В 1840 году в рецензии на роман Д. Н. Бегичева «Ольга» (1840, № 10) Белинский писал, что «где-то на маньчжурской границе» издается журнал под названием «Плошка Всемирного Просвещения, Вежливости и Учтивости». «К этому присовокупляют, — продолжал Белинский, — что будто бы эта «Плошка» обвинила Жуковского и особенно Пушкина в растлении нашей литературы и развращении вкуса публики. . .» В «Плошке Всемирного Просвещения, Вежливости и Учтивости» нельзя было не узнать «Маяк

современного просвещения, искусства и образованности». Только когда «Маяк» обещал в статьях некоего Мартынова «общипать Пушкина» и доказать, что в литературе наступил «век мишурности», Белинский посвятил «мифическому журналу» «для немногих», «обретающемуся на заднем дворе литературы», специальную главку в «Литературных и журнальных заметках» (1843, № 3).

Журнал Погодина и Шевырева был культурнее «Маяка»; в состав его сотрудников входили известные литераторы; пропаганда официальной народности велась в «Москвитянине» более тонко и умно. Вот почему «Отечественные записки» вели с ним гораздо более активную борьбу, чем с «Маяком». «Отечественные записки» указывали на связь «народности», исповедуемой «Москвитянином», с православием и самодержавием, выступали против преклонения «Москвитянина» перед феодальной и церковной культурой России, боролись с «христианской философией» московского журнала, защищали от его критики Лермонтова, Гоголя и писателей натуральной школы. Памятниками полемики «Отечественных записок» с «Москвитянином» являются известный памфлет Белинского «Педант», статьи Белинского и Галахова в защиту «Хрестоматии» Галахова, многочисленные журнальные и литературные заметки Белинского, содержавшие в себе полемику с москвитянинским пониманием «Мертвых душ», с доносительными стихами М. Дмитриева и т. д.

Особенно большую роль в общественной борьбе 1840-х годов сыграл памфлет «Педант», направленный против Шевырева. «Педант» произвел необычайное впечатление. «Удар произвел действие, превзошедшее ожидания, — сообщал Боткин Краевскому. — У Шевырева вытянулось лицо, и он не показывался эту неделю в обществах. В синклите Хомякова, Киреевских, Павлова если заводят об этом речь, то с пеною у рта и ругательствами. . .» [1]

А. Д. Галахов даже испугался эффекта, произведенного «Педантом», и писал управляющему конторой «Оте-

---

[1] Письма Боткина к Краевскому опубликованы в сборнике «Бумаги А. А. Краевского. Опись их собрания. . .», СПБ., 1893. См. письмо от 14 марта 1842 года.

чественных записок» А. И. Иванову, что руководители «Москвитянина» хотят жаловаться Бенкендорфу.[1] Белинский же, узнав о шуме, вызванном «Педантом», только радовался. «Спасибо тебе за вести об эффекте «Педанта»: от них мне некоторое время стало жить легче», — писал он Боткину 31 марта 1842 года.

Энергичное участие в борьбе с «Москвитянином» принял Герцен. Он поместил в «Отечественных записках» три фельетона, направленных против «Москвитянина» и его руководителей: «Путевые заметки г. Вёдрина» (1843, № 11), «Москвитянин о Копернике» (1843, № 11) и «Москвитянин и вселенная» (1845, № 3). В них он очень удачно пародировал содержание и стиль «дорожного дневника» Погодина, издевался над курьезными промахами отдела наук «Москвитянина»; иронизировал над «детски милыми и наивными» воззрениями «Москвитянина» на Европу и над его претензиями возродить гибнущее человечество спасительными началами православия и самодержавия.

Выступая против «Москвитянина», «Отечественные записки» и Белинский не отделяли журнала Погодина и Шевырева от славянофильства. «Отечественные записки» имели для этого все основания. Славянофилы принимали участие в «Москвитянине» и против «Отечественных записок» и Белинского выступали единым фронтом с представителями официальной народности. Все это не мешало, конечно, «Отечественным запискам» неоднократно выступать и непосредственно против славянофилов. Первое такое выступление относится к 1842 году и связано с появлением «Мертвых душ» Гоголя. Отстаивая свое понимание «Мертвых душ», Белинский неизбежно должен был вступить в борьбу за Гоголя не только с вульгарной критикой триумвирата, не только с мнениями Шевырева (считавшего «Мертвые души» односторонним произведением), но и с той интерпретацией «Мертвых душ», которую выдвинул славянофил К. С. Аксаков. В заметках «Несколько слов о поэме Гоголя «Мертвые души» и «Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души» Белинский резко возражал против бро-

---

[1] Письмо от 13 марта 1842 года. Опубликовано в «Литературном наследстве» № 56, М., 1950.

шюры К. Аксакова о «Мертвых душах», где они были характеризованы как эпическая поэма типа «Илиады», а сам Гоголь как писатель типа Гомера. Белинский справедливо полагал, что интерпретация К. Аксакова снимает то беспощадное отрицание русской крепостнической действительности, которое является идейной основой «Мертвых душ».

Второе серьезное выступление «Отечественных записок» против славянофилов было произведено в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1844 года». Здесь Белинский подверг жестокой критике славянофильских поэтов Языкова и Хомякова. Особенно резко отметал Белинский претензии славянофильства и его поэтов на подлинную народность. «Являясь, в печати, — писал Белинский о Языкове, — он старается закрыть свой фрак зипуном, поглаживает свою накладную бороду и, чтоб ни в чем не отстать от народа, так и щеголяет в своих стихах грубостью чувств и выражений. По его мнению, это значит быть *народным!* Хороша народность!»

В этой же статье Белинский разоблачил поверхностный и демагогический характер славянофильской критики Западной Европы. В стихотворении «Остров» Хомяков, на все лады восхваляя Англию, называя ее «счастливой и богатой» («вероятно, метя на детей, работающих в рудокопнях», — иронически замечает Белинский), в то же время предрекал ей исчезновение с лица земли за то, что она подчинила церковь и религию «власти суетной, земной». По этому поводу Белинский — убежденный враг буржуазного строя — писал: «Мы не думаем, чтоб Англия так-таки вот взяла да и окончила смертию живот свой, прочитав стихотворение г. Хомякова... Но что Англия может много потерпеть за то, что в ней бедные люди беспрестанно или умирают голодною смертью, или предупреждают смерть самоубийством, — это другое дело».

Опубликование «Взгляда на русскую литературу 1844 года» в «Отечественных записках» совпало с появлением в Москве цикла стихов Языкова, направленных против «не наших» — т. е. Белинского, Герцена, Чаадаева, Грановского. Как известно, эти стихотворения граничили с доносом, и Герцен нашел нужным выступить против них на страницах «Отечественных записок». В своем

фельетоне «Москвитянин и вселенная» он писал: «Успокоившаяся от сует муза г. Языкова решительно посвящает некогда забубенное перо свое поэзии исправительной и обличительной... Мы имели случай читать еще поэтические произведения того же исправительного направления, ждем их в печати, это — гром и молния: озлобленный поэт не остается в абстракциях, он указует негодующим перстом *лица* (при полном издании можно приложить адреса). Исправлять нравы! Что может быть выше этой цели? Разве не ее имел в виду самоотверженный Коцебу и автор «Выжигиных» и других нравственно-сатирических романов!»

Наконец развернутым выступлением «Отечественных записок» против славянофилов является и статья Белинского о повести В. Соллогуба «Тарантас». Она возникла в обстановке крайнего обострения борьбы Белинского и Герцена против славянофилов и представляет собою памфлет на И. Киреевского и беспощадный удар по теориям славянофильства. Издеваясь над утопическими стремлениями славянофилов возродить «давно прошедшее», Белинский писал: «Новые Дон-Кихоты, они сочинили себе одно из тех нелепых убеждений, которые так близки к толкам старообрядческих сект, основанных на мертвом понимании мертвой буквы, и из этого убеждения сделали себе новую Дульцинею Тобосскую, ломают за нее перья и льют чернила».

«Литературные и журнальные заметки», напечатанные в № 5 за 1845 год, которые В. С. Спиридонов с полным основанием приписывает Белинскому, представляют собой еще одно важное выступление «Отечественных записок» против славянофилов. В них Белинский блестяще опровергает обвинения И. Киреевского в том, что «Отечественные записки» якобы «гоняются за мнениями Запада» и «унижают Державина, Жуковского, Пушкина, Грибоедова, Лермонтова, Гоголя».

Борьба «Отечественных записок» против враждебных журналов не осталась безрезультатной и сыграла немалую роль в судьбе последних. Не без влияния «Отечественных записок» в 1840-е годы упала популярность «Северной пчелы» и «Библиотеки для чтения», влачил жалкое существование «Сын отечества» и прекратилось издание «Русского вестника»; не без влияния «Отече-

ственных записок» быстро погас «Маяк» и лишь «кое-как» издавался «Москвитянин». Публика «обворожена» «Отечественными записками», с досадой признавал Шевырев в письме к Гоголю от 20 октября 1846 года.

«Отечественные записки» возбудили к себе дикую ненависть со стороны реакционной журналистики. Первые же книжки преобразованного журнала подверглись нападению со стороны Булгарина, Греча, Сенковского, Полевого. «На «Отечественные записки» сделано было, после выхода первой книжки, достаточное количество гласных и негласных, прямых и косвенных нападений», — говорил Краевский в объявлении о выходе журнала (1839, № 5). В 1840 и 1841 годах к органам триумвирата присоединились «Маяк» и «Москвитянин».

Враги «Отечественных записок», чтобы заставить правительство принять меры против их распространения, всеми способами старались доказать, что журнал Краевского проповедует революцию, социализм и безбожие. Демагогически и ложно они обвиняли «Отечественные записки» в презрении к русскому народу, в нигилистическом отношении к русской истории, культурному и литературному наследию. Они нападали на теорию реализма, на положительное отношение Белинского к Лермонтову, Гоголю и натуральной школе. При этом руководители враждебных «Отечественным записками» журналов не стеснялись давать место на страницах своих изданий таким произведениям, которые совершенно явно имели характер доноса. «Северная пчела» изобилует такого рода выступлениями. Достаточно сослаться на обвинение «Отечественных записок» в том, что они не уважают Жуковского, несмотря на то, что Жуковский — автор гимна «Боже, царя храни» (1843, № 256). И другие журналы не брезговали «юридическими произведениями». Сошлемся на басню Б. Федорова «Крысы» в «Маяке», на стихотворение М. Дмитриева «Безымянному критику» в «Москвитянине».

Не ограничиваясь литературными средствами борьбы, журнальные враги «Отечественных записок» прибегали иногда и к средствам внелитературным. Булгарин и Греч пытались добиться на почтамте задержки денег, присылаемых подписчиками Краевскому. Известно также о многочисленных доносах на «Отечественные записки».

«За Дзункинадзына[1] Корсаков и Бурачек подали и напечатали на «Отечественные записки» донос», — сообщал 25 октября 1840 года Белинский Боткину.

Не гнушались, повидимому, прибегать к наушничеству и руководители «Москвитянина». Летом 1844 года Шевырев, Давыдов, Бодянский гостили в имении министра просвещения Уварова — Поречье. Осенью, по приезде в Петербург, Уваров усилил гонение на «Отечественные записки». До Герцена дошли слухи даже об их закрытии. Он считал виновниками этого Шевырева и Погодина. Весьма осведомленный А. В. Никитенко 1 октября 1844 года записал в свой дневник: «Поутру был у нашего министра... Он ужасно вооружен против «Отечественных записок», говорит, что у них дурное направление — социализм, коммунизм и т. д. Очевидно, это навеяно москвичами-патриотами, которым во что бы то ни стало хочется быть вождями времени. Министр желает не щадить «Отечественных записок».

Но, конечно, никто не мог по части доносов соперничать с Булгариным. Кроме писем цензору А. В. Никитенко и председателю Петербургского цензурного комитета князю Г. П. Волконскому, полных угроз за снисходительное якобы отношение к «Отечественным запискам», Булгарин в марте 1846 года направил в III отделение донос, озаглавленный: «Социалисм, комунисм и пантеисм в России в последнее двадцатилетие». В доносе этом содержались следующие утверждения: «Журнал «Отечественные записки», издаваемый явно, без всякого укрывательства в духе комунисма, социалисма и пантеисма, произвел в России такое действие, какого никогда не бывало... Безрассудное юношество и огромный класс, ежедневно умножающийся, людей, которым нечего терять и в перевороте есть надежда все получить, — кантонисты, семинаристы, дети бедных чиновников и проч. и проч., почитают «Отечественные записки» своим евангелием, а Краевского и первого его министра — Белинского (выгнанного московского студента) — апостолами». Краевский, по словам Булгарина, «действует умнее Марата и Робеспьера. Вся прежняя наша литература — поэзия и

[1] Имеется в виду упомянутое выше выступление Белинского против «Маяка» в рецензии на роман Бегичева «Ольга».

проза, сатира и комедия — имела характер монархический и религиозный. Бог и царь — были священны и неприкосновенны. Краевский стал разрушать всю прежнюю литературу, доказывая, что она никуда не годится, устарела, обветшала и что наше поколение требует новой литературы. Карамзин, Державин, словом, все прежнее до Гоголя уничтожается в «Отечественных записках»... Все направление или tendance «Отечественных записок» клонится к тому, чтобы возбудить жажду к переворотам и революциям, и это проповедуется в каждой книжке... Цель Краевского не та, чтоб теперь возжечь бунт, но чтоб приготовить целое поколение к революции — подарок наследнику». В конце своего доноса Булгарин сообщал Дубельту, что в Петербурге есть один «старинный литератор», «человек честный, благородный, без упрека и истинный патриот, преданный церкви и престолу», который «собирает выписки из «Отечественных записок». «У него есть семь корзин с выписками, — сообщал Булгарин, — методически расположенными, с заглавиями: противу бога, противу христианства, противу государя, противу самодержавия, противу нравственности и т. п.». Булгарин усиленно рекомендовал старинного литератора и его выписки вниманию правительства. Собирателем выписок был Б. М. Федоров, известный, впрочем, не столько своей литературной деятельностью, сколько именно доносами. Популярна была эпиграмма на Федорова:

Федорова Борьки —
Мадригалы горьки,
Эпиграммы сладки,
А доносы гадки.

Выписки Федорова из «Отечественных записок» были представлены в III отделение несколько позднее.[1]

---

[1] Доносы Булгарина и Федорова см. в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература», СПБ., 1909, стр. 300—315. Там же собраны ценные материалы по цензурной истории «Отечественных записок».

5. ПОЛЕМИКА ВОКРУГ «ХРЕСТОМАТИИ» ГАЛАХОВА

Хотя бы на одном из эпизодов повседневной борьбы «Отечественных записок» со своими врагами целесообразно остановиться более подробно.

15 апреля 1843 года Шевырев писал П. А. Вяземскому: «Вы знаете, как уважаю я все сокровища литературы русской, нам завещанные нашими предшественниками. Скоро вы прочтете новую статью мою о том в «Москвитянине» по случаю выхода одной негодной «Хрестоматии», в которой вздумали уж клеймить Ломоносова и Державина звездочками, точно как рабочих из смирительного дома означают кругами меловыми». [1]

«Негодная хрестоматия» — это книга А. Д. Галахова, вышедшая первым изданием в начале 1843 года под таким названием: «Полная русская хрестоматия, или образцы красноречия и поэзии, заимствованные из лучших отечественных писателей. Часть 1-я — Красноречие, часть 2-я — Поэзия». А. Д. Галахов был в то время активным сотрудником «Отечественных записок» и педагогом в ряде московских учебных заведений. Книгу свою Галахов и предназначал для целей педагогических: она должна была служить пособием при прохождении теории словесности в средних учебных заведениях. Первое изда-

---

[1] Письма Шевырева к Вяземскому помещены в сборнике «Старина и новизна», кн. 4, 1901. Звездочками отмечены в «Хрестоматии» произведения, имеющие, по мнению Галахова, преимущественно историческое значение.

ние книги разошлось быстро в большом по тому времени количестве экземпляров (3000). Последнее издание, 39-е, вышло в Москве в 1917 году.

В редакции «Москвитянина» «Хрестоматия» Галахова вызвала большое возмущение. Даже позднее, в 1846 году, Погодин, выступая в «Москвитянине» против Белинского, с негодованием заявлял: «И вот в Москве какой-то господин Галахов, в угодность Белинскому, ставит позорное клеймо на державинские оды «Бог» и «Водопад», на ломоносовские «Размышления» в хрестоматии, назначенной для юношества. . .» (1846, № 5).

И в 1862 году у Погодина не умерла ненависть к книге Галахова, которая теперь помещена старым историком в характерное окружение: «Обороні бог, — писал Погодин, — от критики Белинского, хрестоматий Галахова и диссертаций Чернышевского».[1]

На «Хрестоматию» негодовали и другие: «Прочитал ли ты мой отзыв о Галахове? — писал Плетнев Гроту 5 мая 1843 года. — Этот человек сам был у меня со своею книгою. Он даже добросовестен. Но он или лентяй, или невежда. Вот почему я почел за долг сказать, что не так надо обделывать эти предприятия».[2]

Недоброжелатели так сильно ополчились на «Хрестоматию» Галахова потому, что увидели в ней книгу, вышедшую из лагеря «Отечественных записок», плод учения Белинского. Было ли это так на самом деле? Как известно, Белинский тоже предполагал издать хрестоматию по литературе. Соответствовала ли «Хрестоматия» Галахова намерениям Белинского? Далеко не во всем. Ряд существенных черт отграничивает его работу от замыслов Белинского.

Так, при расположении материала «Хрестоматии» Галахов, по его собственному заявлению, «руководствовался «Чтениями о словесности г. Ивана Давыдова», что и заставило его отвести первую часть своей книги под «Красноречие», заполнив ее «духовными речами» митрополитов Филарета, Иннокентия, Платона, «светскими

---

[1] Н. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIX, стр. 370.

[2] См. также письмо от 3 апреля. Отзыв Плетнева помещен в «Современнике» 1843, т. 30.

речами» Уварова, Ширинского-Шихматова, И. И. Давыдова, «философскими сочинениями» Погодина, Шевырева, того же Уварова, того же Филарета. Но на этом Галахов не остановился в своем стремлении угодить всем. В отделах «повестей», «романов» и т. п., рядом с произведениями Пушкина, Лермонтова, Гоголя, он поместил невысокие по художественным достоинствам и чуждые направлению «Отечественных записок» произведения Греча, Сенковского, Булгарина, Ф. Глинки, Хомякова, Плетнева, Грота и др.

Наконец, заинтересованный в широком распространении своей «Хрестоматии» в качестве учебного пособия, Галахов посвятил второе издание своей работы (1843) С. С. Уварову, снабдив его довольно льстивым обращением к министру.

Всего этого, несомненно, не допустил бы Белинский в задуманной, но не выполненной им хрестоматии. Вероятно, он не стал бы возражать против злого замечания Добролюбова, заявившего позднее, что руководство Давыдова «весьма заметно как в хрестоматии, так и в статейках» Галахова.[1] Ведь и сам Белинский писал о Галахове: «Это половинчатый человек. В нем много хорошего, но это хорошее на откупу у Давыдова и Кузьмы Рощина».[2]

Вся совокупность отношений Белинского и Галахова также не свидетельствует об их единомыслии. Белинский неоднократно отзывался о Галахове совершенно недвусмысленно. Галахов (как и Кудрявцев) для него — человек несколько сентиментальный, с «ребяческими идеалами», «бедными интересами», «узким созерцанием».[3]

С другой стороны, для умеренного Галахова была неприемлема самая революционно-демократическая суть великого критика. Он чувствовал себя гораздо ближе к Краевскому. «. . . Это люди крика и шума, — писал

---

[1] «Ответ на замечания А. Д. Галахова. . .» Произведения и дневник Добролюбова цитируются по Полному собранию сочинений, М.—Л. 1934—1941.

[2] Письмо к Герцену от 14 января 1846 года. Кузьма Рощин — разбойник из романа Загоскина «Брынский лес»; так Белинский называл Краевского.

[3] См. письмо к Боткину от 4 марта 1847 года.

Галахов Краевскому о Белинском и его друзьях, — люди, увлекающиеся легко тем, что примут они к сердцу или что понравится их уму. Я называю их натурами, легко поддающимися каждому обаянию, exaltados, Орландами неистовыми... и таково их предубеждение или убеждение, что нет средств поколебать его... Благодарю бога, что ни я, ни Кудрявцев не получили такого странного сгиба ума, такого устройства сердца: нас не так-то скоро увлечь, не так-то легко изменить составленное самобытное мнение. Может быть, это зависит и от некоторой умственной или сердечной холодности, но она спасет нас от многих обольщений». [1]

Таким образом ясно, насколько неправильно ставить книгу Галахова рядом с «критикой Белинского и диссертацией Чернышевского». Но вместе с тем «Хрестоматия», как будет видно, была составлена под влиянием Белинского, и подбор значительной части материала в ней опирается на его литературные характеристики. В те годы А. Д. Галахов еще не был тем весьма умеренным либералом, который позднее не гнушался защищать императрицу Екатерину — ее деяния политические и литературные — от нападений Добролюбова. Тогда Галахов, как и некоторые другие западники, отнюдь не являясь демократом, был все же настроен смелее и более оппозиционно. Недаром отдельные статьи Галахова приводили Белинского в восхищение, [2] недаром Белинский взял «Хрестоматию» Галахова под защиту от критики Шевырева.

Вот почему Шевырев, давно уже ведший борьбу с критическими и историко-литературными мнениями Белинского, откликнулся на работу Галахова рецензией, которая была помещена в №№ 5—6 «Москвитянина» за 1843 год и занимает там 63 страницы. Рецензия была придирчива и высокомерна и вызвала контр-статью Галахова («Отечественные записки» 1843, №№ 7 и 9) и «Несколько слов «Москвитянину» Белинского (1843, № 8).

---

[1] Письмо от 24 июня 1846 года. Опубликовано в статье М. К. Клемана «Белинский в письмах Галахова» — сборник «Венок Белинскому», под редакцией Н. К. Пиксанова, М., 1924, стр. 145—146.

[2] «Письма», т. II, стр. 336; т. III, стр. 324.

Полемика эта привлекла, видимо, внимание некоторых читателей. Так, А. П. Елагина в одном из писем к А. Н. Попову замечает: «Литература наша отличается перебранками Шевырева с Галаховым (вам знакомым) за Хрестоматию, и чуть ли это не единственное явление».[1] Интерес к полемике был проявлен и в Московском университете. «Мне хорошо известно, — вспоминал Галахов, — что некоторые из них [профессоров], да и не малое число студентов, становились на мою сторону».[2]

В чем же суть спора? Каковы, прежде всего, позиции Шевырева?

Шевырев напал на «Хрестоматию» с необычайной резкостью. При этом в его рецензии замечания по адресу Галахова тесно переплетены с выпадами против «одного журнала» и «безымянного наездника» — Белинского.

Было и еще одно обстоятельство, придавшее столь горячий тон рецензии Шевырева: это боязнь за «надежду отечества», «юные умы», «молодые растения», для которых предназначалась книга Галахова, проводящая столь «зловредные» идеи. Объединив Галахова с «Отечественными записками», Шевырев предъявляет «Хрестоматии» обвинение в том, что она будто бы проповедует ненависть к преданиям и истории и не отличается должной религиозностью и «патриотизмом». В чем это выражается? В отсутствии уважения и почтения к Ломоносову и Державину, произведения которых и по языку и по содержанию Шевырев считает вполне современными. Шевырева возмущает недостаточное количество произведений Ломоносова и Державина в «Хрестоматии», снабженных к тому же какими-то подозрительными звездочками. «Одно слово из оды Державина или Ломоносова стоит дороже, чем целая пустозвонная поэма даром прославляемого современника», — пишет Шевырев (речь идет о Лермонтове). Шевырев ополчается на заявление Галахова о том, что в современных журналах мыслей больше, чем в целых томах литературных знаменитостей. «Такие слова ни в каком современном учебнике терпимы быть не могут».

---

[1] «Русский архив» 1886, № 3, стр. 343. Письмо от 30 сентября 1843 года.

[2] А. Д. Галахов. История одной книги — «Исторический вестник» 1891, № 6.

В связи с этим Шевырев негодует на то, что в «Хрестоматии» так мало религиозных од, отрывков из Библии, из Несторовой летописи, из «Истории государства Российского» Карамзина.

Галахов по этому поводу отвечал Шевыреву, что ряду произведений Ломоносова и Державина, несмотря на их значение художественное и общекультурное, место все же в исторической хрестоматии. Они устарели, в частности по языку. Для этого и поставлены звездочки. «Вольно вам подозревать даже звездочки. Звезда есть знак отличия, а не подозрения или презрения. Презренных клеймят», — иронизировал Галахов. И дальше он утверждал, что если помещать все религиозные произведения, тогда придется наполнить «Хрестоматию» подражаниями псалмам, стихотворным изложением книг священного писания. И того и другого много у Дмитриева и Мерзлякова, но произведения их не заслуживают помещения в «Хрестоматию».

Взяв под защиту Ломоносова, Державина и древнюю литературу, Шевырев обрушивается на литературу современную, образцы которой Галахов ввел в свою «Хрестоматию». Больше всего досталось Лермонтову. Для Шевырева это поэт, который подражал и Марлинскому, и Жуковскому, и Бенедиктову, но ничего нового, творческого в русскую литературу не внес. Только такие произведения Лермонтова, как «Спор» и «Песня о купце Калашникове», заслуживают внимания. «Мцыри», «Демон» или «Герой нашего времени», по мнению Шевырева, не имеют никакого отношения к русской жизни, вредны по направлению и недостаточно художественны. Поэтому он возмущается, почему у Галахова Лермонтов поставлен рядом с Карамзиным, Жуковским, Крыловым, с Шиллером, Гёте; возмущается, почему издают три тома сочинений Лермонтова («в числе их все школьные тетради покойного») и продолжают печатать в «Отечественных записках» его стихи, которые являются детскими упражнениями. «Любопытна для истории военная школа Наполеона, — говорит по этому поводу Шевырев, — но не имеет она значения в жизни молодого генерала, сраженного почти на первом шагу своего военного поприща».

Не только за Лермонтова достается Галахову, но и за любовь и пристрастие к Кольцову. Опять-таки Шевырев

находит, что из Кольцова можно было поместить несколько дум философско-религиозного направления (наклонность к подобным думам «таится и в простонародии русском»), но помещать те стихи Кольцова, которые «отравлены» близостью к некоторым журналам, вовсе не следовало («Вопрос», «Лес»). Русским песням Кольцова он предпочитает русские песни Дельвига. Наконец, Шевырев возражает против включения в «Хрестоматию» стихотворения Огарева, отрывков из повестей Панаева, переводов Струговщикова. Шевырев вовсе не против помещения в «Хрестоматии» произведений современной литературы — совсем нет; он негодует на Галахова за то, что тот напечатал так мало стихотворений Ростопчиной и Теплякова, и особенно за то, что отвел слишком незначительное место лучшим, по мнению Шевырева, лирикам современности — Языкову и Хомякову. По части повестей он рекомендует Даля (Казака Луганского), по части переводов — И. И. Дмитриева.

По вопросам современной литературы в спор вмешался Белинский. Если Галахов иронически объяснял, что у него в «Хрестоматии» нет, к сожалению, отдела прозрений, в который он мог бы поместить рекомендуемое Шевыревым стихотворение Хомякова «Остров», где славянофильский поэт предсказывает Англии исчезновение с лица земли, то Белинский прямо писал, что помещать стихи Хомякова и Языкова в «Хрестоматии» совсем не следовало, так как это не современные поэты, а «звучные версификаторы» (особенно Хомяков), которые пишут, «как писали назад тому около двадцати лет». «Зачем приучать мальчиков к фразерству и пустоте мыслей в гладких стихах?» Белинский присовокуплял при этом, что сам Шевырев писал стишки немногим хуже Хомякова и Языкова.

Если Галахов пытался доказывать Шевыреву значение и силу творчества Лермонтова и Кольцова, то Белинский в самой резкой форме заявлял, что любое стихотворение Лермонтова несравненно выше «лучших стихотворений гг. Языкова, Хомякова и Бенедиктова». «И уж, конечно, имя поэта Лермонтова скорее может быть поставлено с именем поэтов Шиллера и Гёте, чем имя Карамзина, отличного литератора, известного историка, но нисколько не поэта». О русских же песнях Кольцова

Белинский писал, что они «горят и трепещут», в то время как «русские песни забытого Дельвига столь же русские, сколько, например, идиллии г-жи Дезульер — теокритовские». Не прошел Белинский и мимо «наклонностей русского простонародья, как и Кольцова, к философско-религиозной думе» и решительно отверг утверждение Шевырева о мистическом характере русской народной поэзии.

По поводу Ростопчиной, Теплякова и других поэтов, выдвигавшихся Шевыревым, Белинский мог остаться довольным ответами Галахова, который заметил, что его книга вовсе не адрес-календарь для всяких Тепляковых, а кроме того отдел риторического красноречия у него и так уже достаточно обилен.

Такова основная линия полемики.

Особенно сокрушался Шевырев о том, что «Хрестоматия» Галахова предназначена для гимназистов. Еще в 1841 году, подводя итоги приемным экзаменам в Московский университет, он с огорчением писал: «Преподаватели напрасно увлекаются пустыми отзывами журналов и тем вредят классическому направлению учения» («Москвитянин» 1841, ч. V). И вот, вместо того чтобы исправить печальный недостаток, преподаватели должны будут рекомендовать учащимся «Хрестоматию» Галахова, явный плод «журнальных лжеучений». Вероятно, не без влияния выступления Шевырева против «Хрестоматии» Галахова (отдельные выпады Шевырева были квалифицированы Белинским как донос) на нее обратил свое внимание попечитель Московского учебного округа граф Строганов. Об этом рассказывает в своих воспоминаниях «Ранние годы моей жизни» (М., 1893) Фет: «Однажды он [Галахов] вошел в кофейню в мундирном фраке со словами: — Я только что от графа Строганова, который сказал мне: «Я вас вызвал, чтобы заметить, что вы в своей «Хрестоматии» поместили стихотворение Фета, не зная, может быть, что он еще студент». «Ваше сиятельство, — отвечал я, — я выбирал стихотворения, заслуживающие, по моему мнению, быть помещенными в «Хрестоматию», и, виноват, не обращал внимания на положение автора».

Интересно, что М. П. Погодин сделал попытку примирить Шевырева и Галахова. Он надумал прибегнуть к третейскому суду. Судьей должен был выступить Крю-

ков, профессор римской словесности. Крюков согласился на предложение Погодина, но не выполнил его («Чем больше входил я в суть спора, тем больше и больше переходил на вашу сторону, — почему и отказался», — заявил он Галахову). Но дело, видимо, не обошлось и без влияния Грановского, который отклонил своего товарища от намерения вступиться за «Москвитянина» и Шевырева.

Так закончилась эта полемика, затронувшая столь сильно литературную табель о рангах и отчетливо выявившая консервативные и прогрессивные тенденции в истории литературы, критики и школьного преподавания. Шевырев хотел помешать распространению книги, которая вводила в школу новых крупных и талантливых писателей и сыграла в свое время положительную роль. [1]

---

[1] В дальнейшем «Хрестоматия» Галахова все более и более утрачивала свое положительное общественное значение. Она «отставала от жизни» по мере того, как правел ее составитель. Так, включив в более поздние издания произведения Тургенева, Галахов не отвел в них места писателям революционной демократии (Некрасову, Щедрину и др.).

6. «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» И ЦЕНЗУРА

Направление «Отечественных записок» делало их положение крайне непрочным, так как постоянно можно было ожидать распоряжения о запрещении издания. Краевский должен был не раз пускать в ход свои обширные связи, чтобы сохранить журнал. Существование «Отечественных записок» удавалось отстоять, но цензура, под влиянием доносов, преследовала журнал с еще большей жестокостью. Так, в 1843 году в смятение поверг и цензурное ведомство и самого министра просвещения Булгарин. Он написал председателю Петербургского цензурного комитета Волконскому письмо, в котором утверждал: «Существует партия мартинистов, положивших себе целью ниспровергнуть существующий порядок вещей... представителем этой партии являются «Отечественные записки», цензура явно им потворствует». Далее, приведя несколько выписок из «Отечественных записок», Булгарин заявлял: «Но с того времени, как вы председательствуете в комитете, пропускаются вещи *посильнее и почище этих*». Наконец и самого Уварова Булгарин обвинял в близорукости и покровительстве либерализму. Булгарин требовал особой следственной комиссии, перед которой хотел предстать как «доноситель» — с обличением партии, колеблющей веру и престол; писал, что будет просить государя разобрать это дело, а если государь не вникнет в него или дело до него не дойдет, то он попросит прусского короля довести до сведения Николая I все, что ему, Булгарину, необходимо сказать для огражде-

ния священной особы государя и его царства. Донос Булгарина был доведен до сведения Бенкендорфа и царя. В результате Уваров направил в цензурный комитет официальную бумагу, где предписывал цензорам «быть как можно строже», так как он «действительно нашел в журналах статьи, где под видом философских и литературных исследований распространяются вредные идеи».[1] В личной же беседе с Волконским Уваров заявил, что «хочет, чтобы наконец русская литература прекратилась. Тогда по крайней мере будет что-нибудь определенное, а главное... я буду спать спокойно».[2]

Не только Булгарин или Федоров, но и лица значительно более влиятельные считали нужным доносить на «Отечественные записки» и требовать от цензурного ведомства более энергичной борьбы с журналом. В 1841 году адмирал Мордвинов «обратил внимание» Уварова на неблагопристойные отзывы Белинского об его покойном друге А. С. Шишкове и на журнал, «колеблющий коренное основание благоустройства». Уваров сделал замечание цензору, после чего в статье Белинского «Двенадцать собственноручных писем адмирала Шишкова» (1841, № 9) цензор произвел настолько основательные изменения, что даже относящиеся к Шишкову слова «добрый старик» заменил везде безразличным обозначением «автор».

В 1844 году ректор Петербургской духовной академии епископ Афанасий донес на цензуру за пропуск в «Отечественных записках» статей о реформации, извлеченных из книги немецкого ученого Ранке. Цензору Никитенко пришлось давать объяснения. «Беда, если монахам дать волю, — пишет он по этому поводу в своем дневнике, — опять настанут времена Магницкого».

Любопытно поведение издателя и редактора «Современника» Плетнева. В своем журнале он избегал полемики с «Отечественными записками», но когда в 1845 году ему пришлось временно председательствовать в Петербургском цензурном комитете, он настаивал на применении к журналу весьма решительных мер.

---

[1] Без сомнения, Уваров имел в виду статьи Герцена и Белинского.

[2] См. об этом эпизоде в «Дневнике» А. В. Никитенко, запись от 7 декабря 1843 года.

В результате всех доносов и разного рода посторонних давлений даже такие сравнительно снисходительные цензоры, какими были цензоры «Отечественных записок» А. В. Никитенко и С. С. Куторга, должны были усвоить жесткое отношение к журналу Краевского. Сохранилось достаточное количество фактов, иллюстрирующих цензурную расправу над «Отечественными записками».

Прежде всего ряд произведений, предназначавшихся для опубликования в журнале, вовсе не был пропущен цензурой. К таким произведениям относятся: «Демон» Лермонтова (с большим трудом выхлопотал Краевский разрешение на опубликование небольших отрывков из поэмы), «Боярщина» Писемского, первая статья Белинского о «Воспоминаниях» Булгарина, статья И. С. Куторги «Версаль» и др. 26 декабря 1840 г. Белинский сообщил Боткину, что из первого номера за 1841 год «выкинули преинтересную статью о Пугачеве — не знаем, что и делать с цензурою, — добавлял Белинский, — самая кнутобойная и калмыцкая!»

Огромное количество произведений подвергалось беспощадным цензурным сокращениям и искажениям. Примерами могут служить почти каждая статья Белинского, стихи Лермонтова, роман Герцена «Кто виноват?». Помещая поэму «Измаил-Бей», редакция писала: «Каждая строка, каждое слово поэта — должны быть сохранены», и несколько ниже добавляла: «хотя по причинам, от нас не зависящим, мы и не могли напечатать вполне всю поэму». Цензура исключила из поэмы Лермонтова 228 стихов. Еще ранее из стихотворения «Дума» были изъяты строки:

Перед опасностью позорно малодушны
И перед властию презренные рабы.

Значительные вырезки были произведены цензурой в романе Герцена «Кто виноват?» О характере их можно составить представление по следующим примерам: 1) «Губернатор возненавидел Круциферского» читали подписчики «Отечественных записок», не подозревая, что дальше должны были следовать слова, вычеркнутые цензором: «за то, что он не дал свидетельства о естественной смерти засеченному кучеру одного помещика». 2) Среди средств, употребленных матерью Бельтова

для поправки разоренного имения, Герцен, наряду с сушением грибов и малины и т. п., указал и «продажу парней в рекруты, не стесняясь очередью». Сушение грибов и т. п. остались, а продажа парней в рекруты была изъята. 3) Была вырезана целая страница, рассказывающая о посещении меценатом гимназии, в которой учился Митя Круциферский. «Белинский выходил из себя за то, что это место не пропустили», — вспоминал Герцен. Все эти цензурные сокращения не помешали Булгарину, нападая на либерализм цензоров «Отечественных записок», в качестве примера ссылаться на пропуск романа «Кто виноват?»

Особенно жестоко преследовала цензура статьи Белинского. Даже написанная в период «примирения с действительностью» статья «Менцель, критик Гёте» подверглась основательным цензурным урезкам. Цензор Фрейганг дошел до того, что слова «всеобъемлющий Гёте» везде вычеркнул, полагая, что это «эпитет божий, а не человеческий». Почти в каждом письме Белинского можно найти заявления, подобные нижеследующему: «В «Отечественных записках» напечатана моя вторая статья о Петре Великом; в рукописи это точно о Петре Великом, и, не хвалясь, скажу, статейка умная, живая; но в печати — это речь о проницаемости природы и склонности человека к чувствам забвенной меланхолии. Ее исказил весь цензурный синедрион *соборне*. Ее напечатана только треть, и смысл весь выключен, как опасная и вредная для России вещь» (письмо к Боткину от 27—28 июня 1841 года).

О характере цензурных искажений, которым подвергались статьи Белинского, можно судить по таким купюрам в статьях о русской народной поэзии: 1) Утверждая, что новгородские патриции «пользовались большими правами» и «владели большими имениями», Белинский писал: «а народ был беден и правами и полями, ему предоставлено было только лить кровь за отечество и повиноваться его законам». Эти строки были исключены цензурой. 2) Не пропустила цензура и такое место: «Вспомните быт русского крестьянина того времени, его дымную неопрятную хижину, так похожую на хлев, его поле, то орошаемое кровавым его пóтом, то пустое, незасеянное или затоптанное татарскими отрядами, а иногда и псовою

охотою боярина».[1] О том, как тяжело переживал Белинский цензурные расправы, свидетельствует в своих воспоминаниях И. И. Панаев: «Для него это была невыносимая пытка. Он страдал, выбивался из сил и горько жаловался».

Однако как бы ни были жестоки и суровы условия существования «Отечественных записок», пропаганда идей народного освобождения, которая велась с их страниц, проникала сквозь все препоны и рогатки цензуры и распространялась по всей стране, оставляя неизгладимый след в сердцах тысяч читателей, особенно молодежи. По словам Герцена, «статьи Белинского судорожно ожидались молодежью в Москве и Петербурге с 25 числа каждого месяца. Пять раз хаживали студенты в кофейные спрашивать, получены ли «Отечественные записки»; тяжелый номер рвали из рук в руки. «Есть Белинского статья?» — «Есть» — и она поглощалась с лихорадочным сочувствием, со смехом, со спорами... и трех-четырех верований, *уважений* как не бывало» («Былое и думы»).

С таким же нетерпением ожидались и столь же сильное влияние оказывали «Отечественные записки» в провинции. «С нетерпением ожидалась каждая новая книжка журнала, — пишет учившийся в Казани Н. Булич, — и тогдашний студент, после бесцветных, скучных по своей риторике или по очевидным уступкам господствующей действительности лекций, со страстным молодым трепетом погружался в чтение новой статьи критика, казавшейся откровением. Горячие слова наполняли душу честными стремлениями, звали к честной деятельности».

На статьях «Отечественных записок» воспитывались молодые Чернышевский и Салтыков-Щедрин и петрашевцы. Журнал сыграл огромную роль в идейной подготовке участников революционного движения 60-х годов. О влиянии «Отечественных записок» и напечатанных в них статей Белинского на формирование передовой русской интеллигенции 60-х годов прекрасно рассказывает

---

[1] Более подробные сведения о цензурной судьбе некоторых статей Белинского можно найти в примечаниях С. А. Венгерова к VI тому Полного собрания сочинений Белинского, стр. 573, 578, 603—605, 621—626.

В. В. Стасов. «Я помню, — пишет Стасов, — с какой жадностью, с какой страстью мы кидались на новую книжку журнала [«Отечественных записок»], когда нам ее приносили... Мы брали книжку чуть не с боя, перекупали право ее читать раньше всех; потом, все первые дни, у нас только и было разговоров, рассуждений, споров, толков, что о Белинском да о Лермонтове... Громадное значение Белинского относилось, конечно, никак не до одной литературной части: он прочищал всем нам глаза, он воспитывал характеры, он рубил рукою палача патриархальные предрассудки, которыми жила сплошь до него вся Россия, он издали приготавливал то здоровое и могучее интеллектуальное движение, которое окрепло и поднялось четверть века позже. Мы все — прямые его воспитанники». [1]

---

[1] Цитирую по книге С. Ашевского «Белинский в оценке его современников», СПБ., 1911, стр. 319. Там же, на стр. 318 — приведенные выше слова Н. Булича.

7. ПЕРЕХОД БЕЛИНСКОГО ИЗ «ОТЕЧЕСТВЕННЫХ ЗАПИСОК» В «СОВРЕМЕННИК»

Участие в «Отечественных записках» Белинского, Герцена и их друзей превратило журнал Краевского в лучший журнал 1840-х годов, пользовавшийся большим успехом у читателей. Подписка на «Отечественные записки» непрерывно возрастала. В 1839 году они имели 1200, а на 1847 год уже 4000 подписчиков. Краевский получал от журнала большие доходы. Но материальное положение Белинского оставалось неизменно тяжелым. Краевский, будучи человеком корыстолюбивым, чрезвычайно неохотно соглашался на повышение его заработка. Когда в 1843 году Белинский, в связи с женитьбой, просил повысить ему гонорар с 4500 рублей ассигнациями в год до 6000 рублей, Краевский прибавил не 1500 рублей, а всего 500. Жить с семьей на 5000 рублей ассигнациями (1429 руб. серебром) в год больному Белинскому было крайне трудно. Вместе с тем Краевский постоянно заваливал Белинского непосильной и срочной работой, которая разрушала здоровье критика и повергала его в тоску и апатию. Уже в 1841 году Белинский жаловался Боткину на Краевского, который «стоит с палкой и погоняет», а в феврале 1843 года писал Бакунину и тому же Боткину: «Я Прометей в карикатуре: «Отечественные записки» — моя скала, Краевский — мой коршун, который терзает мою грудь». При этом работа, которой нагружал Краевский Белинского, по выражению последнего, делала его «не только чернорабочим, водовозной лошадью,

но и шарлатаном, который судит о том, в чем не смыслит ни малейшего толку». «У Краевского я писал даже об азбуках, песенниках, гадательных книжках, поздравительных стихах швейцаров клубов (право!), о книгах о клопах, наконец, о немецких книгах, в которых я не умел перевести даже заглавия; писал об архитектуре, о которой я столько же знаю, сколько об искусстве плести кружева» (письмо Боткину от 4—8 ноября 1847 года).

Но не только указанные причины делали положение Белинского в «Отечественных записках» тяжелым. Они не были и основными причинами. Слишком велики были различия между Белинским, любившим человечество «маратовской любовью», и расчетливым издателем «Отечественных записок», который если и имел какие-либо убеждения, то не более чем умеренно-либеральные. Краевский с опасением смотрел на деятельность Белинского в своем журнале; она пугала его и заставляла подумывать об избавлении от Белинского. Отношение же Белинского к Краевскому еще более ясно. Он очень быстро пришел к заключению, что издатель «Отечественных записок» — «приобретатель», «ожесточенный эгоист, для которого люди — средство и либерализм — средство... в литературе он человек тупой и круглый невежда...» (письмо к Герцену от 6 апреля 1846 года).

Особенно раздражало Белинского то обстоятельство, что хозяйничанье Краевского в «Отечественных записках» отражалось на содержании журнала и привносило в его направление чуждые Белинскому тенденции.

Тот характер отношений, который установился у Белинского с Краевским, делал его положение в «Отечественных записках» фальшивым и неизбежно вел критика к разрыву с осторожным и умеренным владельцем журнала. «Я же не могу быть с человеком на торговых отношениях... Оставаясь при нем [Краевском], я должен лицемерить, на что у меня нет ни охоты, ни уменья», — писал Белинский Герцену 6 апреля 1846 года.[1]

---

[1] Более подробно о причинах перехода Белинского из «Отечественных записок» в «Современник» см. в главе «Белинский в «Современнике».

Еще весною 1841 года Белинский пытался отказаться от ведения критического отдела «Отечественных записок», но Краевский тогда удержал его в журнале. В 1843 году мысль об уходе от Краевского снова возникает у Белинского, но женитьба на М. В. Орловой опять заставляет его оставить свои намерения. Наконец в 1846 году решение покинуть журнал принимает окончательную форму. 2 января 1846 года Белинский сообщал Герцену: «Я твердо решился оставить «Отечественные записки» и их благородного, бескорыстного владельца». В феврале 1846 года он заявил о своем уходе Краевскому, а с апреля совершенно прекратил свое сотрудничество в «Отечественных записках». Покидая журнал Краевского, Белинский первоначально предполагал осуществить издание огромного альманаха «Левиафан», но когда летом 1846 года выяснилось, что Некрасов и Панаев предполагают издавать новый журнал, Белинский с радостью откликнулся на их предложение — принять в нем участие. С января 1847 года Белинский становится критиком перешедшего в руки Некрасова и Панаева журнала «Современник».

Краевский не стал удерживать Белинского, а может быть, был и рад, что избавляется от столь опасного сотрудника. Он принялся искать другие средства для поддержания популярности и славы «Отечественных записок». Неотложные мероприятия в этом направлении были тем более необходимы, что, вслед за уходом Белинского, Некрасова, Панаева из «Отечественных записок», в их руки перешел «Современник», возможный успех которого, как это прекрасно сознавал Краевский, не мог не отразиться на судьбе его журнала.

Прежде всего нужно было найти заместителя Белинскому. «Потеря такого сотрудника равняется Ватерлоо, после которого Наполеон — все Наполеон, да без армии», — писал Краевскому Герцен. После того как от предложения взять на себя руководство критическим отделом «Отечественных записок» отказался А. Д. Галахов, Краевскому удалось привлечь к активной работе в критическом отделе журнала В. Н. Майкова. Вместе с тем Краевский, боясь, что вслед за Белинским и Герценом в «Современник» перейдут и другие сотрудники «Отече-

ственных записок», принял все меры к тому, чтобы удержать их в своем журнале. И он и его добровольные московские помощники А. Д. Галахов и В. П. Боткин энергично вербовали сотрудников для «Отечественных записок» на 1847 год. Весною 1847 года Краевский и сам выезжал в Москву для переговоров с московскими литераторами. Были использованы и повышенные гонорары, и личное недоверие некоторых литераторов к Некрасову, и уверения в том, что «Отечественные записки» не изменят своего направления, и сплетни о том, что Белинский «выписался».

Заручившись согласием ряда старых сотрудников «Отечественных записок» и впредь участвовать в его журнале, Краевский стал распространять слухи, что никаких перемен в «Отечественных записках» не произошло, что все старые сотрудники в журнале остаются, что вес Белинского, Некрасова и Панаева в «Отечественных записках» был ничтожен и уход их не имеет для журнала никакого значения. С подобными заявлениями он поспешил выступить и в печати — в брошюре «Объяснение по не-литературному делу». И когда Белинский, Некрасов и Панаев в специальном листке опровергли заявления издателя «Отечественных записок», Краевский (всего лишь на том основании, что листок Белинского, Некрасова и Панаева Булгарин перепечатал в «Северной пчеле») обвинил новых руководителей «Современника» в добрых отношениях и даже в союзе с Булгариным (1846, № 12). Прекрасно зная истинное отношение Белинского и Некрасова к Булгарину, он выступил с заведомой клеветой. Неблаговидный характер выступления Краевского станет еще более ясным, если принять во внимание, что в это же самое время издатель «Отечественных записок» утверждал где следует, что он якобы сам удалил некоторых сотрудников, как людей «беспокойных» и «опасных», придававших его журналу нежелательное направление. [1]

Разрыв Белинского с Краевским показал в истинном свете лицо не только «благородного» владельца «Отечественных записок», но и некоторых «друзей» великого

---

[1] Подробнее об этом см. в книге В. Евгеньева-Максимова «Современник» в 40—50 гг.», Л., 1934, стр. 67—75.

критика. В то время как Некрасов, Герцен, Панаев поддержали Белинского и вместе с ним покинули «Отечественные записки», Боткин, Кавелин, Грановский, Галахов, Кудрявцев, несмотря на все старания Белинского, были на стороне Краевского и всемерно помогали ему выйти из затруднительного положения. Иначе говоря, люди, разделявшие убеждения Белинского, оказались вместе с ним и «Современником», а либералы-западники — вместе с Краевским и «Отечественными записками», не отказываясь, впрочем, от сотрудничества и в «Современнике».

8. «ОТЕЧЕСТВЕННЫЕ ЗАПИСКИ» ПОСЛЕ УХОДА БЕЛИНСКОГО И ГЕРЦЕНА

Уходя из «Отечественных записок», Белинский, Некрасов и Панаев полагали, что журнал Краевского, утратив «дух» и «закваску», утеряет и свое направление, содержательность, а следовательно, и свою популярность. Так и случилось. Но самое первое время «Отечественные записки», по словам Белинского, «еще не успели простыть» от заданной им «жаркой топки» и, считаясь с запросами своих читателей, должны были менять направление не столь круто и резко.

Если учесть, что во второй половине 1846 и в 1847 году в «Отечественных записках» были помещены упомянутые выше статьи Заблоцкого-Десятовского, Милютина и начал сотрудничество М. Е. Салтыков, то это станет очевидным.

Невозможно было, конечно, удержать на той высоте, на которой он стоял при Белинском, критико-библиографический отдел. К активному сотрудничеству в отделе критики и библиографии был привлечен широко образованный и талантливый критик В. Н. Майков. Но Майков не был столь последователен в своих философских, социально-политических и эстетических воззрениях, как Белинский, и находился под влиянием позитивизма и западничества. Вместе с тем сотрудничество Майкова в «Отечественных записках» было непродолжительным: он успел поместить в журнале лишь статью о Кольцове и ряд рецензий. Летом 1847 года Майков утонул. Его место

в «Отечественных записках» занял С. С. Дудышкин, человек очень умеренный и уклончивый.

Разрыв с Белинским, отказ от участия в «Отечественных записках» нескольких постоянных сотрудников, в том числе Герцена, переход «Современника» в руки Некрасова и Панаева не могли, конечно, пройти для журнала Краевского бесследно. «Краевский оставлен всеми и желтеет от злости. Конкуренция явилась страшная. Краевский дает большие деньги за малейшую статью с литературным именем. Недавно за пол-листа стихотворений Майкова заплатил 200 руб. серебром. Это все наделало появление «Современника», — писал Боткин Анненкову 20 ноября 1846 года. Для людей, близко знавших Краевского и его журнал, некоторые симптомы падения «Отечественных записок» стали заметны сразу. 22 апреля 1847 года Белинский писал Боткину: «От «Отечественных записок» несет мертвечиною, в них страшное разнообразие, всякого жита по лопате, есть статьи дельные и интересные; но читать их — скука смертельная. Прежде они были соусом, который был вкусен, потому что сдабривался соею, а теперь сои нет, и соус только пресен. Самая полнота и разнообразие их утомительны и наводят скуку: думаю, это потому, что отзываются демьяновой ухой». Белинский судил объективно и справедливо. Еще более верно он оценивал перспективы «Отечественных записок»: «Погодите немного — то ли еще будет, несмотря на ваше участие, — писал он Кавелину 22 ноября 1847 года. — Вспомните мое слово, если в будущем году не появится там таких статей и мнений, которые лучше всех моих доводов охладят ваше участие к этому журналу».

Предсказание Белинского сбылось скорее, чем можно было ожидать. События 1848 года, столь сильно отразившиеся на судьбах русской журналистики, сыграли решающую роль и в истории падения «Отечественных записок». Они обнаружили, как много значили для журнала Краевского Белинский и Герцен и на что способен Краевский в качестве самостоятельного руководителя журнала. Как известно, те перемены, которые принес 1848 год для русской журналистики, сильнее всего коснулись «Отечественных записок» и «Современника». В докладных записках царю, поданных на следующий день после получения первых известий из Франции Орловым, Строгановым

и Корфом, «Отечественные записки» были названы изданием вредным и опасным. Некоторые выдержки из записки Орлова представляют значительный интерес. Орлов утверждал, что хотя журнал «со времени отпадения от него Белинского и сделался умереннее в нравственном отношении», что хотя Краевский и даже Белинский «не имеют в виду ни политики, ни коммунизма, но в молодом поколении они могут поселить мысли о политических вопросах Запада и коммунизме». «Отечественные записки», — писал Орлов, — с презрением отзываются о всех прежних и нынешних литераторах, которые описывали и описывают предметы более идеальные, нежели существующие в природе... Неуважение к литературным знаменитостям может приводить молодых людей к неуважению всего, к чему народ питает благоговение; так, поручик корпуса горных инженеров Банников в показании своем объяснил, что он, напитавшись из «Отечественных записок» неуважением к старым нашим литераторам, перешел от этого к неуважению всего, чтимого другими, и властей, и настоящего порядка дел, и даже особы вашего императорского величества».

«Меньшиковский комитет», которому Николай I поручил «ознакомиться» с русской журналистикой, отозвался об «Отечественных записках» суровее, чем о всех других журналах. Член комитета Дегай нашел в «Отечественных записках» последних лет «вредность духа и направления», «недопустимость многих статей и заметок». Дегай особо отметил неблагонамеренность повести Салтыкова «Запутанное дело», статьи Милютина «Пролетарии и пауперизм в Англии и Франции» и указал на недопустимость продолжающейся распродажи книжек журнала 1840—1843 годов со статьями Герцена. Краевский был вызван в III отделение, где должен был расписаться на официальной бумаге, предписывавшей ему «давать своему журналу направление, совершенно согласное с видами правительства», и угрожавшей, что «за нарушение этого» ему будет не только запрещено издание «Отечественных записок», но и «с ним самим будет поступлено как с государственным преступником».

Краевский перепугался до крайности. Сначала он заявил III отделению, что «желал бы быть органом правительства», — «пусть мне дают темы, что я должен

писать». Затем он отправил письмо Дубельту, в котором все грехи и упущения «Отечественных записок» и «наличие в них чужеземного влияния» сваливал на «молодых сотрудников», что было близким к доносу. Наконец, в июльской книжке «Отечественных записок» за 1848 год он выступил со статьей «Россия и Запад в настоящую минуту», где в самых льстивых выражениях говорил о спасительности начал самодержавия и православия, нападал на революционные и социалистические учения и называл шарлатанами Прудона, Кабэ и Ледрю-Роллена. Погодин имел полное право негодовать и возмущаться, считая, что статья Краевского представляет самую бессовестную компиляцию из программных статей «Москвитянина». [1]

Погодин хотел даже «разразить» Краевского, но цензура не разрешила выступления Погодина, так как статья издателя «Отечественных записок» «обратила на себя всемилостивейшее внимание государя императора», о чем и было благосклонно объявлено Краевскому. [2]

Цель Краевского — создать своему журналу репутацию благонамеренного издания — была таким образом достигнута. Но зато поспешная готовность превратить «Отечественные записки» в орган правительства не могла не повредить журналу в глазах читателей. Обнаружилась вся справедливость предсказания Белинского. Под влиянием правительственных репрессий, беспринципности и трусости Краевского «Отечественные записки» решительно утрачивают прежнее направление и торопятся покинуть лагерь прогрессивной журналистики. Традиции Белинского предаются забвению с необычайной поспешностью.

Наступившая после 1848 года эпоха «мрачного семилетия» и «цензурного террора», разумеется, не только

---

[1] Впрочем, для Краевского при создании статьи «Россия и Запад в настоящую минуту» вовсе не обязательным было обращение к «Москвитянину», так как подобные идеи он развивал еще в 1837 году в статье «Мысли о России» («Литературные прибавления к Русскому инвалиду» 1837, № 1).

[2] Более подробно о падении «Отечественных записок» в связи с событиями 1848 года см. в книге М. К. Лемке «Николаевские жандармы и литература», СПБ., 1909 и в книге В. Е. Евгеньева-Максимова «Очерки по истории социалистической журналистики в России XIX века», Л., 1927.

не способствовала возрождению «Отечественных записок», но, напротив, привела их к окончательному упадку и утере авторитета и влияния. Бесцветный Дудышкин на посту главного критика журнала не мог, конечно, ни в какой степени заменить Белинского. Художественный отдел журнала оскудел. Из крупных писателей дольше других (до 1852 года) продолжал сотрудничать в «Отечественных записках» Тургенев, но произведения его жестоко преследовались цензурой. Пьесу «Нахлебник» цензура запретила, повесть «Дневник лишнего человека» урезала на одну четверть. «Отечественные записки» кичились важностью и солидностью и охотнее, чем другие журналы, давали на своих страницах место чрезвычайно специальным и эмпирическим научным работам. По традиции считая себя прогрессивным журналом, они, в сущности, пропагандируют плоский и пресный либерализм, враждебный демократии и народу и ничем не отличающийся от консерватизма.

Наступивший после смерти Николая I и Крымской кампании период общественного подъема уже не смог вдохнуть жизнь в журнал. «Отечественные записки», — писал Некрасов Тургеневу 25 декабря 1857 года, — продолжают падать все быстрее и быстрее — подписка на них очень плоха». Даже появление в журнале таких произведений, как «Тысяча душ» Писемского (1858) и «Обломов» Гончарова (1859), не могло улучшить его положения. Былая популярность и слава не вернулись к «Отечественным запискам» и в 1860-е годы. И лишь после того, как отчаявшийся в успехе журнала Краевский в 1868 году передал его в руки Некрасова и Салтыкова-Щедрина, начались для «Отечественных записок» новая содержательная жизнь и деятельность серьезного общественного значения.

III. «МОСКВИТЯНИН»

1. ОСНОВАНИЕ «МОСКВИТЯНИНА»

К 1837 году, после закрытия «Европейца», «Московского телеграфа» и «Телескопа», в Москве продолжал издаваться только один литературный журнал — «Московский наблюдатель», да и тот выходил неисправно и не пользовался успехом. «Наша журналистика опять и еще более сосредотачивается в руках ярыг... Москва неужели ничего не противупоставит?» — писал М. А. Максимович М. П. Погодину осенью 1837 года. И после того, как С. П. Шевыреву и М. П. Погодину стало ясно, что им не удастся быть полными хозяевами «Московского наблюдателя», они решили издавать новый журнал — «Москвитянин», который должен был противостоять «торговому направлению» в словесности и журнальному триумвирату Булгарина, Греча и Сенковского.

В ноябре 1837 года «на обеде у князя Д. В. Голицына решено было издание, — вспоминает Погодин. — Просвещенный московский градоначальник взялся ходатайствовать об этом деле». Кроме Голицына, ходатайство об издании «Москвитянина» горячо поддержали В. А. Жуковский, попечитель Московского учебного округа граф С. Г. Строганов и сам министр просвещения С. С. Уваров. И несмотря на то, что за год до этого Николай I на прошении Краевского и В. Ф. Одоевского об издании журнала «Русский сборник» наложил резолюцию: «И без того много», издание «Москвитянина» было разрешено. «Согласен, но с строгим должным надзором», — надписал царь на докладе Уварова.

Слухи об организации нового журнала быстро распространились по Москве. «В Москве затевается новый журнал «Москвитянин», редакторы — Шевырев и Погодин, — писал Белинский М. Бакунину 21 ноября 1837 года. — Можешь представить, что это такое? Мне стороною предлагалось сотрудничество, но чорт возьми этих подлецов и идиотов, не надо мне их и денег, хоть осыпь они меня золотом с головы до ног».

Но полученное в 1837 году разрешение было использовано Погодиным и Шевыревым лишь через три года. Только к этому времени потребность в издании журнала стала для них абсолютно насущной и неотложной. Дело в том, что к началу 1840 года в общественной жизни и литературе явственно обозначились явления, гораздо более враждебные Погодину и Шевыреву, чем «торговое направление». Речь идет о нарастании борьбы угнетенного крестьянства против крепостного права, о распространении и усилении революционных и оппозиционных настроений и идей среди русской интеллигенции.

С идейными врагами Погодину и Шевыреву пришлось столкнуться прежде всего в Московском университете, где с конца 1830-х годов стали работать Т. Н. Грановский и группировавшиеся вокруг него молодые ученые. С приходом Грановского в университет начинается борьба среди профессуры. Во главе реакционных профессоров, борющихся против Грановского и его сторонников, стояли Погодин и Шевырев. Связь между изданием «Москвитянина» и отношениями в университете совершенно очевидна. Многие современники отметили это обстоятельство в своих воспоминаниях.

С другой стороны, в 1839 году Краевский берет в свои руки издание «Отечественных записок», вдохновителем которых становится старый враг Шевырева и Погодина — Белинский. Сообщая, что Краевский и петербуржцы «выписали» Белинского («пустили козла в огород»), Н. Ф. Павлов писал 22 марта 1840 года находившемуся за границей Шевыреву: «Они его еще не разгадали! Что делается в литературе! Да приезжай поскорей!» [1]

---

[1] Письма Н. Ф. Павлова к Шевыреву опубликованы в приложениях к «Отчету имп. Публичной библиотеки» за 1892 год.

Вернуться на родину и приступить к изданию «Москвитянина» звал своего друга и Погодин: «Надо дать себе рельефу для общей пользы и вырвать несчастную нашу литературу из грязи, куда погрузили ее мошенники поляки [1] и русские». Выступить против «Отечественных записок» и «темной силы» журнального триумвирата призывали Погодина и Шевырева их друзья и единомышленники: писатель М. А. Дмитриев, профессора М. А. Максимович и О. М. Бодянский, ученые церковники Голубинский и Горский и многие другие. Не переставал проявлять глубокую заинтересованность в издании «Москвитянина» и министр просвещения Уваров.

Наконец в 1840 году Шевырев вернулся из-за границы, и с января 1841 года решено было приступить к выпуску «Москвитянина». Издание и редактирование журнала полностью брал на себя Погодин; в ведение Шевырева поступал критический отдел.

1 января 1841 года первая книжка «Москвитянина» вышла в свет. Она открывалась статьей Погодина «Петр Великий», вслед за которой шло известное стихотворение Ф. Глинки «Москва» («Город чудный, город древний») и программная статья Шевырева «Взгляд русского на образование Европы». В отделе изящной словесности были помещены стихи Хомякова, Языкова, Вяземского, К. Аксакова, Ф. Глинки, А. Глинки, Шевырева, М. Дмитриева и других, «Приезжий из уезда» Вельтмана и «Месяц в Париже» Погодина. Богато был представлен отдел «Материалы для истории русской словесности». Здесь были опубликованы ценные документы о Ломоносове, Сумарокове, Державине, Карамзине, стихи Кантемира, отрывок из записок И. И. Дмитриева и т. д.

По выходе первого номера «Москвитянина» Погодин отправился в Петербург — выяснить впечатление, произведенное журналом в столичных сферах. 11 февраля он писал Шевыреву: «Такой эффект произведен в высшем кругу, что чудо: все в восхищении и читают наперерыв. Графиня Строганова, Вьельгорский, Протасов, Барант, Уваров; Прянишников, почт-директор, сказывал мне о многих. И заметь, что все эти господа ездят, и трубят, и заставляют подписываться, например граф Прота-

---

[1] Речь идет о Сенковском и Булгарине.

сов...[1] А уж Сергей Семенович,[2] и говорить нечего. Велит выписывать по гимназиям и прочее. От моего Парижа все без памяти. Твоя Европа сводит просто с ума. Стихи переписывают. Экземпляр Одоевского просто растерзали... Сергей Григорьевич[3] так и рассыпается в похвалах, и даже посторонним лицам... Ратьков[4] сказал, что он продал бы сто экземпляров, если б у него были... Все ждут второго номера... Одним словом — два года, и мы господа. Даже прежде...»[5]

---

[1] Обер-прокурор Синода.

[2] Уваров.

[3] Строганов.

[4] Книгопродавец.

[5] Письмо Погодина и другие материалы о возникновении «Москвитянина» см. у Н. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. V, гл. XII, и т. VI, гл. I—XV.

2. КРАТКАЯ ХАРАКТЕРИСТИКА СОДЕРЖАНИЯ ЖУРНАЛА (1841—1850)

«Москвитянин» издавался в течение шестнадцати лет — с 1841 по 1856 год. До 1850 года его направление и состав ближайших сотрудников оставались почти неизменны; с 1850 года значительную роль в журнале начинает играть так называемая «молодая редакция», и облик «Москвитянина» изменяется.

«Москвитянин» 1840-х годов имел следующие основные отделы: I. Духовное красноречие. II. Изящная словесность. III. Наука. IV. Материалы для русской истории и истории русской словесности. V. Критика и библиография. VI. Славянские новости. VII. Смесь (Московская летопись, Внутренние известия, Моды и т. п.).

«Духовное красноречие» представлено было проповедями Филарета, Иннокентия и других представителей духовенства разного ранга и звания. Вообще следует заметить, что руководители «Москвитянина» были самыми крепкими нитями связаны с церковными кругами. В журнале помещались не только «слова» митрополитов, но и материалы по истории церкви, и обширные рецензии на книги духовного характера, и «разыскания» ученых попов Сабинина, Горского и других. Недаром обер-прокурор Синода граф Протасов рекомендовал духовным училищам выписать журнал Погодина. Участие духовенства в «Москвитянине» Погодин и Шевырев старались расширить и неоднократно обращались к «светилам» духовных академий с предложением выступить в их журнале.

Столь же усиленно приглашали они и профессоров университетов. В 1847 году Погодин даже дал много-

обещающее объявление о передаче руководства «Москвитянином» в руки «комитета редакции», состоящего из группы профессоров. Руководители «Москвитянина» ожидали, что выступления ученых в отделах «Науки» и «Критика и библиография» «положат конец пустому и наглому бормотанью безымянной критики журналов, резко подписывающей невежественные приговоры всему». Однако превратить «Москвитянин» в орган университетской мысли не удалось. «Комитет редакции» оказался фикцией. В журнале, кроме Погодина и Шевырева, приняли известное участие лишь И. И. Давыдов, О. М. Бодянский, В. Н. Лешков, Я. А. Линовский и некоторые другие профессора, придерживавшиеся казенно-православных убеждений. Выступление профессуры иного направления (П. Г. Редкин, Т. Н. Грановский и другие) носило случайный характер. Отдел «Наука» заполнялся историческими заметками и рецензиями Погодина и не блистал именами и ценными работами, а «Критика и библиография» по всем отраслям знания велась преимущественно А. Студитским — малообразованным корректором университетской типографии.

Своеобразный характер придавал журналу отдел «Материалы для русской истории и история русской словесности», в котором было помещено большое количество воспоминаний и документов, относящихся к различным периодам русской истории и истории русской литературы. Несмотря на односторонний подбор материалов, некоторые публикации «Москвитянина» представляли значительный интерес. В журнале впервые были опубликованы некоторые документы, относящиеся к древней русской истории, к истории царствования Петра I, к жизни и деятельности Суворова, Потемкина, Сперанского и других исторических деятелей. Среди материалов по истории русской литературы было опубликовано значительное количество произведений народного творчества (песни, сказки, причитания и т. п.) и допетровской литературы. Особенную ценность представляли такие публикации, как письма Пушкина к Погодину и Нащокину, письма Ломоносова, Державина, Карамзина, воспоминания и другие материалы о ряде писателей XVIII и начала XIX века.

Необходимо обратить внимание на отдел «Славянские новости». Здесь помещались письма славянских ученых,

известия из Сербии, Чехии, Хорватии, Польши, Болгарии, статьи по вопросам славянства. Наличие такого отдела в журнале было не случайным и явилось результатом реакционно-панславистских устремлений редакции. Сотрудники «Москвитянина» — особенно его издатель и редактор Погодин — открыто требовали подчинения славянских стран русскому самодержавию.

Совершенно неблагополучным отделом «Москвитянина» (до его перехода в руки «молодой редакции») был отдел «изящной словесности». Читатели неоднократно жаловались на сухость и ученый характер журнала и на недоброкачественность помещаемых в нем художественных произведений. Постоянными сотрудниками «Москвитянина» по отделу словесности были архаические по убеждениям и характеру творчества литераторы вроде М. А. Дмитриева, Ф. Н. Глинки, А. П. Глинки, А. С. Стурдзы и др. Даже П. И. Шаликова, Н. Д. Иванчина-Писарева, С. Е. Раича извлекала иногда редакция «Москвитянина» из мрака забвения. «Москвитянин», — писал Гоголь Н. М. Языкову 2 января 1845 года, — издаваясь уже четыре года, не вывел ни одной сияющей звезды на словесный небосклон! Высунули носы какие-то допотопные старики, поворотились и скрылись!» Произведения ближайших сотрудников «Москвитянина», не отличаясь какими-либо художественными достоинствами, были зато строго выдержаны в духе «православия, самодержавия, народности».

Особые надежды по части изящной словесности редакция «Москвитянина» возлагала на женщин-писательниц. «Да, да, мы ожидаем многого от деятельности женской в русской литературе», — писал Шевырев в программной статье «Взгляд на современную русскую литературу» (1842, № 3). «Считаем за нужное только сделать одно предостережение, — добавлял он. — Охрани боже русскую женщину от ложной и пустой мысли об какой-то эмансипации женской, даже литературной». Старания редакции «Москвитянина» были небезуспешны. На страницах журнала часто выступали со своими произведениями К. Павлова, Ростопчина, Зражевская, Бакунина, Шахова, Шишкина, Воронова, Теплова, Цветкова. Но надежды Шевырева на улучшение отдела словесности «Москвитянина» «от деятельности женской» не сбылись.

Писательницы, сотрудничавшие в журнале, заполняли отдел изящной словесности преимущественно пустой светской поэзией и прозой. Повести «Лидия», «Лев», «Черная маска», «Женщина, поэт и автор», драма «Нелюдимка» и роман в стихах «Поэзия и проза жизни. Дневник девушки» только с точки зрения Шевырева можно было отнести к «светлой стороне» русской литературы.

Особенно плохо обстояло дело с прозой. «Повести — вот в чем я нуждаюсь более всего», — писал Погодин Вяземскому. Редакция шла на все, чтобы улучшить этот отдел. По праву дружбы Погодин поместил в «Москвитянине» сцены из «Ревизора», не испросив на это разрешения их автора. В другой раз, напомнив Гоголю о долговых обязательствах, Погодин буквально принудил его дать в «Москвитянин» «Рим». Но, конечно, две небольшие вещи Гоголя не могли внести существенных изменений в прозу «Москвитянина», как и редкое появление в отделе словесности произведений Даля, Квитки-Основьяненко, Вельтмана, Загоскина. Редакции приходилось выдавать за художественную прозу путевые записки Погодина и Шевырева, воспоминания Стурдзы, исторические характеристики русских князей того же Погодина, повесть Шишкиной «Прокопий Ляпунов», быль Солоницына «Царь — рука божия» и т. д.

На несколько более высоком уровне стояла в «Москвитянине» поэзия. В журнале иногда помещали свои стихи Жуковский, Вяземский, Языков, Хомяков, К. Павлова. Выступали в «Москвитянине» со своими произведениями и некоторые новые поэты: Фет, Полонский, А. Григорьев, Мей, Щербина, Н. Берг и другие. Но Жуковский и Вяземский, несмотря на постоянные приглашения Погодина и Шевырева, были редкими гостями в их журнале; творчество Языкова потеряло свою былую силу; а из молодых поэтов лучше других в журнале прижился наименее значительный из них — Берг. К тому же хорошие стихи терялись среди произведений Глинок, Дмитриева, Миллера, Ознобишина, Лихонина, Студитского и пр.

Переводная беллетристика «Москвитянина» не только не восполняла недостатков отдела словесности, но даже усугубляла их. Вместо того чтобы помещать в журнале

переводы лучших и популярных в России писателей (Бальзак, Жорж Санд и другие), редакция «Москвитянина», недоброжелательно относившаяся к демократической и реалистической литературе Запада, предпочитала давать переводы произведений малозначительных писателей — создателей романтических и светских романов. Исключение составляет перевод «Лавки древностей» Диккенса. При этом большая часть переводов, помещенных в «Москвитянине», не отличалась высоким качеством и принадлежала или мастерам на все руки вроде Студитского, или анонимным переводчикам «ценою подешевле».

8. НАПРАВЛЕНИЕ «МОСКВИТЯНИНА»

По своему направлению «Москвитянин» был органом так называемой официальной народности. Сущность направления раскрывалась уже в первых номерах журнала, и прежде всего в статье Шевырева «Взгляд русского на образование Европы», которую с полным основанием можно рассматривать как программу «Москвитянина».

«Запад и Россия, Россия и Запад — вот результат, вытекающий из всего предыдущего, вот последнее слово истории, вот два данные для будущего», — начинает свою статью Шевырев. Идет единоборство этих двух противостоящих друг другу миров, как некогда шло единоборство Азии и Греции, Греции и Рима, Рима и мира германского. Кто же победит, кто подчинится чужому влиянию, кто станет во главе человечества? В этом, полагает Шевырев, основной вопрос современной истории.

Запад, по мнению Шевырева, тяжело болен. Все страны Запада выполнили свою историческую миссию и теперь находятся в периоде разложения и гниения. Им грозит судьба Эллады и Рима. Особенно подробно Шевырев останавливается на характеристике «образования» Франции. Эта страна заражена страшным «недугом государственности» — революцией. Следы революции видны повсюду: и в «разврате личной свободы», и в падении религиозности в народе, и в упадке науки, школы, искусства. Литература Франции подавлена политикой и торговлей, в ней развились журнализм, продажность, политиканство. Изображая жизнь низших слоев, выступая

за свободу женщины и т. п., она превратилась в чтение для гризеток и привратников

Сурово оценивает Шевырев и образование Германии. Если Франция заражена «недугом» революции, то Германия больна реформацией; если во Франции разврат, буйство, анархия в обществе, то в Германии — в общественной мысли. Философия, получившая сильнейшее развитие в Германии, оторвалась от религии, поставила себя выше веры и оказывает губительное влияние на всю культуру Германии.

Основной целью «Взгляда» Шевырева является призыв к России опереться на самобытные начала. Россия призвана спасти человечество, повести его за собой. Она не болела ни революцией, ни реформацией и сохранила национальные начала православия, самодержавия, народности. «Тремя коренными чувствами крепка наша Русь, и верно ее будущее. Муж царского совета, которому вверены поколения образующиеся, давно уже выразил их мыслию»; это — «древнее чувство религиозное, чувство ее государственного единства и сознание своей народности».

Так Шевырев заключает статью, открыто указывая на официальные источники своего «Взгляда», на Уварова и пропагандируемые им начала русского просвещения. В связи с этим становится абсолютно ясным характер народности «Москвитянина». Народность не случайно стоит в программе журнала рядом с православием и самодержавием. Русский народ всегда представлялся руководителям «Москвитянина» смиренномудрым, живущим в трогательном единстве с помещиком, царем и церковью. Идею такой «народности» они неустанно распространяли, видя в ней оплот против социальных взрывов и потрясений. «Я привык при эпитете русский народ чувствовать какое-то спокойствие не только у себя в отечестве, но даже и во всей Европе, потому что с именем русского народа соединяю нераздельно два понятия: о безусловной покорности церкви и о такой же преданности и послушании государю», — писал Шевырев К. С. Сербиновичу. [1] В программном стихотворении «Рос-

[1] «Русская старина» 1904, № 2, стр. 427. В духе подобной «народности» редакция «Москвитянина» пыталась даже организовать специальный отдел: «Благодушие и бескорыстие русского народа».

сия», опубликованном в первой книжке «Москвитянина» за 1849 год и посвященном революции 1848 года, М. А. Дмитриев писал:

—Покорный, кроткий, терпеливый,
Здоров и крепок твой народ!
Ты, веры край благочестивый!
Стой, против бурь живой оплот!

Были в «Москвитянине» и откровенно злобные отклики на революционные события 1848 года. Ф. Миллер в стихотворении «Философия коммуниста» обвинял коммунистов в проповеди грабежа. В басне А. Г. Зиновьева «Линяющие птицы» рассказывалось о птицах, из побуждений равенства выщипавших себе перья:

Смешались все: павлины, соколы, сороки;
Пред лебедем гордится родом гусь,
И в пеньи соловью скворец дает уроки,
Пред коршуном петух себе не дует в ус.
И, наконец, замедля рост одежды новой,
Погибли все от осени суровой.

(1848, № 9)

Такого же характера, как «народность», был и «патриотизм» «Москвитянина». Редакция «Москвитянина» и круг ближайших сотрудников журнала любили Россию монархическую, церковную, поместную, идеализировали крепостничество и деспотизм, гордились в прошлом и настоящем тем, что способствовало укреплению самодержавия и крепостного права, и отрицательно относились ко всему прогрессивному, демократическому.

Идеи и стремления правящих и наиболее консервативных кругов русского дворянства, почувствовавших под собою колебания почвы и боровшихся за искоренение освободительного движения и освободительных идей в русском обществе, нашли отражение в направлении «Москвитянина».

Общему направлению «Москвитянина» соответствовала и философская идеология журнала. Ряд статей, принадлежавших перу Шевырева, И. И. Давыдова, М. А. Дмитриева и Стурдзы, был посвящен развитию так называемой «христианской философии» и борьбе против рационализма и материализма. «Современная философия, — писал И. И. Давыдов, — в ослеплении своем

возмечтавшая руководить религиею, невозможна у нас по противоречию ее нашей народной жизни религиозной, гражданской и умственной... Святая вера наша, мудрые законы, из исторической жизни нашей развившиеся в органическую систему, прекрасный язык, дивная история славы нашей — вот из чего должна развиваться наша философия!» (1841, № 4).

Желание превратить философию в служанку православия было характерно не только для статьи Давыдова, но и для всех других философских выступлений «Москвитянина». Даже философия Гегеля казалась сотрудникам «Москвитянина» опасной и вредной.

Еще в 1840 году Шевырев выступил против учения Гегеля в «Журнале министерства народного просвещения» со статьей, присланной из Германии и вызвавшей многочисленные отклики («Извлечение из писем министру народного просвещения», 1840, № 1). В этой статье Шевырев, излагая содержание своих бесед с Шеллингом, обвинял Гегеля в теоретическом оправдании «политических злоупотреблений», творящихся во Франции, в том, что бог в его системе «так скован узами логической необходимости», что «теряет свое всемогущество» и не может сделать ничего сверхъестественного. Те же мысли Шевырев развивает и в «Москвитянине» в статье «Беседы Баадера» (1841, № 6). Гегель и здесь обвиняется в рационализме, в том, что дух в его философии мало похож на бога. Создается впечатление, что Шевырева и других сотрудников «Москвитянина» философия Гегеля пугала не столько сама по себе, сколько заложенными в ней вредными, по их мнению, тенденциями и возможностями. В то время как Белинский и Герцен критиковали учение Гегеля с позиций материализма и революции, Шевырев и его единомышленники боролись против философии Гегеля с позиций религии и реакции.

Отрицательное отношение к немецкой (и вообще к западно-европейской) философии не мешало «христианским философам» «Москвитянина» в своей борьбе против диалектики и материализма опираться на теории некоторых «мыслителей» Запада. М. А. Дмитриев посвятил свою статью в «Москвитянине» популяризации мистической системы барона Экштейна, а Шевырев пропагандировал воззрения Баадера, которые Энгельсом были

характеризованы как «сомнамбульная и антифилософская мистика».[1] Высоко ценили сотрудники «Москвитянина» учение Шеллинга. Именно Шеллинг указал Шевыреву на «опасные» социальные и идейные тенденции, таящиеся в философии Гегеля. С восторгом были встречены Шевыревым и его единомышленниками известия о переходе Шеллинга к «философии откровения».[2] Связь философских идей «Москвитянина» с той идеологической реакцией, которая распространилась в Европе после французской буржуазной революции и войн Наполеона, несомненна.

Противопоставление России и Запада, так остро сформулированное во «Взгляде» Шевырева, является основным принципом исторической концепции «Москвитянина», нашедшей наиболее яркое выражение в работах Погодина. «Как велики отличающие русскую историю достоинства! — утверждает Погодин. — Ни одна история не заключает в себе столько чудесного! Как на Западе все произошло от завоевания, так у нас все происходит от признания, беспрекословного занятия и полюбовной сделки». У нас не было «ни разделения, ни феодализма, ни убежищных городов, ни среднего сословия, ни рабства, ни ненависти, ни гордости, ни борьбы». Зато «была патриархальная свобода, было семейное равенство, было общее владение, была мирская сходка» («Параллель русской истории с историей западных государств» — «Москвитянин» 1845, № 1). Еще более идеально с точки зрения Погодина и «Москвитянина» настоящее крепостной России; идеально и ее хозяйство, и ее социальные отношения, и «мудрое» политическое устройство, и ее культура. Короче говоря, и в своих исторических теориях ученые редакторы и сотрудники «Москвитянина» исходили из официально рекомендованной точки зрения.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. II, стр. 257.

[2] Напомним, что совершенно по-иному отнеслись к лекциям Шеллинга о «философии откровения» Белинский и Герцен. Белинский назвал Шеллинга «жалким, заживо умершим романтиком» (письмо к Н. А. Бакунину от 7 ноября 1842 года), а Герцен утверждал, что «философия откровения» — «это схоластика и с тем вместе ложь... Не веришь, что все это написано в XIX веке; кажется, что это слова схоластика XIV века или теолога первых лет реформации» (см. запись в дневнике Герцена от 17 августа 1843 года).

Официальный и реакционно-дворянский характер исповедуемых «Москвитянином» убеждений очевиден. От такого журнала, как «Маяк», журнал Погодина и Шевырева отличался, в сущности, лишь большей ученостью и меньшей наивностью и откровенностью в пропаганде обскурантизма. Впрочем, иногда раболепие «Москвитянина» и его угодничество перед власть имущими выступали очень открыто. Так, профессора Шевырев, Давыдов, Погодин не видели ничего предосудительного в сочинении восторженных и льстивых описаний «литературных вечеров» и балов-маскарадов у московского генерал-губернатора или «академических бесед» в усадьбе министра просвещения Уварова Поречье и часто «украшали» ими страницы «Москвитянина». «Холопы знаменитого села Поречья» — называл Погодина и Шевырева Белинский. «Погодин и Шевырев, — писал Герцен, — были добросовестно раболепны... Партию «Москвитянина» можно назвать не только университетской, но и отчасти правительственной» («Былое и думы»).

Орган официальной народности «Москвитянин» из всех существовавших тогда ежемесячников был наиболее близок славянофилам. Славянофилы разделяли мнения «Москвитянина» о самобытности исторического развития России, вместе с представителями официальной народности защищали православие, самодержавие, крепостничество. Но славянофильским журналом «Москвитянин» не был. Прав Г. В. Плеханов, утверждая, что различия между официальной народностью и славянофильством были лишь видовыми (т. е. внутриклассовыми), а не родовыми, — но они тем не менее существовали. [1]

Дворянским либералам — славянофилам, фрондировавшим против правительства Николая I, казалось неуместным угодничество «Москвитянина» перед властью. Восторженные статьи Давыдова, Шевырева, Погодина о Поречье, о балах-маскарадах у московского генерал-губернатора вызывали у славянофилов недовольство.

Вот почему славянофилы предпочитали, несмотря на наличие «Москвитянина», время от времени издавать

---

[1] См. статью Г. В. Плеханова «Погодин и борьба классов» — Сочинения, т. XXIII. Более подробно о славянофильстве см. ниже, в главе «Славянофильская журналистика».

«Московский сборник», который, в свою очередь, вызывал недоброжелательное отношение к себе со стороны Погодина. «Он откололся в некотором смысле от «Москвитянина», отвлек на время часть общих сил и задуман в минуту взаимного разногласия, неудовольствия», — писал Погодин в рецензии на первый «Московский сборник», наполненной ироническими намеками («Москвитянин» 1846, № 5). «Не наш», — заявил Хомяков, познакомившись с рецензией Погодина.

В 1845 году, убедившись в падении популярности своего журнала, Погодин решается передать «Москвитянин» в руки славянофилов и, сохранив за собой его издание, приглашает в качестве редактора И. В. Киреевского. Славянофилы охотно приняли предложение Погодина, но в качестве условия поставили — отстранение Погодина и Шевырева от руководства журналом и изменение состава сотрудников.

В конце концов было достигнуто компромиссное соглашение. Но Киреевский смог выпустить только три первые книжки журнала за 1845 год. Дальнейшее сотрудничество с Погодиным оказалось невозможным вследствие возникших разногласий.

Когда в конце 1847 года Погодин снова начал переговоры со славянофилами о совместном ведении журнала, Самарин и Аксаковы опять заявили, что при данной редакции и сотрудниках «Москвитянин» существовать не может. Как и прежде, славянофилы готовы были купить «Москвитянин», но от совместной работы в журнале отказались. «Я надеялся иметь журнал в полном нашем распоряжении, — писал К. Аксаков Погодину. — На журнал я смотрю как на что-то целое, органическое, которое, как Переяславское озеро, не принимает в себя ничего чуждого... Создать журнал *по нашей мысли* — вот чего мне хотелось. Конечно, мнения «Москвитянина» к нам близки, но в нем было помещено многое такое, чего бы мы никак не одобрили, и помещалось противоречащее основным убеждениям».[1]

Но, разумеется, идейно-политические расхождения между редакцией «Москвитянина» и славянофилами не

---

[1] Об этом эпизоде см. «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. I. IX, гл. XXXVIII.

имели принципиального характера. Многие славянофилы помещали свои статьи на страницах «Москвитянина» и вместе с Погодиным и Шевыревым в одном реакционном лагере выступали против Белинского и Герцена, передовой литературы и журналистики.

Уже по первым номерам «Москвитянина» можно было судить о тех отношениях, которые установятся между журналом Погодина и другими русскими журналами. Очевидно было, что журнал воинствующей официальной народности прежде всего и больше всего будет враждовать с «Отечественными записками», их руководителем Белинским, а затем с некрасовским «Современником». Так и случилось. Лишь изредка и по частным вопросам выступая против периодических изданий журнального триумвирата, совершенно избегая полемики с «Маяком», «Москвитянин» с первого года своего существования повел систематическую войну с «Отечественными записками». В сущности говоря, «Москвитянин» всегда и во всем — в общем направлении, в философских и исторических статьях, в критике, в поэзии и прозе, во всех своих выступлениях, и не имеющих прямого полемического назначения, — противостоял идеям Белинского и Герцена. Но, кроме того, он вел постоянную *открытую* борьбу с «Отечественными записками» и Белинским.

«Отечественные записки» встретили известие о предполагаемом издании «Москвитянина» и его первый номер краткими и сдержанными отзывами. «Вы отозвались о нем снисходительно, — писал И. П. Клюшников Белинскому, — еще бы лучше, если бы вовсе ничего не говорить, — он весь принадлежит прошедшему, как мертворожденный ребенок». [1]

Но достаточно было А. Д. Галахову в одной рецензии, помещенной в «Отечественных записках», мимоходом задеть ближайшего сотрудника «Москвитянина» Ф. Н. Глинку, чтобы вызвать в редакции «Москвитянина» переполох и возмущение. М. А. Дмитриев предложил Погодину «написать официальную бумагу против правил, проповедуемых «Отечественными записками», а Шевырев, ошибочно полагая, что рецензия «Отечественных запи-

---

[1] Сборник «Белинский и его корреспонденты», М., 1948, стр. 74—75.

сок» принадлежит Белинскому, советовал Погодину «высечь» его, напечатав несколько строк от своего имени.[1]

Однако Погодин, разделяя негодование своих друзей, уклонился от личной полемики с Белинским, и с полемической заметкой «К «Отечественным запискам» выступил Шевырев, трусливо скрывшись под инициалами NN (1841, № 6). Шевырев дал полную волю своей ненависти к Белинскому: «Мы уважали «Отечественные записки» за их благонамеренность... потому-то нам было крайне жаль видеть, что какой-нибудь журнальный писака... развалившись отчаянно в креслах критика и размахавшись борзым пером своим, всенародно осмеливается в этом журнале праздновать шабаш поэзии и нравственности». Белинский ответил на выпад «Москвитянина». Брань Шевырева он без изменений переадресовал автору заметки «К «Отечественным запискам», а вместе с тем выступил и против самого направления журнала Погодина. Имея в виду программную статью Шевырева «Взгляд русского на образование Европы», он писал: «Как можно писать и печатать подобные вещи в 1841-м году от Р. Х.? .. Да ведь это хула на науку, на искусство, на все живое, человеческое, на самый прогресс человечества! ..» («Отечественные записки» 1841, № 7).

В дальнейшем вражда «Москвитянина» с «Отечественными записками» все усиливается. В январской книжке «Москвитянина» за 1842 год Шевырев выступил со статьей «Взгляд на современное направление русской литературы», в которой характеризовал «темную сторону» современной литературы. «Отечественные записки» и Белинский были указаны здесь прежде всего. Называя Белинского «рыцарем без имени» (статьи Белинского печатались в «Отечественных записках» без подписи), Шевырев обливал его потоками беззастенчивой клеветы и самой грубой брани. Он обвинялся в уничтожении всей русской литературы, «за исключением двух или трех имен и своего журнала», и в непостоянстве убеждений. Белинский ответил на это новое нападение «Москвитянина» сокрушительным ударом — памфлетом «Педант», где в лице педанта Лиодора Ипполитовича Картофелина дал

---

[1] См. «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. VI, стр. 81.

уничтожающую характеристику Шевырева, а под именем «литературного циника» и «хитрого антрепренера» изобразил Погодина. «Педант» вызвал большой шум среди московской интеллигенции, а Шевырев, по словам Н. Ф. Павлова, «заперся дома и с неделю не показывался в обществах».

После «Педанта» «Москвитянин» в борьбе с «Отечественными записками» и Белинским прибег к оружию, очень опасному для его противников. В № 10 за 1842 год М. А. Дмитриев поместил большое стихотворение «Безымянному критику» — один из многочисленных доносов на Белинского. Дмитриев клеветал на исторические и литературные мнения Белинского и всячески старался обратить внимание правительства на политически опасный характер деятельности Белинского:

Подточивши цвет России,
Червем к корню подползать, —
Дух ли это анархии
Иль невежества печать?..

Не ограничиваясь «денонсацией» Дмитриева, редакция «Москвитянина» в № 12 журнала за тот же 1842 год перепечатала из «Маяка» басню известного доносчика Бориса Федорова «Крысы».

Белинский ответил на стихотворение Дмитриева коротенькой заметкой, в которой указал на «юридический» характер этого бездарного произведения, а басню Федорова без всяких пояснений перепечатал в «Отечественных записках».

Позднее в центре злобных выступлений «Москвитянина» против «Отечественных записок» стали вопросы о творчестве Лермонтова и Гоголя, а со второй половины 1840-х годов — вопрос о натуральной школе. Споры о натуральной школе «Москвитянину» пришлось вести не только с «Отечественными записками», но и с «Современником», с 1847 года перешедшим в руки Некрасова и Панаева. Часто выступал «Москвитянин» и против исторических взглядов «Отечественных записок» и некрасовского «Современника».

За противоречиями литературных и исторических мнений скрывалась, разумеется, борьба общественно-политических направлений, борьба непримиримая и бес-

пощадная. Даже смерть Белинского послужила «Москвитянину» лишь поводом для сведения счетов со своим врагом. В статье «Несколько слов по поводу некролога г. Белинского» (1848, № 8) Погодин, раньше осмеливавшийся выступать против Белинского только анонимно, теперь, у свежей могилы великого критика, открыто радовался его смерти и глумился над ним.

Борьба с «Отечественными записками» и «Современником» должна была неизбежно стать одной из главных задач журнала, отвечавшего видам правительства. В 1848 году созданный правительством «меньшиковский комитет» пришел к заключению, что «Москвитянин» — «орган весьма чистого направления», о чем свидетельствует его «постоянное состязание с «Отечественными записками» и «Современником».

4. С. П. ШЕВЫРЕВ — КРИТИК «МОСКВИТЯНИНА»

Литературно-критические статьи Шевырева в «Москвитянине» были выдержаны в духе официальной народности, а наиболее важная из них, помещенная «вместо предисловия» ко второму году издания «Москвитянина», — «Взгляд на современное направление русской литературы» (1842, № 1), — являлась прямым продолжением «Взгляда русского на современное образование Европы». Первую часть этого выступления Шевырев посвятил характеристике «темной стороны» современной русской литературы. Он повторял в ней основные положения своей старой статьи «Словесность и торговля», напечатанной в 1835 году в «Московском наблюдателе», и утверждал, что главная беда современной русской литературы заключается в том, что в ней, как средневековые разбойничьи банды, господствуют торговые журнальные компании, опирающиеся на безымянных писак. Сатирический портрет литератора-промышленника, нарисованный критиком, открыто обобщал черты журнальной деятельности Полевого, Булгарина, Греча, Сенковского.

Но было во «Взгляде на современное направление русской литературы» и нечто новое, что отличало его от выступлений Шевырева в «Московском наблюдателе», — наличие ожесточенных выпадов и грубой брани против Белинского. Именно в этом нападении на Белинского и заключался главный пафос статьи Шевырева. Это означало, что основной целью его критики становится не борьба против «торгового направления» в русской лите-

ратуре с позиций «светскости», а борьба против Белинского и его школы в критике и литературе с позиций официальной народности.

В своих выступлениях в «Москвитянине» Шевырев обвиняет школу Белинского в чрезвычайно отрицательном влиянии на русскую литературу и видит в произведениях писателей, группирующихся вокруг Белинского, глубокое падение искусства. Примером может служить рецензия Шевырева на «Петербургский сборник» (1845, № 2) и «Очерки современной русской словесности» (1848, № 1). Главный порок школы, «называющей себя... школою прогресса, школою натуральною», состоит, по мнению Шевырева, в ее якобы увлечении «полурезультатами западной образованности», в «отрешенности от коренных основ русской народной жизни» и даже в «нападении на низшие слои народа». «С петровского периода нашей истории, — рассуждает критик, — у нас начинается плен мысли» и образуется в обществе и литературе «западно-пленная», чуждая народу сторона, которая и представлена теперь Белинским и Герценом, «Отечественными записками», «Современником» (с 1847 года) и «Петербургским сборником». Эти рассуждения Шевырева, разумеется, были ложны от начала до конца. Несправедливые обвинения Белинского, Герцена, Некрасова и других передовых писателей 1840-х годов в слепом преклонении перед Западом и пренебрежении к русскому народу, как и неосновательные претензии Шевырева на подлинный патриотизм, едва ли нуждаются в опровержении. Упрекать Белинского и его друзей в недостатке любви к народу, по словам Чернышевского, «все равно, что упрекать огонь в холодности». В то время как Белинский и его единомышленники считали, что настоящая любовь к родине немыслима без борьбы против крепостничества, деспотизма и идейной реакции в России и на Западе, критик «Москвитянина» старался привить русской литературе псевдопатриотическое учение официальной народности, заимствованное, кстати сказать, у реакционных романтиков Германии и Франции.

Столь же голословно Шевырев утверждал, что Белинский будто бы пропагандирует натурализм, рабское копирование жизни в искусстве, а близкие ему писатели

осуществляют его заветы на практике. «Мы, — писал Шевырев, — нападаем на нее [натуральную школу] во имя самого же искусства, потому что она забыла о его призвании и низвела его на степень жалкой действительности». На деле же Шевырев боролся против реализма в русской критике и литературе, полагая как апологет крепостничества и реакционный романтик, что «нагая истина действительности противоречит сама в себе назначению искусства», что «русской поэзии неприличны верные сколки с жизни действительной».

Но особенное негодование Шевырева вызвало положительное отношение Белинского к сатирическому и критическому направлению русской литературы. Вопрос об этом направлении был чрезвычайно остро поставлен произведениями Гоголя и его продолжателей. И если Белинский был горячим защитником «отрицательного направления» и критического реализма в нашей литературе, то реакционер Шевырев был их непримиримым врагом. Его возмущало тяготение писателей «натуральной школы» к критике действительности и к правдивому изображению зла и пороков крепостнической России. Он настаивал на том, что зло и пороки, как и «низкая» действительность, могут быть допущены в «мир изящного» только при условии их полного преобразования и очищения творческим духом художника. Ненависти, негодованию, обличению, скорби, по его мнению, не место в искусстве, ибо они нарушали бы первое условие изящного — «водворение гармонии в нашем духе» и навязывали бы искусству чуждые ему цели и задачи. «Из ненависти, — писал Шевырев, — не может выйти ничего изящного, ничего глубокомысленного, ничего возбуждающего, не во гнев тому романисту, который где-то высказался этим стихом: «О ненависть, тебя пою!» Известно, что романистом, которому возражает Шевырев, был Герцен, процитировавший слова «О ненависть, тебя пою!» в своем романе «Кто виноват?»

Шевырев утверждал, что зло и пороки могут быть предметом изображения в произведении искусства только в том случае, если художник отнесется к ним как к неразумию, дурачеству и посмеется над ними как над безвредной глупостью. Он считал это положение настолько важным, что посвятил его разъяснению специальную

теоретическую статью «Теория смешного, с применением к русской комедии» (1851, №№ 1 и 3), в которой развивал свое старое понимание смешного как «безвредной бессмыслицы» и безуспешно пытался применить его к комедиям Фонвизина, Капниста, Грибоедова, Гоголя.

Против мнений Белинского направлены и статьи Шевырева об отдельных русских писателях. В них всегда звучит явная или скрытая полемика с врагами официальной народности.

В № 9 «Москвитянина» за 1841 год Шевырев поместил статью о сочинениях Пушкина. Пушкин, утверждал он, поэт чисто национальный: у него «русский глаз и русское ухо». Однако национальный характер творчества Пушкина Шевырев понимал в духе идей «Москвитянина». «Карикатурить» русскую жизнь и «смешить ею» Пушкин, по его словам, не хотел. «Клеймить ее печатью грозной сатиры, выливать свое негодование отдельными тирадами также было не в характере Пушкина. . .»

Легко заметить, что Шевырев пытался представить Пушкина поэтом, не имеющим ничего общего с декабристами и критическим направлением в русской литературе. Однако он, естественно, натолкнулся при этом на непреодолимые препятствия и пришел к отрицанию почти всех достижений великого поэта. Через всю свою статью Шевырев последовательно проводит мысль, высказанную им еще в «Московском наблюдателе», о незавершенности и эскизности произведений Пушкина. «Всегда до чудной, крайней оконченности совершенный в отделке внешней формы, Пушкин не довел ни одного из больших, значительных своих произведений до всей полноты развития в целом», — писал он. К таким незавершенным и «эскизованным» произведениям Шевырев относит и «Бориса Годунова», и «Полтаву», и «Медного всадника», и «Евгения Онегина». Шевыреву кажутся очевидными и некоторые причины «неполноценности» творчества Пушкина. В незавершенности произведений Пушкина повинен, по его словам, «стремительный, неудержимый дух самого художника, который. . . слишком много зависел от впечатлений внешней жизни».

Итог статьи Шевырева о Пушкине был более чем печален. Будучи не в силах уложить творчество великого поэта в прокрустово ложе официальной народности,

он заканчивал ее сравнением произведений Пушкина «в их совокупности» с «богатым эскизом недовершенного здания», с «запасами дивного материала», с чудными колоннами и архитравами, «ждущими руки воздвигающей».

В том же 1841 году Шевырев поместил в «Москвитянине» две статьи о творчестве Лермонтова (1841, № 1 и № 4). В «Герое нашего времени» его не удовлетворяли основная идея произведения и образ Печорина. «С искренностью порицаем мы главную мысль создания, олицетворившуюся в образе героя», — писал он. Печорин кажется Шевыреву «злым вампиром», «двадцатипятилетним мертвецом», воплощением «эгоизма духа и низости пресыщенного тела». Несомненно, Печорин пользуется такой ненавистью со стороны Шевырева по тем же самым причинам, по которым Белинский защищал его от неблагосклонности читателей. Он неприемлем для Шевырева как умный и глубокий скептик, как человек с незаурядными силами и способностями, оказавшийся «лишним» в условиях русской жизни того времени. В образе Печорина критик «Москвитянина» справедливо почувствовал отрицание всех бытовых, нравственных и общественных отношений самодержавно-крепостнической России.

Именно поэтому Шевырев решительно отказывался видеть в Печорине «героя» русской жизни и утверждал, что в его характере отразились лишь недуги Запада. «Печорин, — писал он, — не имеет в себе ничего существенного относительно к чисто русской жизни, которая из своего прошедшего не могла извергнуть такого характера. Печорин есть один только призрак, отброшенный на нас Западом, тень его недуга, мелькающая в фантазии наших поэтов... Там он герой мира действительного, у нас только герой фантазий». По мнению Шевырева, в Печорине отразился «век гордой философии, которая духом человеческим думает постичь все тайны мира, и век суетной промышленности, которая угождает всем прихотям истощенного наслаждением тела».

По тем же причинам неблагосклонно оценил Шевырев и стихотворения Лермонтова. Такие стихотворения, как «И скучно, и грустно», «Журналист, читатель и писатель» и в особенности «эта черная, эта траурная, эта роковая «Дума», произвели на него, по его словам,

«тяжелое впечатление». «Что это здесь за ужасная эпитафия всему молодому поколению? Признаемся: среди нашего отечества мы не можем понять живых мертвецов в двадцать пять лет», — восклицал Шевырев и предлагал Лермонтову даже сжигать такие произведения, «потому что они, нарушая гармонию чувства, совершенно противны миру прекрасного». Он советовал Лермонтову отказаться от «кумиротворения действительности» и настроений разочарования и обратиться к лирике «вдохновенных прозрений», «возносящихся над всем существенным».

В связи с этим становится понятным, почему Шевырев столь настойчиво и нелепо отказывал такому своеобразному и самобытному поэту, как Лермонтов, в оригинальности таланта. Лермонтов, по его мнению, страдает «каким-то необыкновенным протеизмом таланта». Когда вы прислушиваетесь к звукам лиры Лермонтова, — писал он, — «вам слышатся попеременно звуки то Жуковского, то Пушкина, то Кирши Данилова, то Бенедиктова... иногда мелькают обороты Баратынского, Дениса Давыдова, иногда видна манера поэтов иностранных, — и сквозь все это постороннее влияние трудно нам доискаться того, что собственно принадлежит новому поэту и где он предстает самим собою. Вот что выше назвали мы протеизмом».

Когда же Лермонтов погиб, так и не обратившись к лирике «вдохновенных прозрений», отзывы Шевырева о нем стали совсем отрицательными. В 1843 году он нападал на «Отечественные записки» за публикацию юношеских стихотворений поэта.

В №№ 7 и 8 «Москвитянина» за 1842 год Шевырев выступил со статьей о «Мертвых душах» Гоголя, а в № 1 за 1848 год — со статьей о «Выбранных местах из переписки с друзьями». Статьи эти хорошо показывают, какое большое участие принял Шевырев в той активной борьбе, которая шла вокруг творчества Гоголя в русской критике 1840-х годов.

Понимание «Мертвых душ» тесно связано у Шевырева с его мнениями о «Миргороде», высказанными еще в 1830-х годах. Он попрежнему толкует юмор Гоголя как безвредный и простодушный, пытаясь приглушить глубину и остроту гоголевской сатиры. По его мнению,

«поэзия Гоголя — не донос, не обвинение», «все злоупотребления, все странные обычаи, все предрассудки, — утверждает Шевырев, — облекает Гоголь одною сетью легкой, смешливой иронии».

В своей статье Шевырев не скупится на похвалы «Мертвым душам», их художественным достоинствам, но, в сущности говоря, великое сатирическое произведение Гоголя его не удовлетворяло. В «Мертвых душах», — пишет Шевырев, — «мы видим одну отрицательную сторону, пол-обхвата, а не весь обхват русского мира... Комический юмор автора мешает иногда ему обхватывать жизнь во всей ее полноте и широком объеме». В подтверждение он ссылается на одностороннее якобы изображение характеров в «Мертвых душах». Ему кажется, что Гоголь умолчал о «добрых чертах» своих героев. Коробочка, например, «непременно будет набожна и милостива к нищим», и т. п. Шевырев сожалеет и о том, что, благодаря «произволу комического юмора», Гоголь не отразил в «Мертвых душах» «ни русского мужика в красной рубашке, ни древних городов, ни вереницы молельщиков, ни храмов».

В связи с этим критик «Москвитянина» возлагает большие надежды на продолжение «Мертвых душ». Ссылаясь на обещание Гоголя придать своей поэме «величавое лирическое течение», он писал: «Поэт обещает нам представить и другую сторону той же нашей жизни... С нетерпением ожидаем его грядущих вдохновений: да низойдут они на него скорее». Первый том «Мертвых душ», с точки зрения Шевырева, лишь «легкий и незначительный вихорь», поднимающий «пыль и всякую дрянь с земли», с которым можно примириться только потому, что он предвещает «гром других речей» во втором томе.

Становится очевидным, что Шевырев хвалил Гоголя не столько за то, что он создал, сколько за то, что он якобы должен создать. По мнению Шевырева, «Мертвые души» могут стать подлинно великим произведением искусства, поэмой «в настоящем, поэтическом, даже высоком смысле», но только в том случае, если Гоголь «исправится». Поэтому он настойчиво советовал автору «Мертвых душ» отказаться от «одностороннего», сатирического изображения. Гоголь, по его словам, должен

«дать фантазии полет самый свободный и обширный, которого доставало бы на обхват всей жизни». Говоря об «обхвате всей жизни», Шевырев, разумеется, призывал Гоголя не к изображению действительно положительных и прогрессивных сторон русской жизни: он настойчиво боролся за осуществление в художественных произведениях Гоголя реакционных идеалов официальной народности.

Но Гоголь не оправдал его надежд. И в статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» критик «Москвитянина» вынужден был с сожалением констатировать, что «духовенство наше в величавых одеждах», «русский крестьянин со своим смирением», «светская женщина», иначе говоря, все то, что он называл «светлой стороной» русской жизни, не получило художественного воплощения в творчестве Гоголя, и второй том «Мертвых душ» «полетел в огонь».

Шевырев резко обвиняет во всем этом самого Гоголя— прежнее направление его творчества. «Виноват ты, художник. . . — писал он. — Ты часто находил самоуслаждение в хохоте, через меру заливался своим смехом, в чем мы тебя и прежде попрекали, слишком тешился своим даром смешить других. . . Отчего же, чуя в себе другую, высшую сторону русского человека, не давал ты ей простора в широких пределах своей фантазии?»

Сожалея об участи второго тома «Мертвых душ», Шевырев приветствовал «Выбранные места из переписки с друзьями». В этой реакционной книге, против которой столь резко выступил Белинский, он справедливо нашел убеждения и «сочувствия», близкие официальной народности.

Шевырев оценил «Выбранные места» даже выше «Мертвых душ». «Действие «Мертвых душ», — утверждал он, — не было столько значительно, как действие «Переписки»: первое отдалось звонким хохотом на всю Россию, не везде хорошо сознанным, не везде благотворным; второе разбудило мысль, привело в движение мнения, подняло вопросы». В этих словах и заключается главный смысл статей критика «Москвитянина» о творчестве Гоголя: отрицательное отношение к бессмертным «Мертвым душам» и восторженная оценка одного из самых реакционных произведений русской обществен-

ной мысли, «Выбранных мест из переписки с друзьями», — таков их итог.

В своих статьях в «Москвитянине» Шевырев не мог, конечно, обойти молчанием творчество и таких писателей, как Герцен, Некрасов, Тургенев, Достоевский. Но все это были писатели, по его мнению, «эфемерные», а поэтому он не находил нужным много говорить о них и ограничивался по преимуществу общими характеристиками натуральной школы.

Наибольшей неприязнью со стороны Шевырева пользовался, естественно, Герцен. Говоря о романе «Кто виноват?», он несправедливо обвинял Герцена в неуважении к народу, утверждал, что на основе ненависти нельзя создать произведения искусства, и неодобрительно отзывался о герое романа Бельтове. Очень характерно нападение Шевырева на язык романа Герцена в специальной статье «Словарь солецизмов, варваризмов и прочих измов современной русской литературы» (1848, № 1). Оно вводит в самую суть той борьбы, которая велась в 1840-е годы по вопросам русского литературного языка.

Как и некоторые другие литераторы, группировавшиеся вокруг «Москвитянина», Шевырев выступил в «Словаре солецизмов» против тех прогрессивных новшеств, которые вместе с новыми идеями и понятиями принесли в язык русской литературы писатели натуральной школы. Еще в 1842 году он заявил, что образцовым языком и слогом русской литературы был и остается язык и слог «Истории государства Российского» Карамзина. По его словам, «Карамзин очинил для всех перо современной русской прозы». С этих позиций Шевырев и напал на «искандеризмы». Он находил «чудовищными» и несвойственными русскому языку даже такие выражения и слова, употребленные Герценом в «Кто виноват?», как «черты лица», «болезненная потребность», «табачная атмосфера», «бессистемно», «мотивировано», «совершеннолетие», «распущенность» и т. п. Одним словом, «солецизмы и варваризмы», которые, по замыслу Шевырева, должны были «произвести в публике комический хохот», могли вызвать смех лишь над самим автором «Словаря».

Враждебно отнесся Шевырев и к первым литературным шагам Некрасова, Тургенева, Достоевского. Поэзия Некрасова, по его мнению, не имеет с искусством ничего

общего, так как обличает жизнь и питает «тайное сочувствие к той низкой действительности, которую изображает».

В помещенной в «Петербургском сборнике» поэме Тургенева «Помещик» Шевырева возмутило насмешливое описание уездного дворянского бала и ироническое отношение автора поэмы к русскому квасу. Видимо, поэтому критик «Москвитянина» и отказался говорить о произведениях Тургенева сколько-нибудь серьезно. «Под пером Тургенева русская литература еще не вышла из первых классов гимназии», — заявлял он. «Записки охотника», печатавшиеся в 1847 году в «Современнике», не смогли сколько-нибудь существенно изменить отношение Шевырева к Тургеневу. «Г-н Тургенев много исправился после тех замечаний, которые были ему сделаны... — писал Шевырев. — Он сблизился более с народною стихиею с некоторых времен, но, конечно, и ее понимает односторонне, потому что он не художник, а копиист, и не имеет поэтического дарования».

Роман Достоевского «Бедные люди» не понравился Шевыреву «филантропической тенденцией». По его мнению, роман Достоевского совершенно не самостоятелен и способен возбудить лишь скуку.

И поэзия Некрасова, и «Бедные люди», и «Кто виноват?», и «Записки охотника» — все это для Шевырева «темная сторона» современной русской литературы, которая вызывала у него лишь нескрываемую вражду и негодование. Заканчивая рецензию на «Петербургский сборник», он патетически восклицал: «Побывав на время во всей этой современной, так называемой изящной литературе, выйдешь из нее, признаюсь, как отуманенный и невольно скажешь: что я? что со мною? где я был? что читал? где это сочиняют? В Пекине, на островах Сандвичевых?»

К «светлой стороне» русской литературы Шевырев относил творчество литераторов, в той или иной степени близких «Москвитянину» и славянофильству. Лучшими лириками современности он считал Хомякова и Языкова, а Бенедиктова продолжал называть «поэтом мысли». О Ф. Глинке он говорил, что «слог его осыпается яркими искрами», и высказывал пожелание, чтобы он больше писал «своим пылким пером». Среди прозаиков Шевырев

выделял Загоскина и Вельтмана. Он хвалил также Н. Павлова, В. Одоевского и Соллогуба, но лишь за то, что они «роднят язык литературы с языком лучшего общества». Он одобрительно отзывался о литературных выступлениях третьеразрядных писателей того времени. Слог произведений К. Масальского, по его словам, «отличается какою-то благородною чистотой», а слог эпигона Марлинского П. Каменского — «пылкою живостью». Восторженно приветствовал Шевырев появление «замечательных женщин в литературе нашей» — Ростопчиной, К. Павловой, Шишкиной, Зражевской и других. Шишкина, по его мнению, «придала особенную прелесть вкуса простонародному слогу», а «резвое перо г-жи Зражевской отличается непринужденною разговорчивостью».

В общем же современный период в истории русской литературы представлялся Шевыреву периодом глубокого упадка. Но он надеялся, что в недалеком будущем «темная сторона» нашей словесности заглохнет, ее «светлая сторона» разовьется и вся она станет на путь возрождения и расцвета. Для этого, по его мнению, русской литературе надо лишь порвать с «тлетворным» влиянием Белинского и натуральной школы и обратиться к «спасительным» началам православия, самодержавия и народности.

За осуществление этих задач и боролся Шевырев как критик «Москвитянина». Его литературные мнения и оценки оказали известное влияние на многие последующие реакционные явления русской литературной критики. Достаточно указать на критические выступления славянофилов и А. Григорьева.

5. УПАДОК «МОСКВИТЯНИНА»

«Москвитянин» пользовался некоторой популярностью и имел успех у читателей только в течение первых двух-трех лет своего издания. Затем интерес к нему исчезает: количество подписчиков падает до 300—400, и до конца 1840-х годов он влачит довольно жалкое существование. Погодин стремился поднять «Москвитянин» преимущественно переменами в руководстве журнала. Он пытался поручить редакцию «Москвитянина» Е. Ф. Коршу, славянофилам, В. В. Григорьеву. Большей частью подобные попытки были безрезультатны или по причинам материального и организационного характера, или вследствие идейных разногласий. «Я спросил их, — писал Погодин Шевыреву про свои переговоры с Коршем и Грановским, — возьмут ли они свято соблюдать нашу программу, отрекутся ли от диавола и «Отечественных записок», будут ли почитать христианскую религию, уважать брак?» Переговоры окончились полной неудачей. [1]

Все же на посту редактора «Москвитянина» с 1845 по 1850 год успели побывать, кроме самого Погодина, И. В. Киреевский, А. Е. Студитский, А. Ф. Вельтман. Но ни удержаться на этом посту, ни упрочить положение «Москвитянина» никто из них не смог.

Особенно неудачным шагом со стороны Погодина было приглашение в качестве редактора А. Е. Студитского. Студитский, став редактором «Москвитянина»,

[1] Об этом см. «Жизнь и труды М. П. Погодина», т. VI, гл. XLIV.

вообразил себя человеком энциклопедических познаний и с необычайной самоуверенностью стал судить о вопросах литературы и лингвистики, философии и естествознания. Под руководством Студитского «Москвитянин» почти совсем прекратил свое существование. За 1846 год было недодано две книжки из двенадцати, количество подписчиков упало до 200, а в 1847 году «Москвитянин» выходил лишь один раз в три месяца. «Пора или издавать хорошо и аккуратно, или вовсе не издавать», — писал Шевырев Погодину. Решив издавать хорошо и аккуратно, Погодин дал об издании «Москвитянина» на 1848 год широковещательное объявление, в котором сообщал, что впредь журнал будет снова выходить ежемесячно, а руководить им будет редакционный комитет, состоящий из профессоров и ученых: Погодина, Шевырева, И. Я. Горлова, И. М. Снегирева, И. Д. Беляева и других. Но комитет оказался фикцией. «Поднялся занавес — и комедию разыгрываю я один», — негодовал Шевырев. Оживить «Москвитянин» и на этот раз не удалось.

И перебои в выходе и все другие особенности «Москвитянина» надолго остались в памяти современников. Некрасов вспоминал о них в 1860 году в «Разговоре в журнальной конторе»:

Так древле тощий «Москвитянин»
По полугоду пропадал
И вдруг, огромен, пухл и странен,
Как бомба, с неба упадал.
Подписчик в радости великой
Бросался с жадностью на том
Плохих стихов и прозы дикой,
И сердце ликовало в нем.

Причины падения «Москвитянина» очевидны. Направление его не могло снискать себе расположения в широких кругах читателей 1840-х годов. Бороться с «Отечественными записками» и «Современником», Белинским и Герценом Погодину и Шевыреву было не по силам. Художественный отдел журнала (особенно проза) был слаб. Переводных романов и повестей помещалось мало, и выбирались они крайне неудачно. Отдел «Смесь» составлялся небрежно. «Москвитянин» заполнялся историческими статьями и рецензиями, сырыми материалами, проповедями духовных лиц, произведениями Стурдзы

и ему подобных. При этом состав номеров «Москвитянина» был случаен, и он скорее походил на сборник или альманах, чем на журнал. На все недостатки «Москвитянина» не раз указывали Погодину и враги и друзья. «Видывали мы объявления, обещания, преобразования... все это изверилось... Преосвященные и Стурдзы — балласт. Куньи мордки, Новгородцы, Васильковичи для двадцати пяти человек, а вы должны писать на две тысячи пятьсот», — писал Погодину В. И. Даль. «Журнал похож на те огромные кули с угольями, которые молдаваны возят к нам в Одессу из Бессарабии: кажется грузно, а весу очень немного», — иронизировал Н. И. Надеждин.

Были и другие причины падения «Москвитянина», более частного характера. Журнал выходил почти всегда с большим запозданием, печатался на скверной бумаге и с огромным количеством опечаток, неаккуратно рассылался подписчикам и т. п.

Погодин полагал, что в своем журнале может выступать запросто, по-домашнему. Он снабжал критическими и поощрительными примечаниями статьи сотрудников «Москвитянина» и даже пускался с ними в длительные дискуссии, причем его не стесняла и форма полемики. С профессорами русской истории С. М. Соловьевым, К. Д. Кавелиным и другими он всегда беседовал в «Москвитянине», как учитель с непослушными учениками, только на том основании, что они некогда были его слушателями в университете. Дневник своего путешествия по Европе («Год в чужих краях»), написанный «неметеным» слогом, он переполнил описанием дорожных расходов, обедов и всевозможных бытовых обстоятельств, что подало повод к остроумной пародии Герцена: «Путевые письма г. Вёдрина». Некоторые выступления Погодина в «Москвитянине» были буквально анекдотичны. Однажды он опубликовал пространное обращение к своим родным и знакомым, в котором просил их не беспокоить его некоторое время посещениями и письмами, так как он занят работой над удельным периодом русской истории. Он описывал, как неожиданные посещения прерывают его занятия, как, пользуясь этим, «Мстислав ускакал в Новгород, Ярослав в Переяславль, Всеволод в Киев, а Рюрик в Чернигов. Как мне ловить их, а ты ведь поймать не поможешь!» — укоризненно упрекал Погодин виновников

нарушения его труда и покоя. Это «удаление Погодина от мира» вызвало многочисленные отклики. «Извините, что обеспокою до 1-го мая, — писал Погодину М. А. Дмитриев. — Догнали ли вы Рюрика?»

Патриархальные методы издания, столь противоположные буржуазным принципам издательской деятельности Краевского, Погодин перенес и на отношения к сотрудникам журнала. Он обращался с ними без всякой церемонии. «Без стыда и совести» помещал в число сотрудников журнала лиц, не выразивших желания в нем участвовать. Напечатал в «Москвитянине» портрет Гоголя без его разрешения. Обещал читателям передать рассказы Жуковского о привидениях, слышанные им на одном обеде. «Покорно прошу вас ни речей моих, ни статей моих, ни писем, ко мне или мною писанных, без моего ведома в журнале вашем не печатать», — писал Погодину вышедший из себя Жуковский.

Оплату произведений и статей, поставляемых в «Москвитянин», Погодин считал «пагубным требованием нынешнего века», о чем откровенно и объявлял в «Москвитянине». Он предпочитал, чтобы в «Москвитянине» работали много и бескорыстно из одного дружеского участия. Даже корректуру, переводы и всю черную работу по журналу Погодин взваливал обычно на бездомных семинаристов, которых постоянно прикармливал около «Москвитянина» и беспощадно эксплоатировал. Пожалуй, только при таких отношениях к сотрудникам и мог Погодин продолжать так долго издание своего журнала, имея всего несколько сот подписчиков.

В основе подобных патриархальных нравов лежали и весьма прозаические причины. Погодин, по общему мнению современников, был «адски скуп» и «бесстыдно корыстолюбив». Скупость Погодина вредила «Москвитянину» еще больше, чем его небрежность и бесцеремонность. Сотрудники разбегались. Даже Шевырев, которому журнал Погодина был так многим обязан, вынужден был не раз бросать работу в «Москвитянине», будучи не в силах договориться с его издателем о денежной стороне их отношений.

Таким образом, имея в виду, что главные причины непопулярности «Москвитянина» среди читателей заклю-

чались в его направлении и содержании, следует отметить, что и тот порядок издания журнала, которого придерживался Погодин, способствовал его падению. При этом легко заметить, что методы руководства «Москвитянином» вовсе не были только личной особенностью Погодина, а как нельзя лучше соответствовали консервативному направлению и архаическому облику журнала. [1]

---

[1] Фактический материал, характеризующий упадок «Москвитянина» 1840-х годов см. в «Жизни и трудах М. П. Погодина», т. VIII—XI, по оглавлению.

6. «МОЛОДАЯ РЕДАКЦИЯ» «МОСКВИТЯНИНА»

К концу 1840-х годов положение «Москвитянина» становится критическим; он близок к прекращению своего существования. Но с 1850 года дела журнала неожиданно начинают поправляться, и в течение 3—4 лет он переживает период относительного успеха. Эта новая полоса в истории «Москвитянина» связана с участием в нем А. Н. Островского и так называемой «молодой редакции».

В 1849 году Островский закончил комедию «Свои люди — сочтемся» («Банкрот»), с чтением которой он и начал выступать в различных московских кружках и салонах. Слухи об Островском и его комедии дошли и до Погодина. Он пожелал познакомиться с автором «Своих людей» и 3 декабря 1849 года Островский читал у него свою пьесу. С 1850 года Островский становится сотрудником «Москвитянина». В № 6 за этот год были опубликованы «Свои люди», а в других номерах Островский поместил ряд рецензий: на роман Е. Тур «Ошибка», на стихи Полонского, Щербины и других. В том же году Погодин привлек к участию в «Москвитянине» и А. Ф. Писемского и в октябрьской книжке журнала за 1850 год поместил его роман «Тюфяк». Наконец, тогда же сотрудником «Москвитянина» по отделу критики и библиографии становится Е. Н. Эдельсон. Журнал начинает оживать, количество подписчиков поднимается до 500 в 1850 году и до 1100 на 1851 год. «Москвитянин» пошел очень хорошо... — писал Погодин Вяземскому 12 ноября

1850 года. Еще, может быть, год, и наша возьмет. Анархию уймем и возвратимся к преданию». [1]

Видя успех журнала, Погодин решается с нового года привлечь еще более широко к участию в «Москвитянине» молодые литературные силы. В объявлении о подписке на 1851 год, написанном Островским, было сказано, что «Москвитянин» «приобрел новых сотрудников». Этими «новыми сотрудниками» и явились Островский и тот литературно-артистический кружок, который образовался вокруг автора «Своих людей». В кружок этот в разное время вошли: литераторы Аполлон Григорьев, Е. Н. Эдельсон, Б. Н. Алмазов, М. А. Стахович, Т. И. Филиппов, Л. А. Мей, Н. В. Берг, скульптор Н. А. Рамазанов, артисты П. М. Садовский и И. Ф. Горбунов. Своими людьми в кружке были Писемский и Мельников-Печерский.

В распоряжение Островского, А. Григорьева и их друзей Погодин с 1851 года и отдал художественный и литературно-критический отделы «Москвитянина». Все другие отделы журнала оставались в ведении Погодина. Таким образом образовались в «Москвитянине» две редакции: старая и молодая.

Наличие «молодой редакции» прежде всего сказалось на литературно-художественном отделе журнала. В нем были опубликованы три пьесы Островского («Бедная невеста», 1852; «Не в свои сани не садись», 1853; «Не так живи, как хочется», 1855); ряд произведений Писемского (романы и повести: «Брак по страсти», 1851; «Комик», 1851; «М-г Батманов», 1852; комедия «Ипохондрик», 1852; очерк «Питерщик», 1852); повесть Мельникова-Печерского «Красильниковы» (1852); известная повесть И. Т. Кокорева «Саввушка»; повести Д. В. Григоровича «Прохожий» и «Зимний вечер» и М. И. Михайлова «Адам Адамыч» и «Он»; повести и драматические произведения А. А. Потехина, стихи Полонского, Щербины, Мея, А. Григорьева и др. Можно с полной уверенностью констатировать не только количественный рост прозы и поэзии «Москвитянина», но и повышение их качества. При этом Погодину пришлось, однако, пойти навстречу тому реали-

---

[1] Письма М. П. Погодина к П. А. Вяземскому напечатаны в сборнике «Старина и новизна», кн. 4, СПБ., 1901.

стическому направлению в литературе, с которым его журнал вел такую ожесточенную войну в 1840-е годы. В особом примечании к «сатирическим сценам» Михайлова «Нянюшка» он писал, что, помещая подобные произведения в «Москвитянине», уступает времени и современному искусству, которое обратилось от идеального к действительности, от од и трагедий — к сатире. Он оправдывал себя тем, что, давая место таким произведениям, помещает и другие, и в частности рядом с «Нянюшкой» дает «Урсулу» герцогини д'Арбувиль и стихи Мея.

Еще более заметные изменения произошли в отделе иностранной литературы. Здесь были помещены переводы из Альфреда де Мюссе, Александра Дюма (сына) и даже Жорж Санд («Замок в пустыне», «Мольер», «Крестница» и другие). Кроме того, Д. Мин опубликовал в «Москвитянине» перевод «Ада» Данте, а А. Григорьев и Мей перевод «Вильгельма Мейстера» Гёте.

Совсем неожиданным событием в жизни «Москвитянина» было появление в нем фельетонов. Когда в апрельской книжке журнала за 1851 год был опубликован первый фельетон Эраста Благонравова (Б. Н. Алмазова) под названием: «Сон по случаю одной комедии. Драматическая фантазия с отвлеченными рассуждениями, патетическими местами, хорами, танцами, торжеством добродетели, наказанием порока, бенгальским огнем и великолепным спектаклем», читатели «Москвитянина» были поражены. Погодин в специальных примечаниях от редакции вынужден был разъяснять и защищать фельетоны Алмазова.

Значительные перемены произошли и в отделе литературной критики. Окончательно прекращает критическую деятельность С. П. Шевырев, и из его рук критика переходит в руки Эдельсона, Алмазова и, главным образом, А. Григорьева. Последний поместил в «Москвитянине» два больших обзора: «Русская литература в 1851 году» и «Русская изящная литература в 1852 году», а также ряд статей, из которых главные: «О комедиях Островского и их значении в литературе и на сцене» и «Русские народные песни». Иногда в качестве критика выступал в «Москвитянине» и А. Н. Островский. Новые руководители критического отдела стали систематически вести полемический обзор главных журналов: «Современника», «Отечествен-

ных записок», «Библиотеки для чтения», «Репертуара и Пантеона». Кроме того, А. Григорьев регулярно помещал в «Москвитянине» «Летопись московских театров», а Н. Рамазанов — обозрения художественных выставок.

Не могло, естественно, остаться без некоторых изменений и самое направление журнала. Несмотря на известную неопределенность, противоречивость и неустановившийся характер исповедовавшихся «молодой редакцией» принципов, можно заметить, что они все же отличались от принципов официальной народности. Та народность, которую пропагандировала «молодая редакция» (а народность лежала в основании и их миросозерцания), не носила официального правительственного характера. Казенные апологии и панегирики в духе «Маяка» при «молодой редакции» исчезли со страниц «Москвитянина».

Направление «молодой редакции» отличалось вместе с тем и от славянофильства. В нем не было ничего специфически дворянского. Те социально-политические проблемы, которые волновали славянофильство 1840-х годов как дворянское течение (отношения помещика и крестьянина, отрыв самодержавия Николая I от «земли», антинациональный характер русской аристократии и т. п.), почти совсем не интересовали «молодую редакцию» «Москвитянина». Остались ей чужды и богословские искания старших славянофилов.

Но при всех различиях между убеждениями «молодой редакции», с одной стороны, и официальной народностью и славянофильством — с другой, сохранялась между ними близость в основном и главном. А. Григорьев неоднократно заявлял, что «молодая редакция» считала Погодина своим учителем, а «старшинство и авторитет» Аксаковых, Хомякова, Шевырева, Киреевских признавала «с почтением и любовью». О себе же он писал и более конкретно: «по моему политическому взгляду я был и остаюсь славянофилом», и даже утверждал, что в сфере политики не создано ничего более ценного, чем письма Погодина к Николаю I. [1] Уже одни эти заявления заста-

---

[1] См. письма А. Григорьева к М. П. Погодину и Н. Н. Страхову в книге: А. А. Григорьев. Материалы для биографии. П., 1917, стр. 144, 273, 283. Здесь опубликованы и другие письма Григорьева, которые цитируются ниже.

вляют с недоверием отнестись к утверждениям Григорьева, что «Москвитянин» при «молодой редакции» проповедовал «народность демократическую и прогрессивную». Нет никакого сомнения, что народность «молодой редакции» не была демократической и прогрессивной, что «молодая редакция» в сущности своей принадлежала к реакционному лагерю русской общественной мысли.

В своем понимании народности «молодая редакция» исходила из отрицания классового разделения в обществе. «Под именем народа в обширном смысле разумеется целая народная личность, собирательное лицо, слагающееся из черт всех классов народа: высших и низших, богатых и бедных, образованных и необразованных», — писал Григорьев в статье «О комедиях Островского». Народность как отражение интересов, чаяний, идей трудовых классов вызывала отрицательное отношение у теоретиков «молодой редакции». Народность в смысле nationalité, — утверждал Григорьев в указанной статье, — «является понятием безусловным, в природе лежащим»; народность в смысле popularité — понятием «относительным, обязанным своим происхождением болезненному факту». «Второе, тесное понятие нам совсем и не нужно, потому что нет существенной разрозненности в живом, свежем и органическом теле народа». Такое понимание народности, естественно, заставляло «молодую редакцию» проходить мимо явлений социальной борьбы и классовых противоречий внутри нации, мимо интересов угнетенных трудовых масс. «Вопрос о нашей умственной и нравственной самостоятельности», по мнению А. Григорьева, глубже и обширнее по своему значению всех других вопросов — и вопроса о крепостном состоянии и вопроса о политической свободе (письмо к Страхову от 18 июля 1861 г.).

При этом главным носителем русской самобытности А. Григорьев и его друзья считали патриархальное купечество. Они и в бытовом отношении были тесно связаны с московским купечеством, купеческими чайными и трактирами, московским купеческим клубом. А вместе с тем здесь раскрывается классово-политический характер программы «молодой редакции», отражавшей консервативные интересы русской патриархальной буржуазии. «Молодая

редакция» всячески прикрашивала и идеализировала патриархальное купечество и считала его носителем лучших национальных черт русского народа. Пытаясь сформулировать главные различия во взглядах «молодой редакции» и славянофилов, А. Григорьев писал А. И. Кошелеву 25 марта 1856 года: «Убежденные, как вы же, что залог будущего России хранится только в классах народа, сохранившего веру, нравы, язык отцов, — в классах, не тронутых фальшью цивилизации, мы не берем таковым исключительно одно крестьянство: в классе среднем, промышленном, купеческом по преимуществу, видим старую извечную Русь». Еще более определенно симпатии «молодой редакции» к патриархальной буржуазии как носителю народности сказались в выступлениях А. Григорьева, Эдельсона и других ее членов в «Москвитянине». Критики «Москвитянина» постоянно упрекали петербургские журналы в невнимании к купечеству. Купечество же, — разъяснял А. Григорьев в статье «Замечания об отношении современной критики к искусству», — «класс огромный по значению в общественной жизни и огромный же по значению историческому... класс средний, класс, составляющий, так сказать, цвет собственно народных соков, класс, в котором, при многих, может быть, комических сторонах, сохранились наиболее остатки народного быта и развились притом на свободе, широко, вольно».

Именно идеализация прошлого, отживающего уклада и отрицание необходимости коренных социальных преобразований сближают «молодую редакцию» со старым «Москвитянином» и славянофильством. Благодаря тому, что «народность» «молодой редакции» не пошла дальше ориентации на патриархальное купечество, и стало возможным существование в «Москвитянине» двух редакций. Больше того, издатель «Москвитянина», которому и раньше были присущи известные буржуазные тенденции, и сам в это время проявлял симпатии к буржуазии и буржуазной идеологии. Он становится близок к известному миллионеру и откупщику Кокореву, укрепляет свои связи в купеческих кругах, сам пускается в торговые и промышленные операции. Он помещает в «Москвитянине» восторженную статью о московском богаче Крашенинникове и его портрет, в «Московской летописи» особое место отво-

дит описаниям торжественных обедов купеческого клуба, в отделе «Внутренних известий» никогда не забывает поименно обозначить всех крупных купцов того или иного города с указанием их торговых оборотов. Щербина имел основания писать о Погодине:

Друг мошны буржуазии,
Он пиявку мужика
За трибуна всей России
Выдает откупщика.

Видя в том свои удобства,
Генерала скрыл он спесь, —
Демократства и холопства
Удивительная смесь.

7. КРИТИКА В «МОСКВИТЯНИНЕ» 1850-х ГОДОВ

Критические выступления А. Григорьева и его друзей были тесно связаны с критикой Шевырева и «Москвитянина» 1840-х годов.

Но в меру своего отхода от официальной народности критикам «молодой редакции» удавалось высказывать в отдельных случаях справедливые суждения. Они смеялись над мертвой схоластической наукой, заполнившей литературные журналы в эпоху «мрачного семилетия». Эраст Благонравов был прав, когда издевался над научными статьями типа: «О ложке Александра Македонского», «О вилке Дария Гистаспа», «О том, как финикияне открыли стекло при помощи собаки», и т. п. Они выступали против дендизма, светскости в критике и литературе. Выступления эти были вполне актуальны, так как бонтонность не была чужда, например, критике А. В. Дружинина, а черты светскости проникали не только в произведения графини Ростопчиной и Е. Тур, но и многих иных писателей того времени. «Главная задача авторов подобных произведений, — писал А. Григорьев в статье «Русская изящная литература в 1852 году», — тонкость: тонкость чувствований, тонкость разговоров, тонкость стана героини, тонкость голландского белья героев». Положительным явлением было увлечение «молодой редакции» «Москвитянина» русской народной песней. Тем более, что тогда получило распространение презрительное отношение к народному творчеству, характерное для либералов-западников.

Наконец, критике «молодой редакции» удалось высказать отдельные верные мысли о произведениях ряда крупных русских писателей. Правильно указывала она на ограниченность и узость положительных идеалов Гончарова, на болезненность дарования Достоевского, на черты натурализма в произведениях Писемского.

При всем том главные, коренные принципы критики «молодой редакции» были порочны. «Общие эстетические законы» «молодой редакции», те «масштабы», с которыми она подходила к художественным произведениям, на первый взгляд напоминают «эстетические законы» и «масштабы» Белинского. Критики «молодой редакции» требовали от литературы содержательности, правдивости и народности. Они много писали о необходимости для писателя прямого, непосредственного отношения к действительности, о значении миросозерцания для художника, о народности в искусстве. Несомненно, опыт Белинского учитывался «молодой редакцией». Но оперируя понятиями Белинского, Григорьев, Эдельсон, Алмазов наполняли их совершенно иным содержанием. Так, требуя от писателя прямого и правдивого изображения жизни, А. Григорьев утверждал в то же время, что оно доступно только тому художнику, который, не увлекаясь критикой действительности, «воздает должную справедливость» ее «разумным законам». Так, указывая на необходимость для писателя иметь идеалы и миросозерцание, «молодая редакция» в основу миросозерцания клала реакционные принципы патриархальности, а выступая за народность в литературе, имела в виду ту псевдонародность, которую она пропагандировала со страниц «Москвитянина». Несомненно, что критическая деятельность «молодой редакции» покоилась на ложных основаниях.

Григорьев и другие критики «Москвитянина» 1850-х годов много писали о Лермонтове и Гоголе, но их характеристики Лермонтова и Гоголя были ошибочными и близкими к мнениям Шевырева. Творчество Лермонтова, полагал А. Григорьев, было основано на бесплодном и беспочвенном отрицании и эгоизме, лишено положительных идеалов и поэтому не имело корней в русской почве. Поэзия Лермонтова — «слово борьбы без основ, страданий без исхода, жажды без удовлетворения. . . слово вражды, которое, конечно, не может быть

состоянием нормальным, особенно, если пружины ее заключены в безмерно выдавшейся личности» («Русская литература в 1851 году»). Совершенно очевидно, что для борьбы Лермонтова с действительностью были более чем достаточные основания, а «пружины» его вражды следует видеть не «в безмерно выдавшейся личности», а в стремлениях передовой русской интеллигенции и подлинной народности поэта.

В творчестве Гоголя критики «молодой редакции» выше всего ценили не сатирическое и критическое изображение русской действительности, а «просвечивающее сквозь отрицание сияние вечного идеала». Поэтому Григорьев положительно отзывался о «Выбранных местах» и считал самым гениальным произведением Гоголя «Рим». Для отношения А. Григорьева к Гоголю характерно следующее с гордостью слеланное им заявление: «При появлении «Переписки с друзьями» только две критических статьи отнеслись к Гоголю с прежним уважением — статья Степана Петровича Шевырева в «Москвитянине» и моя в издававшемся тогда «Московском городском листке» («Замечания об отношении современной критики к искусству»). К сатире же Гоголя отношение «молодой редакции» было двойственным. Ее старались или смягчить и оправдать, или относились к ней с осуждением. Григорьев оправдывал отрицание Гоголя наличием у него высоких идеалов, Филиппов — ссылками на особый характер смеха Гоголя. «Смех Гоголя, как и смех Диккенса и Теккерея, исполнен благоговения к важности нравственного закона и надежд на всепрощающую благость», — писал Филиппов в своей статье о Теккерее. Алмазов же открыто заявлял о субъективности, односторонности, гиперболизме Гоголя, о его болезненной раздражительности и экзальтации.

Писателем, преодолевшим беспочвенное отрицание Лермонтова и односторонность Гоголя и сказавшим новое слово в русской литературе, «молодая редакция» считала Островского. Творчество Островского, по ее мнению, прекрасно своим прямым отношением к действительности, своим миросозерцанием, своей народностью. Но и положительное отношение к Островскому было связано у критиков «молодой редакции» с совершенно неверным пониманием сущности его творчества. В Островском они уви-

дели не великого реалиста, а выразителя направления своего кружка. Говоря о народности Островского, они имели в виду не обличение «темного царства» в его произведениях, а сочувствие писателя патриархальным нравам. Иначе говоря, они возвеличивали и преувеличивали слабые стороны тех комедий Островского, в которых сказалась близость писателя к «молодой редакции». Характерно, что о лучшей из пьес Островского тех лет — «Свои люди — сочтемся» — критики «молодой редакции» говорили мало и с явным неудовольствием, но пространно и с восхищением писали о пьесах «Не в свои сани не садись», «Не так живи, как хочется», «Бедность не порок». Эдельсон упрекал Островского в том, что в первом своем произведении он «был чистым сатириком: ничто противодействующее не было выставлено им на ряду с показанным злом». Зато по поводу «Бедность не порок» ликованию «молодой редакции» не было меры. Причины раскрывает тот же Эдельсон, утверждая, что в новой пьесе Островский «является уже не одним сатириком... В противоположной стороне видится ему в том же быту благодушная, простая, крепко связанная с родными преданиями и обычаями жизнь» (1854, № 5). Пьеса «Бедность не порок» была воспета А. Григорьевым даже в известных стихах «Искусство и правда», опубликованных в «Москвитянине».

Энергично выдвигая Островского, критики «молодой редакции» несправедливо отнеслись ко многим другим замечательным писателям. Следуя традициям Шевырева, они продолжали враждовать с натуральной школой, с теми писателями, которые еще в 1840-х годах объединились вокруг Белинского, — с Герценом, Некрасовым, Тургеневым и другими. По мнению Григорьева, Эдельсона, Алмазова, некоторые из этих писателей зашли в тупик, развивая бесплодное лермонтовское отрицание и необоснованные претензии личности или доведя до болезненности и злобной сатиры юмор Гоголя, не усвоив его идеалов; другие перестали якобы служить искусству и пишут на заданную тему; третьи повинны в скептическом отсутствии убеждений или в исповедании уродливого миросозерцания душных и грязных углов и т. д. и т. п. Роман Герцена «Кто виноват?» А. Григорьев называл «безобразным» «с художественной стороны» и утверждал, что он писался

«для потехи праздного остроумия» («Русская литература в 1851 году»). Особенно неприязненно относилась «молодая редакция» к Некрасову. Алмазов пародировал его стихи в своих фельетонах; Григорьев называл мировоззрение Некрасова «антипоэтическим», а такие замечательные стихотворения, как «Еду ли ночью по улице темной», «Извозчик», «Маша», «В деревне» — «больничными или исправительными антипоэтическими песнопениями» («Замечания об отношении современной критики к искусству»).

Нападения на писателей натуральной школы сопровождались у критиков «молодой редакции» незаслуженными обвинениями по адресу Белинского. А. Григорьев значительно пополнил тот запас несправедливых измышлений относительно него, начало которым положили Погодин, Шевырев, М. Дмитриев и другие. В статье «Замечания об отношении современной критики к искусству» он упрекал Белинского в унижении Пушкина и Гоголя ради возвеличения «кумирчиков» вроде Достоевского и Некрасова; в «сатурналиях» по поводу русской народности и «вакханалиях» по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями»; в безнравственности требований, обращенных к Татьяне Лариной; в постоянных противоречиях и т. п. Григорьев писал, что «от терний мысли Белинского долго еще не расчистить поля литературы».

Нападения на Белинского переплетались у А. Григорьева с клеветническими выпадами против Чернышевского, в котором критик «Москвитянина» правильно почувствовал непримиримого классового врага. В той же статье Григорьев враждебно отозвался о первых литературных выступлениях Чернышевского. Он иронически характеризовал автора «Эстетических отношений искусства к действительности» как «создателя удивительного учения об изящном» и «безвкусных и безобразных литературных ересей». Он обвинял Чернышевского в «неуважении» к Пушкину и т. д. В ответ на шельмование А. Григорьевым критики Белинского и нападки на Чернышевского за якобы присущее ему «неуважение» к Пушкину Некрасов писал в «Заметках о журналах за октябрь 1855 года»:

«Не г-ну Григорьеву учить нас, как любить и чтить память Пушкина, не г-ну Григорьеву, который, вступаясь

за память одного покойника, не нуждающегося ни в чьей защите, в то же время покрывает осуждением другого, нуждающегося если не в защите, то в полном признании своих заслуг, — и с каким спокойствием делает это г. Григорьев, знающий твердо, что те, которые бы хотели вступиться за того, на кого он нападает, не имеют в руках своих равного с г. Григорьевым оружия! [1] Это лишило нас всякой охоты говорить подробнее о статье г. Григорьева и входить с ней в какие-либо прения, чего она заслуживает по некоторым дельным и метким замечаниям, рассыпанным в ней наряду с бессмыслицами и комическим самохвальством». [2]

Таким образом, и критика «молодой редакции», несмотря на некоторые отличия от критики «Москвитянина» 1840-х годов, унаследовала ее главные идеи и принципы.

---

[1] Напомним, что в период «мрачного семилетия» было запрещено упоминать в печати самое имя Белинского.

[2] «Заметки» Некрасова включены в том IX Полного собрания сочинений и писем, М., 1950.

8. КОНЕЦ «МОСКВИТЯНИНА»

Несмотря на близость «старой» и «молодой редакции» «Москвитянина», оставались между ними, как уже было сказано, и некоторые различия. Наличие их и чисто материальные обстоятельства вызывали постоянные трения между двумя редакциями. Это обнаружилось еще в самом начале совместной работы.

Совершенно очевидно, что Островский предполагал с 1851 года стать полновластным руководителем «Москвитянина», но натолкнулся на сопротивление Погодина. «Эти господа нового понимания хотят, видно, чтоб я платил и клал деньги, кроме положенных, и плясал по их дудке, молчал под их музыку, а они будут делать, что хотят», — негодовал Погодин.

Так началось сотрудничество двух редакций. Отношения их не стали более дружелюбными и позднее. Неприязненное и недоверчивое отношение Погодина к новым сотрудникам поддерживалось и подогревалось в нем ближайшими участниками старого «Москвитянина». Графиня Ростопчина, скрепя сердце принимавшая «молодую редакцию» в своем салоне, писала Погодину: «Чорт знает, что ваши дикие бегемоты делают из «Москвитянина», вас бранят за него, а вы позволяете им ронять журнал... Прогоните всю эту сволочь писак и марателей бумаги!»

Со своей стороны «молодая редакция» считала целесообразным не допускать произведений «допотопных стари-

ков» на страницы журнала. «Следит, бывало, следит, — вспоминал Григорьев, — зорко и подозрительно следит молодая редакция, чтобы какая-нибудь элегия г. М. Дмитриева или какой-нибудь старческий грех какого-либо другого столь же знаменитого литератора не проскочил в нумер журнала... Чуть немного поослаблен надзор — и г. М. Дмитриев налицо, и г-жа К. Павлова что-либо соорудила, и, наконец, к крайнейшему отчаянию молодой редакции, на видном-то самом месте нумера какая-нибудь инквизиторская статья г. Стурдзы красуется или какая-нибудь прошлогодняя повесть г. Кулагинского литературный отдел украшает! И это в пятидесятые годы, все равно как в тридцатые» («Мои литературные и нравственные скитальчества»).

Немалую роль в трениях двух редакций играла «адская скупость» Погодина. Издатель «Москвитянина» платил таким сотрудникам, как Островский и Григорьев, по 15 рублей за лист (в то время как «Отечественные записки» и «Современник» платили по 50 рублей), да и те получить у него было нелегко. «В вашем превосходительстве глубоко укоренена мысль, что человека надобно держать вам в черном теле, чтобы он был полезен», — писал Погодину Григорьев. Скупость не мешала Погодину требовать от участников «молодой редакции» напряженной работы и запрещать им печататься в других журналах. Между тем для большей части новых сотрудников «Москвитянина» литературная работа была почти единственным средством существования. Письма Островского, Григорьева, Эдельсона к издателю «Москвитянина» буквально переполнены просьбами материального характера. — «Михайло Петрович! Я в крайности, в какой не дай бог быть никому... Надеюсь, что вы недолго оставите меня в ожидании», — писал Островский 21 сентября 1851 года. «Михайло Петрович! Наступает время холодное, ни шубы, ни чего теплого у меня нет. Я простудился в среду, когда ехал от вас в холодном пальто. Пришлите мне денег ради бога», — просил Островский 3 ноября того же года. Погодин по большей части оставался глух к подобным обращениям сотрудников «Москвитянина» и отвечал на них наставлениями умерить свои расходы, а иногда и гру-

бостью. «Финансовая политика» Погодина ставила перед ближайшими сотрудниками «Москвитянина» дилемму: искать другой профессии или другого, более щедрого, издателя. Писемский уже в 1853 году перестал печататься в «Москвитянине». Пьесу «Бедность не порок» Островский вынужден был, несмотря на недовольство Погодина, опубликовать не в «Москвитянине», а отдельным изданием. «Я, Михайло Петрович, рад всячески служить «Москвитянину», но мне надобно жить чем-нибудь», — писал он Погодину. [1]

Очевидно, что долго продолжаться сотрудничество двух редакций «Москвитянина» не могло. К тому же и внутри «молодой редакции» не было единства. Литературно-артистический кружок, объединившийся вокруг Островского, отличался исключительной пестротой. Так, например, Писемский имел очень мало общего с коренными убеждениями «молодой редакции». Одновременно с «Москвитянином» Писемский помещал свои произведения в «Отечественных записках» и в «Современнике». О программных статьях Григорьева он писал Погодину: «Я не советую вам верить Григорьеву на слово. Он завирается иногда... Обозрение литературы 1851 года начато издалека. Посоветуйте больше говорить об авторах, чем о своих началах».

Идеология и атмосфера кружка «молодой редакции» не могли, конечно, подчинить себе и Островского, хотя критики «Москвитянина» и считали его «центром, сердцем, родником» своих идей, а в его творчестве видели только выражение своих собственных убеждений. Как известно, Островский пришел в 1850 году в «Москвитянин» скорее поклонником Белинского, чем сторонником славянофильства. Первая комедия, первые рецензии его в «Москвитянине» говорят об этом с полной очевидностью. «Отличительная черта русской литературы — нравственный, обличительный характер, — утверждал Островский в рецензии на повесть Е. Тур «Ошибка». — Чем произведе-

[1] Письма А. Н. Островского к М. П. Погодину опубликованы в «Трудах» Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, сборник IV, М., 1939.

ние изящнее, чем оно народнее, тем больше в нем этого обличительного элемента» (1850, № 7). Позднее Островский, несомненно, отдал некоторую дань воззрениям кружка «молодой редакции» и в своем мировоззрении и в своем творчестве («Не в свои сани не садись», «Бедность не порок», «Не так живи, как хочется»). Кроме влияния кружка, здесь сказалось и общее воздействие эпохи «мрачного семилетия», и гнет цензуры (за «Свои люди — сочтемся» Островский получил выговор; до 1853 г. ни одна из пьес Островского не увидела сцены), и враждебное отношение к Островскому либералов-западников. 30 сентября 1853 года Островский писал Погодину: «О первой комедии я не желал бы хлопотать, потому: 1) что не хочу нажить себе не только врагов, но даже и неудовольствия; 2) что направление мое начинает изменяться; 3) что взгляд на жизнь в первой моей комедии мне кажется молодым и слишком жестким; 4) что пусть лучше русский человек радуется, видя себя на сцене, чем тоскует. Исправители найдутся и без нас. Чтобы иметь право исправлять народ, не обижая его, надо ему показать, что знаешь за ним и хорошее; этим-то я теперь и занимаюсь, соединяя высокое с комическим. Первым образцом были «Сани», второй [«Бедность не порок»] оканчиваю». Нельзя не увидеть в приведенном заявлении известного подчинения Островского мнениям «молодой редакции».

Но Островский был далек не только от обскурантизма Т. Филиппова, но и от идейных метаний А. Григорьева. Коренные «принципы» «молодой редакции» не были для Островского органичны и не могли удержаться в его сознании надолго. «Обличительный элемент» оставался основой его творчества и мировоззрения. «Может быть, влияние кружка и действовало на него в смысле признания известных отвлеченных теорий, но оно не могло уничтожить в нем верного чутья действительной жизни, не могло совершенно закрыть перед ним дороги, указанной ему талантом», — справедливо писал Добролюбов в статье «Темное царство».

Трения двух редакций «Москвитянина», как и следовало ожидать, закончились разрывом Погодина с «моло-

дой редакцией», а отсутствие единомыслия среди молодых сотрудников — постепенным распадом их кружка.

Разрыв двух редакций произошел в октябре 1853 года, когда сотрудничество «молодой редакции» в журнале совершенно прекращается. Исчезают фельетоны Эраста Благонравова, исчезает московская театральная летопись, которую вел Григорьев, обзор журналов начинают вести неизвестные сотрудники под псевдонимами «Посторонний» и «Провинциал», открыто полемизируя в них с критическими мнениями Григорьева. В числе сотрудников журнала на 1854 год не упомянут Островский. Одним из главных поводов к разрыву послужил отказ Погодина приобрести пьесу «Бедность не порок», цена за которую показалась ему слишком высокой. С 1854 года сотрудничество Григорьева, Эдельсона, Алмазова в «Москвитянине» возобновляется, а в 1855 году в нем была опубликована и новая комедия Островского «Не так живи, как хочется», но «молодая редакция» уже не ведала отделами литературы и критики, и члены ее принимали участие в журнале как рядовые сотрудники. Предложение «молодой редакции» передать журнал в ее полное ведение, сделанное в конце 1853 года, было отвергнуто Погодиным. Помощником Погодина по журналу с 1854 года становится третьестепенный беллетрист П. Сумароков.

Разрыв Погодина с «молодой редакцией» был началом окончательного падения «Москвитянина». [1]

После смерти Николая I и окончания Крымской кампании те самые устои, истинность и жизненность которых проповедовали и «старая» и «молодая» редакции, заколебались. В связи с этим положение «Москвитянина» становится еще более тяжелым. К тому же в Москве возникают новые журналы: славянофильская «Русская беседа» и либерально-западнический «Русский вестник», а из «Москвитянина» уходят последние даровитые писатели: Островский, Потехин. Даже Жихарев перенес публика-

---

[1] Фактические материалы о «молодой редакции» «Москвитянина» см. в «Жизни и трудах М. П. Погодина», т. XI—XII, по оглавлению.

цию «Дневника студента» в «Отечественные записки». Остался один А. Григорьев, но и тот, после того как Погодин в 1855 году отказался предоставить ему диктаторские права, прекращает свое сотрудничество в журнале.

С 1854 года, после распада «молодой редакции», «Москвитянин» по своему облику и содержанию все более и более начинает возвращаться к временам Студитского. И выходить он снова стал с большим запозданием. «Москвитянин» в агонии, — писал И. С. Тургенев С. Т. Аксакову в августе 1855 года. — Никто его не читает, и печатать в нем — значит бросить свои вещи ночью в темную яму в безлюдном месте». Новые попытки Погодина реорганизовать редакцию журнала или продать его славянофилам были безуспешны, и в последней книжке «Москвитянина» за 1855 год (вышедшей лишь в мае 1856 года) он вынужден был поместить «эпилог» к своему журналу, в котором прощался с читателями.

«Эпилог» не помешал Погодину продолжать издание «Москвитянина» и в 1856 году. Но 16 книжек журнала за этот год производят уже совсем жалкое впечатление. Художественная проза из них совершенно исчезла. В отделе поэзии сохранилась лишь «лирика» А. Башилова и псевдопатриотические послания «К черноморцам». Журнал заполняется историческими статьями Погодина, Лешкова, Бессонова и описаниями торжественных обедов, данных в честь участников обороны Севастополя. Не помог и впервые введенный политический отдел. «Никто его даром читать не хочет», — писал А. И. Кошелев Погодину о «Москвитянине». Только в конце 1857 года выпустил Погодин последние номера «Москвитянина» за 1856 год и окончательно простился с публикой. «Москвитянин» прекратил свое существование.

Мысль о возобновлении издания «Москвитянина» долго еще не покидала Погодина и его единомышленников. «Надо возвысить голос нашему поколению и восстановить связь с чистой струей российской словесности, порешить с анархией», — писал Погодин Вяземскому 27 апреля 1860 года. Но «возвысить голос» и осуществить свои намерения Погодину не удалось. Наоборот, приходи-

лось навсегда оставить мысль о возобновлении «Москвитянина». «Насильно мил не будешь, — жаловался Погодин Шевыреву. — Времена мудреные и тяжелые... Не дают слова выговорить... Добролюбов объявляется каким-то выспренным гением. Я ничего не знаю из его сочинений».

После прекращения «Москвитянина» Погодин предпринял издание альманаха «Утро» (три сборника 1859, 1866 и 1868 годов) и газеты «Русский» (1867—1868), но и эти издания, из-за их архаического и реакционного характера, успеха не имели.

IV. БЕЛИНСКИЙ В «СОВРЕМЕННИКЕ»

1. ПРЕОБРАЗОВАНИЕ «СОВРЕМЕННИКА»

В 1847 году «Современник» переходит из рук П. А. Плетнева в руки Н. А. Некрасова и И. И. Панаева и превращается из консервативного издания в самый передовой журнал 1840-х годов. Заведование отделом критики и библиографии в «Современнике» берет на себя В. Г. Белинский. Одним из ближайших сотрудников «Современника» становится А. И. Герцен.

Как известно, Некрасов, Панаев и Герцен до этого времени помещали свои произведения в «Отечественных записках» и были постоянными участниками этого журнала. Известно, что и Белинский до апреля 1846 года вел отдел критики в «Отечественных записках» и являлся их идейным руководителем. Так что же заставило Белинского и других покинуть «Отечественные записки» и взяться за издание нового журнала?

Обычно это объяснялось тем, что один журнал не мог удовлетворить возросшие потребности широких кругов демократических читателей и поэтому рядом с «Отечественными записками» возник другой журнал точно такого же направления — «Современник». В связи с этим главную причину ухода Белинского из «Отечественных записок» видели в том, что Краевский подвергал великого критика жестокой эксплоатации, а основную причину приобретения Некрасовым и Панаевым «Современника» — в их желании избавить Белинского от этой эксплоатации.

Такая точка зрения представляется нам неверной, затушевывающей то существенное обстоятельство, что

и уход Белинского из «Отечественных записок», и решение Некрасова и Панаева взять на себя издание «Современника», и появление рядом с «Отечественными записками» другого журнала, на первый взгляд одинакового с ним направления, — все это является отражением нарастающих и углубляющихся противоречий между революционной демократией и либерализмом.

Издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский — беспринципный делец и приобретатель — если и имел за душой какие-либо убеждения, то никогда не заходил дальше весьма умеренного и бесцветного либерализма и спокойно мирился с самодержавно-крепостническими порядками. В свое время он лишь в силу необходимости согласился пригласить в «Отечественные записки» «крикуна-мальчишку» — Белинского, а теперь, естественно, все с большей и большей тревогой взирал на его деятельность в своем журнале. Его пугали «исключительность», «тревожный дух», «беспокойный характер» великого революционера. И Белинский в своих письмах и некоторые современники в своих мемуарах утверждают, что в интимном кругу Краевский высказывал недовольство статьями Белинского, называл критика «потерянным мальчишкой» и заявлял даже, что «Белинский исписался» и что он держит его из великодушия.

Будучи человеком беспринципным, с довольно ограниченным кругозором, Краевский, разумеется, не мог быть идейным руководителем своего журнала и вынужден был мириться с тем направлением, которое придал «Отечественным записками» Белинский. Однако нельзя сказать, что хозяйничанье Краевского проходило для журнала совершенно бесследно. Краевский привлекал к участию в «Отечественных записках» весьма сомнительных в идейном и профессиональном отношении литераторов («видите, какая сволочь начала лезть в «Отечественные записки», — жаловался Белинский в письме к Герцену от 2 января 1846 года), был прижимист в расчетах с такими сотрудниками, как Герцен, сводил на страницах журнала личные счеты со своими конкурентами. Он не только беспощадно эксплоатировал Белинского, не только заваливал его малоинтересными и малозначительными поручениями, но и не прочь был приписать себе его статьи

и рецензии, печатавшиеся, как известно (по требованию Краевского), анонимно.[1]

Мало того, пользуясь своим правом редактора, Краевский подвергал статьи Белинского правке, иногда довольно сильно искажая их. О характере редакторских изменений, вносившихся Краевским в статьи Белинского, можно судить, например, по той правке, которой он подверг статьи Белинского о русской народной поэзии и о сборнике «Сто русских литераторов». Как выяснено, умеренный и трусливый Краевский старательно смягчал в статьях Белинского высказывания, прямо или косвенно направленные против крепостничества и самодержавия, старался вытравить оригинальные и смелые мысли, касающиеся русской истории, вычеркивал иронические отзывы о влиятельных литераторах, заменял прямые и резкие формулировки неопределенными и расплывчатыми, придавал живому и яркому стилю статей Белинского бездушную и бесцветную «правильность».[2]

Цензурные гонения (в особенности на статьи Белинского), доносы Булгарина и других на «Отечественные записки» (слухи о которых, следует думать, дошли до Краевского)[3] должны были до крайности напугать Краевского и заставить его подумать об избавлении от Белинского и других «опасных» сотрудников. 20 марта 1846 года Белинский писал Герцену о Краевском: «Слышал я, что он распространяет слухи, что хочет мне отказать, как человеку беспокойному и его изданию опасному».[4] О том, что Белинский имел основания подозревать Краевского в стремлении «отделаться» от него, свидетельствуют и нежелание Краевского пойти

---

[1] См. опубликованное в «Литературном наследстве» (№ 56, М., 1950) письмо П. И. Мельникова-Печерского к Краевскому от 2 ноября 1841 г. и комментарии к нему.

[2] См. об этом в примечаниях к VI тому Полного собрания сочинений Белинского, стр. 592, и в статье Г. Черемина «К истории текста четырех статей Белинского о народной поэзии» — «Литературное наследство» № 56, М., 1950.

[3] Например, полное угроз письмо Булгарина к цензору Никитенко от 28 ноября 1845 года (М. Лемке, Николаевские жандармы и литература, стр. 300).

[4] В марте 1846 года Булгарин подал Дубельту известную записку «Социализм, комунисм и пантеисм в России за последнее 25-летие».

навстречу справедливым материальным претензиям Белинского и показания некоторых современников. «Краевский, — вспоминает А. В. Старчевский, — хотел покончить с такою критикою, какова была критика Белинского. . .» [1]

Неудивительно, что когда Белинский заявил Краевскому о своем уходе из «Отечественных записок», тот не стал сколько-нибудь настойчиво удерживать его, а поспешил принять меры к тому, чтобы продолжать издание журнала без Белинского, Герцена, Некрасова, Панаева. Краевский, — пишет Старчевский, — «в душе был рад представившемуся случаю расстаться с Белинским». Вместе с тем Краевский постарался дать понять кому следует, что он освободился от нежелательных сотрудников, придававших неблагонадежное направление его журналу. Об этой «мастерской комедии», которую сыграл Краевский, чтобы отвратить гнев правительства от себя и «Отечественных записок», пишет не только Булгарин в доносе о «социалисме, комунисме и пантеисме в России». В конце октября 1846 года Некрасов сообщал об этом Белинскому: «Краевский делает гадости попрежнему. Недавно еще, когда ему был выговор за направление «Отечественных записок», он сказал, что этого впредь не будет, ибо удалил уже сотрудников, которые поддерживали такое направление». Для Белинского сообщение Некрасова не было новостью.

Мнение Краевского о Белинском, о том, что он человек «беспокойный», что он «исписался» и т. д., поддерживали и некоторые ближайшие сотрудники «Отечественных записок» из лагеря либералов-западников. Поддерживали они и намерение Краевского освободиться от Белинского. Галахов, Кудрявцев, Боткин буквально радовались уходу Белинского из «Отечественных записок». Он, по их мнению, придавал журналу Краевского «опасное» направление. Хваля статьи В. Майкова (сменившего Белинского в качестве критика «Отечественных записок»), Галахов писал Краевскому: «Нет в них задирчивости и волнения, которые вы справедливо назвали тревожным духом и который теперь, право, уже не нужен. Довольно

---

[1] «Исторический вестник» 1886, № 2.

было выходок, насмешек, задирок, наездничества; пора принять более спокойный тон, свойственный самоуверенности, приобретенной летами, приличный успеху, которым уже пользуется журнал». С Галаховым был согласен Кудрявцев. «Мне кажется, — писал он Галахову, — «Современник» не утерпит, чтобы не впасть в разные «исключительные» крайности, «Записки» же наоборот выиграют на терпимости и всегда останутся доступны для складки умеренных мнений».[1]

Недалеко от Галахова и Кудрявцева ушел и Боткин, разошедшийся в эти годы с Белинским по ряду важнейших социально-политических и философских вопросов. Он заявлял, что «время Белинского миновалось» и критике необходимо придать более «практический» и «здравый» характер. Уверяя Белинского в дружбе, Боткин в то же время писал Краевскому 3 апреля 1847 года: «Скажу вам по секрету: я считаю литературное поприще Белинского поконченным. Он сделал свое дело. Теперь нужно и больше такта и больше знания. Еще о русской литературе он может говорить (да и она у него, увы, сделалась рутиною), а чуть немного выходит из нее, из рук вон плохо. . .» В этом же письме Боткин утверждал, что без Белинского «Отечественные записки» «не только не стали хуже, но лучше».

Таким образом, когда успех только что преобразованного «Современника» во многом зависел от положения «Отечественных записок» и поведения их ближайших сотрудников, так называемые «друзья» Белинского предавали его и всемерно помогали Краевскому и его журналу. И ни энергичные старания Некрасова и Панаева, ни горячие уговоры Белинского не могли заставить Боткина, Кудрявцева, Галахова, Грановского, Кавелина покинуть «Отечественные записки» и Краевского и перейти в «Современник». Особенно старались помочь Краевскому Боткин и Галахов. Они явно предпочитали «Отечественные записки» «Современнику». Боткин прямо заявлял, что если бы ему можно было переехать в Петербург и стать постоянным работником того или иного журнала,

---

[1] Письма Галахова и Кудрявцева опубликованы в обзоре М. К. Клемана «Белинский в письмах Галахова» — сборник «Венок Белинскому» под ред. Н. К. Пиксанова, М., 1924.

то он, «без сомнения, выбрал бы Краевского», что он не видит «причин иметь симпатию к «Современнику». Действуя в интересах Краевского и его журнала, Боткин убеждал историка Соловьева не смущаться обещанием, уже данным редакции «Современника», и избрать для постоянного сотрудничества «Отечественные записки». «Знакомиться с Краевским» он звал и московского литератора Н. Г. Фролова. «Если я чему-либо рад по приезде в Москву, — сообщал Боткин, — так это произведению реакции между моими московскими друзьями, и я доволен тем, что успел в этой реакции, тем более доволен, что я поступал добросовестно и вследствие моего чувства и убеждения». Как нетрудно понять, Боткин активно пытался настроить московских литераторов против «Современника».[1] «Московские наши приятели поступают с нами, как враги, и губят нас... А послушать: общее дело, мысль, стремление, симпатия, мы, мы и мы — соловьями поют», — резко писал Белинский Боткину 4—8 ноября 1847 года.

Уступая настойчивым уговорам и требованиям Белинского, Боткин, Кавелин, Грановский и другие соглашались сотрудничать в «Современнике», но решительно отказывались покинуть «Отечественные записки». Они пытались оправдать свое поведение ссылками на то, что одинаково любят тот и другой журнал. Белинский справедливо негодовал по этому поводу: «Не верю я этой всеобщей любви, равно на всех простирающейся и не отличающей своих от чужих, близких от дальних: эта любовь философская, немецкая, романтическая. Может быть, она и хороша, да чорт с ней, непотребною... поднимающею хвост равно для всех и каждого!»[2] Фальшивыми были и разговоры Боткина и других о неблаговидном якобы поведении Некрасова, о подчинении «Современника» Никитенко и Плетневу и т. д. и т. п. Просто-напросто для Боткина и других либералов неприемлема была идейно-политическая линия Белинского, Герцена, Некрасова, которая, как они правильно предполагали, найдет свое воплощение в «Современнике».

---

[1] См. письма Боткина к Краевскому от 4 марта и 3 апреля 1847 года.

[2] Письмо к Боткину от 4—8 ноября 1847 года.

Что же касается «Отечественных записок», то они рассчитывали, что с уходом Белинского этот журнал станет органом умеренно-либерального направления, который они смогут противопоставить «Современнику».

В свете всего сказанного становятся ясными и обстоятельства ухода Белинского из «Отечественных записок». Конечно, причины материально-бытового характера играли здесь известную роль (Краевский обременял Белинского непосильной работой и платил ему нищенски мало), но не они были главными. Суть дела заключалась в том, что Белинский был недоволен характером своего труда в «Отечественных записках» и хозяйничаньем Краевского в журнале. Краевский заставлял Белинского писать обо всем (даже о медицине). Он непрерывно погонял Белинского, заваливал его срочной работой. Это значило для критика торопиться, не доводить некоторые статьи и рецензии до той степени совершенства, до какой ему хотелось. Особенно неприятно было Белинскому видеть, что его выступления против врагов «Отечественных записок», против Булгарина например, служат личным, меркантильным целям Краевского и могут быть неблагоприятно истолкованы читателем как беспринципные, продиктованные журнальной конкуренцией. «Служить орудием подлецу для достижения его подлых целей и ругать другого подлеца не во имя истины и добра, а в качестве холопа подлеца № 1, — это гадко», — писал по этому поводу Белинский Герцену 2 января 1846 года.

Но, конечно, основная причина ухода Белинского из «Отечественных записок» заключалась в его глубоко отрицательном отношении к той линии, которую Краевский пытался проводить в журнале.

Нечего и говорить о том, как ненавистен был Белинскому весь духовный облик издателя «Отечественных записок», для которого и либерализм служил лишь личиной для обделывания своих материальных дел и делишек. Великий критик был чрезвычайно недоволен и тем, что Краевский приглашал к сотрудничеству в журнале сомнительных литераторов, и тем, что он правил его статьи и пытался навязывать ему свои литературные мнения, и тем, что вносил в «Отечественные записки»

оттенок беспринципности, делячества и умеренного либерализма. «Отечественные записки», — писал Белинский Герцену 6 апреля 1846 года, — уже стары, и в них я сам стар, потому что, наладившись раз, как-то против моей воли, иду одною и тою же походкой. Я связан с этим журналом своего рода преданием: привык щадить людей, важных только для него, и вообще держаться тона не всегда моего, а часто тона журнала. Ведь и Рощин не мог же не отразить своей личности в своем журнале. Мне надо отдохнуть, во-первых, для спасения жизни и восстановления (возможного) здоровья, а во-вторых, и для того, чтобы стрясти с сандалий моих прах «Отечественных записок», забыть, что я образовал с ними когда-то сиамских близнецов. Кроме того, у меня на памяти много грехов, наделанных во время оно в «Отечественных записках»... Поверь мне, что все мы в новом журнале будем те же, да не те, и новый журнал не будет «Отечественными записками» не по одному имени. Я надеюсь, что буду издавать журнал. А с Рощиным мне делать нечего. Это страшно ожесточенный эгоист, для которого люди — средство и либерализм — средство... Повторяю: личность его не могла не отразиться на «Отечественных записках», и вот причина, почему в них так много балласту, почему толщину их все ставят в порок и почему, короче, они так гадки, несмотря на участие в них мое и многих порядочных людей».

Как видно, сам Белинский объясняет свой уход из «Отечественных записок» желанием стрясти с ног прах журнала, в котором отразилась личность Краевского, изменить несколько «походку», получить возможность держаться только своего «тона», стремлением издавать журнал, который «не будет «Отечественными записками».

Намерение уйти из «Отечественных записок» с тем, чтобы работать в новом журнале, разделяли с Белинским Некрасов, Панаев и некоторые другие литераторы. И все они исходили именно из желания работать в своем независимом органе и, конечно, помочь при этом Белинскому выйти из материальной нужды. 26 сентября 1846 года И. И. Панаев, извещая Н. Х. Кетчера и других московских «друзей» о том, что он купил у Плетнева «Современник», писал им: «Вы давно хотели иметь журнал свой, независимый. Желание ваше исполнилось. — Дей-

ствуйте же и помогайте нам». [1] О том, что близкие к Белинскому литераторы давно подумывали об уходе из «Отечественных записок» с тем, чтобы «работать соединенно в одном журнале, чуждом всяких посторонних влияний», писал и Белинский Герцену и Боткину. [2]

Но, как известно, когда надо было перейти от слов к делу, от благих пожеланий к действию, многие «друзья» Белинского не захотели оставить «Отечественные записки», и все призывы Панаева и самого Белинского оказались безуспешны. Серьезную помощь оказал «Современнику» только Герцен. Он передал редакции журнала роман «Кто виноват?», первая часть которого печаталась в «Отечественных записках», а его жена одолжила Некрасову деньги, необходимые для покупки «Современника». «Панаев и Некрасов, — писал Герцен жене 5 октября 1846 года, — поглощены «Современником». Все доселе виденное и слышанное мной заставляет меня желать полного успеха». Герцен, Некрасов, Панаев, разделявшие в большей или меньшей степени убеждения Белинского, оказались вместе с ним в «Современнике», а Боткин, Грановский, Кавелин, Галахов, Кудрявцев и другие либералы-западники продолжали активно сотрудничать в журнале Краевского и лишь под сильным нажимом Белинского выступали в «Современнике».

Не случайно, что в связи с переходом Белинского в «Современник» чрезвычайно обостряются его отношения с многими бывшими друзьями. В цитированном письме к Боткину от 4—8 ноября 1847 года он называет Боткина, Грановского, Кавелина и других либеральных москвичей «друзьями-врагами», обвиняет их в беспринципности и расплывчатости убеждений, в том, что они «как будто уговорились» губить «Современник». «Не думал я, — писал Белинский Боткину, — чтобы, приближаясь к сорокалетнему возрасту, мы пойдем врозь и что нас разделит — кто же? — каналья, ничтожный, презренный Краевский!» Белинский, видимо, чувствовал, что Боткин буквально предает его Краевскому. 7 июля 1847 года

---

[1] Письма И. И. Панаева к Н. Х. Кетчеру опубликованы в примечаниях к III тому Писем Белинского под ред. Е. Ляцкого.

[2] См. письма к Герцену от 14 января 1846 года и к Боткину от 4—8 ноября 1847 года.

в письме из Дрездена он иронически поздравляет Боткина «с новым другом» — Краевским.

О Галахове Белинский еще в январе 1846 года отозвался как о «половинчатом человеке», теперь же он характеризует его еще резче. «И как было не надавать Краевскому статей? — писал Белинский Боткину 4—8 ноября 1847 года. — Галахов кланялся, ползал, плакал, умолял, хлопоча о своем отце и командире, благодетеле и покровителе, кормильце и милостивце!»

Ясным становится Белинскому и облик Кудрявцева. «Что за узкое созерцание; что за бедные интересы, что за ребяческие идеалы... — писал о Кудрявцеве Белинский. — Кудрявцев — духовно малолетний, нравственный и внутренний недоросль... Почти все повести Кудрявцева и Галахова посвящены какой-нибудь *барышне*: без посвящения нельзя» (письмо к Боткину от 4 марта 1847 года).

Таким образом, если Боткин, Галахов, Кудрявцев и другие либералы-западники считали Белинского человеком «беспокойным» и «опасным» и радовались его уходу из «Отечественных записок», то и Белинскому разрыв с Краевским во многом раскрыл глаза на истинное лицо «друзей-врагов». В одном только сходились Боткин, Галахов и Кудрявцев с Белинским — в том, что с уходом Белинского и Герцена «Отечественные записки» изменили свое направление и стали органом, как писали Галахов и Кудрявцев, «умеренных мнений» и «спокойного тона» или, как точнее характеризовал Белинский, органом, от которого «несет мертвечиною», в котором «самая полнота и разнообразие утомительны и наводят скуку», потому что «отзываются демьяновой ухой» (письмо к Боткину от 22 апреля 1847 года).

И действительно, уже в 1847 году направление «Отечественных записок» начало изменяться, а скоро журнал и совсем утратил традиции Белинского и стал бесцветным изданием умеренно-либерального характера.

Что же касается преобразованного «Современника», то он выступил как журнал революционно-демократического направления, самый передовой журнал 1840-х годов, пути которого резко разошлись с путями «Отечественных записок». Журнал проводил сквозь препоны

и рогатки цензуры идею о необходимости уничтожения крепостного права, высказывал сочувствие к угнетенному народу и его борьбе за свободу, критиковал капиталистический строй, выражал сочувствие к социализму, ратовал за развитие промышленности, железных дорог, пароходства в России, выступал против религии, горячо защищал просвещение.

Идейным руководителем «Современника» стал Белинский, хотя ему и не пришлось, как он мечтал, стать редактором журнала. Предлагать цензурному ведомству Белинского в качестве редактора и даже соиздателя журнала значило бы погубить «Современник» в самом начале его существования. Белинский считался в правительственных кругах самым неблагонадежным литератором, и об утверждении его главой журнала нечего было и думать. Неблагонадежными людьми были в глазах правительства и Некрасов с Панаевым. Поэтому официальным руководителем «Современника» был приглашен благонамеренный профессор Петербургского университета и цензор А. В. Никитенко. «Ответственным перед правительством редактором, — писал Панаев Кетчеру 26 сентября 1846 года, — взялся быть Никитенко. Без такой гарантии нельзя было в настоящую минуту и приниматься за это дело». «Без Никитенки ничего бы не состоялось», — утверждал он в следующем письме. Но, конечно, Никитенко был только юридическим, а не фактическим редактором «Современника» и являлся, в сущности говоря, не руководителем журнала, а его внутренним цензором и представителем перед правительством. При соглашении с Никитенко Некрасов и Панаев гарантировали себе полную свободу действий. Не пришлось Белинскому стать и пайщиком-соиздателем журнала. Боясь, что в случае смерти Белинского «Современник» окажется в зависимости от претензий его наследников, Некрасов и Панаев сочли это нецелесообразным.[1] Отказ Некрасова включить Белинского в состав «дольщиков» «Современника» вызвал даже некоторое охлаждение со стороны Белинского к Некрасову, но скоро их отношения

---

[1] См. об этом в книге В. Е. Евгеньева-Максимова «Современник» в 40—50 гг.», стр. 79—92.

снова наладились. Некрасов и Панаев не только обеспечили Белинского в материальном отношении, не обременяли его работой и дали ему возможность поехать за границу, но и не предпринимали ни одного серьезного шага в делах, касающихся содержания журнала, без ведома и совета Белинского.

Панаев писал Кетчеру осенью 1846 года, что, приобретая «Современник», он имел в виду «духовно поручить» его Белинскому: «журнал и Белинский нераздельны в моих понятиях». Такова же была и позиция Некрасова. «Никто, кроме Белинского, не был хозяином содержания журнала, пока он мог заниматься», — писал он в 1869 году в одном из черновиков неотправленного письма к Салтыкову-Щедрину. [1]

Фактические данные подтверждают заявления Панаева и Некрасова. Белинский действительно имел решающий голос при определении содержания номеров журнала, при решении вопроса о приглашении тех или иных сотрудников (так, по настоянию его из «Современника» был постепенно вытеснен Н. А. Мельгунов), при обсуждении вопросов, касающихся сокращения или переделок отдельных произведений (так, он вычеркнул в одном из «Парижских писем» Анненкова его суждение о романе Жорж Санд «Лукреция Флориани», потому что ему «была невыносима мысль, что в «Современнике» явится такого рода суждение»). Достаточно перечитать письма Белинского 1847—1848 годов, чтобы увидеть, что он действительно был не просто сотрудником «Современника» на определенном жалованье, а «хозяином содержания журнала». «Я могу делать [в «Современнике»], что хочу, — писал Белинский Боткину 4—8 ноября 1847 года. — Вследствие моего условия с Некрасовым, мой труд больше качественный, нежели количественный; мое участие больше нравственное, нежели деятельное... Не Некрасов говорит мне, что я должен делать, а я уведомляю Некрасова, что я хочу или считаю нужным делать».

Совершенно очевидно, что Белинский был идейным вдохновителем и руководителем «Современника». Выработанные им и Герценом социально-политические, фило-

---

[1] Н. А. Некрасов. Собрание сочинений, т. V, М. — Л., 1930, стр. 456.

софские, литературные взгляды и легли в основу направления журнала.

Таким образом, становится до конца ясным, что в основе ухода Белинского, Герцена, Некрасова, Панаева из «Отечественных записок», решения Некрасова и Панаева взять на себя издание нового журнала и преобразования «Современника» лежат причины не личного, материально-бытового характера, а более существенные и принципиальные. Все эти события были связаны с усилением вражды между представителями революционной демократии и либерально-буржуазного западничества. Соответственно этому «Отечественные записки» и «Современник» стали с преобразованием последнего органами различных направлений: первый — либерального, второй — революционно-демократического. Журнал «Отечественные записки» стал врагом идей Белинского, а «Современник» передал традиции Белинского Чернышевскому и Добролюбову.

2. СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕЛИНСКОГО В ПЕРИОД РАБОТЫ В «СОВРЕМЕННИКЕ»

В литературе о Белинском высказывалось мнение, что в «Современнике» великий критик стал более сдержанно и «спокойно» относиться к идейным врагам, чем в «Отечественных записках», писалось о новой «примирительной тенденции» по отношению к Булгарину, об отказе «от резких обличений» Булгарина, о более терпимом отношении к славянофилам, о новой «тактической линии Белинского по отношению к своим противникам» и т. п.[1]

Такая точка зрения представляется нам совершенно ошибочной. Чтобы Белинский стал более терпимым и мирным, очень хотелось либералам Боткину, Кавелину, Галахову и другим, но, как известно, он в самой решительной форме отвергал любые советы и пожелания такого рода. Когда Боткин в феврале 1847 года упрекнул Белинского в том, что он напрасно рассердился и не совладал с гневом в статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» Гоголя, критик решительно не согласился с ним. «Ты. . . — писал Белинский,— исключаешь нетерпимость из числа великих благородных источников силы и достоинства человеческого. Берегись впасть в односторонность и ограниченность». «Повторяю тебе. . . — сказано в его письме дальше, — останусь гордо и убе-

---

[1] См., например: В. Е. Евгеньев-Максимов. «Современник» в 40—50 гг.», стр. 117, 159, и Н. И. Мордовченко. «Белинский в борьбе за натуральную школу» — «Литературное наследство» № 55, М., 1948, стр. 235.

жденно нетерпимым. И если сделаюсь терпимым — знай, что с той минуты я — кастрат и что во мне умерло то прекрасное человеческое, за которое столько хороших людей (а в числе их и ты) любили меня больше, нежели сколько я стоил того» (письмо от 28 февраля 1847 года).

Как можно после столь прекрасных, определенных слов Белинского говорить о его примирительных тенденциях по отношению к Булгарину и славянофилам? Если Белинский со всею страстью и принципиальностью выступил против реакционных заблуждений своего любимого писателя Гоголя, то с какой стати ему было итти на мировую со славянофилами и Булгариным? Он, разумеется, и не шел. Достаточно хотя бы вспомнить о резком нападении на Булгарина в «Современных заметках» («Современник» 1847, № 3) или о той отповеди, которую дал Белинский Кавелину за то, что тот возражал Самарину, «стоя перед тем на коленях». «Катать их, мерзавцев! — писал Белинский о славянофилах. — И бог вам судья, что вы отпустили живым одного из них, имея его под пятою своею» (письмо к Кавелину от 7 декабря 1847 года).

Такой непримиримостью по отношению к идейно-политическим врагам были проникнуты все выступления Белинского в «Современнике», — не только статья о «Выбранных местах» или «Ответ «Москвитянину», но и «Взгляды на русскую литературу» 1846 и 1847 годов, и «Современные заметки», и другие статьи и рецензии. «Страсть есть источник всякой живой плодотворной деятельности, ею сделано все великое и прекрасное», — писал Белинский в «Ответе «Москвитянину».

Белинский всегда с презрением относился к людям, не имеющим определенных убеждений, кичащимся своим беспристрастием, терпимостью и «беспартийностью». К такого рода «беспристрастным» людям или, как называл их сам Белинский, «индифферентам» он отнес поэта, критика и переводчика Э. Губера, на которого обрушился в «Современных заметках» («Современник» 1847, № 2). «Претензия не принадлежать к партии, — писал Белинский в «Современных заметках», — всегда совпадает с претензией одному видеть ясно безусловную истину, на которую все другие смотрят сквозь тусклые очки парциальных пристрастий; но чистая безусловная истина есть

только логический абстракт; всякая *живая* истина всегда носит на себе отпечаток временного, условного».

Таких беспринципных «примирителей» было немало среди либеральной интеллигенции 1840-х годов, и Белинский всегда с возмущением отзывался об их идейных позициях. Про одного из таких литераторов — Н. Мельгунова — он писал Боткину 22 апреля 1847 года: «По своей натуре он не в состоянии усвоить себе никакого резко определенного, *характеристического* образа мыслей. Он *примиритель;* московский Одоевский. Он чуть не плачет, когда у нас при нем Шевырева называют подлецом (я сам был свидетелем этому), и я уверен, что он тоже чуть не плачет, когда Шевырев при нем честит меня посвоему. Ему хотелось бы всех нас свести и помирить. Он не понимает антипатии убеждений и натур. Поэтому роль его жалка: обе крайние стороны смотрят на него, как наполовину своего, а в сущности ничьего. Это отражается и в его статьях: он хлопочет, чтобы в них не было односторонности, пристрастных убеждений, нетерпимости, узкости в созерцании и понятиях, — а достигает только того, что в них нет закваски, крепости, что они бесцветны, ни то, ни се».

Таким образом, мнение о том, что Белинский в «Современнике» стал более терпимым к своим врагам, не выдерживает никакой критики. Не меняют дела и ссылки на заявления Белинского (в частности, в программном «Взгляде на русскую литературу 1846 года») о том, что «Современник» отказывается от «вражды», что он «будет иметь дело только с книгами и мнениями, а не с авторами и лицами».

О какой вражде шла речь? Совершенно ясно, что о вражде, основанной на личных мотивах, продиктованной конкуренцией, о мелкой литературной грызне, беспринципном захваливании «своих» и охаивании «чужих» писателей, что бы и как бы они ни писали. Такую вражду привносил в «Отечественные записки» Краевский, от такой вражды, по заявлению Белинского, отказывался «Современник».

«Имея свое определенное направление, свои горячие убеждения, которые нам дороже всего на свете, мы тоже готовы защищать их всеми силами нашими и вместе с тем противоборствовать всякому противоположному

направлению и убеждению», — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года». Но, — добавлял он, — мы «не имеем никакой нужды враждовать и сердиться, смешивать идеи с лицами и вместо благородной и позволенной борьбы мнений заводить бесполезную и неприличную борьбу личностей и самолюбий».

Такой высоко принципиальной, идейной, свободной от всякого рода личных пристрастий и была деятельность Белинского в «Современнике». Белинский не только не отказался от борьбы со своими «противниками», но усилил ее, решительно защищая интересы русского народа, беспощадно разоблачая всех врагов прогресса.

Обобщением основных идей, высказанных Белинским в «Современнике», является его знаменитое зальцбруннское письмо к Гоголю. По свидетельству Анненкова, Герцен назвал это письмо «завещанием» Белинского. По словам В. И. Ленина, оно подводило «итог литературной деятельности Белинского. . .»[1] Написанное за границей без оглядки на царскую цензуру и русских почтовых чиновников, письмо к Гоголю *открыто* формулировало те самые задушевные мысли и чувства Белинского, которые в журнальных статьях и рецензиях он должен был часто высказывать вполголоса, намеками, между строк, не договаривая до конца. Поэтому оно является как бы ключом к статьям Белинского в «Современнике», без обращения к которому они могут остаться непонятыми до конца.

История возникновения письма Белинского к Гоголю известна. В самом конце 1846 года вышла книга Гоголя «Выбранные места из переписки с друзьями». В ней писатель выступил как защитник самодержавия, православия и крепостного права, как «проповедник кнута, апостол невежества, поборник обскурантизма и мракобесия, панегирист татарских нравов». Гоголь порицал в своей книге «Ревизора» и «Мертвые души», нападал на передовые течения общественной мысли, осуждал почитателей своих прежних произведений, в особенности Белинского.

«Выбранные места» были встречены с восторгом реакционерами и мракобесами. Их приветствовали Булгарин и Сенковский, Вяземский и Шевырев. Все они использо-

---

[1] В. И. Ленин, Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

вали книгу Гоголя для травли Белинского и натуральной школы в литературе, для нападения на идеи революции, социализма, материализма.

Белинский сразу без колебаний занял по отношению к «Переписке» определенную позицию. Его не остановил высокий литературный авторитет Гоголя, перед которым он преклонялся. Он написал о «Выбранных местах» резко отрицательную статью для февральской книжки «Современника» за 1847 год. Но, разумеется, в подцензурной статье Белинский не мог высказаться о вопросах, поднятых Гоголем, с полной откровенностью. «Природа осудила меня лаять собакою и выть шакалом, а обстоятельства велят мне мурлыкать кошкою, вертеть хвостом по-лисьи. . . — жаловался он по этому поводу Боткину. — Статья о гнусной книге Гоголя могла бы выйти замечательно хорошею, если бы я в ней мог, зажмурив глаза, отдаться моему негодованию и бешенству». Белинский сообщал далее, что Никитенко и цензоры вычеркнули целую треть его статьи (письмо от 28 февраля 1847 года).

Тем не менее выступление Белинского в «Современнике» произвело сильное впечатление. Гоголь даже счел необходимым обратиться к Белинскому с письмом, в котором упрекал его за чрезмерно суровый отзыв о «Выбранных местах». «Вы взглянули на мою книгу глазами рассерженного человека», — писал Гоголь.

Белинский получил это письмо Гоголя, когда находился в Зальцбрунне на лечении. Он решил ответить Гоголю: «нельзя умолчать, когда под покровом религии и защитою кнута проповедуют ложь и безнравственность как истину и добродетель». «Тут дело идет, — писал Белинский Гоголю, — не о моей или вашей личности, а о предмете, который гораздо выше не только меня, но даже и вас: дело идет об истине, о русском обществе, о России».[1] Понимая, что его письмо по своему значению выходит далеко за пределы частной переписки и представляет собой сильнейший удар по самодержавно-крепостническому строю и всей системе реакционной идеологии, Белинский, переписывая письмо, снял с него копию для себя.

---

[1] Письмо Белинского к Гоголю и здесь и дальше цитируется по тексту, установленному в статье К. Богаевской «Письмо Белинского к Гоголю» — «Литературное наследство» № 56, М., 1950.

В письме к Гоголю Белинский с необычайной страстью, яркостью и глубиной высказал свои революционно-демократические и материалистические убеждения. Лейтмотивом письма является непримиримая ненависть к самодержавию, крепостному праву, церкви и религии. К уничтожению этих главных устоев царской России, к коренным общественным преобразованиям призывало письмо не только своим содержанием, но и самым тоном, негодующим, гневным, революционным. «Вспомните знаменитое «Письмо к Гоголю» Белинского, — говорил А. А. Жданов, — в котором великий критик со всей присущей ему страстностью бичевал Гоголя за его попытку изменить делу народа и перейти на сторону царя». [1]

Прежде всего и сильнее всего гениальное письмо к Гоголю било по крепостному праву. Крепостническая Россия, по словам Белинского, «представляет собою ужасное зрелище страны, где люди торгуют людьми, не имея на это и того оправдания, каким лукаво пользуются американские плантаторы, утверждая, что негр — не человек; страны, где люди сами себя называют не именами, а кличками: Ваньками, Стешками, Васьками, Палашками; страны, где, наконец, нет не только никаких гарантий для личности, чести и собственности, но нет даже и полицейского порядка, а есть только огромные корпорации разных служебных воров и грабителей».

Беспощадно разоблачал Белинский в своем письме церковь и религию. Православная церковь, по мнению Белинского, является «поборницею неравенства», «опорою кнута и угодницей деспотизма». «Неужели же и в самом деле вы не знаете, — писал Белинский, — что наше духовенство находится во всеобщем презрении у русского общества и русского народа? Про кого русский народ рассказывает похабную сказку? Про попа, попадью, попову дочь и попова работника... Не есть ли поп на Руси для всех русских представитель обжорства, скупости, низкопоклонничества, бесстыдства? И будто всего этого вы не знаете? Странно! По-вашему, русский народ — самый религиозный в мире: ложь! Основа религиозности

---

[1] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, стр. 23.

есть пиэтизм, благоговение, страх божий. А русский человек произносит имя божие, почесывая себе задницу. Он говорит об образе: *годится — молиться, не годится — горшки покрывать*. Приглядитесь пристальнее, и вы увидите, что это по натуре глубоко атеистический народ. В нем еще много суеверия, но нет и следа религиозности».

Сокрушительные удары наносило письмо к Гоголю самодержавию. Русский народ, по мнению Белинского, не только атеистичен и смеется над попами, но и далек от каких-либо верноподданнических чувств к своим царям. «Не буду распространяться о вашем дифирамбе любовной связи русского народа с его владыками, — писал он. — Скажу прямо: этот дифирамб ни в ком не встретил себе сочувствия и уронил вас в глазах даже людей, в других отношениях очень близких к вам по их направлению. Что касается до меня лично, предоставляю вашей совести упиваться созерцанием божественной красоты самодержавия (оно покойно, да, говорят, и выгодно для вас); только продолжайте благоразумно созерцать ее из вашего *прекрасного далека*: вблизи-то она не так красива и не так безопасна...»

В письме к Гоголю Белинский указал и на важнейшие задачи, которые стоят перед Россией. «Вы не заметили, — писал он, — что Россия видит свое спасение не в мистицизме, не в аскетизме, не в пиэтизме, а в успехах цивилизации, просвещения, гуманности. Ей нужны не проповеди (довольно она слышала их!), не молитвы (довольно она твердила их!), а пробуждение в народе чувства человеческого достоинства, столько веков потерянного в грязи и навозе, — права и законы, сообразные не с учением церкви, а с здравым смыслом и справедливостью... Самые живые, современные национальные вопросы в России теперь: уничтожение крепостного права, отменение телесного наказания, введение по возможности строгого выполнения хотя тех законов, которые уже есть. Это чувствует даже само правительство (которое хорошо знает, что делают помещики со своими крестьянами и сколько последние ежегодно режут первых), что доказывается его робкими и бесплодными полумерами в пользу белых негров и комическим заменением однохвостого кнута треххвостою плетью».

Все это ближайшие задачи, которые, по мнению Белинского, стоят перед Россией. Что же касается будущего русского народа, то Белинский верил в то, что оно будет прекрасным и великим. Великий демократ высоко ценил творческие способности русского народа, его ясный и трезвый ум. «Мистическая экзальтация вовсе не в его натуре, — писал он о русском народе, — у него слишком много для этого здравого смысла, ясности и положительности в уме: и вот в этом-то, может быть, и заключается огромность исторических судеб его в будущем». Целью человечества является осуществление идеала свободы, равенства и братства, открытого, по мнению Белинского, философским движением прошлого века, т. е. философией просвещения и материализма.

Свои надежды Белинский возлагает на русский народ, в котором «кипят и рвутся наружу свежие силы». Огромную роль в борьбе за освобождение русского народа от власти помещиков, самодержавия и религии, за его прекрасное будущее должна, по мнению Белинского, сыграть русская литература. Говоря в письме Гоголю, что рвущиеся наружу силы русского общества сдавлены тяжелым гнетом, Белинский писал: «Только в одной литературе, несмотря на татарскую цензуру, есть еще жизнь и движение вперед. Вот почему звание писателя у нас так почтенно». Именно поэтому Белинский так резко напал на реакционную книгу Гоголя и был рад, что она не имела никакого успеха у читателей. «И публика тут права, — писал Белинский, — она видит в русских писателях своих единственных вождей, защитников и спасителей от мрака самодержавия, православия и народности, и потому, всегда готовая простить писателю плохую книгу, никогда не прощает ему зловредной книги». В просвещении народа, в подготовке его к борьбе за свое освобождение видел Белинский главную задачу русской литературы.

Письмо Белинского к Гоголю очень быстро распространилось по России в многочисленных рукописных списках и сразу же было всеми воспринято как революционный манифест, призывающий к уничтожению крепостничества и самодержавия. Царское правительство жестоко преследовало всех тех, кто читал и распространял письмо. Чтение письма к Гоголю в кружке петра-

шевцев было одним из самых тяжелых обвинений против Достоевского, приговоренного к смертной казни, замененной позднее десятью годами каторги.

Свое революционное значение письмо Белинского к Гоголю сохраняло в России вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции. В. И. Ленин в 1914 году писал, что оно «было одним из лучших произведений бесцензурной демократической печати, сохранивших громадное, живое значение и по сию пору». [1]

Неудивительно, что либералы — злейшие враги революции и социализма — с такой злобой напали на письмо Белинского к Гоголю в печально знаменитом сборнике «Вехи». Письмо Белинского к Гоголю, по их мнению, являлось будто бы «классическим выражением интеллигентского настроения», после него «история нашей публицистики... в смысле жизненного разумения — сплошной кошмар».

Разоблачая «Вехи» как «сплошной поток реакционных помоев, вылитых на демократию», [2] В. И. Ленин взял под защиту Белинского и указал на источники, которые рождали силу и страсть знаменитого письма к Гоголю: «Или, может быть, по мнению наших умных и образованных авторов, настроение Белинского в письме к Гоголю не зависело от настроения крепостных крестьян? История нашей публицистики не зависела от возмущения народных масс остатками крепостнического гнета?» [3]

Ненависть русского крепостного крестьянства к самодержавию, крепостному праву и церкви, его чаяния и надежды, его революционный дух отразило в себе письмо Белинского к Гоголю. Оно и было подлинной программой журнала «Современник» при Белинском и определяло направление всех выступлений самого Белинского в журнале. Идеи письма к Гоголю Белинский проводил сквозь цензурные рогатки. Недаром же в анонимных доносах утверждалось, что в статьях Белинского и его последователей в «Современнике» «есть что-то похожее на коммунизм, а молодое поколение может от них сделаться

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 223—224.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 16, стр. 112.
[3] Там же, стр. 108.

вполне коммунистическим», что их целью является «потрясение основ». Недаром же шеф жандармов гр. Орлов в докладе на имя царя предлагал, чтобы «Современник», «особенно статьи Белинского были прежде отпечатания подвергаемы наистрожайшему просмотру цензоров», а «меньшиковский комитет» нашел, что в статье Белинского «Взгляд на русскую литературу 1847 года» рассуждения по поводу слова «прогресс» выходят за пределы литературы.

Поэтому неверно мнение В. Е. Евгеньева-Максимова, который в своей работе «Современник» в 40—50 гг.» утверждает, что Белинский в «Современнике» «обнаружил тенденцию эволюционировать скорее направо, чем налево» (стр. 126) и что «правильный анализ идеологических основ программы «Современника» дал Боткин в письме к Анненкову от 20 ноября 1846 года, где он на разные лады выдвигал значение «промышленных интересов» (стр. 113—114).

Ссылки В. Е. Евгеньева-Максимова на «сочувственные отзывы» Белинского о правительстве Николая I в письме к Анненкову от начала декабря 1847 года и в рецензии на «Сельское чтение» («Современник» 1848, № 1) не могут служить сколько-нибудь убедительными доказательствами. Сообщая Анненкову о начинаниях правительства по крестьянскому вопросу, Белинский отнюдь не был уверен в их практическом осуществлении. «Конечно, несмотря на все, дело это может опять затихнуть», — писал он. С другой стороны, Белинский понимал вынужденный характер мероприятий правительства и видел, что или правительство освободит крестьян, или они сами сметут крепостное право, и тогда крестьянский вопрос «решится сам собою, другим образом, в 1000 раз более неприятным для русского дворянства. Крестьяне сильно возбуждены, спят и видят освобождение». Таков смысл письма к Анненкову. Что же касается рецензии на «Сельское чтение», то ее цель доказать необходимость уничтожения крепостного права, и поскольку Белинский решился открыто заговорить на такую недозволенную тему, он не мог не отдать дань официальной фразеологии.

По поводу же утверждения В. Е. Евгеньева-Максимова о том, что идеологические основы «Современника»

будто бы правильно определены в лозунгах Боткина: «лицом к практической жизни» и «лицом к промышленным интересам», следует заметить, что у Белинского и редакции «Современника» эти лозунги вызвали решительные возражения. «Скажу тебе правду, — писал Боткину Белинский 29 января 1847 года, — твое новое практическое направление, соединенное с враждою ко всему противоположному, произвело на всех нас равно неприятное впечатление, на меня первого».

Если письмо Белинского к Гоголю можно в известном смысле считать программой «Современника», только не предназначавшейся для печати, то «Взгляд на русскую литературу 1846 года» — первая из статей критика, опубликованная в «Современнике», — был программой журнала, обращенной к читателю. «Главная цель нашей статьи — познакомить заранее читателей «Современника» с его взглядом на русскую литературу, следовательно, с его духом и направлением как журнала», — писал Белинский. «Взгляд на русскую литературу 1846 года» наметил те положения, которые развивал Белинский в своих статьях и рецензиях, печатавшихся в «Современнике», определил тех идейных врагов, с которыми он боролся до конца жизни.

Прежде всего, и во «Взгляде на русскую литературу 1846 года», и в большой статье «Ответ «Москвитянину», и в других статьях и рецензиях, напечатанных в «Современнике», Белинский продолжает непримиримую борьбу со славянофилами, начатую еще в «Отечественных записках». Славянофильство для Белинского — идеология дворянской реакции, ничем существенным не отличающаяся от официальной народности «Москвитянина» и даже направления «Маяка».

В одной из своих статей Белинский писал, что поэт и критик Губер «очень справедливо сравнивает славянофильскую партию в России с романтическою партиею в Германии, стоявшею за средние века и тевтонизм и ненавидевшею Францию и все французское; кроме ратования за мертвое начало, между обеими партиями, русскою и немецкою, есть еще то общее, что они не имеют важного значения вне литературного, книжного мира» («Современные заметки»).

Основное обвинение, которое предъявляет Белинский славянофилам, заключается в том, что они вместо того, чтобы вести русский народ по пути прогресса, вперед, пытаются тянуть его назад, «к общественному устройству и нравам времен не то баснословного Гостомысла, не то царя Алексея Михайловича» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»). Иначе говоря, славянофилы выступают (Белинский не мог это сказать более ясно по цензурным условиям) как защитники крепостных отношений, самодержавия и православия. Сквозь запутанные социально-исторические и философские построения славянофилов Белинский видел их феодально-крепостническую сущность.

С полным основанием он относил славянофилов к тем врагам прогресса, которым «хотелось бы уверить и себя и других, что застой лучше движения, старое всегда лучше нового и жизнь задним числом есть настоящая, истинная жизнь, исполненная счастия и нравственности» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Сам Белинский был горячим сторонником прогресса (во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» он не случайно посвятил несколько страниц защите этого слова) и как диалектик прекрасно понимал, что в борьбе старого и нового, застоя и движения, прошедшего и будущего победа рано или поздно будет за новым, за будущим.

«Странное направление! — писал Белинский о славянофилах. — Мы нисколько не принадлежим к безусловным почитателям современных нравов русского общества, не менее всякого другого видим их странности и недостатки и желаем их исправления. Как и у славянофилов, у нас есть свой идеал нравов, во имя которого мы желали бы их исправления, но наш идеал не в прошедшем, а в будущем, на основании настоящего. Вперед итти можно, назад нельзя, и что бы ни привлекало нас в прошедшем, оно прошло безвозвратно» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Совершенно очевидно, что, говоря о «современных нравах», нуждающихся в исправлении, Белинский имел в виду больше всего крепостное право, а идеал видел в освобождении народа от экономического и политического угнетения, в развитии промышленности и культуры России. Указывая в рецензии на «Сельское чтение»

на неурожаи и нищету в России, на то, что в этом заключается «настоящее наше зло», Белинский писал: «А какие его причины? — невежество, старые закоренелые привычки и предрассудки, *ложные начала, на которые опирается наше земледелие*,[1] неразвитость или, лучше сказать, почти несуществование той промышленности, которой потребителем должна б быть масса народа, затруднительность сообщений».

Другое обвинение, которое предъявлял Белинский славянофилам, заключается в том, что они пропагандируют ложную народность, искажают облик русского народа, идеализируют исторические предрассудки русского крестьянства и тем самым опять выступают как защитники отсталости и реакции. По мнению Белинского, славянофилы недалеко ушли от квасных патриотов, которые «смешали с народностью старинные обычаи, сохранившиеся теперь только в простонародье, и не любят, чтобы при них говорили с неуважением о курной и грязной избе, о редьке и квасе, даже о сивухе» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»). В «Ответе «Москвитянину» Белинский убедительно показал, что славянофилы с таким недоброжелательством относятся к произведениям писателей натуральной школы из крестьянской жизни именно потому, что в этих произведениях правдиво изображаются тяжелая жизнь русского крестьянства, его невежество, предрассудки и некультурность, как следствие крепостнического угнетения, политического бесправия, власти помещиков, чиновников и попов. Славянофилам — защитникам старины, «патриархальных» феодальных отношений, православия, естественно, такое изображение жизни русского крестьянства было не по вкусу.

Национальными чертами русского народа славянофилы считали смирение и покорность. Белинский справедливо указывал по этому поводу на неисторический, недиалектический характер мышления славянофилов, которые черты, сказывающиеся лишь «в известных случаях», принимают за безусловные, вечные, внеисторические. Он совершенно неопровержимо доказывал, что подобные представления о русском народе «не

---

[1] Курсив мой. — *А. Л.*

совсем уживаются с историческими фактами». «Как-то странно видеть в смирении причину, по которой ничтожное Московское княжество сделалось впоследствии сперва Московским царством, а потом Российскою империею», — писал он. Некоторые славянофилы, — иронизировал Белинский, — даже утверждают, «что слезами, а не кровью, отделались мы не только от татар, но и от нашествия Наполеона» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Приписывая русскому народу несвойственные ему черты, прикрашивая его предрассудки, славянофилы неизбежно доходили до отрицания необходимости распространения просвещения и образования среди крестьянства. По их мнению, образованная часть общества должна не учить простой народ, а лишь учиться у него. «Стоит только делать всем то, что делает народ, не отставать от него ни в чем — и все пойдет хорошо, больше не о чем будет и заботиться, — излагает Белинский точку зрения этих «мистических философов». — Само собою разумеется, что всякая попытка на распространение просвещения и образования в народе в их глазах есть ни больше, ни меньше, как святотатственное посягательство на здоровье и честь народной жизни».

У великого революционного просветителя и демократа Белинского такая точка зрения не могла вызвать ничего, кроме негодования. В рецензии на «Сельское чтение», где он разоблачал «мистических философов», Белинский утверждал, что просвещение должно итти к народу от тех представителей имущих классов, «которым обеспеченное положение и присвоенные права давали возможность обратить свою деятельность на предметы умственные». «Ошибаются те, которые думают, что народ нисколько не нуждается в уроках образованных классов и что он может от них только портиться нравственно. Нет, господа мистические философы, нуждается, да еще как! .. — писал Белинский. — Просвещение и образование никогда не могут лишить народ его силы и очень могут исправить или по крайней мере смягчить его недостатки».

В отрицательном отношении к просвещению народных масс славянофилы приближались к самым оголтелым реакционерам, вроде издателя «Маяка» Бурачка.

В «Выбранных местах из переписки с друзьями» и Гоголь высказался в том смысле, что простому народу грамота не только не полезна, но положительно вредна, что народ и сам не любит грамоты. Возмущению Белинского не было границ. Отвечая автору «Выбранных мест», славянофилам и сторонникам официальной народности, он писал о «глубокой потребности, какую чувствует народ в грамотности», и советовал Гоголю «поприглядеться к нашему народу». Тогда, — утверждал Белинский в статье о «Выбранных местах»,— он «увидел бы, как часто бородатые русские мужички ничего не жалеют для обучения детей своих грамоте и достигают иногда этой цели при всевозможной бедности в средствах. . . Да, эта любовь к свету, выразившаяся в пословице: *ученье — свет, неученье — тьма*, составляет одно из лучших и благороднейших свойств русского народа, — и это-то свойство до сих пор не признано в нем его близорукими восхвалителями и льстецами, которые взамен того навыдумывали для него множество похвальных качеств, или не бывалых в нем, или составляющих еще его темную сторону».

Белинский решительно отвергал претензии славянофилов на особую с их стороны любовь к народу. Когда Самарин обвинил натуральную школу в том, что в своих произведениях она «не обнаружила никакого сочувствия к народу» и клевещет на него, а Хомяков объявил, что в нем чувство любви к отечеству «невольное и прирожденное», Белинский спрашивал читателей «Современника»: «Где, когда, какими книгами, сочинениями, статьями доказали они, что они больше других знают и любят русский народ?»

Отвергал Белинский и претензии славянофилов на то, что их «учение одно истинно русское, национальное», что они являются настоящими патриотами, а их противники из «партии» Белинского оторвались от родины. Когда славянофилы на этом основании охотно стали именовать себя «московским направлением», Белинский сразу разгадал их попытку прикрыться именем Москвы— «представительницы и хранительницы русской народности» — и заявил, что как ни хлопочут славянофилы, им не удастся «смешать с Москвою какой-нибудь литературный кружок. Москва велика, и как ни надувайтесь, а все с нее не будете ростом, только повредите вашему

здоровью и будете смешны», — писал он в «Ответе «Москвитянину».

Беспощадно критикуя славянофилов, Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» отметил и некоторое положительное значение их выступлений. Это объясняется отчасти тем, что в этой статье Белинский (как это будет показано ниже) решительно выступил против низкопоклонства либералов перед Западной Европой. По словам Белинского, «нельзя не согласиться хотя наполовину» с тем, что славянофилы «говорят против русского европеизма». Главная же «важность» славянофильства, по мнению Белинского, «чисто отрицательная» и заключается в «оправдании и утверждении той идеи», с которой славянофилы борются. Но, конечно, относительные заслуги славянофилов были несравнимы в глазах Белинского с их отрицательными сторонами, их ошибочными, реакционными взглядами на прошлое, настоящее и будущее России и Западной Европы.

Великолепно понимал и чувствовал Белинский классовую — дворянскую, барскую — природу славянофильства. В «Ответе «Москвитянину» он писал, что публика сумеет увидеть разницу между ним — Белинским — «человеком, у которого литературная деятельность была призванием», и Самариным — «каким-нибудь баричем, который изучал народ через своего камердинера и думает, что любит его больше других, потому что сочинил или принял на веру готовую о нем мистическую теорию, который, между служебными и светскими обязанностями, занимается также и литературою в качестве дилетанта и из году в год высиживает по статейке, имея вдоволь времени показаться в ней умным, ученым и, пожалуй, талантливым».

Выступая против славянофилов, Белинский лишь продолжал ту линию общественно-политической борьбы, которую он вел в «Отечественных записках». Но были в статьях и рецензиях Белинского в «Современнике» и новые идеи, каких он столь определенно и развернуто не высказывал раньше, идеи, представляющие огромный интерес, смысл которых полностью раскрылся только в наше время. Это идеи, связанные с борьбой Белинского против низкопоклонства перед буржуазной Западной Европой, против космополитизма, против либералов-западни-

ков и «патриотов без отечества». Выступления Белинского в этом направлении уже в 1847 году обнажили пропасть между революционно-демократическим «Современником» и буржуазно-либеральными «Отечественными записками».

Борьба против космополитизма и низкопоклонства перед буржуазной цивилизацией стала для Белинского в последние годы его жизни весьма актуальной и важной задачей. Дело в том, что идеология буржуазного либерализма выступала все определенней, и все больше среди интеллигенции (в том числе и среди людей, знакомых и близких Белинскому) становилось «решительных европейцев», с восторгом взиравших на буржуазные порядки Западной Европы и с презрением относившихся к русскому народу. Боткин, съездив в Европу, по словам Белинского, «заразился европейским развратом, а великие европейские идеи пропустил мимо ушей»; Кавелин обвинял Белинского в славянофильстве, Грановский, Анненков, Корш восхваляли буржуазию, разные «критики-аристократы» с презрением писали о русском крестьянстве. Даже В. Майков со страниц «Отечественных записок» утверждал, что «единственный для России путь к развитию» это «усвоение европейской цивилизации».

Надо было всему этому дать отпор. Вот почему Белинский и во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» и в других статьях и рецензиях, напечатанных в «Современнике», ведет борьбу на два фронта: против славянофилов и против либералов-западников. «Одни бросились в фантастическую народность, другие — в фантастический космополитизм, во имя человечества», — писал он во «Взгляде на русскую литературу 1846 года». Несколько позднее ту же мысль в еще более решительной форме Белинский выразил в письме к Кавелину от 22 ноября 1847 года: «Терпеть не могу я восторженных патриотов, выезжающих вечно на междометиях или на квасу да каше; ожесточенные скептики для меня в 1000 раз лучше, ибо ненависть иногда бывает только особенною формою любви, но, признаюсь, жалки и неприятны мне спокойные скептики, абстрактные человеки, беспачпортные бродяги в человечестве».

Белинского до глубины души возмущало низкопоклонство перед всем иностранным. «Пора нам, — писал он, — перестать восхищаться европейским потому только,

что оно не азиатское, но любить, уважать его, стремиться к нему потому только, что оно *человеческое*, и на этом основании все европейское, в чем нет человеческого, отвергать с такою же энергиею, как и все азиатское, в чем нет человеческого» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Когда А. Григорьев в одной из своих статей в «Московском городском листке» взял под свою защиту от критики «Современника» А. Дюма, Белинский писал, что «рыцарское негодование» газетки «привело нас в сильное раздумье вообще насчет нашего так называемого европеизма. В самом деле, есть о чем подумать! Мы еще до сих пор не отстали от простодушной привычки повергаться во прах перед всякою знаменитостью, лишь бы она была европейская» (рецензия на «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя» — «Современник» 1847, № 5).

Особенно содержательна полемика Белинского против «гуманического космополитизма» В. Майкова. В своих статьях, печатавшихся в 1846—1847 годах в «Отечественных записках», Майков выступил как убежденный сторонник космополитизма. В статье о Кольцове В. Майков, возражая Белинскому, видевшему в творчестве Кольцова яркое проявление русского национального характера, писал: «Мы убеждены, что человек, которого можно назвать типом какой бы то ни было нации, никак не может быть не только великим, но даже и обыкновенным». Великих людей Майков отрывал от нации. По его мнению, национальные черты и особенности — это всегда недостатки, пороки. Национальному Майков резко противопоставлял общечеловеческое — источник добродетели и прогресса. Человек, по его словам, принадлежит к «разряду существ однородных, называемых людьми, а не французами, не немцами, не русскими, не англичанами», а «истинная цивилизация всего-навсего одна, как одна на свете истина, одно добро».

В связи с этим Майков делил нацию на большинство — грубое, неподвижное, неразумное — и меньшинство, являющееся носителем общечеловеческой цивилизации. Несомненно, что за всеми этими рассуждениями Майкова скрывались преклонение перед Западной Европой и неверие в силу русского народа.

Белинский ответил Майкову во «Взгляде на русскую литературу 1846 года». Он решительно возражал против «гуманического космополитизма» Майкова и антисоциального понимания им личности. «Разделить народное и человеческое на два совершенно чуждые, даже враждебные одно другому начала значит впасть в самый абстрактный, в самый книжный дуализм», — справедливо утверждал Белинский.

С огромной силой отстаивает Белинский национальное своеобразие народов, их право на самобытность. «Без национальностей человечество было бы мертвым логическим абстрактом, словом без содержания, звуком без назначения. В отношении к этому вопросу я скорее готов перейти на сторону славянофилов, нежели оставаться на стороне гуманических космополитов... Но к счастью, — прибавлял Белинский, — я надеюсь остаться на своем месте, не переходя ни к кому...»

Противопоставление гения нации и толпе также вызвало решительное возражение со стороны Белинского. «Великий человек всегда национален, как его народ, ибо он потому и велик, что представляет собою свой народ... Что в народе бессознательно живет как возможность, то в гении является как осуществление, как действительность». В связи с этим Белинский окончательно опровергал метафизическую теорию Майкова о борьбе национального и человеческого. «Собственно говоря, борьба человеческого с национальным есть не больше, как риторическая фигура; но в действительности ее нет... То, что называют резонеры *человеческим,* противополагая его *национальному,* есть, в сущности, *новое,* непосредственно и логически следующее из *старого,* хотя бы оно и было его чистым отрицанием».

Несколько позднее Белинский в статье о «Московском сборнике» («Современник» 1847, № 5), критикуя славянофилов, снова нашел нужным решительно осудить «гуманических космополитов». «Кто хвалится любовью к человечеству, — писал он, — и говорит, что ему все равно, что свое отечество, что всякая другая страна, о том нельзя сказать, чтобы он был вовсе чужд любви, но можно сказать, что в нем мало любви, ибо чем любовь всеобъемлющее, тем она безразличнее, а чем безразличнее, тем слабее... И с этой точки зрения космо-

политизм есть чувство ложное и даже подозрительное как чувство, потому что его источник скорее голова, нежели сердце».[1]

Как видно, Белинский в споре с Майковым обнаружил и уменье применить диалектический метод к явлениям действительности и глубокое понимание истории. Благодаря этому он наголову разбил теорию космополитизма Майкова.

Еще более глубоким мыслителем оказался Белинский в решении вопроса об исторической роли буржуазии. В нашей литературе уже указывалось, что «в характеристике буржуазии как исторического явления, в характеристике буржуазии, борющейся за власть и торжествующей, в характеристике буржуазии как «последнего зла» — он вплотную подходит к историко-философским идеям Маркса и Энгельса».[2]

Высоко ценя лучшие достижения передовой европейской культуры, Белинский в то же время чрезвычайно отрицательно относился к капиталистическому строю, к буржуазии. Во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» Белинский, полемизируя с Майковым, говоря о том, что «меньшинство скорее может выражать собою более дурные, нежели хорошие стороны национальности», сослался на господствующее сословие Франции — «bourgeoisie». Несколько позднее, в мартовской книжке «Современника» за 1847 год, в статье по поводу романа Е. Сю «Тереза Дюнойе» и нескольких других иностранных романов подобного рода, он дал блестящую характеристику веку буржуазии: «Он вовсе не рыцарь, не думает нисколько ни о добродетели, ни о морали, ни о чести и весь погружен в *приобретение*, или, как у нас ловко выражаются в *благоприобретение*; правда, он

---

[1] Принадлежность этой статьи Белинскому доказывает Е. Кийко, перепечатавшая ее в сборнике «Белинский. Статьи и материалы», изд. Ленинградского гос. университета, 1949. Доводы Е. Кийко нельзя считать до конца убедительными, хотя авторство Белинского (или его участие в написании статьи) весьма вероятно. Интересно сопоставить приведенную цитату с письмом Белинского к Боткину от 4—8 ноября 1847 г., где дается такая же оценка «всеобщей любви, равно на всех простирающейся».

[2] См. статью Д. Заславского «К вопросу о политическом завещании Белинского» — «Литературное наследство» № 55, М., 1948.

торгаш, алтынник, спекулянт, разжившийся всеми неправдами, откупщик... Он, видите ли, лучше своих предшественников смекнул, на чем стоит и чем держится общество, и ухватился за принцип собственности, впился в него и душою и телом и развивает его до последних следствий, каковы бы они ни были». И дальше, говоря о Е. Сю, А. Дюма, об их «методах» литературной работы, Белинский замечает: «Итак, здоровье, талант, литературная репутация — все принесено в жертву деньгам!» Недаром же эта статья так не понравилась защитнику «промышленных интересов» Боткину. [1]

Пятимесячное пребывание в 1847 году в Германии, Бельгии и Франции еще более углубило представление Белинского о буржуазии и установленных ею порядках. Он увидел нищету и безработицу пролетариата, грандиозные аферы банкиров и промышленников, жил в Париже за несколько месяцев до революции 1848 года, читал сочинения французских социалистов, участвовал в политических спорах Герцена, Анненкова, Сазонова по вопросу о роли и значении буржуазии. [2]

Отголоском этих парижских споров явился отзыв Белинского о «Письмах из Avenue Marigny» Герцена (печатавшихся в «Современнике») во «Взгляде на русскую литературу 1847 года». Белинский писал, что «Письма из Avenue Marigny» были встречены некоторыми читателями с неудовольствием, другими — с одобрением, сам же он относится к ним положительно, хотя во многом и не согласен с их автором.

О чем же шла речь в «Письмах» Герцена, кто отнесся к ним с неудовольствием, кто с одобрением и какова была позиция Белинского? Письма Белинского и некоторые другие материалы дают возможность получить на все эти вопросы исчерпывающие ответы.

В «Письмах из Avenue Marigny» Герцен яростно нападал на буржуазию. «Буржуазия, — писал он, — не

[1] Более подробно об отношении Белинского к А. Дюма и другим буржуазным писателям см. в статье В. Г. Титовой «Белинский о французской буржуазно-апологетической литературе» — «Ученые записки Новосибирского педагогического института», вып. 7, серия историко-филологическая, 1948.

[2] См. об этом в указанной статье Д. Заславского.

имеет великого прошедшего и никакой будущности... Она теперь уже чувствует в груди своей начало и тоску смертельной болезни, которая непременно сведет ее в могилу». Эти мысли довел до крайности М. Бакунин, заявивший: «Избави бог Россию от буржуази».[1]

Отрицательно отнесся к «Письмам» Герцена и взял под свою защиту буржуазию Боткин, который к этому времени стал законченным буржуазным либералом, позитивистом, врагом социализма и защитником «промышленных интересов». «Как же не защищать ее, — писал Боткин Анненкову 19 июля 1847 года, — когда наши друзья со слов социалистов представляют эту буржуазию чем-то вроде гнусного, отвратительного, губительного чудовища, пожирающего все прекрасное и благородное в человечестве?» И в другом письме 19 октября 1847 года: «Не могу не прибавить: дай бог, чтобы у нас была буржуазия!» Не одобряли «Писем» Герцена и другие западники: Грановский, Анненков, Корш.

Особую и наиболее правильную позицию в спорах о буржуазии занял Белинский. Он понимал романтическую беспочвенность призывов своего «верующего друга» Бакунина, чтобы бог избавил Россию от буржуазии, и был убежден, что развитие капитализма в России не только неизбежно, но и прогрессивно. «Я знаю, — утверждал Белинский в письме к Боткину в декабре 1847 года, — что она [буржуазия] должна быть и не может не быть. Я знаю, что промышленность — источник великих зол, но знаю, что она же — источник и великих благ для общества».

Такие же мысли развивал Белинский и в письме к Анненкову от 15 февраля 1848 года. Белинский понимал, что русский народ придет к своему освобождению лишь после превращения крепостной России в Россию буржуазную. «Мой верующий друг [Бакунин] доказывал мне еще, что избави-де бог Россию от буржуази. А теперь ясно видно, что внутренний процесс гражданского развития в России начнется не прежде, как с той минуты, когда русское дворянство обратится в буржуази».

---

[1] Слова Бакунина приводит Белинский в письме к Анненкову от 15 февраля 1848 года.

Великолепно понимал Белинский и абстрактный, антиисторический характер рассуждений о буржуазии социалистов-утопистов, в их числе и Герцена. Он критикует Герцена и Луи Блана за их взгляды на буржуазию как на общественную силу, которая «еще до сотворения мира является врагом человечества», и утверждает, что «она имела свое великое прошедшее», что следует отличать буржуазию, которая ведет борьбу за власть (тогда она не отделяет «своих интересов от интересов народа»), от буржуазии, которая завоевала власть. Он осуждает и подход Герцена и Бакунина к буржуазии как к единому целому и предлагает различать в ней верхи — промышленную и финансовую буржуазию — от средней и мелкой буржуазии. «Не на буржуази вообще, а на больших капиталистов надо нападать как на чуму и холеру современной Франции», — писал Белинский Боткину в декабре 1847 года.

Но, с другой стороны, Белинскому, как революционному демократу, было совершенно чуждо апологетическое отношение Боткина к буржуазии и капитализму. Поддерживая Герцена, Белинский возражал Боткину: «Владычество капиталистов покрыло современную Францию вечным позором... горе государству, которое в руках капиталистов, это люди без патриотизма, без всякой возвышенности в чувствах. Для них война или мир значат только возвышение или упадок фондов».

Такая оценка буржуазии и капитализма резко противостояла раболепию русских либералов 1840-х годов перед капиталистическими порядками и буржуазной Европой. Для Белинского было ясно, что капитализм не приносит подлинной свободы и благоденствия народным массам, что он лишь условие для перехода к более естественному и справедливому строю.

Невольно переносишься на полстолетия вперед — в 90-е годы прошлого века. Тогда Михайловский и другие народники, развивая утопические идеи Бакунина и Герцена, бессильно протестовали против развития капитализма в России, тогда Струве и другие «легальные марксисты» — ученики Боткина и Кавелина — с восторгом призывали «признать нашу некультурность и пойти на выучку к капитализму», тогда Ленин и другие революционные марксисты — истинные наследники Белин-

ского и Чернышевского — выступали и против народников и против легальных марксистов. Но взгляды Ленина представляют собою совершенно новый этап в развитии революционной теории — он знал законы общественного развития, представлял значительно дальше историческую перспективу, понимал историческую роль пролетариата и видел, что он явится могильщиком капиталистического строя. Всего этого не знал, не представлял, не понимал и не видел Белинский. Но нужно удивляться не этому, а тому, что он в условиях крепостной России так близко подошел к марксизму, что стал в понимании путей исторического развития России на голову выше не только своих современников, но и народников и легальных марксистов.

Выступая против восхваления буржуазии, Белинский в то же время еще решительнее боролся со свойственным либералам-западникам презрительным отношением к русскому крестьянству, к России и русскому народу. Пренебрежение к народным массам, к России лежало в основе выступлений Боткина против «этого обожающего поклонения массам», многие литераторы нападали на натуральную школу в литературе за то, что она изображает мужиков, бедноту.

Белинский был страстным защитником простого народа, крестьянства. Во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» он писал, например, что «иногда и в грубых манерах мужика чувство ваше угадывает доброго человека, которому вы смело можете довериться, и в то же время изящные манеры светского человека заставляют вас иногда невольно остерегаться его».

Известно, что Белинский высоко ставил (даже переоценивал) рассказы из народной жизни В. Даля (Казака Луганского). Даль, по мнению критика, вопреки взглядам различных «критиков-аристократов», оскорбившихся на литературу за то, что она «выводит на сцену чернь, сволочь, мужиков-вахлаков, баб, девок», «любит простого русского человека, на обиходном языке нашем называемого *крестьянином и мужиком*» (рецензия на повести, сказки и рассказы Казака Луганского — «Современник» 1847, № 2).

Белинский высоко ценил ум, характер, моральные качества и способности русского крестьянина и горячо протестовал против представлений о нем как о грубом,

безнравственном и тупом дикаре. В той же рецензии на рассказы Даля он писал: «Мужик — человек, и этого довольно, чтобы мы интересовались им так же, как и всяким барином... Если мужик не учен, не образован, — это не его вина... Ломоносов родился мужиком и мог бы и умереть мужиком; но обстоятельства помогли ему показать миру, чтó иногда кроется в глубине мужицкой натуры, чем может иногда быть мужик. Образованность — дело хорошее, что и говорить; но, бога ради, не чваньтесь ею так перед мужиком: почему знать, что при ваших внешних средствах к образованию он далеко бы оставил вас за собою. При том же дорогà истинная образованность, а ваша, господа, заставляет умных людей краснеть за образованность и гнушаться ею».

Демократизм был неразрывно связан в мировоззрении Белинского с патриотизмом. Чуждый всякому шовинизму и неуважению к другим народам, Белинский в то же время противопоставлял преклонению перед иностранщиной и космополитизму либералов-западников здоровое естественное чувство любви к родине.

«Мы знаем Россию и любим ее больше всякой другой страны, — это наше право, основанное на законах человеческой природы», — писал Белинский в статье по поводу «Московского сборника». Чуждый каким-либо мистико-идеалистическим представлениям о национальном характере, он на основании изучения истории, литературы, быта русского народа пришел к выводу, что это — «один из способнейших и даровитейших народов в мире». Так утверждал Белинский в рецензии на «Сельское чтение», так неоднократно говорил он в последние годы своей жизни в письмах. «Русская личность пока — эмбрион, — писал Белинский 8 марта 1847 года Боткину, — но сколько широты и силы в натуре этого эмбриона, как душна и страшна ей всякая ограниченность и узкость! .. Посмотри, как он [русский человек] требователен, не хочет того, не дивится этому, отрицает все, а между тем, чего-то хочет, к чему-то стремится».

На основании своих представлений о русском народе и его возможностях, знания истории России Белинский был уверен, что его родину ждет великое будущее. «Я люблю русского человека и верю великой будущности России», — заявил он в ноябре 1847 года Кавелину.

Много размышляя о том, что ждет Россию впереди, «вопрошая и допрашивая прошедшее, чтобы оно объяснило нам наше настоящее и намекнуло нам о нашем будущем», Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» с гордостью писал: «Нам, русским, нечего сомневаться в нашем политическом и государственном значении: из всех славянских племен только мы сложились в крепкое и могучее государство и как до Петра Великого, так и после него, до настоящей минуты, выдержали с честию не один суровый экзамен судьбы, не раз были на краю гибели и всегда успевали спасаться от нее и потом являться в новой и большей силе и крепости. В народе, чуждом внутреннего развития, не может быть этой крепости, этой силы. Да, в нас есть национальная жизнь, мы призваны сказать миру свое слово, свою мысль; но какое это слово, какая мысль — об этом пока еще рано нам хлопотать. Наши внуки или правнуки узнают это без всяких усилий напряженного разгадывания, потому что это слово, эта мысль будет сказана ими». По свидетельству Кавелина, Белинский в одном из споров с западником Грановским утверждал, что «Россия лучше сумеет разрешить социальный вопрос и покончить с капиталом и собственностью, чем Европа».

В противовес либералам-западникам, полагавшим, что России необходимо следовать по пятам за Западной Европой, Белинский считал, что «настало для России время развиваться самобытно, из самой себя», что эпоха петровских преобразований, имевших целью европеизацию России, исчерпала себя. Это не означало, разумеется, что России следует вернуться к допетровским временам: «думать так сродно только господам Маниловым», т. е. славянофилам, но это означало, что путей народного освобождения и счастья надо было искать самостоятельно. Говоря во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» о том, что «многие важные вопросы давно уже решены в Европе», Белинский спешит заявить, что, «перенесенные на почву нашей жизни, эти вопросы те же, да не те, и требуют другого решения».

С этим связано и все усиливающееся отрицательное отношение Белинского к утопическому социализму. В письмах Белинского 1847—1848 годов содержится немало критических замечаний по адресу Луи Блана, Жорж Санд

и других социалистов-утопистов, касающихся их социальных фантазий и мечтаний. И во «Взгляде на русскую литературу 1846 года» Белинский, говоря, что «теперь Европу занимают новые великие вопросы», т. е. вопросы социализма, что «интересоваться ими, следить за ними нам можно и должно, ибо ничто человеческое не должно быть чуждо нам, если мы хотим быть людьми», в то же время призывал принимать из них «только то, что применимо к нашему положению», и «у себя, в себе, вокруг себя... искать и вопросов и их решения». Иначе говоря, теории социалистов-утопистов справедливо казались Белинскому абстрактными, отвлеченными и, в частности, неприменимыми к историческим условиям России.

Это, разумеется, не значит, что Белинский осуждал социализм с тех же позиций, что и буржуазные либералы. Дело в том, что одновременно с Белинским социализм и социалистические учения подвергались в России критике со стороны Боткина, Анненкова и других западников.

Боткин в письмах к Анненкову не только защищал буржуазию, выступал против «этого обожающего поклонения массам», но и высказывался против «юношеских декламаций социальной школы». Он стал сторонником «прямого и трезвого» взгляда на вещи и, видимо, поэтому был недоволен Прудоном и «школою Руссо» и считал, что «во Франции один только Тьер умеет писать».[1] С Боткиным был согласен Анненков. В письме к К. Марксу от 6 января 1847 года (идеями Маркса он заинтересовался, несомненно, под воздействием Белинского и окружающей его атмосферы теоретических исканий) Анненков собрал почти все доводы, которые буржуа и мещане всего мира приводят против социализма и коммунизма: «...не предполагает ли коммунизм отказа от некоторых преимуществ цивилизации, отречения от некоторых прерогатив личности, завоеванных с таким трудом», не придется ли искусственно насаждать коммунизм в обществе, вследствие чего он перестанет быть «необходимым продуктом человеческого развития» и т. п.[2] Именно неприязнь Анненкова к социализму имел

---

[1] См. письма Боткина к Анненкову от 20 и 29 марта 1847 года.

[2] «Переписка К. Маркса и Ф. Энгельса с русскими политическими деятелями», М., 1947, стр. 20.

в виду Боткин, когда писал об Анненкове, что его «тонкий ум всегда оставался чуждым всякого рода доктринам».[1] Несомненно, что Анненков относился к социализму как к «социальной метафизике», и «время надежд, гаданий и всяческих аспираций»[2] лишь отчасти захватило его.

Совершенно очевидно, что в конце 1840-х годов утопический социализм подвергался критике как со стороны представителей русской революционной демократии, так и со стороны либералов, вроде Анненкова и Боткина.

Но Белинский критиковал утопический социализм за его абстрактные и фантастические стороны с позиций революционной теории, Боткин же и Анненков критиковали социализм (и не только утопический) за стремление к коренному преобразованию общества на началах общественного производства, защищая мир частной собственности и эксплоатации, опасаясь революционного взрыва.

Белинский, критикуя учения социалистов-утопистов, предвещал близость «умственной революции» и основание новой философии, свободной «от всего фантастического»,[3] и до конца своих дней верил в наступление социализма — того строя, при котором «не будет богатых, не будет бедных, ни царей и подданных, но будут братья, будут люди», при котором воплотится в жизнь учение о равенстве, братстве, свободе, в котором благосостояние будет равно простерто на каждого из членов общества.

До конца своих дней оставался Белинский убежденным сторонником революции и революционного насилия. Летом 1847 года в Германии ему пришлось услышать разговор двух немцев. «Один и говорит, — возмущался Белинский в письме к Боткину от 7 июля 1847 года: — «Я люблю прогресс, но прогресс умеренный, да и в нем больше люблю умеренность, чем прогресс». Когда Тургенев передал мне слова этого истого немца, я чуть не заплакал, что не знаю по-немецки и не могу сказать ему: «Я люблю суп, сваренный в горшке, но и тут я больше люблю горшок, чем суп».

---

[1] См. письмо Боткина к Анненкову от 19 июля 1847 года.
[2] Слова из воспоминаний Анненкова.
[3] См. его письмо к Боткину от 17 февраля 1847 года.

Разве не виден здесь русский революционер и демократ, органически презирающий всяческую либеральную умеренность?

Когда во Франции началась революция 1848 года, для Белинского это было, по словам Тургенева, торжеством его «любимых, задушевных надежд». «Он тогда, — вспоминает о Белинском А. М. Берх, — совершенно был поглощен политикой и событиями Запада... Белинский начал с того, что заговорил со мною о политических делах Франции, изъясняя влияние переворотов ее на другие государства». [1] Так отнесся к революции умирающий Белинский: он приветствовал ее и, несомненно, ждал, что она может повести и к пробуждению народных масс России. В это время Анненков рассказывал об «ужасах революции», а Боткин был до крайности напуган ею. [2]

Революционным демократом и социалистом, борцом за уничтожение крепостного права и самодержавия, пламенным защитником интересов крепостного крестьянства, непримиримым врагом не только славянофилов, но и либералов-западников предстает перед нами Белинский в годы работы в «Современнике». Отсталость России помешала ему понять историческую роль пролетариата и законы общественного развития.

---

[1] А. М. Берх. Из знакомства с Белинским — сборник «Белинский», изд. Ленинградского гос. университета, 1949.

[2] См. об этом в книге А. С. Нифонтова «Россия в 1848 году», М., 1949, стр. 156—162.

3. ФИЛОСОФСКО-ИСТОРИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕЛИНСКОГО В ПЕРИОД РАБОТЫ В «СОВРЕМЕННИКЕ»

И в выступлениях против славянофилов, и в полемике с Майковым о космополитизме, и в спорах о роли буржуазии — при решении любого политического вопроса, имеющего значение для борьбы с царизмом и крепостничеством, Белинский опирался на передовую для своего времени философско-историческую теорию. Именно поэтому ему удавалось наносить столь сокрушительные удары своим врагам. Белинский и сам понимал, что без правильной революционной теории невозможна практическая деятельность, и придавал теории исключительно важное значение. По его мнению, и в политике, и в критике, и в любой отрасли науки невозможно добиться никаких успехов, если оставаться в плену фактов, подходить к делу эмпирически. «Одно изучение фактов, без философского взгляда на них, ведет только к их знанию, но не к их уразумению», — писал Белинский в статье о «Московском сборнике».

С другой стороны, Белинскому были абсолютно чужды идеалистические, оторванные от действительности, спекулятивные, философско-исторические построения. Он был врагом всякой кабинетной, созерцательной учености, отвлеченных схоластических умствований, столь свойственных немецким философам. Он ратовал за соединение теории с практикой, философии с действием. Для него теория была руководством к действию и сама поверялась практикой. «Важность теоретических вопросов

зависит от их отношения к действительности», — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года».

Белинский периода работы в «Современнике» — убежденный противник как оторванных от действительности, абстрактных систем Шеллинга, Гегеля и основанных на них маниловских философско-исторических схем славянофилов, так и эмпиризма позитивистов и «практического направления» их русского поклонника — Боткина. В выступлениях Белинского факты освещены светом теории, а теория опирается на факты, практическая политика и литературная критика неразрывно связаны с философией и социологией. Белинский был выдающимся ученым и философом России. Известно, что в классической работе «Что делать?» В. И. Ленин высоко оценил теоретические искания и достижения Белинского и других революционных демократов, их глубокое понимание значения теории для революционной борьбы.

В период работы в «Современнике» Белинский твердо стоит на позициях материализма в объяснении явлений природы, в разрешении основного вопроса философии: об отношении мышления к бытию. Сама логика общественной борьбы в России вела Белинского к материализму. Кто решительно бил по самодержавию и крепостничеству, тот неизбежно должен был с позиций материализма обрушиться на религию, мистику, идеализм — реакционную идеологию, поддерживающую царизм и крепостное право. Письмо Белинского к Гоголю является ярким свидетельством этому.

Мышление не существует независимо от материи и от человеческой плоти, мозга. При этом материя — первична, а мышление — вторично. Это главное положение материалистической философии становится основой взглядов Белинского. «Вы, конечно, очень уважаете в человеке ум? — спрашивал он во «Взгляде на русскую литературу 1846 года». — Прекрасно! — так останавливайтесь же в благоговейном изумлении и перед массою его мозга, где происходят все умственные отправления... Иначе вы будете удивляться в человеке следствию мимо причины или — что еще хуже — сочините свои небывалые в природе причины и удовлетворитесь ими. Психология, не опирающаяся на физиологию, так же несо-

стоятельна, как и физиология, не знающая о существовании анатомии».

Основные положения материалистической философии Белинский настойчиво пропагандировал в своих статьях и рецензиях. Иногда, чтобы провести их чрез препоны цензуры, он высказывал их в каких-либо небольших и якобы малозначительных рецензиях. Именно так обстоит дело с рецензией на книгу А. Постельса «Картина земли для наглядности при преподавании физической географии» («Современник» 1847, № 3). В ней, рассуждая о пользе наглядности, Белинский проводит ту важную материалистическую идею, что источником знаний и понятий человека являются чувственные восприятия, возникающие в результате воздействия внешнего мира, существующего независимо от человеческого сознания, на органы чувств человека. «Эта великая важность *наглядности,* — пишет Белинский, — основана на самой природе человека, у которого самые отвлеченные умственные представления все-таки суть не иное что, как результат деятельности мозговых органов, которым присущи известные способности и качества. Давно уже сами философы согласились, что «ничего не может быть в уме, что прежде не было в чувствах». Гегель, признавая справедливость этого положения, прибавил «кроме самого ума». Но эта прибавка едва ли не подозрительна как порождение трансцендентального идеализма. Человек не прямо же, не чистым мышлением дошел до сознания, что у него есть ум, а заметил это прежде всего из собственных действий, в которых отразился его ум, но которые он опять-таки только через чувства сознал своим умом».

Как видно, Белинский изгоняет идеализм отовсюду, не оставляя ни одной щели, куда бы он мог укрыться. Ни одно из идеалистических измышлений не оставляется Белинским без опровержения. Белинский стремится освободить и литературу, и науку, и воспитание молодежи от всего фантастического, абстрактного, иллюзорного. В той же рецензии, рекомендуя книгу Постельса, он писал: «Это материальное и чувственное вспомогательное средство для спасения бедных детей от убийственного, подавляющего способности, сухого и мертвого отвлечения, столь любимого идеалистами».

Материализм Белинского был воинствующим, боевым и резко противостоял идеализму, мистике и религии, кто бы их ни пропагандировал: школа ли, церковь ли, славянофилы или Гоголь. Материализм служил Белинскому теоретическим обоснованием того наступления, которое он вел на самодержавие, крепостничество, реакционную дворянскую идеологию. Когда А. Григорьев взял под свою защиту «Выбранные места из переписки с друзьями» и систему мистицизма, Белинский сразу же ответил ему: «Вы удивляетесь, что есть люди, которые нападают на целые системы, например, мистицизма. То ли еще бывает у людей: есть смельчаки, которые нападают даже на системы невежества, обскурантизма, темных фраз о ясных предметах и высокопарного велеречия о простых вещах» (рецензия на романы А. Дюма «Три мушкетера» и «Двадцать лет спустя»).

Со стороны «друзей» Белинского были предприняты попытки совратить его с позиций материализма на позиции распространявшегося тогда в России позитивизма. Боткин всячески расхваливал Белинскому основоположника позитивизма О. Конта, лекции которого он слушал в Париже. Но Белинский остался материалистом и не сделал ни одного шага навстречу буржуазным философским течениям. Философию Конта Белинский буквально разгромил в пространном письме к Боткину от 17 февраля 1847 года. Белинскому было ясно, что Конт вовсе не основатель новой философии, а эклектик, постоянно сворачивающий на дорогу идеализма, а если и выступающий против метафизики, то с позиций вульгарного материализма, пытающегося уничтожить философию и заменить ее физиологией. «Конт, — писал Белинский, — уничтожает метафизику не как науку трансцендентальных нелепостей, но как науку законов ума; для него последняя наука, наука наук — физиология. Это доказывает, что область философии так же вне его натуры, как и область истории, и что исключительно доступная ему сфера знания есть математические и естественные науки».

В связи с этим Белинский высказывает поразительные по глубине мысли, которые вскрывают главные пороки как идеализма, отрывающего мышление от материи, так и вульгарного материализма, сводящего мышление к материи. «Духовную природу человека, — утверждал Белин-

ский, — не должно *отделять* от его физической природы как что-то особенное и независимое от нее, но должно *отличать* от нее, как область анатомии отличают от области физиологии. Законы ума должны наблюдаться в действиях ума. Это дело логики, науки, непосредственно следующей за физиологией, как физиология следует за анатомиею. Метафизику к чорту: это слово означает сверх-натуральное, следовательно, нелепость, а логика, по самому своему этимологическому значению, значит и *мысль* и *слово*. Она должна итти своею дорогою, но только не забывать ни на минуту, что предмет ее исследований — цветок, корень которого в земле, т. е. духовное, которое есть не что иное, как деятельность физического».

Пороки позитивистов и вульгарных материалистов были ясны Белинскому уже потому, что он, в отличие от них, стремился применить к явлениям действительности диалектический метод. Подвергнув критике идеализм Гегеля, Белинский, в противоположность Фейербаху, не отбросил диалектики, а пытался переработать гегелевскую диалектику абстрактных понятий на новых материалистических основах. Белинский считал, что диалектика является законом развития не абсолютной идеи, а действительности, природы, что в жизни постоянно происходит борьба старого и нового, умирающего и нарождающегося.

Именно диалектическое мышление помогло Белинскому разбить теории славянофилов, пытавшихся остановить историю и даже повернуть ее вспять, приписывавших русскому народу вечные, внеисторические качества и свойства. Именно диалектический метод дал возможность Белинскому столь глубоко разрешить вопрос о буржуазии, показав, что следует различать роль буржуазии в прошлом и настоящем, до завоевания ею власти и после прихода к власти. Именно диалектику противопоставил Белинский абстрактным рассуждениям Майкова о гении и нации, о единой цивилизации, единой истине и абсолютном добре. Возражая Майкову и другим представителям метафизического мышления, Белинский писал во «Взгляде на русскую литературу 1846 года»: «Идея истины и добра признавалась всеми народами, во все века; но что непреложная истина, что добро для одного народа или века, то часто бывает ложью и злом для другого народа, в другой век. Поэтому безусловный

или абсолютный способ суждения есть самый легкий, но зато и самый ненадежный; теперь он называется абстрактным или отвлеченным. Ничего нет легче, как определить, чем должен быть человек в нравственном отношении, но ничего нет труднее, как показать, почему вот этот человек сделался тем, что он есть, а не сделался тем, чем бы ему по теории нравственной философии, следовало быть».

Опираясь на материализм и диалектику, Белинский вел в «Современнике» настойчивую борьбу против старой религиозной, антисоциальной морали за мораль новую, земную, общественную. Во «Взгляде на русскую литературу 1846 года», характеризуя поэзию Ю. Жадовской, Белинский писал, что она, вместо того чтобы «ринуться в жизнь для борьбы с нею... предпочла этому трудному шагу безмятежное смотрение на небо и звезды». «То ли дело земля, — восклицает по этому поводу критик, — на ней нам и светло и тепло, на ней все наше, все близко и понятно нам, на ней наша жизнь и наша поэзия... Зато кто отворачивается от нее, не умея понимать ее, тот не может быть поэтом и может ловить в холодной высоте одни холодные и пустые фразы».

Особенно интересна в плане борьбы Белинского за новую мораль его рецензия на «Векфильдского священника» Гольдсмита («Современник» 1847, № 11). Белинский был недоволен романом Гольдсмита как произведением, основанным на «ложном воззрении», как нетрудно догадаться — религиозном. Излагая биографию Гольдсмита, Белинский указывает, что отец Гольдсмита получил «странную... способность — презирать вполне земные блага. Изучив многие предметы, преимущественно фантастические, — пишет критик, — он не имел ни малейшего понятия о предметах действительных, о делах сего, т. е. грешного мира. Смотря все вверх, он никогда не смотрел себе под ноги». Недалеко от отца ушел и сын, он тоже, по словам Белинского, получил от природы «огромную долю терпения, этой знаменитой добродетели ослов, и равнодушия, этого стоического достоинства хладнокровных животных». В результате Гольдсмит усвоил мораль, которая, «отрывая человека от действительных интересов жизни, уносит его в холодную даль фантастического [т. е. религиозного. — *А. Д.*] миросозерцания». Эту мораль Гольдсмит и пытался навязать читателям своего романа.

«Люди, воспитанные в школе векфильдским священником,— пишет Белинский,— принадлежат или к ничтожным существам, или к существам вредным своим учением, отчуждением от всего здорового и действительного. Исчислим главнейшие их свойства: леность и беспечность при всяком действительном труде; погружение мысли в фантастические занятия, крайне благоприятные ленивой натуре; удивительное равнодушие ко всякому порядку общественному — благому и тягостному... пассивная жизнь или прозябание, доверенность к слепой судьбе и недоверенность к разумному движению человечества, неумение смотреть на предметы прямо... и проч., и проч., и проч.».

Таков идеал человека по Гольдсмиту. Именно пропагандой этого идеала, основанного на религиозном мировоззрении, на религиозной морали, и вреден, по мнению Белинского, роман «Векфильдский священник». Роман,— пишет Белинский, — «вовсе не к лицу современным стремлениям, положительному направлению века, действительным его занятиям действительностью. Теперь предстоит надобность в человеке трезвом, бодром, деятельном, который бы смотрел на вещи прямо и любил бы землю, жилище наше и наших потомков на долгое время».

Только так осторожно и мог Белинский высказать свое представление об идеале человека, о его духовном облике и морали. «Прямой взгляд на вещи», который Белинский противопоставляет «изучению фантастических предметов», это, несомненно, материализм, противопоставленный религии и идеализму. Новую мораль, за которую ратовал Белинский, можно будет представить еще определеннее и полнее, если вспомнить его выступления против навязывания русскому народу смирения как национальной черты, его борьбу за уважение к простым людям, за любовь к родине, его глубокую симпатию к людям революционной страсти и дела, его ненависть к либеральной умеренности и всякого рода половинчатости и примиренчеству.

Историю человеческого общества Белинский также пытался осмыслить как диалектик. В отличие от буржуазных историков и философов, он видел в истории процесс непрерывного, диалектического развития, борьбу старого с новым, победу новых, более совершенных форм общественной жизни. Принцип развития Белинский применял

и к истории социально-политических преобразований и к истории литературы.

Развитие общества, по мнению Белинского, происходит закономерно. Подлинных законов исторического процесса Белинский не понимал, но он искал их в самой действительности, а не в развитии «абсолютного духа», и был твердо уверен, что все значительные исторические события совершаются не случайно, не по воле отдельных выдающихся личностей, а в силу объективных законов истории. Случайными в истории могут быть, справедливо считал Белинский, лишь мелкие десятистепенные частности, но все большие события происходят именно так, а не иначе, в силу исторической закономерности. «Разумеется, — писал Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1846 года», — и в сфере истории все мелкое, ничтожное, случайное могло б быть и не так, как было; но ее великие события, имеющие влияние на будущность народов, не могут быть иначе, как именно так, как они бывают, разумеется в отношении к главному их смыслу, а не к подробностям проявления. Петр Великий мог построить Петербург, пожалуй, там, где теперь Шлиссельбург, или, по крайней мере, хоть немного выше, т. е. дальше от моря, чем теперь; мог сделать новою столицею Ревель или Ригу: во всем этом играла большую роль случайность, разные обстоятельства; но сущность дела была не в том, а в необходимости новой столицы на берегу моря, которая дала бы нам средства легко и удобно сноситься с Европою. В этой мысли уже не было ничего случайного, ничего такого, что могло бы равно и быть и не быть, или быть иначе, нежели как было».

Понимание закономерности исторического процесса позволило Белинскому в общем правильно решить вопрос о роли личности в истории. Белинский решительно выступал против теорий, полагающих, что решающую роль в истории играют отдельные выдающиеся личности — короли, законодатели, полководцы, мыслители. Полагая, что развитие истории подчинено определенным законам, Белинский считал, что деятельность личности исторически обусловлена, и утверждал, что «жизнь народа не есть утлая лодочка, которой каждый может давать произвольное направление легким движением весла» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Любой великий человек в своих нововведениях лишь выражает потребности и чаяния, которые бессознательно живут в народных массах, и потому и является великим, что представляет собою свой народ. «Народ относится к своим великим людям, как почва к растениям, которые производит она», — писал Белинский.

Народные массы и выдвигают великих людей, и дают направление их деятельности, и определяют границы их преобразований. «Иначе, — полагал Белинский, — всякий резонер, всякий мечтатель, всякий философ, всякий маленький великий человек стал бы обходиться с народом, как с лошадью, направляя его по воле своих прихотей и фантазий то в ту, то в другую сторону» (там же).

Именно под этим углом зрения трактовал Белинский, например, роль Петра I в истории России. В противоположность славянофилам, Белинский считал, что преобразования Петра не были результатом случайности или личной воли царя, а явились следствием потребностей, уже назревших в русской жизни в результате естественного хода истории. Величие Петра, по мнению Белинского, в том, что он понял эти потребности и имел смелость взяться за их претворение в действительность, решительно утверждая новое и ломая старое.

Однако исторический фатализм был чужд Белинскому в еще большей мере, чем исторический субъективизм. Он скорее переоценивал роль личности в истории, чем недооценивал ее. В письме Анненкову от 15 февраля 1848 года он даже заявил, что «всегда и все делалось через личности» и что «России нужен новый Петр Великий». Это, разумеется, не означает, что через великие личности делается нечто произвольное, совершенно не отвечающее потребностям народа, и, говоря о Петре Великом, Белинский лишь высказывал мысль, что России нужен государственный деятель, который, подобно Петру, понял бы новые потребности своей страны, чаяния и желания своего народа и решительно, настойчиво взялся бы за их проведение в жизнь. Но, повторяем, Белинский был далек от какой бы то ни было недооценки роли личности в истории. Известно, например, как возмущался он мнениями славянофилов, что народ будто бы не нуждается ни в каком руководстве и просвещении со стороны образованных классов. В письме к Анненкову он

обрушивался на сходные мысли Бакунина, заявившего, что «сам народ должен все для себя сделать».

Белинский был революционным просветителем и, естественно, очень высоко оценивал роль отдельных личностей, роль революционной интеллигенции: исходя из интересов народа, она вносит в народные массы просвещение и революционное сознание и поднимает их на борьбу с самодержавием и крепостничеством.

Личность, по мнению Белинского, может стать подлинно великой и выдающейся, если будет служить делу народа и его свободы, делу прогресса и если, разумеется, будет считаться с объективным ходом истории. «Вместо того, чтоб думать о невозможном и смешить всех на свой счет самолюбивым вмешательством в исторические судьбы, — писал Белинский, адресуясь к славянофилам, — гораздо лучше, признавши неотразимую и неизменимую действительность существующего, действовать на его основании, руководясь разумом и здравым смыслом, а не маниловскими фантазиями» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Разумеется, Белинский не мог до конца объяснить взаимоотношения личности и общества. Так, он утверждал связь личности с народом, рассматриваемым им как нечто единое, но не понимал связи личности с определенным классом и не в силах был возвыситься до научного понимания классовой борьбы. Видя наличие социально-экономического разъединения в обществе, исходя в своей деятельности из факта борьбы между угнетенными и угнетателями, Белинский вместе с тем не мог правильно определить и сущность классов, и их происхождение, и источники классовой борьбы, и пути разрешения классовых противоречий.

Это не мешало Белинскому в ряде случаев указывать на отражение в деятельности и творчестве той или иной исторической личности ее принадлежности к определенному классу или политическому направлению.

В рецензии на «Векфильдского священника», например, Белинский утверждал, что «политические мнения Шекспира, творца по преимуществу, высказываются в «Кориолане»; романы Вальтер Скотта обличают аристократа, тори; романы Купера — американца-консерватора. Количество таких примеров можно было бы увеличить.

Видел Белинский и социальную обусловленность различных видов идеологии. Не дойдя до материалистического понимания истории, он тем не менее не раз писал о связи различных областей идеологии с социально-политическими изменениями в обществе. Так, историю русской литературы он рассматривал не только как закономерно развивающийся процесс, но и в связи с историей русского общества.

Исключительно глубокой в этом отношении справедливо считается рецензия Белинского на книгу В. Григорьева «Еврейские секты в России» («Современник» 1847, № 4). В этой рецензии Белинский не только утверждает земное происхождение религии, не только видит в истории религиозных верований «следы политических переворотов», но и показывает связь религии с общественными отношениями. «Религиозные постановления, — писал Белинский, — долгое время были в тесной, неразрывной связи с постановлениями гражданскими: история религиозных переворотов разрешает много социальных вопросов и бросает новый свет на историю развития гражданского общества. В религиозном завете предстают ярко и выпукло те положения общественной жизни, с которыми люди никогда не могли примириться, но которым те же люди покорялись, — положения, которые нельзя вывести из свойств человеческой природы и в то же время нельзя не признать за факты. Поэтому критика религиозного законодательства многих народов есть в то же время и критика общественного устройства: в нем лежит залог, причина многих неразрешимых, анормальных явлений общественной жизни».

В замечательных мыслях этой рецензии несомненно сказалось влияние работ Маркса «К критике гегелевской философии права» и «К еврейскому вопросу», которые были известны Белинскому; он еще в январе 1845 года прочел сборник «Немецко-французский ежегодник», в котором они были напечатаны.

При всей глубине исторических взглядов Белинского, он до конца своей жизни стоял на точке зрения идеалистического понимания истории. История человеческого общества представлялась Белинскому как процесс прогрессивного развития идей, как борьба новых, передовых идей со старыми, отживающими свой век. Истинных законов

общественного развития Белинский не знал, значения материального производства в жизни общества не понимал, как и исторической роли пролетариата, которого он не выделял из общей массы простого трудового народа.

Все это свидетельствует, что Белинский, стремясь переработать диалектику на материалистической основе, не смог разрешить этой задачи до конца, как не смог полностью преодолеть антропологизма в своей материалистической философии.

За всем тем в своих философских взглядах Белинский вплотную подошел к диалектическому материализму. Он подверг критике идеализм Шеллинга, Фихте и Гегеля и стал материалистом. Его материалистическая философия, в отличие от созерцательного и антропологического материализма Фейербаха, была действенно-революционной и рассматривала человека как существо не только биологическое, но и социальное. Не в пример Фейербаху Белинский высоко ценил диалектический метод и часто с успехом применял его к изучению явлений действительности.

Что же касается его исторических взглядов, то следует напомнить, что Белинский вместе с Герценом дал начало той «исторической и критической школе в русской литературе», о которой Энгельс писал, что она «стоит бесконечно выше всего того, что создано в Германии и Франции официальной исторической наукой». [1]

Философско-исторические взгляды Белинского оказали чрезвычайно большое влияние на развитие русской культуры. Они прививали русской интеллигенции революционно-демократические убеждения и подготавливали почву для появления марксизма в России.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. 27, стр. 389.

4. ЛИТЕРАТУРНО-ЭСТЕТИЧЕСКИЕ ВЗГЛЯДЫ БЕЛИНСКОГО В ПЕРИОД РАБОТЫ В «СОВРЕМЕННИКЕ»

В период работы в «Современнике» достигли своего наивысшего развития и литературно-эстетические взгляды Белинского. В таких своих замечательных работах, как «Взгляд на русскую литературу 1847 года», и других статьях и рецензиях Белинский выступает как основоположник эстетики и критики русских революционных демократов.

Эстетика Белинского — понимание им сущности и задач искусства и литературы — неразрывно связана с его социально-политическими и философскими взглядами. В основе литературно-эстетических взглядов Белинского лежат защита интересов крепостного крестьянства, борьба против крепостного права и самодержавия, материалистическая философия.

Во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» Белинский, в противовес распространенным тогда идеалистическим воззрениям на искусство как на отображение абсолютной идеи (Гегель) или воплощение абсолютной красоты (романтики), определяет искусство как «воспроизведение действительности, повторенный, как бы вновь созданный мир». По мнению Белинского, искусство отличается от науки не содержанием, как полагали идеалисты (оно у науки и искусства одно — материальная действительность, реальная природа и общественная жизнь), а «способом обрабатывать данное содержание». «Философ говорит силлогизмами, поэт образами и картинами, а говорят оба они одно и то же, — утверждал Белинский. —

Политико-эконом, вооружась статистическими числами, *доказывает,* действуя на ум своих читателей или слушателей, что положение такого-то класса в обществе много улучшилось или много ухудшилось вследствие таких-то и таких-то причин. Поэт, вооружась живым и ярким изображением действительности, *показывает* в верной картине, действуя на фантазию своих читателей, что положение такого-то класса в обществе действительно много улучшилось или ухудшилось от таких-то причин. Один *доказывает,* другой *показывает,* и оба *убеждают,* только один логическими доводами, другой картинами».

Легко заметить, что, определяя искусство как отражение материальной действительности, Белинский выступает как предшественник материалистической трактовки искусства в эстетике Чернышевского.

Свое определение искусства Белинский постоянно противопоставлял «старому и ветхому» определению поэзии как «украшенной природы», которое было свойственно классицизму, от него в подновленном на мистический лад виде перешло к романтикам и стало исходным пунктом критики не только Булгарина, но и Полевого с Шевыревым. «Старая пиитика, — писал Белинский, — позволяет изображать все, что вам угодно, но только предписывает при этом изображаемый предмет так украсить, чтобы не было никакой возможности узнать, что вы хотели изобразить. . .» «Она позволяет изображать, пожалуй, и мужиков, но не иначе, как одетых в театральные костюмы» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Такая «пиитика» соответствовала тому периоду русской литературы, когда в ней сложилась школа, которую Белинский называл «неестественной», или «риторической», когда «искусство не имело ничего общего с жизнью, действительностью». Эстетика, определяющая искусство как «украшение природы», отражая недостатки литературы своего времени, не только не боролась с ними, а наоборот, закрепляла их и возводила в ранг достоинств. Она, по словам Белинского, прививала писателям взгляд на искусство как на «невинное и полезное занятие, которое должно тешить читателя, представляя ему только приятные картины жизни, рисуя только образованных людей и ни под каким видом — неотесанных мужиков в зипунах и лаптях» («Ответ «Москвитянину»).

Несколько позднее, когда в нашу литературу вторгся вдруг «так называемый романтизм», эстетика классицизма сделала, по мнению Белинского, несколько логически неоправданных уступок в пользу новых понятий, и писателям было разрешено заботиться о местном колорите и даже рисовать людей низших сословий. «Это называлось тогда *народностью,* — пишет Белинский. — Но эта народность слишком отзывалась маскарадностью: русские лица низших сословий походили на переряженных бар, а бары только именами отличались от иностранцев» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Новая теория искусства, создателем которой был Белинский, основывалась на диаметрально противоположных эстетических принципах и требовала от искусства «воспроизведения действительности» во всей ее истине. Это была теория русского реализма. Она отражала новый этап в развитии русской литературы, когда под влиянием Пушкина и Гоголя сложилась так называемая натуральная школа в русской литературе; она решительно выступала против теории и практики литературы, «украшающей природу», и боролась за сближение литературы с действительностью, за правду в искусстве. В правдивом изображении действительности, в том, что литература перестала «украшать природу», изображать несуществующее, рассказывать о небывалом, Белинский видел зрелость и возмужалость нашей литературы и главное достоинство натуральной школы. «Так называемую *натуральную школу* нельзя упрекнуть в риторике, разумея под этими словами вольное или невольное искажение действительности, фальшивое идеализирование жизни» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

В правдивом воспроизведении действительности, а не в идеализированном изображении низших сословий видел Белинский и народность литературы. «Изображать русскую действительность, и с такою поразительною верностию и истиною, разумеется, может только русский поэт, — писал Белинский о Гоголе. — И вот пока в этом-то более всего и состоит народность нашей литературы», — добавлял он.

Как видно, Белинский в «Современнике» довел до предельной ясности материалистическое понимание сущности искусства и развил с большой убедительностью теорию

реализма. В этом его огромная заслуга в истории эстетической мысли и в истории искусства и литературы.

Чрезвычайно важно и другое обстоятельство. Противопоставляя теорию реализма эстетике, требующей от искусства «украшения природы», Белинский хорошо понимал, что старая пиитика, как и самая риторическая школа в русской литературе, носят на себе отпечаток дворянских, барских интересов и вкусов, а его литературная теория, как и самая натуральная школа в русской литературе отвечают требованиям широких демократических масс.

Почему риторика царила в русской литературе XVIII века, а от искусства требовали идеализации действительности? Потому что, — отвечал Белинский, — «тогда не было общества, а был двор». И французы и русские того времени понимали искусство как выражение жизни не народа, а придворных кругов, и, по словам Белинского, «приличие считали главным и первым условием поэзии» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Литературная теория, получившая распространение в XVIII веке, не исчезла, по мнению Белинского, и позднее. Ее защитники и поклонники нападали на Пушкина, обвиняя его в искажении русского языка и русской поэзии, в неприличии, доходящем до цинизма; враждебно встретили Гоголя, говоря, что он рисует грязь, изображает неумытую натуру, выводит низкие характеры; вели ожесточенную войну против натуральной школы за то, что она изображает мужиков, углы, нищету.

И как раньше, так и теперь защитники старого и враги нового в литературе исходят из вкусов и желаний не народа, а того читателя, который, по словам Белинского, «по чувству аристократизма, не любит встречаться даже в книгах с людьми низших классов, обыкновенно не знающими приличия и хорошего тона, не любит грязи и нищеты по их противоположности с роскошными салонами, будуарами и кабинетами».

«В самом деле,— пишет Белинский,— представьте себе человека обеспеченного, может быть богатого; он сейчас пообедал сладко, со вкусом (повар у него прекрасный), уселся в спокойных вольтеровских креслах с чашкою кофе, перед пылающим камином, тепло и хорошо ему, чувство благосостояния делает его веселым, — и вот берет он книгу, лениво переворачивает ее листы —

и брови его надвигаются на глаза, улыбка исчезает с румяных губ, он взволнован, встревожен, раздосадован. И есть от чего! книга говорит ему, что не все на свете живут так хорошо, как он, что есть *углы,* где под лохмотьями дрожит от холоду целое семейство, может быть недавно еще знавшее довольство, что есть на свете люди, рождением, судьбою обреченные на нищету, что последняя копейка идет на зелено вино не всегда от праздности и лени, но и от отчаяния. И нашему счастливцу неловко, как будто совестно своего комфорта. А все виновата скверная книга: он взял ее для удовольствия, а вычитал тоску и скуку. Прочь ее! «Книга должна приятно развлекать; я и без того знаю, что в жизни много тяжелого и мрачного, и если читаю, так для того, чтобы забыть это!» — Так, милый, добрый сибарит, для твоего спокойствия и книги должны лгать, и бедный забывать свое горе, голодный — свой голод, стоны страдания должны долетать до тебя музыкальными звуками, чтоб не испортился твой аппетит, не нарушился твой сон» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Осознавая столь ясно дворянско-аристократический характер пиитики, требующей от литературы приличий, хорошего тона, украшения природы, Белинский в то же время знал, что реализм, изображение жизни во всей ее суровой истине, соответствует вкусам и чаяниям широких кругов демократических читателей, народа, заинтересованных в том, чтобы литература правдиво обнажила социальные противоречия крепостнической России, показала народное горе и указала на его виновников, научила бороться за народное счастье и свободу. Именно поэтому в реализме литературы Белинский видел и ее народность.

Естественно, что в то время как сторонники старых эстетических принципов жаловались на то, что литература перестала быть приятной и приличной, и ожесточенно боролись против натуральной школы, Белинский радовался торжеству реализма в литературе и всеми силами и средствами боролся за его укрепление и дальнейшее развитие. Он приветствовал переход литературы от изображения «бедности опрятной, умытой, выражающейся скромно и благородно» и в конце повести осчастливленной, к изображению нищеты, отчаяния

и разврата в «наготе страшной истины», от изображения Звонских, Лирских, Греминых к изображению Петровых, Ивановых, Сидоровых.

В рецензии на «Музей современной иностранной литературы» («Современник» 1847, № 4) Белинский писал: «Отказавшись от изображения бурь и волнений, без сомнения возвышенных и глубоких, возникающих в благовонной атмосфере аристократических зал, при громе бальной музыки и ослепительном освещении, она [литература] не гнушается темных дел, страстей и страданий низменного и бедного мира, освещенного лучиной. Теперь в ней уже не редкость произведение, в котором не встретите вы не только князей, графов и генералов, но даже лиц, имеющих обер-офицерский чин, — и она умеет такими произведениями не отталкивать, но привлекать к себе публику».

Таким образом, борьба Белинского за реализм в литературе была вместе с тем и борьбой за демократизацию литературы. В этой борьбе для Белинского — защитника интересов крепостного крестьянства — особенно важно было направить литературу на реалистическое изображение деревни, жизни русского крестьянства. Поэтому он постоянно и очень резко давал отпор жалобам на то, что литература «наводняется мужиками», от кого бы они ни исходили. «Природа — вечный образец искусства, — писал он, — а величайший и благороднейший предмет в природе — человек. А разве мужик — не человек? — Но что может быть интересного в грубом, необразованном человеке? — Как что? — его душа, ум, сердце, страсти, склонности, — словом, все то же, что и в образованном человеке» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

С борьбой за демократизацию русской литературы, за выражение в ней народных интересов связана и защита Белинским так называемого «отрицательного направления» в литературе. Точнее говоря, Белинский был теоретиком и пропагандистом не просто реализма, а реализма критического, правдиво изображающего тяжелую жизнь народа в условиях самодержавно-крепостнического строя, бесстрашно показывающего отсталость страны, паразитизм и бесчеловечие господствующих классов. Нечего и говорить о том, что «отрицательное

направление» в литературе отвечало тогда интересам народных масс, боровшихся против существовавших порядков, за свое экономическое и политическое раскрепощение, за свободное развитие хозяйства и культуры страны.

Поэтому и реакционеры всех видов и либералы так бешено нападали на «отрицательное направление». Они обвиняли писателей этого направления и их вдохновителя Белинского опять-таки в нарушении абсолютных правил искусства, в изображении нетипичных и уродливых явлений жизни, в клевете на русский народ и Россию. Они требовали от литературы изображения русской жизни в положительном свете, показа «положительных героев» и «положительных идеалов».

Положение Белинского при защите критического реализма было крайне затруднительным. Понимая, что его враги тянут литературу на путь оправдания самодержавно-крепостнического строя, он не мог открыто сказать ни о причинах своего сочувствия к «отрицательному направлению», ни о своем истинном отношении к окружающей действительности. На вопрос, следует ли изображать современную русскую жизнь в положительном свете, приходилось или отмалчиваться, или отвечать на него утвердительно. Именно так разъяснил свои затруднения Белинский в письме к Кавелину от 7 декабря 1847 года. Защищая обращение писателей к изображению отрицательных явлений и героев, приходилось ссылаться на принцип свободы творчества, на право художника самому выбирать те или иные явления и лица для их художественного воспроизведения. Так поступил Белинский, например, в полемике с Самариным («Ответ «Москвитянину»).

Тем не менее Белинский со всей присущей ему страстью и настойчивостью защищал критический реализм. Решительно отводил он обвинения в том, что писатели «отрицательного направления» клевещут на русский народ и Россию, оскорбляют их. Если явления и героев, изображенных в их произведениях, можно найти в жизни, «значит, это не выдумано, а взято с действительности, значит, это истина, а не клевета». «Находить в людях те пороки, которые в них действительно есть, не значит поносить их: поношение в самих пороках», — писал Белинский, насколько возможно яснее проводя

мысль о том, что неправильно пенять на литературу, когда страна представляет собою «ужасное зрелище».

Больше того, Белинский справедливо утверждал, что критики боятся только слабые люди и народы, что до ложных утешений падки лишь дряхлые и немощные, что сильным людям и народам она помогает итти вперед, стать еще более сильными. «Чем сильнее человек, — писал Белинский, — чем выше он нравственно, тем смелее он смотрит на свои слабые стороны и недостатки. Еще более можно сказать это о народах, которые живут не человеческий век, а целые века. Народ слабый, ничтожный или состарившийся, изживший всю свою жизнь до невозможности итти вперед, любит только хвалить себя и больше всего боится взглянуть на свои раны... Не таков должен быть народ великий, полный сил и жизни: сознание своих недостатков вместо того, чтобы приводить его в отчаяние и повергать в сомнение о своих делах, дает ему новые силы, окрыляет его на новую деятельность» («Ответ «Москвитянину»).

Отвергал Белинский и обвинения в том, что писатели «отрицательного направления» изображают «уродливые исключения», а не типические явления русской жизни. На примере героев Гоголя он доказывал, что они вовсе не какие-то редкие в своей пошлости и ничтожности люди, что Гоголю «дался не пошлый человек, а человек вообще, как он есть, не украшенный и не идеализированный», что во многих хороших людях есть «элементы» героев Гоголя. В крайнем случае Белинский готов был признать, что «отрицательное направление страдает односторонностью». «Изображать одни отрицательные стороны жизни — вовсе не значит клеветать, а значит только находиться в односторонности», — писал он в той же статье.

Однако и в односторонности «отрицательного направления» Белинский склонен был видеть не столько недостаток русской литературы, сколько ее достоинство. «Но если бы, — писал он, — преобладающее отрицательное направление и было одностороннею крайностью, и в этом есть своя польза, свое добро: привычка верно изображать отрицательные явления жизни даст возможность тем же людям или их последователям, когда придет время, верно изображать и положительные явления жизни, не становя

их на ходули, не преувеличивая, словом, не идеализируя их риторически» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Как видно, изображение положительных явлений жизни в литературе Белинский откладывал на будущее, которое наступит после освобождения народа от самодержавия и крепостничества, а в настоящем энергично отстаивал «отрицательное направление», подрывающее основы крепостнической России. Основания такой позиции Белинский раскрыл в том же письме к Кавелину от 7 декабря 1847 года (не имея возможности высказаться по этому вопросу в «Современнике»). Судя по этому письму, Белинский откладывал изображение положительных явлений и создание положительных образов не потому, что не видел их в русской жизни. Совсем нет; хороших людей на Руси, «по сущности народа русского, должно быть гораздо больше, нежели как думают сами славянофилы... Но вот горе-то, — писал Белинский, — литература все-таки не может пользоваться этими хорошими людьми, не входя в идеализацию, риторику и мелодраму, т. е. не может представлять их художественно такими, как они есть на самом деле, по той простой причине, что их тогда не пропустит цензурная таможня. А почему? Потому именно, что в них человеческое в прямом противоречии с тою общественною средою, в которой они живут».

Иначе говоря, Белинский считал, что хорошие люди, выдвинутые из своей среды русским народом, не только не обязаны самодержавно-крепостническому строю своими хорошими качествами, но, наоборот, не имеют в нем для себя почвы и находятся с ним в непримиримой вражде. Писатель-реалист, если он хочет написать правдивое и глубокое произведение, обязан все это показать, но он не может этого сделать по цензурным условиям.

Примеры, которые приводит дальше Белинский, делают его мысль ясной до конца. Писателю, который извращает действительность, легко показать, например, честного секретаря уездного суда: он изобразит, как его герой за свою добродетель «делается губернатором, а затем и сенатором». Но писатель-реалист, который взялся бы за изображение такого скромного героя, столкнется с непреодолимыми трудностями: он обязан

показать, как его «пустили с семьей по миру, если не сослали в Сибирь».

Выходит, что Белинский отлично знал о существовании положительных героев в России. Он только видел их не в тех людях, которые были любы славянофилам и другим реакционерам, — не в людях, являющихся плотью от плоти крепостного строя, а в людях, борющихся с крепостничеством и самодержавием. А поэтому и опасался, что показать этих людей до тех пор, пока русский народ не станет свободным, литературе будет невозможно.

Так или иначе, защита Белинским «отрицательного» критического направления в литературе, как и его обращения к писателям с призывом показать жизнь простого трудового народа (в первую очередь «мужика») сыграли большую роль в развитии русского искусства и литературы. Опираясь на теорию и критику Белинского, русская классическая литература стала самой демократической, гуманной, революционной литературой в мире, непримиримо враждебной миру эксплоатации, угнетения, неравенства. Белинский был не просто основоположником теории реализма, а основоположником теории русского демократического реализма.

Определяя искусство как «воспроизведение действительности», Белинский вместе с тем считал, что все произведения искусства «высказывают внутренний мир автора», а так как художник всегда — сын своего века и народа, то искусство становится выражением духа и направления общества на том или ином этапе его развития. «Литература, — формулирует Белинский, — всегда бывает выражением общества».

Белинский справедливо полагал, что искусство как одна из форм человеческой деятельности не является изолированным от других интересов, идей и проявлений человека, среди которых первое место занимают интересы и идеи общественные. «Поэт — прежде всего — человек, потом гражданин своей земли, сын своего времени. Дух народа и времени на него не могут действовать менее, чем на других».

Выдвигая во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» эти важные положения, Белинский приводит много интересных примеров в их подтверждение. Так,

в романах Вальтер Скотта невозможно не увидеть в их авторе «тори, консерватора и аристократа по убеждению и привычкам». Шекспир, по мнению Белинского, был поэтом Англии эпохи Возрождения. «Поэзия Мильтона, — писал Белинский, — явно произведение его эпохи: сам того не подозревая, он в лице своего гордого и мрачного сатаны написал апофеозу восстания против авторитета, хотя и думал сделать совершенно другое. Так сильно действует на поэзию историческое движение общества», — подчеркивает Белинский. Наконец, «в наше время искусство и литература больше, чем когда-либо прежде, сделались выражением общественных вопросов».

Считая искусство «выражением общества», Белинский, естественно, должен был выступить против идеалистической теории «чистого искусства», отрывающей искусство от общественных интересов и задач и трактующей его как явление абстрактное, надпартийное, наднациональное и космополитическое. В период работы в «Современнике» Белинский был одним из самых убежденных, яростных и сильных врагов теории «чистого искусства» и нанес ей исключительно сильные, сокрушающие удары. Никак нельзя согласиться с мнением Г. В. Плеханова, что будто бы «возражения Белинского сторонникам чистого искусства мало убедительны».[1]

Несомненно, что хотя Белинский и не понимал ясно классовой сущности теории чистого искусства, он все же, считая искусство явлением общественным, критиковал ее весьма убедительно. «Право, пора бы перестать вспоминать о каком-то чистом и абстрактном искусстве, которого никогда и нигде не бывало, — писал Белинский в «Современных заметках», возражая критику «С.-Петербургских ведомостей» Э. Губеру. — Пора перестать думать, что можно возвысить искусство, представляя его каким-то бродягой, без дома и отечества, то цыганкой, то прелестницей не из денег, а по страсти к ремеслу».

С точки зрения Белинского, не бывает искусства, «отрешенного от общественной идеологии людей, не имеющего ни национальных, ни социальных признаков».

---

[1] Г. В. Плеханов. Сочинения, т. XXIII, стр. 159.

«Поэты, повидимому бесстрастные в изображении страстей, — писал он в рецензии на «Векфильдского священника», — принадлежали, как теперь известно и как можно видеть из их поэтических произведений, к людям исключительного направления, к поборникам известной партии». В той же статье «Современные заметки» Белинский утверждал, что «так называемое космополитическое искусство... никогда и нигде не существовало». Самую идею о существовании чистого искусства Белинский считал мыслью «чисто немецкого происхождения, она могла родиться только у народа созерцательного, мыслящего и мечтающего».

Наиболее ярким выражением чистого искусства эстетики-идеалисты считали искусство древних греков. Не соглашаясь с этим, Белинский заявлял: «Укажите мне на какое-нибудь другое искусство, которое бы с такой полнотой, глубокостью и многосторонностью выразило в себе все элементы религиозной, политической, государственной, гражданской и частной жизни эллинов» («Современные заметки»).

Другим излюбленным примером, на который любили ссылаться теоретики чистого искусства в подтверждение своих идей, было творчество Гёте. Белинский опровергает и эти ссылки. «Гёте как художник, как поэт был вполне сыном своей страны, своего века, вполне выразил собою если не все, то многие из существеннейших сторон современной ему действительности. Это доказывается его отвращением ко всему отвлеченному, туманному, мистическому, ко всякой... «нездешней» поэзии. Это же доказывается его стремлением ко всему простому, ясному, определенному, здешнему, земному, действительному, реальному, положительному; его страстным сочувствием природе, которое не только отразилось пантеистическим миросозерцанием в его поэзии, но еще и выразилось с его стороны великими услугами в области естествознания как науки» (там же).

Совершенно очевидно, что Белинский твердо стоял в рядах противников теории чистого искусства и выдвинул против нее ряд весьма серьезных аргументов. И хотя эстетика Белинского не имела такого надежного фундамента, как исторический материализм, тем не менее Белинский понимал, что искусство является «выражением

общества». Эти идеи Белинского являются неоценимым вкладом в сокровищницу эстетической мысли человечества.

Чрезвычайно важно отметить, что именно в России, в трудах русских революционно-демократических критиков идеалистическая концепция «чистого искусства» была теоретически разоблачена и отброшена. «Начиная с Белинского, — говорил А. А. Жданов, — все лучшие представители революционно-демократической русской интеллигенции не признавали так называемого «чистого искусства», «искусства для искусства» и были глашатаями искусства для народа, его высокой идейности и общественного значения. Искусство не может отделить себя от судьбы народа».[1]

Выступления Белинского против теории «чистого искусства», обоснование им общественно-исторического характера искусства имели не только теоретический, но и чрезвычайно важный практический смысл. Они были той основой, на которой развернулась борьба Белинского за идейность искусства.

В противовес разного рода идеалистам и романтикам, пытавшимся оторвать искусство и литературу от общественных целей и задач и придать им безидейный, «незаинтересованный» характер, Белинский ратовал за искусство передовых общественных идей, высоких гражданских целей, большого социального значения. Он видел в писателях вождей, защитников и спасителей народа от крепостничества, самодержавия, православия и считал задачей литературы воздействие на сознание читателей и воспитание их в революционно-демократическом духе. О главной цели искусства Белинский во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» писал следующее: «Высочайший и священнейший интерес общества есть его собственное благосостояние, равно простертое на каждого из его членов. Путь к этому благосостоянию — сознание, а сознанию искусство может способствовать не меньше науки. Тут и наука и искусство равно необходимы, и ни наука не может заменить искусства, ни искусство науки».

---

[1] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, стр. 23.

Белинский считал, что писатель сможет создать великие произведения литературы только в том случае, если усвоит передовые убеждения своего времени, будет горячо интересоваться окружающей его жизнью, проникнется интересами народа, станет активным борцом за прекрасное будущее человечества. «В наше время талант сам по себе не редкость, — писал Белинский, — но он всегда был и будет редкостью в соединении со страстным убеждением, со страстной деятельностью, потому что только тогда может он быть полезен обществу» («Ответ «Москвитянину»).

Выражая в своих произведениях лучшие идеи своего времени, сокровенные думы и чаяния народа, писатель, по мнению Белинского, не должен бояться стать под знамена передового общественного направления. Искусства без направления, без тенденции, абсолютно объективного не существует, а люди, которые кричат о «чистом искусстве», на деле стремятся подчинить искусство своему направлению. «Чисто объективного поэтического представления жизни, — такого, где бы поэт не подавал собственного голоса в делах людей, где бы умирали его мнения, где бы уничтожались его ощущения, — не было, нет и не будет», — утверждал Белинский (рецензия на «Векфильдского священника»).

Выступления Белинского за искусство с направлением, тенденциозное, идейное были встречены враждебно и в лагере славянофилов и «Москвитянина» и среди либералов. Так, Боткин, считая желательным помещение в «Современнике» «Монологов» Н. П. Огарева, мотивировал это тем, что поэзия не должна подчиняться направлению журнала. По этому поводу Белинский, возражавший против печатания этих стихов Огарева за их «гамлетовское направление», писал Боткину: «Ты говоришь, что стихи не обязаны выражать дух журнала, а я говорю: в таком случае и журнал не обязан печатать стихов. Из уст журнала не должно исходить слово праздно. Таково мое мнение» (письмо от 29 января 1847 года).

Вообще Боткин во время работы Белинского в «Современнике» был недоволен его критикой, с одной стороны, за то, что она якобы не освободилась от «Молоха — художественности» и немецких теорий и

не усвоила «практического направления», а с другой стороны, за пропаганду идейности в литературе. Будущий рьяный защитник «чистого искусства» уже проглядывал в Боткине. Характерно, например, что они решительно не сошлись с Белинским в оценке романов А. Дюма и известной повести Григоровича «Антон Горемыка». Белинский весьма критически отнесся к романам Дюма и был потрясен антикрепостнической повестью Григоровича, а Боткин остался совершенно равнодушен к повести Григоровича и возмущался нападками Белинского на Дюма. «Ты, Васенька, сибарит, сластена — тебе, вишь, давай поэзии да художества — тогда ты будешь смаковать и чмокать губами, — писал по этому поводу Боткину Белинский. — А мне поэзии и художественности нужно не больше, как настолько, чтобы повесть была истинна, т. е. не впадала в аллегорию или не отзывалась диссертациею. Для меня — дело в деле. Главное, чтобы она вызывала вопросы, производила на общество нравственное впечатление» (письмо Боткину в декабре 1847 года).

Борясь за литературу большого социального значения, Белинский, естественно, должен был выступать и против ухода писателей от современности в область прошлого, против чрезмерного увлечения историческими темами, да еще из области римской и греческой истории. Он справедливо видел в этом отход литературы от решения наиболее актуальных и важных задач. «Если бы наша литература, — писал Белинский, — до сих пор возилась с Неронами, Калигулами да Титанами, а не с Кузьмами и Прохорами четырнадцатого класса — можно ли было бы призвать ее на такое великое дело, как сочинение книг для народа?» («Современные заметки»).

Немецкие и русские идеалисты и эстеты утверждали, что обращение писателей к общественно-политическим идеям губит искусство, как губит его направление. Они много кричали в связи с этим об упадке и вырождении современного искусства, о том, что оно перестает быть искусством. Во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» Белинский довольно обстоятельно останавливается на этом вопросе и наголову разбивает своих противников. Он считает, что, обратившись к общественным

вопросам, искусство нисколько не перестало быть искусством, а только получило новый характер. «Отнимать у искусства право служить общественным интересам, — писал Белинский, — значит не возвышать, а унижать его, потому что это значит лишать его самой живой силы, то есть мысли, делать его предметом какого-то сибаритского наслаждения, игрушкою праздных ленивцев».

Белинский понимал, разумеется, что иногда попытки писателей создать общественно-направленные художественные произведения кончаются неудачей. Но это лишь частные случаи, и «из этого еще нет причины вопить о падении искусства». Тем более что можно привести еще большее количество примеров, когда обращение писателей к современным общественным вопросам не мешало им создавать на этой основе безукоризненные художественные произведения. «С другой стороны, — пишет Белинский, — мы можем указать на романы Диккенса, которые так глубоко проникнуты задушевными симпатиями нашего времени и которым это нисколько не мешает быть превосходными художественными произведениями».

Принадлежность к передовому направлению своего времени, по мнению Белинского, никогда не вредит таланту. Пагубное влияние на него оказывает только сектантство, готовность поставить свое творчество на службу каким-нибудь недолговечным группочкам, оторванным от интересов народа. «И поэтому-то, — утверждает Белинский, — он должен быть органом не той или другой партии или секты, осужденной, может быть, на эфемерное существование, обреченной исчезнуть без следа, но сокровенной думы всего общества, его, может быть, еще не ясного самому ему стремления. Другими словами: поэт должен выражать не частное и случайное, но общее и необходимое, которое дает колорит и смысл всей его эпохе».

Ратуя за идейность искусства, Белинский вместе с тем считал, что идеи — хотя бы и самые передовые — не должны излагаться художником в виде голых понятий, а должны показываться в форме живых картин и образов. С другой стороны, Белинский знал, что иногда общественная тенденция вредит художественному творчеству. Это в том случае, когда тенденция, направление, идеи произ-

ведения являются ложными, не соответствующими действительности.

Усвоение художником ложного направления, его попытки воплотить ложные идеи в своих произведениях Белинский считал пагубными для искусства. «Какая это великая истина, что, когда человек весь отдается лжи, его оставляют ум и талант!» — писал он в письме к Гоголю, имея в виду его «Выбранные места из переписки с друзьями». Да и в «Мертвых душах» Белинский видел некоторые недостатки там, «где из поэта, из художника силится автор стать каким-то прорицателем и впадает в несколько надутый и напыщенный лиризм». Эти «мистико-лирические выходки» Гоголя свидетельствуют, по мнению Белинского, о том, что, «забывая свое значение художника, принимает он тон глашатая каких-то великих истин, которые, в сущности, отзываются не чем иным, как парадоксами человека, сбившегося со своего настоящего пути ложными теориями и системами, всегда гибельными для искусства и таланта» (рецензия на второе издание «Мертвых душ» — «Современник» 1847, № 1). Ложные идеи и тенденции, считает Белинский, являются причиной и некоторых недостатков «Обыкновенной истории» Гончарова (фальшивая развязка, налет дидактизма в романе и др.). Гончаров, по словам Белинского, «оставил на минуту руководство непосредственного таланта» и «увлекся желанием попробовать свои силы на чуждой ему почве — на почве сознательной мысли» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Обращает на себя внимание следующее обстоятельство. И Гончарову и Гоголю Белинский советует чуждаться сознательной социальной тенденции, сохранить свое творчество свободным от направления, «не вступать на почву сознательной мысли» и, тем более, на путь публицистики, а оставаться писателями, которые руководствуются «непосредственным талантом», «бессознательным чувством и инстинктом художника». В этом спасение их творчества; иначе ему угрожает гибель. «Иной поэт, — писал Белинский, имея в виду Гоголя, — только до тех пор и действует могущественно, дает новое направление целой литературе, пока просто, инстинктивно, бессознательно следует внушению своего таланта, а лишь только начнет рассуждать и пустится

в философию, — глядь, и споткнулся, да еще как!» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»). В письме к Кавелину от 7 декабря 1847 года Белинский заявлял даже, что не только Гоголь, но и все гении действуют бессознательно.

Подобные суждения Белинского вызвали много кривотолков. И. А. Гончаров в «Заметках о личности Белинского» даже превратил великого критика в тайного сторонника беспристрастного, «бестенденциозного» искусства. «На меня он, — вспоминал Гончаров о Белинском, — иногда как будто накидывался за то, что у меня не было злости, раздражения, субъективности. — «Вам все равно: попадется мерзавец, дурак или порядочная, добрая натура — всех одинаково рисуете: ни любви, ни ненависти ни к кому». И это скажет (и не однажды говорил) с какою-то доброю злостью, а однажды положил ласково после этого мне руки на плечи и прибавил почти шопотом: «А это хорошо, это и нужно, это признак художника!» — как будто боялся, что его услышат и обвинят за сочувствие к бестенденциозному писателю».

Эта легенда о Белинском — проповеднике бессознательного и безидейного реализма, чуть ли не мистической интуиции — дожила до последнего времени. Так, А. Лаврецкий в своей книге «Белинский, Чернышевский и Добролюбов в борьбе за реализм» утверждает, что Белинский будто бы до конца своей жизни «не мог изжить недооценку сознательного творческого процесса», что и «на высшей ступени своего развития определяющим началом литературы» он якобы признавал «тенденцию смутную, инстинктивную, а не сознательную».

Совершенно несомненно, что такие представления об эстетике Белинского ошибочны. Ясно, что основные принципы эстетики Белинского последних лет его жизни резко враждебны бестенденциозному, бессознательному, бесстрастному творчеству. Ясно, что Белинский был последовательным поборником сознательного, проникнутого передовыми идеями своего времени, социально направленного реалистического искусства для народа. В этом убеждает уже тот материал, который приведен нами. Иначе как можно, например, объяснить сожаление Белинского, что Диккенс так «мало субъективен» и «не дано ему сознательных симпатий и стремлений хотя настолько, сколько

их у Eugène Sue» (письмо Боткину от декабря 1847 года), или его похвалы Герцену как писателю, главным достоинством которого является «могущество мысли».

Последнее обстоятельство особенно существенно. В одной и той же статье — второй части «Взгляда на русскую литературу 1847 года» — Белинский, говоря о Герцене и Гончарове, хвалит одного за то, за что порицает другого. Главная сила творчества Герцена, по мнению Белинского, в могуществе мысли; Гончаров же терпит неудачу, когда встает на почву сознательной мысли. Главная сила Гончарова в непосредственном творчестве; Герцен же терпит неудачу, когда пытается писать о чем-либо без ясно осознанной цели. Налицо как будто бы явное противоречие, и Белинский в одном случае выступает защитником сознательного, тенденциозного творчества, а в другом случае — творчества бессознательного, бесцельного.

Но неужели сам Белинский не видел этого «противоречия?» Он не мог не видеть его, потому что очень продуманно сравнивал и сопоставлял Герцена и Гончарова. Он только не находил никакого действительного противоречия в своих суждениях. Да его и не было. Просто у Белинского речь шла о двух различных типах художников, а главное, о двух различных типах мысли, тенденции, направления. Революционные идеи и тенденции творчества Герцена не только не казались Белинскому вредными для его, Герцена, произведений, но, наоборот, составляли их силу, так как были передовыми, отвечающими интересам народа, истинно отражающими объективное развитие действительности. Либеральные же идеи и тенденции творчества Гончарова казались Белинскому опасными для его — Гончарова — произведений, так как были ложными, не отвечающими интересам народа, искажающими объективное развитие действительности. Вот почему Белинский советовал Гончарову не становиться на почву сознательной мысли, а руководствоваться непосредственными внушениями таланта.

Так нам представляется позиция Белинского в данном случае, так поступал Белинский и при других аналогичных обстоятельствах. Скажем, Гоголя он порицал за то, что тот взял на себя роль прорицателя и глашатая истин, начал рассуждать и пустился в философию, порицал

вовсе не потому, что был противником рассуждающих и философски мыслящих писателей, а потому, что эти рассуждения и философствования были ложными, реакционными и, естественно, пагубно отражались на творчестве Гоголя. Известно ведь, что за несколько лет до этого, в 1842 году, Белинский утверждал, что «сила непосредственного творчества... много вредит Гоголю. Она, так сказать, *отводит ему глаза* от идей и нравственных вопросов, которыми кипит современность» («Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя «Мертвые души»).

Выходит, что Белинский вовсе не был защитником бессознательного творчества, а лишь выступал против привнесения некоторыми писателями в свои произведения ложных идей и тенденций. Нельзя назвать ни одного случая, когда Белинский рекомендовал бы держаться на почве «непосредственного творчества» и «не вступать на почву сознательной мысли» художнику, выражающему в своем творчестве передовые идеи и тенденции своего времени. И этого не могло быть по той простой причине, что он боролся за искусство, соединяющее высокое художественное мастерство с передовой идеологией.

Что же касается тех художников, в произведения которых проникали реакционные идеи, объективный смысл творчества которых был гораздо значительней авторских намерений или даже находился в противоречии с социально-политическими предрассудками авторов (а таких художников в условиях капитализма было много), то Белинский, стремясь оградить их творчество от ложных теорий и убеждений, советовал им руководствоваться внушениями своего таланта, бессознательным художественным чувством и инстинктом, т. е. свойственным каждому большому художнику тяготением к правде, к реализму.

Это был, пожалуй, максимум требований и пожеланий, которые можно было предъявить такого рода художникам. Белинский хорошо понимал сложность художественного творчества и психологии художников и относился к писателям с большим вниманием и уважением, учитывая их индивидуальные особенности. Его критика была принципиальной и суровой, но всегда открывала перед писателями возможность исправления недостатков и пути дальнейшего роста. Его советы были требовательны, но доступны по идее и выполнимы. Поэтому он и считал

за лучшее для Гоголя, Гончарова и им подобных писателей (в той или иной мере далеких от передовых взглядов) следовать не за идеями и теориями (ложными), а за непосредственной правдой самой действительности. В сущности говоря, для Белинского это означало борьбу против реакционных идейных влияний на художника, за реалистическое, передовое и народное искусство.

Как же мог Белинский поступить иначе? Не мог же он, например, в статье о «Выбранных местах из переписки с друзьями» растолковать Гоголю, насколько ошибочна, реакционна и губительна для его творчества идеология православия, монархизма и феодальной реакции и насколько правильна, прогрессивна и полезна для его творчества идеология материализма, социализма и революции. Цензура не пропустила бы такой статьи, как не пропустила бы статьи, в которой Гончарову разъяснялись бы все преимущества революционно-демократической идеологии перед либерально-буржуазной. Приходилось искать другие способы ограждения талантливых художников от реакционных идейных влияний, приходилось убеждать, что этим художникам не следует подчинять свое творчество политическим направлениям и идеям, а следует держаться непосредственного творчества. Белинский надеялся, что в этом случае присущее художнику стремление к правде предохранит его творчество от идейных пороков и искажения действительности. Примером, по его мнению, мог быть хотя бы французский писатель Шарль Бернар. «Легитимист по своим убеждениям,— писал о нем Белинский, — он этим иногда вредит себе как поэту, но поэтический инстинкт в нем так крепок, что от него часто достается своим, и нередко выставляет он в лучшем свете чужих» (статья о романе Е. Сю «Тереза Дюнойе»).

Остается еще добавить, что в последние годы своей жизни Белинский, употребляя выражения «бессознательное чувство», «поэтический инстинкт», «непосредственное творчество», «внушения таланта» и т. п., не вкладывал в них какого-либо идеалистического смысла. Он имел в виду естественное тяготение художника к правдивому воспроизведению действительности (без чего нет искусства), непосредственное стремление к реальному, возникающее у писателей, ученых и деятелей искусства под воздействием объективной действительности. Позднее

Добролюбов в том же смысле говорил о «верном чутье действительной жизни» у А. Н. Островского, о свойственном ему «непосредственном художническом чувстве», о том, что «чувство художественной правды спасало его» и т. п. В сущности говоря, и Белинский и Добролюбов в данном случае близки к Ф. Энгельсу, писавшему о величайшей победе реализма над классовыми симпатиями и политическими предрассудками «старика Бальзака».

Даже заявление Белинского в письме к Кавелину о том, что все гении действуют бессознательно, хотя и является ошибочным, но не содержит в себе ничего идеалистического. Белинский утверждает здесь вовсе не интуитивный характер творческого процесса, а лишь указывает на то, что выдающиеся художники и исторические деятели не сознают объективного смысла и результатов своей деятельности.

Таким образом, Белинский не только не был склонен к недооценке сознательного творчества и тем более к пропаганде так называемого бестенденциозного искусства, а, как уже было сказано, был последовательным и непримиримым борцом за идейность искусства, за его сознательное служение передовым идеалам человечества. Как защитник и проповедник идейности в искусстве Белинский является предшественником советской критики и ее надежным союзником в борьбе против идеалистической эстетики, получившей распространение в странах капитализма. «Марксистская литературная критика, — говорил товарищ Жданов, — являющаяся продолжательницей великих традиций Белинского, Чернышевского, Добролюбова, всегда была поборницей реалистического, общественно направленного искусства». [1]

Борьба за идейность искусства соединялась в критике Белинского с борьбой за художественное мастерство, за высокое качество произведений искусства. В период работы Белинского в «Современнике» его деятельность в этом отношении стала особенно активной и глубокой. Белинский прилагал усилия к тому, чтобы писатели

---

[1] Доклад т. Жданова о журналах «Звезда» и «Ленинград», 1946, стр. 24.

в своем стремлении к созданию идейных и актуальных произведений не упускали из виду заботу о высоком художественном качестве своих произведений. Он хотел, чтобы в их произведениях «глубокость живой общественной идеи неразрывно сочеталась с бесконечною художественностью образов». Именно в этом и только в этом заключается смысл столь частых в эти годы утверждений Белинского, что «если произведение, претендующее принадлежать к области искусства, не заслуживает никакого внимания по выполнению, то оно не стоит никакого внимания и по намерению, как бы ни было оно похвально, потому что такое произведение уже нисколько не будет принадлежать к области искусства».

Выраженная столь определенно в «Ответе «Москвитянину», эта мысль была еще резче и яснее сформулирована Белинским во «Взгляде на русскую литературу 1847 года». «Какими бы прекрасными мыслями ни было наполнено стихотворение, как бы ни сильно отзывалось оно современными вопросами, но если в нем нет поэзии, — в нем не может быть ни прекрасных мыслей и никаких вопросов, и все, что можно заметить в нем, — это разве прекрасное намерение, дурно выполненное».

Белинский считал, что, конечно, далеко не всякий пишущий может создавать произведения искусства. Для этого мало образования, жизненного опыта, передовых взглядов, для этого нужно дарование, особые способности. «Как ни списывайте с натуры, как ни сдабривайте ваших списков готовыми идеями и благонамеренными «тенденциями», но если у вас нет поэтического таланта, — списки ваши никому не напомнят своих оригиналов, а идеи и направления останутся общими риторическими местами», — писал Белинский («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Да и перед человеком с талантом, задумавшим создать подлинное произведение искусства, стоят огромные трудности. «Искусство, — по словам Белинского, — имеет свои законы, без уважения которых нельзя хорошо писать». Так, например, любое направление, любые идеи в произведении искусства должны быть выражены в живых образах и характерах — в форме, свойственной искусству, а не даны в виде логических понятий и умозаключений. А для этого необходимо, чтобы идеи и направление вошли

в самую плоть и кровь художника, а не схватывались на ходу с тем, чтобы быть поспешно изложенными в так называемом «художественном» произведении. На основе наспех внушенных и наспех воспринятых идей сколько-нибудь значительного произведения искусства, по мнению Белинского, создать невозможно.

«Теперь многих увлекает, — писал Белинский, — волшебное словцо: «направление»; думают, что все дело в нем, и не понимают, что в сфере искусства, во-первых, никакое направление гроша не стоит без таланта, а во-вторых, самое направление должно быть не в человеке только, а прежде всего в сердце, в крови пишущего, прежде всего должно быть чувством, инстинктом, а потом уже, пожалуй, и сознательною мыслию, — что для него, этого направления, так же надобно родиться, как и для самого искусства. Идея, вычитанная или услышанная и, пожалуй, понятая, как должно, но не проведенная через собственную натуру, не получившая отпечатка вашей личности, есть мертвый капитал не только для поэтической, но и всякой литературной деятельности» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

Тот, кто на основании этого высказывания Белинского сделал бы вывод, что великий критик, охраняя свободу художественного творчества, был против всякого направляющего руководства искусством, допустил бы такую же непростительную ошибку, как и тот, кто из слов Белинского «никто не вправе задавать художнику сюжетов» или «нельзя писать повести по заказу» сделал бы вывод, что он был против всякого «вмешательства» в творческую работу. Белинский был против прямолинейного примитивно грубого подхода к творческой деятельности, справедливо считая, что таким путем только помешаешь созданию произведений искусства, но он полагал, что «свобода творчества легко согласуется со служением современности» и художнику можно и подсказать сюжет, и обратить его внимание на ту или иную тему, и дать ему нужное направление, если только оно «без усилия, свободно сходится с его талантом, его натурою, инстинктом и стремлением» («Ответ «Москвитянину»). Лишь в этом случае можно ожидать от писателя создания высокохудожественных произведений искусства.

В своей борьбе за высокое художественное качество литературы Белинский придавал особое значение разоблачению натурализма. Защищая и вдохновляя натуральную школу в литературе, Белинский способствовал развитию реализма и вовсе не пропагандировал натурализма. Последний он считал серьезной опасностью для литературы и во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» посвятил блестящие страницы его критике.

По мнению Белинского, чтобы правдиво воспроизвести действительность, мало овладеть искусством копииста; чтобы создать произведение искусства, «надобно уметь явления действительности провести через свою фантазию, дать им новую жизнь». Не получится произведения искусства и у того живописца, который, делая портрет, ограничится внешним сходством и не покажет души оригинала, как и у того писателя, который, описывая те или иные события, не проникает «во внутреннюю сущность дела» и в «тайные душевные побуждения» действующих лиц.

Самым главным пороком натуралистических произведений Белинский считал отсутствие в них типических образов, художественных обобщений. «Когда в романе или повести, — писал Белинский, — нет образов и лиц, нет характеров, нет ничего *типического*, как бы верно и тщательно ни было списано с натуры все, что в нем рассказывается, читатель не найдет тут никакой натуральности, не заметит ничего верно подмеченного, ловко схваченного. Лица будут перемешиваться между собою в его глазах; в рассказе он увидит путаницу непонятных происшествий. Невозможно безнаказанно нарушать законы искусства». Зато если художник сквозь внешний покров событий проникнет в их сущность и сквозь единичное и случайное увидит необходимое и типическое — искусство сторицей вознаграждает его талант и усилия. «Лицо, ничем не замечательное само по себе, — писал Белинский, — получает через искусство общее значение, для всех равно интересное, и на человека, который при жизни не обращал на себя ничьего внимания, смотрят века, по милости художника, давшего ему своею кистью новую жизнь!»

Постоянно выступал Белинский и против всякого сочинительства, литературщины ремесленного и формалистического характера. Изображение запутанных, невероятных и неестественных событий, мелодраматические

эффекты, вычурный язык преследовались им с поразительной настойчивостью и убийственным остроумием. Рецензии на произведения Кукольника, Марлинского, Вельтмана и некоторых других русских и иностранных литераторов являются тому примером.

Страсть к блеску и эффекту является ахиллесовой пятой Марлинского, — утверждал Белинский в рецензии на собрание его сочинений. «Треск и блеск — это были его вдохновители, и он был их искренним певцом,— писал критик. — Желание блестеть заставляло его усиливать и природное свое остроумие, становить на дыбы страсть и чувство, делать вычурным и натянутым и без того ярко-пестрый слог,— словом, вдаться во все крайности фразерства».

Можно подвести некоторые итоги. В своих литературно-эстетических воззрениях периода работы в «Современнике» Белинский развивал материалистическое понимание искусства как воспроизведения действительности в образах, боролся за его демократизацию и критическое, «отрицательное» направление литературы, защищал общественно-историческое понимание искусства против теории «чистого искусства», ратовал за его идейность и народность, за его высокое художественное качество.

Свои литературно-эстетические позиции Белинский отстаивал в ожесточенной, непримиримой борьбе с многочисленными врагами. Он наносил сокрушающие удары всем представителям общественно-литературной реакции, защищавшим идеалистические взгляды на искусство и сопротивлявшимся развитию реализма в России, — Булгарину, Шевыреву, славянофилам; всем эклектикам в критике, вроде А. Григорьева, пытавшегося примирить сочувственное отношение к некоторым произведениям натуральной школы с положительным отношением к мистицизму и «Выбранным местам из переписки с друзьями», или Э. Губера, страдавшего крайней неопределенностью мнений, взявшего под свою защиту «чистое искусство»; всем либералам-западникам, вроде «сибарита и сластены» Боткина. [1]

---

[1] О борьбе Белинского со своими журнальными врагами см. в статье Н. И. Мордовченко «Белинский в борьбе за натуральную школу» — «Литературное наследство» № 55, М., 1948.

Борьба Белинского за реализм, народность и идейность литературы оказала огромное влияние на развитие русского (а через него и мирового) искусства. Поскольку Белинский, как и Герцен, остановился перед историческим материализмом, его взгляды на искусство не имели научно-исторической основы, и в этом заключался их главный недостаток. Но тем не менее Белинский в своей эстетике стоял на голову выше буржуазной эстетической мысли Западной Европы.

С борьбой за реалистическое искусство неразрывно связаны у Белинского взгляды на историю русской литературы, на творчество отдельных русских писателей как недавнего прошлого, так и современных.

Понимание Белинским истории русской литературы, естественно, страдало серьезными недостатками. Он не смог показать классовой борьбы в литературе, недооценивал национальную самостоятельность русской литературы XVIII века, неправильно характеризовал творчество Ломоносова, утверждая, что он выражал «в своих стихах чувства, понятия и идеи, выработанные не нами, не нашею жизнию и не на нашей почве» и т. д.

При всем этом следует отметить, что в своем последнем общем обзоре русской литературы — во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» — Белинский не только обнаружил понимание истории русской литературы как закономерного процесса, связанного с развитием русской общественной жизни, не только дал глубокие и правильные характеристики многим русским писателям XVIII и первой половины XIX века, но и стал по-иному оценивать самобытность русской литературы XVIII века. Выдвинув в истории литературы на первый план направление, ведущее начало от Кантемира, стремившееся к действительности, к жизни, Белинский тем самым, естественно, значительно сильнее, чем раньше, подчеркнул самостоятельность русской литературы.

По мнению Белинского, изложенному в двух последних обзорах русской литературы, своеобразие истории русской литературы послепетровской эпохи заключалось в том, что она развивалась по двум направлениям. Начало одному из них положил Ломоносов — «Петр Великий русской литературы». В лице Ломоносова, — писал Белинский, — русская литература «обнаружила стремление

к идеалу, поняла себя как оракула жизни высшей, выспренной, как глашатая всего высокого и великого». Поэзия Ломоносова казалась Белинскому книжной, отвлеченной, риторической; ей нехватало реального жизненного содержания, что, по мнению Белинского, неудивительно, так как в те времена в России не было общества и общественной жизни и литературе неоткуда было брать содержание.

Другое направление Белинский ведет от Кантемира — «человека необыкновенного таланта», «первого по времени» русского поэта. «В лице Кантемира, — писал Белинский, — русская поэзия обнаружила стремление к действительности, к жизни, как она есть, основала свою силу на верности натуре». Поэзия Кантемира тоже имела свои недостатки: склонность к комизму, к преувеличениям и карикатурности. Однако Белинский поясняет, что «манера, с какою Кантемир взялся за дело», утверждает за его направлением «преимущество истины и реальности».

Оба направления русской литературы развивались параллельно, постепенно сближаясь. Впервые, считает Белинский, они слились в лучших, наиболее оригинальных русских одах Державина («Фелице», «Вельможе», «На счастие»). Поэзия Державина — от природы гениального поэта — значительно «разнообразнее, живее, человечнее», нежели поэзия Ломоносова. В этом сказалось прогрессивное развитие русского общества XVIII века. Однако в поэзии Державина слияние двух направлений русской литературы только наметилось.

Ломоносовские традиции продолжали Карамзин и Дмитриев, Жуковский и Батюшков. Карамзин, по мнению Белинского, имеет великие заслуги; он перевел литературу «из книги в жизнь, из школы в общество». В произведениях Жуковского и Батюшкова «языком поэзии заговорили уже не одни официальные восторги, но и такие страсти, чувства и стремления, источником которых были не отвлеченные идеалы, но человеческое сердце, человеческая душа».

Традиции Кантемира продолжали Фонвизин, Крылов, Грибоедов. В лице Фонвизина — писателя, «которого читать есть чистое наслаждение», — русская литература, по словам Белинского, «сделала огромный шаг к сближению с действительностью: его сочинения — живая летопись той эпохи». В баснях Крылова сатира становится

вполне художественной и редко переходит в преувеличение и карикатуру. Крылов, — писал Белинский, — «первый великий натуралист в нашей поэзии. Зато он первый и подвергся упрекам за изображение «низкой природы», особенно за басню «Свинья». Посмотрите, как натуральны его животные: это настоящие люди с резко очерченными характерами, и притом люди русские, а не другие какие-нибудь». Крылов подготовил язык и стих для «бессмертной комедии Грибоедова».

Оба направления русской литературы постепенно сближались между собой все больше и больше. «Наконец, — пишет Белинский, — явился Пушкин, поэзия которого относится к поэзии всех предшествовавших ему поэтов, как достижение относится к стремлению». В ней слились в один широкий поток оба, до того текшие раздельно, ручья русской поэзии. С Пушкина начался новый период русской литературы. В «Евгении Онегине» идеалы, по словам Белинского, «уступили место действительности или по крайней мере то и другое до того слилось во что-то новое, среднее между тем и другим, что поэма эта должна по справедливости считаться произведением, положившим начало поэзии нашего времени. Тут уже натуральность является не как сатира, не как комизм, а как верное воспроизведение действительности, со всем ее добром и злом, со всеми ее житейскими дрязгами».

«Смысл и душу истории нашей литературы», по мнению Белинского, составляет движение литературы к самобытности, народности, реализму. Он считает, что окончательно утвердил победу этих начал в русской литературе Гоголь. Только русский писатель мог с такой истиной и верностью изображать русскую действительность, обратив все свое внимание на толпу, на массу, на обыкновенных людей. Вместе с тем. в творчестве Гоголя достигло огромного успеха и то плодотворное «отрицательное направление», начало которому было положено еще Кантемиром. Гоголь, по словам Белинского, «ничего не смягчает, не украшает вследствие любви к идеалам, или каких-нибудь заранее принятых идей, или привычных пристрастий, как, например, Пушкин в «Онегине» идеализировал помещичий быт».

Гоголь оказал огромное влияние на русскую литературу. Многие писатели, и молодые и старые, замечает

Белинский, «бросились на указанный им путь». Он явился основателем школы, которая получила название натуральной и «стоит теперь на первом плане литературы». С появлением натуральной школы русская литература, по утверждению Белинского, «никогда уже не оставит быть верною действительности и натуре... она нашла уже свою настоящую дорогу и больше не ищет ее, но с каждым годом все более и более твердым шагом продолжает итти по ней».

Так Белинский доводит историю русской литературы до современности и даже до предположений о ее будущем. «Настоящее есть результат прошедшего и указание на будущее» — этими словами начинает он свой «Взгляд на русскую литературу 1846 года». Историческое обозрение русской литературы дало возможность Белинскому убедительно доказать, что натуральная школа, т. е. реализм, не только не является случайным и недолговременным явлением в русской литературе (как утверждали ее враги), а наоборот, представляет собою естественный и необходимый результат всего предшествующего развития русской литературы и опирается на глубокие и плодотворные традиции. Натуральная школа была, — писал Белинский в «Ответе «Москвитянину», — «результатом всего прошедшего развития нашей литературы и ответом на современные потребности нашего общества, потому что сам Гоголь, ее основатель, был результатом всего прошедшего развития нашей литературы и ответом на современные потребности нашего общества».

История русской литературы предстает в изложении Белинского как закономерный процесс, где всюду видна «живая историческая связь, новое выходит из старого, последующее объясняется предыдущим и ничто не является случайным». При этом история литературы вовсе не является у него замкнутым в себе процессом развития литературных идей, а определяется историей русского общества, его состоянием и потребностями.[1]

---

[1] О взглядах Белинского на историю русской литературы см. статью А. Лаврецкого «Историко-литературная концепция Белинского, ее предшественники, последователи и критики» — сборник «Белинский — историк и теоретик литературы», М. — Л., 1949.

С Гоголем Белинский из области истории литературы вступал уже в область литературы современной. Гоголь завершал историю литературы послепетровской эпохи и в то же время был зачинателем, основоположником натуральной школы. И хотя после 1842 года Гоголь больше не выступал с художественными произведениями, он продолжал быть в центре всех литературных споров, его творчество неизбежно вызывало те или иные суждения при каждом сколько-нибудь серьезном разговоре о натуральной школе.

Когда появились «Выбранные места», это необычайно обрадовало и оживило лагерь врагов творчества Гоголя. Теперь они получили возможность ссылаться на мнения самого Гоголя, на его отречение от своих прежних сочинений, на выступления Гоголя против своих почитателей, объявивших его главой новой литературной школы, и т. п. Естественно, что Белинский должен был усилить борьбу за свое понимание творчества Гоголя. Поэтому он обращается к характеристике художественного творчества Гоголя постоянно: не только в рецензии на второе издание «Мертвых душ» и в статье о «Выбранных местах», но и в «Ответе «Москвитянину», и в обзорах русской литературы за 1846 и 1847 годы, и в «Современных заметках».

«Выбранные места» не изменили той высокой оценки, которую Белинский давал «Мертвым душам», «Ревизору» и повестям Гоголя раньше. «Когда мы хвалили сочинения Гоголя, — писал Белинский в статье о «Выбранных местах», — то не ходили к нему справляться, как он думает о своих сочинениях, а судили о них сообразно с теми впечатлениями, которые они производили... Так точно и теперь мы не пойдем к нему спрашивать его, как теперь прикажет он нам думать о его прежних сочинениях и о его «Выбранных местах из переписки с друзьями». Теперь Белинскому приходилось отстаивать свою трактовку Гоголя как основоположника натуральной школы и «отрицательного направления» не только от своих старых врагов, Булгарина, Шевырева и других, но и от Самарина, утверждавшего, что Гоголь изображал мир пошлости в силу «личной потребности очищения», и от А. Григорьева, видевшего в Гоголе поэта «христианской любви и всепрощения», и от В. Майкова, считав-

шего, что Гоголь писатель односторонне критический и его творчеству недостает идеалов.

Особенно необходимым считал Белинский разбить ложные представления о Гоголе как о комическом писателе, умевшем изображать будто бы только пошлую сторону жизни, отвратительных, пошлых уродов. Как известно, мнение о том, что стихией Гоголя является комизм, было пущено в ход Шевыревым еще в 1830-х годах и с тех пор настойчиво распространялось всей реакционной критикой. Это был один из способов, которым реакционные критики пытались снизить социальное значение творчества Гоголя, притупить его остроту.

По мнению Белинского, Гоголь писатель вовсе не комический, и особенность его творчества заключается в соединении комического и трагического, серьезного и смешного. «Талант Гоголя, — писал Белинский, — это не один дар выставлять ярко пошлость жизни, а еще более — дар выставлять явления жизни во всей полноте их реальности и их истинности». И герои Гоголя это не смешные, отвратительные уроды, а обыкновенные люди, каких много, типические представители современного общества. Разъясняя смысл таких суждений о Гоголе в «Ответе «Москвитянину», Белинский писал Кавелину 7 декабря 1847 года: «У нас все думают, что, если кто, сидя в театре, от души гнушается лицами в «Ревизоре», тот уже не имеет ничего общего с ними, и я хотел заметить, с одной стороны, что самые лучшие из нас не чужды недостатков этих чудищ, а с другой, что эти чудища — не людоеды же». Позднее во «Взгляде на русскую литературу 1847 года» Белинский развил это положение и более обстоятельно и более осторожно. Вместе с тем в произведениях Гоголя, считал Белинский, можно видеть и идеалы писателя, только они выражены не посредством положительных образов, и вместе с тем «идеал тут понимается не как украшение (следовательно, ложь), а как отношения, в которые автор становит друг к другу созданные им типы, сообразно с мыслию, которую он хочет развить своим произведением» («Взгляд на русскую литературу 1847 года»).

В том же письме к Кавелину Белинский высказал и еще одну важную мысль, относящуюся к творчеству Гоголя, мысль, которую он не решался сформулировать

в печати, — о различии между Гоголем и натуральной школой. По его мнению, натуральная школа, унаследовав от Гоголя и форму и содержание, воспользовалась последним «не лучше его (куда ей в этом бороться с ним), а только сознательнее». Иначе говоря, Белинский полагал, что писатели натуральной школы, уступая Гоголю в даровании, «сознательнее», чем он, подходят к критике самодержавно-крепостнической России. Известно, что еще в некоторых лирических отступлениях «Мертвых душ» Белинский увидел «зерно совершенной утраты» Гоголя для русской литературы; а с появлением «Выбранных мест» ему стало совершенно ясно, что Гоголь стал на путь обскурантизма и реакции.

Что же касается писателей натуральной школы, то, конечно, уровень «сознательности» был у них не одинаков. Признавая в той или иной степени литературно-эстетические принципы Белинского, они совершенно различно относились к его социально-политическим идеям. И Белинский превосходно видел это.

Не желая, а иногда и не имея возможности пред лицом реакции, идейно-политических врагов, журнальных доносчиков полностью раскрывать идейные расхождения между писателями натуральной школы, Белинский, тем не менее, с достаточной ясностью указывал на их идейно-художественные различия. Не делать этого — означало бы внести путаницу в сознание читателей, отказаться от идейного воспитания писателей, стать на путь «терпимости», столь чуждый Белинскому. Но, разумеется, Белинский и в критике писателей натуральной школы, писателей-реалистов был как нельзя более далек от вульгарно-примитивных и грубых методов.

Как известно, появление Ф. М. Достоевского в литературе было встречено Белинским весьма положительно. В статье о «Петербургском сборнике», напечатанной в «Отечественных записках» весной 1846 года, он дал пространный разбор его первого романа «Бедные люди». В этом разборе Белинский возлагал на Достоевского большие надежды как на талантливого продолжателя Гоголя.

Но в «Современнике» Белинский занял по отношению к творчеству Достоевского иную позицию. Дело в том, что после «Бедных людей» в его произведениях явственно

обозначились разрыв с критическим реализмом и гуманизмом и переход к антисоциальному, граничащему с патологией, психологизму. Поэтому Белинский относится теперь значительно сдержаннее даже к «Бедным людям», хотя и продолжает считать, что «воспроизведение трагической стороны жизни» составляет главную силу таланта Достоевского (рецензия на отдельное издание «Бедных людей» — «Современник» 1848, № 1).

Во втором произведении Достоевского — повести «Двойник» — Белинский нашел «чудовищные недостатки», из которых ему особенно существенным представляется «фантастический колорит». Говоря об этом, Белинский, несомненно, имел в виду психопатологический характер повести. «Фантастическое в наше время может иметь место только в домах умалишенных, а не в литературе, и находиться в заведывании врачей, а не поэтов», — писал он.

Еще более отрицательно отозвался Белинский о повести Достоевского «Господин Прохарчин». Эту повесть, по его мнению, породило «не то умничанье, не то претензии... иначе она не была бы такою вычурною, манерною, непонятною». «В ней, — писал Белинский, — сверкают яркие искры большого таланта, но они сверкают в такой густой темноте, что их свет ничего не дает рассмотреть читателю» («Взгляд на русскую литературу 1846 года»).

Через год, в своем последнем обзоре русской литературы, Белинский дал характеристику повести Достоевского «Хозяйка». К этому времени Достоевский еще дальше отошел от гоголевских традиций и «отрицательного направления». Это было совершенно ясно Белинскому. «Автор хотел попытаться помирить Марлинского с Гофманом, подболтавши сюда немного юмору в новейшем роде и сильно натеревши все это лаком русской народности», — справедливо констатировал он в своем отзыве о «Хозяйке». Достаточно напомнить все эти факты, характеризующие отношение Белинского к Достоевскому, чтобы стало ясно, насколько индивидуальным был подход Белинского к писателям, выступавшим в 1840-х годах под знаменем натуральной школы, насколько чужды и враждебны ему были идейно-художественные тенденции некоторых из них.

Не удовлетворяло Белинского и идейное направление Гончарова. Как известно, во «Взгляде на русскую лите-

ратуру 1847 года» он дал блестящий разбор «Обыкновенной истории», в котором осмыслил роман значительно более глубоко, чем сам Гончаров. Белинский находил, что «Обыкновенная история» — одно из лучших произведений русской литературы, а талант ее автора считал «сильным» и «замечательным». «А какую пользу принесет она обществу! — писал Белинский об «Обыкновенной истории» Боткину. — Какой она страшный удар романтизму, мечтательности, сентиментальности, провинциализму!» (письмо от 15—17 марта 1847 года).

Но вместе с тем Белинский, как уже говорилось, нашел, что слабая сторона творчества Гончарова заключается в отсутствии у него передового мировоззрения и направления. И там, где Гончаров пытается стать «на почву самостоятельной мысли» и навязать читателям свои тенденции, он терпит неудачу. Отсюда некоторый дидактизм и фальшивая развязка романа.

Совершенно ясно, что Белинский видел буржуазно-либеральную ограниченность Гончарова. И хотя он предпочитает Адуева-дядю племяннику и считает, что бюрократ и заводчик Петр Иванович Адуев — «порядочный человек, каких, дай бог, чтоб было больше», но в то же время весьма далек от сколько-нибудь восторженного отношения к нему и прямо осуждает его «практическую философию». Он видит в мантии этой философии широкую прореху и утверждает, что «человеку нужно и еще чего-нибудь немножко, кроме здравого смысла». По словам Белинского, только для «людей положительных и рассудительных» Петр Иванович является идеалом и только «мечтатели» принимают его за изверга. Мнение Белинского противостоит тем и другим и вполне соответствует той позиции, которую он занял в спорах о роли буржуазии. [1]

[1] Никак нельзя согласиться с тем, что «гимн буржуазной деловитости», «гимн поднимающемуся российскому фабриканту», пропетый автором «Обыкновенной истории», «был горячо одобрен Белинским», что Петр Иванович Адуев был любимцем Белинского, предметом его пылкого увлечения и т. п. (В. Е. Евгеньев-Максимов, «Современник» в 40—50 гг.», стр. 172—174). Об отношении Белинского к Гончарову и его творчеству см. статью Н. К. Пиксанова «Белинский в борьбе за Гончарова» — «Ученые записки» Ленинградского гос. университета, серия филолог. наук, вып. 11, 1941.

Высоко оценил Белинский художественные достоинства «Записок охотника». Говоря о них во «Взгляде на русскую литературу 1847 года», Белинский отметил, что после длительных поисков своей дороги Тургенев нашел ее и в «Записках охотника» «талант его обозначился вполне». В письме же к Тургеневу от 19 февраля 1847 года Белинский предугадал и будущую известность и славу Тургенева: «Судя по «Хорю», вы далеко пойдете».

Однако не все четырнадцать рассказов из «Записок охотника», известные Белинскому, нравились ему в одинаковой степени. Выше других рассказов он ценил «Хоря и Калиныча» и «Бурмистра», а после них «Однодворца Овсяникова» и «Контору». К другим рассказам («Лебедянь», «Малиновая вода», «Уездный лекарь») Белинский отнесся сдержаннее. Совершенно несомненно, — и это надо подчеркнуть, — что Белинский выделял наиболее сильные и острые в антикрепостническом отношении рассказы. Известно, что высоко оцененный Белинским рассказ «Бурмистр» написан Тургеневым во время совместной жизни с Белинским в Зальцбрунне.[1]

За постановку крестьянского вопроса и антикрепостническую направленность ценил Белинский и повести Григоровича «Деревня» и «Антон Горемыка», хотя и видел, что в художественном отношении они (особенно «Деревня») стоят несравненно ниже, чем «Записки охотника». Тургенев вспоминает, что появившуюся в 1846 году «Деревню» Белинский не только нашел весьма замечательной, «но немедленно определил ее значение и предсказал то движение, тот поворот, которые вскоре потом произошли в нашей словесности». Когда славянофилы резко напали на «Деревню» за якобы клевету на русское крестьянство, Белинский в «Ответе «Москвитянину» решительно отстаивал повесть Григоровича и необходимость изображать темные стороны крестьянского быта.

Как о «Записках охотника», так и о повестях Григоровича Белинский не мог высказать свое мнение в печати с полной откровенностью. О содержании тургеневского

---

[1] Об отношении Белинского к творчеству Тургенева см. статью Н. Л. Бродского «Белинский и Тургенев» — сборник «Белинский — историк и теоретик литературы», М.—Л., 1949.

«Бурмистра» он не сказал ни слова, по поводу «Хоря и Калиныча» ограничился замечанием, что «автор зашел к народу с такой стороны, с какой до него к нему никто не заходил», а об «Антоне Горемыке» кратко заявил: «Это повесть трогательная, по прочтении которой в голову невольно теснятся мысли грустные и важные». Между тем в письме к Боткину в декабре 1847 года Белинский писал об «Антоне Горемыке» следующее: «Ни одна русская повесть не производила на меня такого страшного, гнетущего, мучительного, удушающего впечатления: читая ее, мне казалось, что я в конюшне, где благонамеренный помещик порет и истязует целую вотчину — законное наследие его благородных предков».

Высоко ценил Белинский направление литературно-художественной и публицистической деятельности Герцена. В нем он видел писателя, несравненно более близкого к себе по своему мировоззрению, чем другие литераторы натуральной школы, в том числе и Григорович и Тургенев. Разбор романа Герцена «Кто виноват?» принадлежит к лучшим проявлениям критики Белинского.

Как уже говорилось, главную силу и особенность таланта Герцена Белинский видит «в мысли, глубоко прочувствованной, вполне сознанной и развитой». Художники, подобные Герцену, по его мнению, могут изображать лучше всего «те стороны жизни, которые особенно почему бы то ни было поразили их мысль». Подчеркнув таким образом значение идей в искусстве, Белинский раскрывает (насколько было возможно по цензурным условиям) ту «задушевную мысль», которая служит источником вдохновения Герцена: «Это — страдание, болезнь при виде непризнанного человеческого достоинства, оскорбленного с умыслом и еще больше без умысла, это то, что немцы называют «гуманностью». Называя Герцена «проповедником и адвокатом» чувства гуманности, Белинский пишет, что «он изображает преступления, не подлежащие ведомству законов и понимаемые большинством как действия разумные и нравственные». Только в такой форме и мог Белинский указать на антикрепостническую и демократическую сущность творчества Герцена.

Главные достоинства романа «Кто виноват?» Белинский видит не в изображении трагической любви Бельтова и Круциферской и не в образе Бельтова

(он в конце романа «уже не Бельтов, а что-то вроде Печорина»), а в том ряде биографий, рассказанных Герценом, которые связаны мыслью о человеческом достоинстве, унижаемом «несправедливостью человека к своему ближнему». Вообще, все, что лежит за пределами основной мысли романа, Герцен, по мнению Белинского, изображает умно, умело, но не художественно. Это потому, что «в таланте Искандера поэзия — агент второстепенный, а главный — мысль».

Важно отметить и упрек, который делает Белинский Герцену по поводу образа Бельтова. Он считает, что натура Бельтова испорчена не только воспитанием (как показывает Герцен), но и богатством. «Тому, кто родился богатым, — писал Белинский, — надо получить от природы особенное призвание к какой бы то ни было деятельности, чтобы не праздно жить на свете и не скучать от бездействия». Если вспомнить в связи с этим тот спор, который позднее возникнет у Герцена с Добролюбовым по поводу «лишних людей», то можно с полным вероятием предположить, что Белинский был бы на стороне Добролюбова.

Представляет интерес и защита Белинским романа «Кто виноват?» от нападения Шевырева, который без всяких оснований обвинял Герцена в наводнении русского языка иностранными словами и в его искажении. По мнению Белинского, «охота пестрить русскую речь иностранными словами без нужды, без достаточного основания противна здравому смыслу и здравому вкусу, но она вредит не русскому языку и не русской литературе, а только тем, кто одержим ею. Но противоположная крайность, т. е. неумеренный пуризм, производит те же следствия, потому что крайности сходятся. Судьба языка не может зависеть от произвола того или другого лица».

Герцен как писатель не мог до конца удовлетворить Белинского. В его творчестве великий критик не видел того сочетания высокой художественности с передовой сознательной мыслью, которое он считал идеалом искусства. Был поэт, который удовлетворял Белинского в этом отношении больше, чем что-либо другой, — это Некрасов. В «Отечественных записках» Белинский не раз весьма положительно отзывался о стихотворениях Некрасова, находя, что в них «много ценного, *дельного* и современ-

ного». В «Современнике» писать о Некрасове, стоявшем во главе журнала, было неудобно, но в письмах этих лет Белинский писал о Некрасове, что «его теперешние стихотворения тем выше, что он, при своем замечательном таланте, внес в них и мысль сознательную и лучшую часть самого себя» (письмо Кавелину от 7 декабря 1847 года).

Прекрасно понимая, что писатели, примкнувшие к натуральной школе, различны и по степени своего дарования и по уровню «сознательности», и указывая на это в своих статьях, Белинский считал вместе с тем нужным поддерживать каждого более или менее способного и полезного литератора реалистического направления. Так, он одобрительно отзывался о рассказах и повестях В. И. Даля, о «Петербургских вершинах» Буткова, о «Полиньке Сакс» Дружинина и некоторых других произведениях, отвечавших в той или иной мере на запросы демократического читателя.

Неустанная и энергичная борьба за реализм и передовую идеологию в искусстве была тем более необходима, что и в конце 1840-х годов продолжали еще выходить произведения писателей «риторической школы» (Марлинского, Кукольника и др.), славянофильствующих литераторов (Загоскина, Вельтмана и др.), поэтов, тяготеющих к «чистому искусству» (Жадовской, Полонского и др.). Поддерживая и направляя развитие критического реализма, Белинский в то же время до конца своих дней продолжал разоблачать и подрывать авторитет всех представителей враждебных, отживающих свой век, направлений в литературе. Он писал в «Современнике» о неестественности произведений Кукольника и Марлинского, о губительном влиянии ложных идей на романы Загоскина и Вельтмана, о необходимости для таких поэтов, как Жадовская и другие, вооружиться «самобытною мыслию, горячим сочувствием к жизни, способностию глубоко понимать ее».

Характеристики творчества и произведений отдельных писателей, данные Белинским, являясь блестящим практическим применением его литературно-эстетической теории, философских и общественно-политических взглядов, сыграли огромную роль в развитии русской литературы, в идейно-художественном воспитании русских чита-

телей. Они учили читателей правильно оценивать явления искусства, разбираться в их идейном содержании и художественных особенностях, разоблачали в их глазах ложные литературные авторитеты и утверждали великое значение творчества Пушкина, Гоголя и их продолжателей и наследников. С другой стороны, они развенчивали носителей литературной реакции и всякого рода литературную бездарность и способствовали росту передовых, талантливых писателей. Известно, например, что Некрасов, Тургенев, Гончаров и многие другие писатели до конца своих дней помнили советы и указания Белинского и были им обязаны лучшими достижениями своего творчества.

Таким образом, во время работы в «Современнике» Белинский решительно продвинулся вперед и в области политической и философско-исторической мысли и в области литературной теории и критики. В период работы в «Современнике» он выступил в печати не только против славянофилов, но и против буржуазно-либеральных западников и космополитов, показал научную несостоятельность не только идеализма, но и позитивизма и вульгарного материализма, развил и углубил принципы материалистической эстетики, успешно боролся за развитие реалистического, высокохудожественного и идейного искусства. Вершиной творческой деятельности Белинского явилось его знаменитое письмо к Гоголю, с исключительной страстью и глубиной раскрывшее и политические, и философские, и литературные взгляды замечательного русского революционера, ученого, публициста и критика, названного нашим вождем и учителем товарищем Сталиным в числе славнейших людей великой русской нации.

V. СЛАВЯНОФИЛЬСКАЯ ЖУРНАЛИСТИКА

За последние десять-двенадцать лет советские ученые не раз с той или с другой стороны подходили к характеристике славянофильства. В 1939 году появились статьи Н. Державина «Герцен и славянофилы» («Историк-марксист», № 1), Н. Мещерякова «Западники и славянофилы» («Труды» Всесоюзной библиотеки им. В. И. Ленина, сб. IV), И. Барера «Западники и славянофилы в России в 40-х годах XIX века» («Исторический журнал», № 2). Незадолго до Великой Отечественной войны журнал «Большевик», отвечая на вопрос одного из читателей, напечатал пространную историческую справку «О панславизме», касавшуюся позиций славянофилов по славянскому вопросу (1940, № 10). Тогда же С. Дмитриев выступил в Институте истории Академии наук СССР с докладом «Славянофилы и славянофильство», вызвавшим оживленную дискуссию.[1] Одна из глав вышедшей в 1941 году книги Н. Рубинштейна «Русская историография» посвящена характеристике исторических взглядов славянофилов. В послевоенные годы С. Никитин в статьях «Возникновение Московского славянского комитета» («Вопросы истории» 1947, № 8), «Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века» («Ученые записки» Института славяноведения 1948, том I) и «Славянские съезды шестидесятых годов XIX века»

[1] Доклад С. Дмитриева и отчет о дискуссии были опубликованы в журнале «Историк-марксист» 1941, № 1.

(«Славянский сборник», 1948) характеризовал отношение славянофилов к славянству. Наконец, Н. Сладкевич посвятил свою статью полемике Чернышевского со славянофильской публицистикой («Вопросы истории» 1948, № 6).

При этом некоторые наши ученые стали на путь идеализации славянофилов, замалчивания их реакционных выступлений, неверного осмысления их социальных позиций. Н. Державин, например, утверждает, что «славянофилы в 40-х годах представляли собой группу националистически настроенной либеральной буржуазии», что они «выросли и воспитались» на традициях европейского национально-освободительного движения, что «Герцен гораздо ближе к славянофилам, чем можно было бы думать», и т. п. Доклад С. Дмитриева также подвергся справедливым обвинениям в бездоказательности утверждений о прогрессивности славянофильской идеологии, и в частности в необоснованном сближении учения славянофилов с утопическим социализмом. С. Никитин, отмечая реакционную сущность пропагандируемого славянофилами панславизма, в то же время прикрашивает славянофильскую периодическую печать и такие начинания славянофилов, как Московский славянский комитет.

Распространение таких ошибочных трактовок славянофильства находит отчасти свое объяснение в очевидной для всех историков и литературоведов недостаточной изученности славянофильства. Обилие статей, в той или иной мере касавшихся вопроса о славянофилах, вовсе не является свидетельством его глубокой научной разработки. История, теория, классовая природа, роль славянофилов до сих пор остаются непроясненными до конца.

К числу совершенно неизученных вопросов относится вопрос о славянофильской периодической печати. Как советские, так и дореволюционные ученые не написали о славянофильской журналистике ни одной работы. Мы делаем в этом отношении первую попытку.

1. СЛАВЯНОФИЛЬСКИЕ ИЗДАНИЯ 1840-х ГОДОВ

Впервые славянофилы предприняли издание своего журнала в 1845 году, когда И. В. Киреевский на некоторое время становится редактором «Москвитянина». Крайне узкий круг последователей славянофильских теорий, недоверчивое отношение к ним со стороны правительства, неприспособленность славянофилов к срочной и постоянной журнальной работе — мешали им осуществить организацию своего периодического издания раньше.

К середине 1840-х годов потребность в издании своего органа стала для славянофилов неотложной. К этому времени дошла до высокого напряжения борьба славянофилов с Белинским и Герценом и несколько расширился самый круг славянофилов, в котором, наряду с представителями старшего поколения (Хомяковым и Киреевским), все активнее начинают проявлять себя молодые литераторы (К. С. Аксаков, Ю. Ф. Самарин, Д. А. Валуев, А. Н. Попов и др.). К тому же славянофилам стало известно, что Герцен и Грановский, не довольствуясь постоянным участием в «Отечественных записках», предполагают издавать новый журнал в Москве.

Естественно, что, получив весною 1844 года предложение М. П. Погодина взять на себя редактирование «Москвитянина», славянофилы отнеслись к нему с должным вниманием. Начались хлопоты и переговоры, благополучно завершившиеся к началу 1845 года. Желание иметь журнал было у славянофилов настолько сильно, что они вынуждены были пойти навстречу всем условиям прижи-

мистого Погодина. Последний оставался издателем «Москвитянина» и сохранял в своем ведении исторический отдел журнала, а И. В. Киреевский дал согласие взять на себя редактирование «Москвитянина», не получив на это официального разрешения и не имея, таким образом, права открыто объявить о себе как о новом редакторе журнала. [1]

Бывший издатель и редактор закрытого правительством «Европейца» к этому времени стал правоверным славянофилом. «Странная судьба, если бывший Европеец воскреснет Москвитянином. Не символ ли это необходимого пути, по которому должно пройти наше просвещение?» — писал Хомяков А. В. Веневитинову 24 октября 1844 года. [2] Киреевский взялся за редактирование «Москвитянина» с большой охотой. «Теперь именно пришло то время, когда выражение моих задушевных убеждений будет и небесполезно и возможно... — сообщал он 28 января 1845 года Жуковскому. — Именно теперь пришел час, когда наше православное начало духовной и умственной жизни может найти сочувствие в нашей так называемой образованной публике, жившей до сих пор на веру в западные системы». [3] Вместе с тем и надежда «задавить петербургские журналы» (о чем Киреевский писал Погодину), несомненно, поддерживала в новом редакторе «Москвитянина» его рвение и энергию.

Переход «Москвитянина» в руки Киреевского, хотя и не сопровождался радикальными переменами в составе его сотрудников и содержании его отделов, все же несколько изменил облик журнала, придав ему славянофильский характер. В трех номерах «Москвитянина», вышедших под редакцией Киреевского, были помещены:

---

[1] Ходатайство о разрешении Киреевскому стать редактором «Москвитянина», повидимому, и не возбуждалось, так как не было никакой надежды на то, что бывшему редактору закрытого «Европейца» такое разрешение будет дано.

[2] Письма А. С. Хомякова к А. В. Веневитинову опубликованы в VIII томе Полного собрания его сочинений, М., 1900. Здесь помещены и другие письма Хомякова, которые цитируются ниже. Настоящее письмо издателем сочинений Хомякова ошибочно отнесено к 1843 году.

[3] Письма И. В. Киреевского см. в Полном собрании его сочинений, М., 1911.

программные статьи самого редактора «Обозрение современного состояния словесности» (1845, №№ 1—3) и Хомякова «Письмо в Петербург» (1845, № 2); статья П. В. Киреевского «О древней русской истории», намечающая славянофильскую трактовку русской истории (1845, № 3); отрывки из путевых заметок о Черногории А. Н. Попова; отрывки из автобиографии немецкого философа-шеллингианца Стефенса в переводе матери Киреевских А. П. Елагиной и с предисловием редактора; стихи Н. М. Языкова, Хомякова, И. С. Аксакова; около десятка рецензий и заметок И. В. Киреевского. Был заведен новый отдел «Сельское хозяйство», который вел профессор Московского университета Я. А. Линовский.

Переход «Москвитянина» в руки славянофилов и первые книги преобразованного журнала вызвали многочисленные отклики в литературных кругах. П. В. Анненков рассказывает в своих воспоминаниях, что «статьи И. В. Киреевского произвели громадное впечатление и нашли доброжелателей и порицателей... Белинский принадлежал к числу порицателей». Действительно, в № 5 «Отечественных записок» за 1845 год были помещены направленные против статей Киреевского «Литературные и журнальные заметки», которые В. С. Спиридонов с полным основанием приписывает Белинскому. Можно добавить, что к числу «порицателей» принадлежал и А. И. Герцен, посвятивший первой книге «Москвитянина» за 1845 год фельетон «Москвитянин и вселенная», напечатанный в февральском номере «Отечественных записок». Зато, естественно, в кругу славянофилов преобразованный «Москвитянин» вызвал восторг. «Каков 1-й № «Москвитянина», издаваемого уже, как ты знаешь, новым редактором, и каков обзор иностранной словесности! Этим можно похвастаться!» — писал Хомяков А. В. Веневитинову 29 января 1845 года.

Но торжество славянофилов продолжалось недолго. И. В. Киреевский под своей редакцией смог выпустить лишь три книжки журнала. Приготовленная Киреевским для «Москвитянина» известная статья Хомякова «Мнение иностранцев о России» была помещена уже в номере, который он не редактировал (1845, № 4). Разногласия, возникшие между славянофилами и Погодиным, и невозможность для них стать полными хозяевами «Москвитя-

нина» заставили Киреевского отказаться от редакторства и передать журнал снова в полное ведение Погодина. «Хорошо осрамилась наша Москва, любезный Юрий Федорович, не умела-таки сохранить журнал», — с горечью сообщал Хомяков Самарину 23 июня 1845 года.

Неудачная попытка взять в свои руки «Москвитянин» не заставила славянофилов отказаться от желания иметь свой журнал. Жалуясь Самарину на «осрамившуюся Москву», Хомяков в том же письме заявлял: «Непременно надобно и должно что-нибудь предпринять, это для меня несомненно, и надежд терять не следует». «Журнал дело первоклассное», — убеждал Хомяков в письме от 21 мая 1845 года и А. В. Веневитинова. Но организовать издание своего журнала славянофилам в 1840-е годы так и не удалось. Неоднократные переговоры с Погодиным о передаче «Москвитянина» были безрезультатными; ходатайство славянофила Ф. В. Чижова о разрешении ему издавать в Москве новый журнал (1847) тоже не увенчалось успехом.

Тогда кружок московских славянофилов решил ограничиться изданием сборников. Сборники были распространенной формой изданий 1840-х годов и часто заменяли собою журналы. У славянофилов был уже некоторый опыт в этом отношении. В первой половине 1840-х годов Д. А. Валуев при участии Хомякова и некоторых других славянофилов выпустил два сборника исторических материалов: «Симбирский сборник» и «Сборник исторических и статистических сведений о России». Особенно же на решение славянофилов выступить с учено-литературными сборниками несомненно повлияло появление в Петербурге сборников, изданных Н. А. Некрасовым: «Физиология Петербурга» (1845) и «Петербургский сборник» (начало 1846 года). Необходимо было дать ответ на эти программные выступления натуральной школы.

В конце 1846 года появился «Московский литературный и ученый сборник на 1846 год», а годом позднее под таким же названием — сборник на 1847 год. Издание сборников принял на себя симбирский помещик и славянофил В. А. Панов. В «Московском сборнике» 1846 и 1847 годов были помещены: статьи Хомякова «Мнение русских об иностранцах» и «О возможности русской худо-

жественной школы», три литературно-критических статьи К. С. Аксакова под псевдонимом «Имрек» (в том числе и статья о «Петербургском сборнике») и его же статья «Несколько слов о нашем правописании»; статья Ю. Ф. Самарина о повести В. А. Соллогуба «Тарантас», а кроме того, статьи В. А. Панова, Ф. В. Чижова и близких к славянофилам ученых и литераторов М. П. Погодина, М. А. Максимовича, Я. А. Линовского, Н. А. Ригельмана и др. По разделу художественной прозы и поэзии в сборнике были помещены: отрывок из «Семейной хроники» С. Т. Аксакова, отрывок из романа К. К. Павловой «Двойная жизнь», рассказы В. И. Даля, философско-аллегорическая драма «Торжество светлой мысли» (перевод с санскритского К. А. Коссовича), чешские и сербские народные песни в переводе Н. В. Берга, стихи И. С. Аксакова, Н. М. Языкова, К. К. Павловой, П. А. Вяземского, В. А. Жуковского.

Выпуская «Сборники», славянофилы ожидали, что они вызовут большой шум в обществе. «Сборник готов и скоро выйдет, — писал Хомяков Самарину в конце 1846 года. — Полагаю, что на него поднимется буря немалая». Но «буря» не поднялась. Н. В. Гоголь писал Языкову о «Московском сборнике» 1846 года: «Вышел тот же мертвый нумер «Москвитянина», только немного потолще» (письмо от 5 октября 1846 года). Герцен, найдя, что сборник 1846 года «прескучный и препустой» (письмо к Краевскому от 20 мая 1846 года), ни слова не сказал о нем в печати. Белинский сначала предполагал написать о первом сборнике специальную статью, но затем ограничился упоминанием о нем в подстрочном примечании к «Обзору русской литературы за 1846 год». Второму сборнику он посвятил статью, напечатанную в № 6 «Современника» за 1847 год, в которой писал, что видит в славянофильстве «что-то книжное, литературное, поддельное, искусственное». Наиболее активно откликнулся на появление «Московского сборника» Погодин, выступивший по этому поводу в «Москвитянине» с двумя пространными рецензиями.

После выпуска «Московского сборника» 1847 года славянофилы вынуждены были надолго отказаться от всяких издательских планов. Революция 1848 года до крайности напугала их, а эпоха «мрачного семилетия»

и «цензурного террора» дала им понять, насколько несвоевременными с их стороны были бы подобные предприятия. Аресты Ю. Ф. Самарина и И. С. Аксакова, официальное запрещение славянофилам носить бороду и национальную одежду, снятие со сцены пьесы К. С. Аксакова «Освобождение Москвы в 1612 году» и другие проявления правительственного недоверия заставили славянофилов почти совершенно замолчать.

Только в 1852 году славянофилы смогли продолжить издание «Московского сборника». К этому времени их кружок усилился, и его активными участниками стали: богатый помещик и литератор А. И. Кошелев и И. С. Аксаков. Кошелев и взял на себя издание «Московского сборника», а И. С. Аксаков — его редактирование. Предполагалось за 1852 год выпустить до четырех сборников, превратив их тем самым в издание журнального типа.

В апреле 1852 года вышел новый том «Московского сборника». В нем были помещены: статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы и его отношении к просвещению России», К. С. Аксакова «О древнем быте у славян вообще и у русских в особенности», И. С. Аксакова «Несколько слов о Гоголе», А. И. Кошелева «Поездка русского земледельца в Англию на всемирную выставку» и др., стихи Хомякова, И. С. Аксакова (в том числе отрывок из поэмы «Бродяга»), ряд народных песен из собрания П. В. Киреевского с предисловием Хомякова.

На первой книжке издание «Московского сборника» снова прервалось. Дело в том, что вышедшая книга «Московского сборника», будучи пропущена московской цензурой, навлекла на себя недовольство негласного «бутурлинского комитета», Дубельта и самого министра просвещения Ширинского-Шихматова. Последний в докладной записке царю утверждал, что сборник «расточает безмерные и вредные похвалы Гоголю» (в статье И. С. Аксакова), не отдает должного Петру I и его «державным преемникам» (в статье И. В. Киреевского), проповедует «демократические начала» (в статье К. С. Аксакова), изображает в таком свете похождения бродяг, что они «могут неблагоприятно действовать на читателей низшего класса» («Бродяга») и т. п. Находя, что за сочинениями славянофилов необходим самый тщательный

надзор, министр, не ограничившись выговором цензору Львову, предписал, чтобы остальные три тома «Московского сборника» были в рукописи представлены в Главное управление цензуры.

Вот почему вторая книга «Московского сборника», подготовленная И. С. Аксаковым к октябрю 1852 года, была подвергнута продолжительному и тщательному просмотру не только в Москве, но и в Петербурге. Рукопись сборника содержала в себе статью Хомякова «Несколько слов по поводу статьи И. В. Киреевского «О характере просвещения Европы. . .»; статью К. С. Аксакова «Богатыри времен великого князя Владимира»; статьи Кошелева, Черкасского, Попова и др.; стихи И. С. и К. С. Аксаковых; воспоминания С. Т. Аксакова о Державине. Почти все статьи вызвали острое недовольство цензуры и правительства. «Хомяков, — утверждал официальный отзыв о сборнике, — старается открывать в древней Руси признаки каких-то общин, братства, вроде общин коммунистов и фурьеристов. . . и все склоняет, чтобы порядок общинный был восстановлен в нынешней России». «Подобно Хомякову, К. Аксаков из песен и сказок вывел небывалую в России общину и вольницу и дерзает богатырей ставить против великого князя». Наконец, «оба стихотворения И. Аксакова темны, и от этой неясности смысл их подозрителен». Неудивительно, что в результате книга была запрещена, ее редактор (И. С. Аксаков) лишен права редактировать какие-либо издания, а главные участники «Московского сборника» 1852 года И. С. и К. С. Аксаковы, Хомяков, И. В. Киреевский, В. А. Черкасский были отданы под полицейский надзор и получили распоряжение впредь проводить все свои произведения через Главное управление по делам цензуры в Петербурге (что равнялось запрещению писать). В лагере славянофилов запрещение сборника и репрессии правительства вызвали смятение и справедливое возмущение. «Я никогда и никак не могу заслужить упрека по своим действиям и мыслям общественным, — писал Хомяков А. Н. Попову. — Много имел я приятелей, которые были или скептики, или вовсе неверующие (с двадцатилетнего возраста), и почти все сделались людьми искренно верующими. Много было либералов, даже в крайней степени (такова была эпоха), и они сделались

монархистами». Киреевский и Черкасский «в большом негодовании, особенно Киреевский, — сообщал Хомяков и А. Ф. Гильфердингу. — Богомольный монархист, ему и не снилось, чтобы его в чем-нибудь оподозрели, и он считает себя сильно оскорбленным». [1]

Но, разумеется, правительству было мало дела до переживаний и мыслей славянофилов. До самой смерти Николая I оно не снимало со славянофилов наложенной на них опалы. Даже С. Т. Аксаков был признан «неблагонамеренным» и в 1853 году не получил разрешения на издание «Охотничьего сборника». Даже ходатайство об участии в кругосветном путешествии на фрегате «Диана», возбужденное И. С. Аксаковым, было отклонено. «Из разговора, который я имел с Дубельтом, вижу, — писал он родным 7 сентября 1853 года, — что нас понимают совершенно ложно и всем нашим статьям и действиям дано превратное толкование, что «Московский сборник» у них в свежей памяти». [2]

«Московским сборником» 1852 года заканчивается первый период в истории славянофильских изданий. Следующий период относится ко второй половине 1850-х годов, когда славянофилы издавали журнал «Русская беседа» и газеты «Молва» и «Парус».

---

[1] Письма Хомякова к А. Н. Попову и А. Ф. Гильфердингу точной даты не имеют. См. VIII том Полного собрания сочинений Хомякова, стр. 211—212 и 306. Материалы, относящиеся к цензурной истории «Московского сборника» 1852 года, см. у Н. П. Барсукова «Жизнь и труды М. П. Погодина», кн. XII, стр. 11—151. См. также статью М. И. Сухомлинова «Снятие опалы с славянофилов» во II томе его «Исследований и статей», СПБ., 1889.

[2] Письма И. С. Аксакова, цитирующиеся в этой главе, помещены в издании «И. С. Аксаков в его письмах», тт. III—IV, М., 1892—1896.

2. НАПРАВЛЕНИЕ СЛАВЯНОФИЛЬСКИХ ИЗДАНИЙ 1840-х ГОДОВ

«Теперь надобно и должно высказывать принципы»... «руки развязаны для всякого осторожного действия», — писал Хомяков Самарину, сообщая о переходе «Москвитянина» в руки И. В. Киреевского. Пропаганда принципов славянофильского учения и составляла главную задачу таких изданий, как «Москвитянин» (под редакцией Киреевского) и «Московский сборник». Даже отделу художественной литературы не было придано надлежащего значения, не говоря уже о литературной критике, которая занимала в этих изданиях совсем незначительное место. Основою изданий были выступления общего программного характера. К ним относятся: две большие статьи И. В. Киреевского «Обозрение современного состояния словесности» («Москвитянин» 1845, №№ 1—3) и «О характере просвещения Европы в его отношении к просвещению России» («Московский сборник» 1852); четыре, тесно связанные между собою, статьи Хомякова: «Письмо в Петербург» («Москвитянин» 1845, № 2), «Мнение иностранцев о России» («Москвитянин», 1845, № 4), «Мнение русских об иностранцах» («Московский сборник» 1846) и «О возможности русской художественной школы» («Московский сборник» 1847); статьи П. В. Киреевского и К. С. Аксакова по вопросам русской истории. [1]

---

[1] Сюда же следует отнести известную статью Самарина «О мнениях «Современника» исторических и литературных», опубликованную в № 2 «Москвитянина» за 1847 год.

Какие же принципы высказаны в этих статьях?

Противопоставление Западной Европы и России, путей и перспектив их исторического развития, их быта и культуры является коренной идеей программных выступлений славянофилов. Весь строй западно-европейской жизни, по мнению Киреевского и Хомякова, вырастает на почве порочных начал: завоевания одним племенем другого, ложной веры (католицизма) и рассудочной римской образованности. Отсюда и все недостатки и беды последующего исторического развития западно-европейских стран, и неудовлетворительность их современного быта и просвещения, и невозможность для Запада собственными силами изменить свою жизнь в будущем.

Некоторые черты и явления западно-европейской жизни вызывали у славянофилов особенно отрицательное отношение. К таким явлениям относились, прежде всего, общественные перевороты — революции. «Начавшись насилием, государства европейские должны были развиваться переворотами... — писал И. В. Киреевский. — Очевидно, что при таких условиях образованность европейская должна была окончиться разрушением всего умственного и общественного здания, ею же самою воздвигнутого». Совершенно так же смотрел на «кровавые перевороты», «которые совершались быстро и насильственно», и Хомяков.

Все попытки преобразования западно-европейской общественной и идейной жизни изнутри, силами самой Европы, по мнению славянофилов, обречены на неудачу. «Европа высказалась вполне. В девятнадцатом веке она, можно сказать, докончила круг своего развития, начавшийся в девятом», — пишет Киреевский. Коммунистическое и социалистическое движение славянофилы решительно осуждают. «Все социалистическое и коммунистическое движение, с его гордыми притязаниями на логическую последовательность, есть не что иное, как жалкая попытка слабых умов, желавших найти разумные формы для бессмысленного содержания, завещанного прежними веками», — пишет Хомяков. Очевидно, что исход для Западной Европы, если она хочет избежать судьбы Эллады и Рима, только один — «принять в себя другие, новые начала, хранившиеся у других пле-

мен, не имевших до того времени всемирно-исторической значительности».

Очевиден реакционный характер славянофильской критики Западной Европы.

Во-первых, славянофилы совершенно не понимали истинных причин, порождавших язвы и пороки буржуазной цивилизации, рассматривая их как следствие «исконных начал», и в первую очередь ложной веры. «Мера просвещения, характер просвещения и источники его определяются верою, характером и источником веры», — писал Хомяков.

Во-вторых, критика славянофилов направлялась преимущественно против прогрессивных явлений жизни Западной Европы того времени: против революционного движения и коммунизма, против материализма в философии и реализма в искусстве. «Во всей Европе пролетарии грозят броситься на людей, имеющих собственность, — писал путешествовавший в 1849 году по Западной Европе А. И. Кошелев другому славянофилу, А. Н. Попову. — Коммунизм не побежден: он все более и более распространяется. Теперешнее спокойствие есть лишь станция... Пролетариат есть корень всех зол материальных в Европе, как безверие есть источник бед нравственных». [1]

И наконец, вся критика буржуазной Западной Европы велась славянофилами, как это будет показано дальше, с реакционных феодально-романтических позиций. Славянофилы противопоставляли буржуазному обществу реакционную утопию о патриархальных отношениях между народом и помещиками, царем, церковью и идеализировали феодальное прошлое.

Таким образом, славянофильская критика Западной Европы во всех отношениях принципиально отличалась от той критики, которой подвергали буржуазное общество Белинский и Герцен.

Осуждение западно-европейской цивилизации соединялось у славянофилов с беспокойством за Россию. Должно ли историческое развитие России пойти по тем же путям, что и развитие Запада? Суждено ли России пройти через «кровавые перевороты» и «век промышлен-

---

[1] «Русский архив» 1886, № 1, стр. 352—353.

ных стремлений»? Получат ли в России широкое распространение коммунистические и социалистические теории, учение о женской эмансипации, рационализм и безверие в философии? Желание предохранить быт, общественную и умственную жизнь России от таких «пагубных» явлений проходит через все выступления славянофилов.

Они полагали, что имеют достаточные основания для опасений за судьбы России. По их мнению, Петр I, нарушив своими реформами естественное историческое развитие России, круто повернул страну на сближение с Западом. В результате России был причинен большой вред. Значительная часть культурного русского общества оторвалась от коренных начал русской жизни, от почвы, от родины и не оказывает никакого противодействия проникновению западных систем и учений. Если так пойдет дальше, Россия дойдет и до переворотов и до широкого распространения безверия и социалистических теорий. А этого больше всего и боялись славянофилы.

Отсюда борьба славянофилов с Белинским, Герценом и группировавшимися вокруг них литераторами и учеными. Белинский и Герцен были для славянофилов главными врагами, а их идеи — главной опасностью. Против них и были направлены больше всего выступления славянофилов в их изданиях. Они обвиняли своих противников в «чрезвычайно опасном» стремлении преобразовать жизнь русского народа революционным образом и на основе социалистических учений, в желании привить русскому народу чуждые убеждения. По мнению славянофилов, Россия не нуждается в тех преобразованиях, которые считают необходимыми Белинский, Герцен и их единомышленники.

Вместе с Погодиным, Шевыревым и другими реакционерами славянофилы клеветали на Белинского и Герцена, приписывая им слепое преклонение перед Западной Европой и неуважение к русскому народу. С другой стороны, патриотизм самих славянофилов был реакционным псевдопатриотизмом, так как славянофилы любили Русь царскую, помещичью, православную и уважали русский народ за якобы присущие ему религиозность и смирение. Лучшие же достижения передовой русской философии, науки, литературы, искусства XVIII и XIX веков славянофилы рассматривали как наносные заимство-

вания с Запада, чуждые русскому народу, и относились к ним отрицательно.

Взгляды своих противников славянофилы считали беспочвенными и бесплодными. С их точки зрения, Россия по началам своей жизни совершенно противоположна Европе. Она не знала завоевания, приняла истинную веру — православие — и осталась чуждой римской рассудочности. Поэтому русский исторический процесс отличается отсутствием классовой борьбы, а до реформ Петра I в России не существовало ни сословного раздвоения в обществе, ни раздвоения разума и веры в духовной жизни. «Русская земля, — писал И. В. Киреевский, — не знала ни политической и нравственной борьбы, ни сословной ненависти... Все классы и виды населения были проникнуты одним духом, одними убеждениями, однородными понятиями, одинакою потребностью общего блага». Исходя из учения о самобытности исторических начал России, славянофилы полагали, что все попытки уничтожить своеобразие русской жизни обречены на неудачу, кем бы они ни предпринимались. Поэтому даже реформы Петра — при всей их опасности и вредности — лишь временное недоразумение, случайность в истории России. Тем более бесплодна и безрезультатна, по их мнению, деятельность Белинского, Герцена и их единомышленников. Особые надежды славянофилы возлагали на сельскую общину, в которой они видели оплот против «разрушительных потрясений» и безверия. Обращение же Западной Европы к источникам и началам русской жизни и мудрости спасет ее от судьбы Эллады и Рима и преобразует весь мир.

Таковы основные принципы, которые были высказаны славянофилами в их изданиях 1840-х годов. Философия Шеллинга и немецкие романтики помогли славянофилам оформить их учение и создать особую русскую разновидность реакционно-националистического романтизма.

Легко заметить, что идеи славянофилов близки теории официальной народности. Славянофилы, как и идеологи официальной народности, выработали свое учение о самобытности (в какой бы абстрактной форме оно ни формулировалось), стремясь обезопасить существующие в России общественно-политические отношения

от революционных потрясений. Очевидно, что и славянофильство, как направление русской общественной мысли, было явлением в своей сущности реакционным, не возвышавшимся над классовыми интересами дворянства. Г. В. Плеханов убедительно показал, что все учение славянофилов пронизано страхом перед развивающейся борьбой классов, перед угрозой крестьянской революции в России, перед революционным движением пролетариата на Западе (статья «Погодин и борьба классов»).

Критика капитализма у славянофилов, как уже было сказано, велась с реакционных позиций. Выступления славянофилов за самостоятельность русской философии, науки, искусства соединялись с борьбой против передовой философии, против социализма, против реалистического искусства. Не меняют дела и призывы славянофилов к слиянию с народом, хотя поражение декабристов и бессилие дворянской интеллигенции и придавало таким призывам жизненный исторический смысл. Дело в том, что народ при этом рисовался носителем православия, патриархальной преданности царю и помещикам. Народность славянофилов была лженародностью и объективно означала идеализацию феодального прошлого и исторических предрассудков русского крестьянства. Истинная народность исповедовалась тогда Белинским, Герценом и их последователями, которые звали народ к борьбе с крепостным правом, к освобождению от веры в бога и царя.

Отличия славянофильства от официальной народности не имели какого-либо принципиального значения. Если официальная народность была идеологией правящей и наиболее консервативной части русских помещиков, то славянофильство выражало интересы тех кругов русского дворянства, которые стремились увековечить основы существующего общественно-политического строя, приспособив к нему некоторые стороны капиталистического прогресса. Славянофилы склонны были даже освободить крестьян, но сверху, при сохранении основных прав и привилегий помещиков. Оппозиция славянофилов к правительству Николая I носила чисто фрондерский характер, а их критика придворной аристократии и бюрократии была крайне поверхностной. Правда, этого было достаточно для того, чтобы государственная власть

постоянно относилась к славянофилам с недоверием, преследовала их, а издания их или подвергала жестокой цензуре, или запрещала.

В сущности своей славянофильство, подобно теории официальной народности, возникло как дворянская реакция на развитие капитализма и освободительного движения в России и в Западной Европе, на распространение идей революционной демократии, социализма и материализма, на появление Белинского, Герцена и их единомышленников.

Революционным — «европейским» — способам изменения действительности славянофилы противопоставляли постепенный — «самобытный» — путь исторических изменений, а демократической народности и патриотизму Белинского и Герцена — псевдонародность и лжепатриотизм, увековечивавшие отсталость и бессилие крепостной России, религиозность, веру в царя и другие исторические предрассудки русского патриархального крестьянства. Передовым общественным идеалам славянофилы противопоставляли реакционную утопию о мессианской роли России, о патриархально-монархической и христианской общине, осуществляющей гармоническое сотрудничество царя, церкви, дворянства и народа.

Надо решительно отбросить всякие сближения славянофильства с мелкобуржуазным и утопическим социализмом, которые, как уже было сказано, продолжают делаться в литературе и до сих пор. Теория славянофилов вырастала в борьбе с коммунизмом и социализмом. Это, разумеется, не мешало славянофилам злоупотреблять понятиями и цитатами, заимствованными из сочинений Сен-Симона, Фурье, Прудона и др. Если учение славянофилов и имело какое-либо отношение к социализму, то лишь к реакционным феодально-поповским формам последнего, о которых с такой глубиной и убийственной иронией писали Маркс и Энгельс в «Манифесте Коммунистической партии».

Как и представители западно-европейского феодального социализма, славянофилы должны были делать вид, что не заботятся о своих классовых интересах и нападают на буржуазное общество в интересах народа, в то время как их главное обвинение против буржуазии состояло в том, что при ее господстве развивается класс,

который, встав во главе народных масс, взорвет на воздух и феодальный и буржуазный общественный порядок. Славянофильство было насквозь пропитано поповщиной, подобно христианскому социализму, о котором Маркс и Энгельс писали, что это «есть святая вода, которою поп кропит озлобление аристократа». [1]

Но хотя славянофильство и подбирало в Западной Европе крохи реакционных философских и социальных идей, все же его сходство с феодальным и христианским социализмом было не столь существенным. Нельзя забывать, что в Западной Европе христианский и феодальный социализм возник в условиях буржуазного общества при развитом рабочем движении, а Россия 1840—1850-х годов была страной крепостнической. Естественно поэтому, что и теория и еще более практическая программа славянофильства отвечали на своеобразные запросы русского дворянства в предреформенные годы.

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. V, стр. 504.

3. ВОЗНИКНОВЕНИЕ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

«Любимая пламенная мечта об издании журнала» (Кошелев) возродилась у славянофилов сразу же после смерти Николая I. Уже в апреле 1855 года Хомяков заговорил с И. С. Аксаковым «о необходимости деятельности литературной». [1] «Некоторый дух жизни и свободы пробудился... — писал Хомяков тогда же и К. С. Аксакову. — Все встрепенулись, и кричат, и поют про свободу мысли... Разумеется, надобно благодарить бога за свободу слова, но благодарить, как Аякс за свет дневной, т. е. как за возможность сражаться и, следовательно, приниматься сильно за борьбу... Да: теперь делю идет завоевать Россию, овладеть обществом, и все это не невозможно».

Намерение славянофилов приобрести журнал приняло еще более определенный характер, когда до них дошли известия, что московские западники получили разрешение с 1856 года издавать под редакцией М. Н. Каткова ежемесячный журнал «Русский летописец» (так предполагалось назвать «Русский вестник»). А. И. Кошелев, узнав об этом, по выражению Хомякова, «воспламенился». «Надобно ковать железо, пока оно горячо... — писал он Погодину. — Считаю долгом нашим непременным *теперь* основать в Москве сильную оборону и живое наступление в пользу начал православия и народности, нами

---

[1] См. «И. С. Аксаков в его письмах», т. III, письмо родным от 7 апреля 1855 года.

исповедуемых, без чего цивилизация «Русского летописца» захватит все, и сделаются Катков, Грановский и комп. представителями Москвы».[1] Кошелева поддерживали и главные деятели славянофильства. «Мне очень наскучило быть немым», — жаловался ему И. В. Киреевский в письме от 11 ноября 1855 года. «Решительно действуешь ты, любезный Кошелев, и может быть, так и лучше. Молодцы западные не дремлют; дремать не следует и нам», — писал Хомяков.[2]

В середине августа 1855 года Кошелев собрал у себя в Москве совещание, на которое были вызваны К. С. Аксаков, Хомяков и Самарин. И. В. Киреевский, не приехавший на совещание по болезни, передал свои мнения и голос Кошелеву. На совещании были приняты решения об издании журнала, его материальной основе и руководстве.

Первоначально Кошелев и его друзья предполагали снова взять в свои руки «Москвитянин», но из переговоров с Погодиным опять ничего не вышло. Некоторые же из славянофилов с самого начала были за организацию нового журнала. «Москвитянин» в десять лет не выпутается из своей смешанной репутации... и новая мысль будет толковаться прежним духом издания», — писал И. В. Киреевский Кошелеву 13 августа 1855 года.

Поэтому было решено возбудить перед правительством ходатайство об издании трехмесячного журнала «Русская беседа» при издателе Кошелеве и под редакцией Кошелева и Т. И. Филиппова. Филиппов — в то время учитель одной из московских гимназий — был известен славянофилам по его деятельности в «молодой редакции» «Москвитянина». На его кандидатуре особенно настаивал И. В. Киреевский, сблизившийся с Филипповым на почве религиозного фанатизма и преклонения перед оптинскими старцами. Материальные расходы по журналу брал на себя главным образом Кошелев,

---

[1] См.: Н. А. Барсуков. Жизнь и труды М. П. Погодина, кн. XIV. В этой книге (стр. 312—338) есть много материалов, относящихся к возникновению «Русской беседы».

[2] Письмо Хомякова Кошелеву точной даты не имеет. См. Полное собрание сочинений Хомякова, т. VIII, стр. 146.

но в создании первоначального фонда, кроме него, приняли участие Хомяков, Самарин, Черкасский.

Ходатайство об издании «Русской беседы», возбужденное в сентябре 1855 года, встретило значительные препятствия и было удовлетворено только через пять месяцев. Дело в том, что одновременно с разрешением на издание журнала Хомяков, Киреевский и др. должны были хлопотать и о снятии опалы, которая была наложена на них правительством в 1852 году в связи с запрещением «Московского сборника». Поддержку славянофилам оказали попечитель московского учебного округа Назимов и товарищ министра просвещения П. А. Вяземский. Назимов уверял министра просвещения Норова, что славянофилов совершенно напрасно заподозрили «в каких-то политических замыслах и признали их людьми опасными и вредными, чем-то вроде якобинцев», что «это люди весьма мирные, благочестивые отцы семейства, помещики, вовсе не помышляющие о нарушении законного порядка вещей».

В феврале 1856 года было дано разрешение на издание «Русской беседы» и дозволено было всем славянофилам помещать свои произведения в печати в обычном порядке, не доводя до сведения Главного управления по делам цензуры.

3 марта в «Московских ведомостях» появилось объявление об издании «Русской беседы» (с приложением программы журнала). Известия о возникновении славянофильского журнала вызвали многочисленные отклики. За три дня до своей смерти Т. Н. Грановский писал К. Д. Кавелину: «Я досмерти рад, что они [славянофилы] затеяли журнал... Этому воззрению надо высказаться до конца, выступить наружу во всей красоте своей. Придется поневоле снять с себя либеральные украшения... Надобно будет сказать последнее слово системы, а это последнее слово — православная патриархальность, несовместная ни с каким движением вперед».[1] Были, разумеется, высказаны и совсем иные мнения. По свидетельству Кошелева, Макарий (оптинский) и

---

[1] «Т. Н. Грановский и его переписка», т. II, М., 1897, письмо от 2 октября 1855 года.

митрополит Филарет «осенили» программу «Русской беседы» своим «благословением».

Главным редактором «Русской беседы» был А. И. Кошелев. Второй редактор журнала часто менялся; Т. И. Филиппов покинул «Русскую беседу» уже в начале 1857 года; некоторое время Кошелеву помогали П. И. Бартенев и М. А. Максимович; с августа 1858 года во главе журнала фактически становится И. С. Аксаков. Предполагалось, что, кроме избранных редакторов, «Русской беседой» будет ведать редакционный совет, в который войдут почти все видные славянофилы, но на деле только Хомяков играл заметную роль в руководстве журналом.

К основному ядру сотрудников журнала принадлежали: Хомяков, И. В. Киреевский, С. Т., И. С. и К. С. Аксаковы, Самарин, Кошелев, Черкасский. Среди них наметилось некоторое разделение труда: И. В. Киреевский писал по вопросам философии, К. С. Аксаков — по вопросам русской истории и литературной критики, Кошелев — по вопросам крестьянской реформы и экономики России, Черкасский давал обозрение международной политической жизни. И только Хомяков появлялся на страницах «Русской беседы» и как поэт и как автор статей по самым различным вопросам. Кроме того, в «Русской беседе» активно сотрудничали по отделу словесности: А. К. Толстой, Ф. И. Тютчев, В. И. Даль, П. А. Кулиш, а по другим отделам: М. П. Погодин, М. А. Максимович, И. Д. Беляев, Н. И. Крылов, А. Ф. Гильфердинг, Н. П. Гиляров-Платонов. Среди лиц, принимавших участие в «Русской беседе», особое место занимает группа литераторов и ученых из славянских стран: Грабовский, Мациевский, Эрбен, Клун, Миличевич, Даскалов и др.

«Русская беседа» издавалась с 1856 по 1860 год. Первые три года журнал выходил раз в три месяца, в 1859 году раз в два месяца; в 1860 году было выпущено только две книжки «Русской беседы».

Журнал состоял из шести отделов: «Изящная словесность», «Науки», «Обозрение», «Критика», «Смесь» и «Жизнеописания». С марта 1858 года в течение года в качестве отдела «Русской беседы» выходил ежемесячник «Сельское благоустройство», посвященный исключи-

тельно крестьянской реформе и сельскому хозяйству.[1] Содержанию каждой книжки журнала предшествовал эпиграф, предложенный К. С. Аксаковым и взятый им из послания патриарха Гермогена: «Помяните одно: только ко́ренью основанье крепко, то и древо неподвижно; только ко́ренья не будет, к чему прилепиться?»

---

[1] Выпустив 12 книжек «Сельского благоустройства», Кошелев вынужден был прекратить его издание. Правительство Александра II, разрешившее в начале 1858 года помещать в журналах статьи о крестьянской реформе (в связи с чем и было предпринято издание «Сельского благоустройства»), поспешило взять свое разрешение назад. Кошелеву было предложено все статьи, предназначавшиеся для «Сельского благоустройства», направлять на просмотр в Главное управление по делам цензуры. После того как из 17 статей двух очередных номеров «Сельского благоустройства» в Петербурге 12 запретили и 5 изуродовали, Кошелев решил закрыть журнал. «Дозволяют говорить против крестьян, против эмансипации, — а строжайше воспрещают что-либо писать в пользу крестьян и эмансипации. Слова: «освобождение крестьян от крепостной зависимости» вычеркиваются», — жаловался он Черкасскому в июле 1858 года.

4. НАПРАВЛЕНИЕ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

Приступая к изданию «Русской беседы», славянофилы объявили, что главной целью журнала будет рассмотрение всех явлений жизни с точки зрения русской народности и развитие русского воззрения в философии, науке и искусстве. Программа «Русской беседы» вызвала возражения со стороны «Русского вестника», и вокруг вопроса о «народности в науке» возникла журнальная полемика. Со стороны славянофилов в ней принял участие весь руководящий состав «Русской беседы». В двух первых книжках журнала были помещены статьи Самарина, К. Аксакова, Хомякова, утверждавшие кризис европейского сознания и необходимость «русского воззрения». Но продолжаться долго спор о народности в науке не мог; его слишком отвлеченный характер не удовлетворял русское общество, разбуженное Крымской войной и смертью Николая I.

Очень скоро славянофилам пришлось услышать пожелания, чтобы они показали сущность и плодотворность «русского воззрения» на решении конкретных проблем науки и жизни. Благодаря этому славянофильское учение, сформулированное в 1840-х годах в самой общей и абстрактной форме, должно было найти теперь в «Русской беседе» более определенное и практическое выражение. Прежде всего яснее стала политическая программа славянофильства.

Как и прежде, отношение славянофилов к русской крепостной и самодержавной действительности было

не лишено элементов критики. В ходившем по рукам со времени Крымской войны стихотворении Хомякова «Россия» о «грехах» крепостнической России говорилось:

В судах черна неправдой черной
И игом рабства клеймена,
Безбожной лести, лжи притворной,
И лени мертвой и позорной,
И всякой мерзости полна.

В своих записках, адресованных Александру II, славянофилы выдвигали требование созыва совещательного земского собора и утверждали, что истинно русский государственный уклад в противовес европейской парламентарной системе должен быть основан на принципе: правительству — неограниченная власть политическая; народу — власть мнения. Известно также, что некоторые славянофилы были защитниками свободы слова и печати в России. Еще в 1853 году К. Аксаковым было написано ставшее популярным стихотворение «Свободное слово»:

Ты — чудо из божьих чудес,
Ты — мысли светильник и пламя,
Ты — луч нам на землю с небес,
Ты — нам человечества знамя.
Ты гонишь невежества ложь,
Ты вечною жизнию ново,
Ты к свету, ты к правде ведешь, —
Свободное слово.

Те же политические взгляды некоторые славянофилы проводили и в «Русской беседе». Так, однажды редакция журнала (И. С. Аксаков) в примечании к «Письму из Белграда» Миличевича (1859, № 2, «Смесь») весьма положительно отозвалась о скупщине — собрании народных представителей в Сербии. Скупщина казалась редакции «Русской беседы» подобием земского собора и крестьянской сходки. «Крестьяне на сходке избирают старосту, облекают его властью, так сказать — позволяют себе повиноваться — и тотчас же повинуются беспрекословно... Только в славянских племенах, проникнутых общинным началом, встречаем мы такое спокойное и могущественное сознание своей власти, перенесенной волею народа

на правительство... Есть еще одно постановление скупщины, в котором мы видим меру совершенно общую и разумную, заявление принципа и начала: именно в заседании 20 января скупщина выразила свою волю, чтобы слову и печати была дана в Сербии полная свобода».

Однако только буржуазные историки могли изображать славянофилов 1850-х годов непримиримыми врагами существующего государственного строя. Фрондирование по отношению к правительству попрежнему соединялось у руководителей «Русской беседы» с резким осуждением революционных «кровопролитий» и народных «смут и потрясений», а мечты о земском соборе и свободе мнений — с защитой самодержавия.

Когда младший из славянофилов — И. С. Аксаков — выразил недоумение по поводу восторженного восхваления монархии в одной из помещенных в «Русской беседе» статей Н. И. Крылова, Кошелев писал ему 24 августа 1857 года: «Статья эта с начала и до конца *одобрена* мною, Хомяковым и Самариным... Статья Крылова вполне выражает русское воззрение на царскую власть, и если не принять этого воззрения, то мы на всех парусах пойдем в европейский революционизм, от чего боже нас упаси!»[1] Еще в 1840 году Самарин утверждал в письме к французскому депутату Могену: «Принцип монархический — великое дело нашей истории». Монархистами и защитниками интересов помещиков славянофилы оставались и позднее. Политические взгляды славянофилов не возвышались над уровнем умеренного либерализма, были враждебны воззрениям революционной демократии (с которой «Русская беседа» вела постоянную борьбу) и в сущности были близки воззрениям консерваторов и реакционеров. Требования же земского собора и возвращения к якобы существовавшим некогда патриархальным отношениям царя и народа свидетельствуют лишь о специфически дворянском характере славянофильского либерализма и были продиктованы по преимуществу чувством классовой самозащиты и страхом перед народной революцией и грозящим «пожаром».

---

[1] Письма Кошелева к И. С. Аксакову опубликованы в «Голосе минувшего» 1918, №№ 1—3 и 7—9.

Подобные настроения слышатся даже в упомянутом стихотворении «Свободное слово»:

Ограды властям никогда
Не зижди на рабстве народа!
Где рабство — там бунт и беда;
Защита от бунта — свобода.
Раб в бунте опасней зверей,
На нож он меняет оковы.
Оружье свободных людей —
Свободное слово!

Либерально-дворянский характер имели и выступления «Русской беседы» и «Сельского благоустройства» по вопросу о крестьянской реформе. «Мы убеждены, что освобождение крестьян с землею, с одною ли усадебной, или соединенно с усадебною и полевой, должно быть *нашим*, т. е. русским способом разрешения великой предлежащей нам общественной задачи», — писала редакция «Русской беседы» в одном из своих программных объявлений. Либеральные стремления и намерения славянофилов станут еще более очевидными, если к подобным заявлениям присоединить многочисленные выступления «Русской беседы» и «Сельского благоустройства» в защиту вольнонаемного труда, сельскохозяйственного предпринимательства, железнодорожного строительства. Но совершенно невозможно представлять славянофилов защитниками народных интересов при проведении крестьянской реформы. Выступая за освобождение крестьян от крепостного права, за выделение освобожденным крестьянам земельных наделов, славянофилы в то же время стремились сохранить основы дворянского землевладения, а за выделенную крестьянам землю установить выкуп. Освобождение крестьян с землей за выкуп казалось славянофилам необходимым для того, чтобы удержать крестьян от тяги в промышленность и предохранить страну от «язвы пролетариатства» и крестьянской революции. Обращение крестьян в безземельных работников, опасались они, приведет к «резне» в недалеком будущем. Что же касается размеров земельных наделов, которые могут получить «освобожденные» крестьяне, то они, по мнению славянофилов, должны лишь обеспечить крестьянам прожиточный минимум и ни в коем случае не должны быть больше тех наделов,

которые обрабатывали крестьяне до реформы. Такую программу развивали славянофилы и в «Русской беседе» и в своей практической деятельности в качестве членов губернских дворянских комитетов и редакционных комиссий. Как и либералы западнического лагеря, славянофилы возлагали надежды на проведение реформы «сверху» и были ярыми врагами освобождения «снизу».

Та полемика, которую «Русская беседа» и «Сельское благоустройство» вели против крепостников, не может, конечно, затемнить классовой ограниченности позиций славянофилов в крестьянском вопросе. «Пресловутая борьба крепостников и либералов... — писал В. И. Ленин, — была борьбой *внутри* господствующих классов, большей частью *внутри помещиков*, борьбой *исключительно* из-за меры и формы *уступок*».[1]

Не отличаясь в разрешении крестьянского вопроса сколько-нибудь существенным образом от либералов буржуазного лагеря, славянофилы, как дворянские либералы, противостояли им в своей защите сельской общины. Вопрос об общине принадлежал, несомненно, к числу основных вопросов, разрабатывавшихся «Русской беседой». В одном из обращений к читателям редакция журнала писала, что вопрос об общине является «знаменем» «Русской беседы» и призван «произвести переворот в политической экономии». Теоретически, исторически и практически защищая общину, славянофилы вели горячую полемику с противниками общины в русской предреформенной печати — с «Экономическим указателем» и «Русским вестником». При этом возникло не лишенное интереса обстоятельство: «Русская беседа» оказалась как бы союзником «Современника» и Чернышевского, «Колокола» и Герцена, которые, как известно, в это время тоже выступали в защиту русской общины. Обстоятельство это не раз использовалось впоследствии для доказательства близости учения славянофилов к утопическому социализму, к некоторым взглядам Чернышевского и Герцена, а также и к народничеству. Между тем внимательное ознакомление с выступлениями славянофилов в защиту общины может легко рассеять подобные недоразумения. Учение славянофилов об общине не имело ничего общего с социализ-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 17, стр. 96.

мом и учением Герцена и Чернышевского. Чернышевский и Герцен (несмотря на утопический характер их позиции в данном вопросе) боролись за общину как революционные демократы и социалисты, связывая вопрос о сохранении и развитии сельской общины с изменением социально-политического строя России и видя в общине начало будущего социалистического общества. Славянофилы же, исходя из интересов дворянства, видели в русской общине оплот против революции и социализма.

Общину, как союз людей, основанный на православии, на «внутреннем законе», славянофилы противопоставляли социализму, как общественному строю атеистическому, основанному на «внешнем законе». Вместе с тем, заботясь о сохранении общины, они стремились искусственно прикрепить крестьян к земле, чтобы избежать пауперизации крестьян и появления пролетариата, использовать общину в выгодах помещиков и в административных целях. «Мы убеждены, что общинное устройство при общинном землевладении представляет вернейшее средство к обеспечению оседлости и благоденствия крестьян, к упрочению постоянных выгод землевладельцев и к утверждению спокойствия и могущества России», — писала редакция «Русской беседы». Славянофильские публицисты в своих выступлениях в защиту общины приложили все усилия к тому, чтобы противопоставить общину, как якобы проявление русского народного духа, социалистическим ассоциациям и отграничить свое, «русское воззрение» на общину от социалистических учений.

В первой же своей статье по поводу общины Кошелев, резко полемизируя с Чернышевским, писал: «Современник», наведен, кажется, на любовь к русской общине его подобострастным отношением к западным ассоциациям... Чернышевский смотрит на нынешнюю общину как на ступень к другой, где явится общинный труд со всеми принадлежностями; туда за г. Чернышевским мы следовать не расположены» (1857, № 4). С еще большей ясностью Кошелев высказался в статье, помещенной в «Сельском благоустройстве». Говоря о том, что «социалисты и коммунисты на Западе опасны», что «общежития, предлагаемые Кабэ и компанией» «приводят в справедливый ужас» своих противников, Кошелев спрашивает: «какое специфическое средство против всех этих зол?» — и отвечает:

«одно, ничем не заменимое, вполне достаточное, — *община*» (1858, № 8).

Таким образом, совершенно очевидно, что выступления «Русской беседы» по поводу общины не только не дают права сближать славянофильство с утопическим социализмом и взглядами Чернышевского и Герцена, но, напротив, свидетельствуют об их противоположности. Ошибочны и мнения о близости народничества и славянофильства. В своей известной работе «Экономическое содержание народничества» В. И. Ленин, возражая Струве, писал: «. . .сущность народничества лежит глубже: не в учении о самобытности и не в славянофильстве, а в представительстве интересов и идей русского мелкого производителя». И дальше: «С такими категориями, как славянофильство и западничество, в вопросах русского народничества никак не разобраться».[1] В отличие от взглядов Чернышевского, Герцена, народничества программа славянофилов — помещичья программа, которая на практике означала мучительно медленное развитие капитализма в земледелии.

В 1850-е годы славянофильство, под влиянием исторического развития и обострения социальных противоречий в стране, все сильнее раскрывает свою классовую сущность. Это нашло выражение в славянофильской программе «освобождения», это сказалось с еще большей определенностью и в славянофильском разрешении славянского вопроса.

Статьи и заметки об истории, литературе, быте, политической жизни славянских народов, о международном значении «славянского вопроса» занимали в различных отделах «Русской беседы» значительное место. Принадлежали они перу как русских публицистов, ученых и путешественников (Погодин, Гильфердинг, Чижов, Кошелев, Черкасский и др.), так и ученых и корреспондентов из славянских стран. Тесная связь с последними была установлена редакцией «Русской беседы» через славян, приезжавших в Россию учиться, через священника русской миссии в Вене Раевского, благодаря специальной поездке Кошелева в Чехию и на Балканы. При этом руководи-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 1, стр. 384.

тели журнала прекрасно сознавали, что интерес «Русской беседы» к славянству имеет не столько этнографический, исторический или литературный характер, сколько характер политический. Это обстоятельство они старались по мере возможности разъяснить и читателям журнала. В объявлении об издании «Русской беседы» на 1859 год редакция журнала, говоря о своих заслугах в деле ознакомления русских читателей со славянством, подчеркивала, что славянский вопрос стал теперь «на чреде современных политических вопросов». С еще большей ясностью говорил об этом редактор «Русской беседы» И. С. Аксаков в письмах к Черкасскому. «Я хотел бы, — писал Аксаков, — чтоб «Беседа» была бы политическим центром славян и настоящим двигателем... необходимо этот вопрос [славянский] сделать как можно более популярным, из области археологической низвести в жизнь, придать ему значение политическое». [1]

Сущность славянофильской программы по славянскому вопросу можно определить одним словом: панславизм. Опираясь на свою философскую и историческую теорию, славянофилы боролись за объединение славянских народов под эгидою русского самодержавия, оправдывая тем самым завоевательную политику царизма и его стремление подчинить славянские народы в экономическом, политическом и культурном отношении дворянству и буржуазии России. Панславистские мечты славянофилов питались надеждами на успех агрессивных планов царского правительства; панславистская деятельность славянофилов облегчала задачи царской дипломатии. «Как бы там ни думало обо мне правительство, — писал И. С. Аксаков Е. П. Ковалевскому 29 января 1861 года, — но я убежден, что наша славянофильская деятельность полезна интересам России вообще, а в частности, и нашей политике... достигает целей, предложенных и самим правительством». [2] Не славянофилы, конечно, а револю-

---

[1] Письмо И. С. Аксакова Черкасскому см. в книге «Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского», М., 1901, том. I, кн. 1, стр. 124.

[2] Письмо опубликовано в статье С. Никитина «Балканские связи русской периодической печати 60-х гг. XIX века», стр. 30.

ционные демократы Герцен и Чернышевский были в те годы истинными друзьями славян.

Реакционная сущность панславизма была с исчерпывающей ясностью вскрыта классиками марксизма-ленинизма. Маркс и Энгельс справедливо видели в панславизме учение, как нельзя лучше отвечавшее завоевательным целям русского самодержавия.[1] По словам В. И. Ленина, при посредстве панславизма царская дипломатия не раз «совершала свои грандиозные политические надувательства».[2]

Социально-политические идеи «Русской беседы» опирались на основания исторического и философского характера. Вопросам истории руководители журнала придавали исключительное значение. Отделы «наук», «критики», «смеси», «жизнеописаний» были переполнены статьями и заметками, посвященными русской истории. Достаточно указать, что с ответом на известную антиславянофильскую статью С. М. Соловьева «Шлецер и антиисторическое направление» в «Русской беседе» одновременно выступили Бессонов, Самарин, К. Аксаков и Хомяков. Столь активное обращение «Русской беседы» к проблемам русской истории было вызвано (в известной мере) необходимостью облекать социально-политические вопросы в исторические формы, за невозможностью обсуждать их открыто. Во всяком случае исторические построения славянофилов были самым непосредственным образом связаны с их политической программой и явно служили ей. Достаточно сказать, что главными историческими вопросами, интересовавшими сотрудников «Русской беседы», были вопросы о земских соборах, об общине, о судьбах и быте славянства, о национальной самобытности.

Выступления славянофилов по вопросам русской истории исходили из идеалистического учения Шеллинга о «народном духе» и развивали следующие основные положения: 1. История России во всем противоположна истории европейских государств, так как возникла на

---

[1] См., например, К. Маркс и Ф. Энгельс, Сочинения, т. VI, стр. 61; т. VII, стр. 227—278.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, 4-е изд., т. 21, стр. 288. О панславистских взглядах славянофилов см. также историческую справку «О панславизме», напечатанную в журнале «Большевик» 1940, № 10.

основе согласия и истинной веры. 2. Уклад жизни древней Руси, вследствие особенностей русского народного духа, имел общинно-вечевой характер, причем община, постепенно раздвигая свои пределы, превратила древнюю Россию в единую христианскую и земскую общину. 3. Допетровская Русь представляла из себя идеальное государство, где не было борьбы классов и существовало взаимное доверие между государством (обладавшим полнотою власти) и народом (обладавшим силою мнения). 4. Реформы Петра I нарушили самобытность русской истории и повлекли за собою раздвоение русского общества.

Совершенно очевидно, что исторические взгляды славянофилов были антинаучными. Отрицая борьбу классов в истории России, раздувая положительную роль православия, устанавливая единство русского народа и самодержавия и т. п., славянофилы защищали не только неверные, но и вредные теории.

По вопросам философии в «Русской беседе» были помещены статьи: «О необходимости и возможности новых начал в философии» И. В. Киреевского (1856, № 2), «О современных явлениях в области философии» Хомякова (1859, № 1), «Рационалистическое движение философии новых времен» Гилярова-Платонова (1859, № 3), «Вера» Гогоцкого (1857, № 2) и некоторые другие. Статьи эти доказывали, что европейская философия, выросшая на основе рационалистических вероучений католицизма и протестантизма, исчерпала все возможности и зашла в тупик. Критикуя Гегеля справа, славянофилы утверждали, что его учение, объявившее все сущее результатом саморазвивающегося отвлеченного понятия, завершает развитие западно-европейской рационалистической философии. При этом критика Гегеля соединялась у славянофилов с усвоением внешних форм его диалектики. Философия же Фейербаха, по мнению Хомякова, относится к учению Гегеля так же, как поэзия Гейне к творчеству Гёте, — в том и другом случае налицо обмельчание человеческой мысли. Это обстоятельство, разумеется, не помешало Хомякову ожесточенно напасть на Фейербаха в специальной статье.

Все попытки западных мыслителей создать философию на новых началах обречены, по мнению славянофилов, на

неудачу, так как они не могут преодолеть исконный для западно-европейского сознания разрыв разума и веры. Лучшим свидетельством тому служит «философия откровения» «гениального» Шеллинга: она сильна пониманием кризиса философской мысли, но слаба своими положительными результатами. «Жалкая работа — сочинять себе веру», — писал И. В. Киреевский о попытке Шеллинга создать свое собственное вероучение, оторванное от предания.

Только в России на основе православия, полагали славянофилы, может быть создана философия абсолютного достоинства, которая объединит разум и веру в целостной и высшей форме познания — в верующем разуме. При этом разум, конечно, должен будет, не теряя своих относительных прав, уступить первенство в философии религиозному преданию и божественному откровению. «Вся мудрость человечества исчерпывается для них в писаниях отцов церкви», — справедливо писал о славянофилах Т. Н. Грановский. Так решалась славянофилами проблема «народности» в философии. «Русское воззрение» в философии означало теоретическую защиту православия, которое славянофилы противопоставляли материализму. «Народность русская неразрывно соединена с православною верою. Вера — душа всей русской жизни, она же должна определять характер всей умственной деятельности в нашей родине», — говорили программные объявления «Русской беседы». «Русская беседа», — писал А. Григорьев Погодину, — едва ли не будет журналом Троицкой лавры... не сойдется с блаженным памяти «Маяком» в своих *последних результатах*».[1]

Выступления «Русской беседы» по вопросам философии до конца разоблачали славянофильство как учение, основанное на теологии, на поповщине, от которого, по словам Герцена, веяло «душным византизмом».

Таким образом, идеология, нашедшая свое выражение в «русском воззрении» «Русской беседы», свидетельствует, что реакционность учения славянофилов в 1850-е годы стала еще более очевидной.

---

[1] Письмо до 18 января 1856 года. — См. А. А. Григорьев. Материалы для биографии, П., 1917.

Естественно поэтому, что в «Русской беседе» помещались иногда такие статьи, которые могли бы быть напечатаны в свое время на страницах «Москвитянина» и даже печально известного «Маяка». Некоторые из таких выступлений вызвали многочисленные отклики в журналистике и заслуживают особого внимания.

В первой книжке «Русской беседы» за 1856 год была помещена статья Т. И. Филиппова по поводу пьесы А. Н. Островского «Не так живи, как хочется». Комедия Островского была использована Филипповым для резкого нападения на идеи женской эмансипации, на жорж-сандизм и для защиты «русского взгляда» на вопросы семьи и брака. Филиппов обвинял Жорж Санд в проповеди разврата, а «русский взгляд» на брак нашел в словах народной песни, в которой брат советует сестре, замученной своим мужем: «Потерпи, сестрица! потерпи, родная!» Попутно Филиппов напал на Белинского за его отношение к Татьяне Лариной и на Герцена за его роман «Кто виноват?». Выступление Филиппова вызвало возмущение в журналистике. Герцен откликнулся на него в статье «Еще вариация на старую тему», помещенной в третьей книге «Полярной звезды». Отвечая на обвинение в сближении со славянофилами, Герцен писал: «Отчего же не так-то давно один из них пустил в меня, под охраной *самодержавной* полиции, комом отечественной грязи с таким *народным* запахом передней, с такой постной отрыжкой *православной* семинарии?»

С резкой отповедью Филиппову выступил Чернышевский, рекомендуя руководителям «Русской беседы» «точнее и строже определить границы своего направления» и освободиться от таких сотрудников, как Филиппов.

Но славянофилы поступили вопреки советам Чернышевского. По требованию Филиппова, настаивавшего на «соборном оправдании от нападений «Современника», Хомяков поместил в следующем номере «Русской беседы» «Письмо к редактору», в котором, сглаживая острые углы выступления Филиппова, солидаризировался с ним и брал его под свою защиту.

Не успело остыть возмущение, вызванное статьей Филиппова, как «Русская беседа» снова возбудила против себя справедливое негодование. На этот раз основанием его послужила статья профессора В. В. Гри-

горьева о недавно умершем Т. Н. Грановском (1856, №№ 3 и 4). Прикрываясь формой дружеских воспоминаний о годах молодости Грановского, Григорьев изображал Грановского малообразованным и поверхностным ученым, молодость которого прошла в легкомысленных развлечениях. Тогда же стало известно, что в основе выступления Григорьева лежат не только принципиальные соображения, но и некоторые обстоятельства личного характера. Дело в том, что незадолго до этого Григорьев «прославился» в качестве деятельного участника разгрома, учиненного III отделением над книжными магазинами и частными библиотеками Риги, а Грановский, узнав об этом, резко порвал с Григорьевым всякое знакомство. Московские западники ответили Григорьеву статьями Кавелина («Слуга») и Н. Ф. Павлова («Биограф-ориенталист»), помещенными в «Русском вестнике» (1857, март, кн. 2). На этот раз «Русская беседа» не защищалась, а Григорьев на ее страницах больше не печатался.

Тем не менее Чернышевский еще не раз имел основания повторить свой совет «Русской беседе» — «быть осторожной в выборе сподвижников». Укажем, например, на выступление князя Черкасского на страницах «Сельского благоустройства» со статьей, в которой он доказывал невозможность отмены телесных наказаний крестьян и после их освобождения от крепостного права. После должного отпора со стороны почти всей печати (резкие статьи были помещены в «Современнике» и «Колоколе») славянофилы и сам Черкасский выступили с оговорками и «разъяснениями», которые, конечно, сути дела не изменили.

Наконец, следует остановиться и на «Письме» В. И. Даля к редактору «Русской беседы», которое послужило началом оживленной журнальной полемики вокруг вопроса: «нужно ли распространять грамотность в русском народе?» (1856, № 3). Даль высказывал убеждение, что в настоящее время «грамота ничему не вразумит крестьянина; она скорее собьет его с толку, а не просветит», ибо «вкусивший без толку грамоты норовит в указчики, а не в рабочие; норовит в ходоки, коштаны,[1]

[1] Коштаны, по словарю Даля, — это люди, живущие на мирской кошт, паразиты.

мироеды, а не в пахари; он склоняется не к труду, а к тунеядству» и т. д. Далю возражали многие журналы, а он в свою очередь отвечал на критику в «С.-Петербургских ведомостях», продолжая отстаивать свою точку зрения и рекомендуя повременить с введением грамотности в народе.

Ответ Даля на критику был помещен в «С.-Петербургских ведомостях» не случайно. «Русская беседа», правда с некоторым запозданием, и сама сочла необходимым выступить против Даля. В первой книге «Русской беседы» за 1858 год, в заметке «Нечто о грамотности», Кошелев, избегая упоминаний о письме Даля, помещенном в «Русской беседе», и ссылаясь лишь на его статью в «С.-Петербургских ведомостях», писал: «Не нам говорить: рано... грамоту всегда мы должны приветствовать радушным: милости просим. Будет грамота, будет и свет».

Но нельзя сказать, чтобы и эта попытка «Русской беседы» отмежеваться от реакционных идей отличалась решительностью; в сущности различие между мнениями Даля и славянофилов было очень незначительным. Во второй книге «Русской беседы» за 1858 год (т. е. после заметки Кошелева) была помещена статья одного из самых активных сотрудников журнала, И. Д. Беляева, «Деревня». Снова обращаясь к вопросу о грамотности, Беляев писал: «Всего лучше поручить крестьянские училища сельским священникам и причетникам... из светских учителей, естественно, пойдут в деревни только такие молодцы, которых в деревню и пускать не должно... Предметы учения в деревнях должны первоначально ограничиваться чтением, письмом, изучением православного катехизиса и краткого толкования церковной службы; к этому еще следует прибавить чтение евангелистов и псалтыри, — к сим двум книгам наш деревенский народ имеет большое сочувствие». Сформулированная здесь точка зрения на народное образование проводилась «Русской беседой» и во всех других статьях, посвященных этому вопросу, и разделялась самой редакцией журнала. Иначе и быть не могло, так как славянофилы в сохранении народной «самобытности» видели залог спасения России от смут и потрясений и ничего так не боялись, как проникновения «цивилизации» в деревню.

Появление на страницах «Русской беседы» статей Филиппова, В. В. Григорьева, Н. И. Крылова, Черкасского, Даля, Беляева и др. было вполне закономерно. Очевидно, что во всем этом сказалась та связь славянофильства с официальной народностью, которая неизбежно обрекала славянофильство на союз с идейной и политической реакцией и на вражду с революционной демократией и передовой мыслью России.

Отсюда и отношение «Русской беседы» к другим журналам второй половины 1850-х годов. На первый взгляд может показаться, например, что «Русская беседа» являлась непримиримым врагом «Русского вестника». Из номера в номер, особенно в начале своего существования, журнал славянофилов вел полемику с «Русским вестником». Но ни количество полемических статей, ни острые формы полемики не должны никого обманывать. Разногласия «Русской беседы» с «Русским вестником» были неглубокими и касались преимущественно вопросов отвлеченных: о «русском воззрении», о древней России, о месте и роли России в мировой истории и т. п. Эти разногласия не могли скрыть того единодушия, которое существовало между «Русской беседой» как органом дворянского либерализма и «Русским вестником» как органом буржуазного либерализма и западничества по таким коренным вопросам, как отношение к революции, самодержавию, крестьянской реформе. Как указывал В. И. Ленин, в условиях реформ 1860-х годов между славянофилами и либеральными западниками, между Кошелевым и Кавелиным никакой разницы не было.[1] Именно поэтому редакция «Русской беседы» постоянно выражала надежду убедить «Русский вестник», а с конца 1858 года почти совсем прекратила полемику с журналом Каткова. «На практике я стою с вами совершенно заодно», — писал в 1859 году славянофил Самарин западнику Кавелину.[2]

Напротив, глубоко принципиальный характер имели разногласия «Русской беседы» с «Современником», хотя они и не проявлялись столь открыто и ярко. Достаточно

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 5, стр. 28—30.

[2] Письмо Самарина к Кавелину цитируется С. Дмитриевым в докладе «Славянофилы и славянофильство», стр. 97.

вспомнить о споре по поводу сельской общины, о выступлениях «Современника» против статей Филиппова, Черкасского и Даля, чтобы понять всю глубину и непримиримость противоречий между органом славянофилов и «Современником». Борьба славянофилов с «Современником» слышна и в недоброжелательных отзывах «Русской беседы» о «петербургских журналах» и в статьях журнала, не имеющих прямой полемической направленности. При этом одним из постоянных обвинений, выдвигаемых «Русской беседой» против «Современника», было нелепое, демагогическое обвинение его в связи с петербургской бюрократией и правительственной политикой. «Современник» — полупридворный журнал», — заявил Хомяков в письме к Самарину в апреле 1856 года. Но что бы ни думали славянофилы о «Современнике», ясно, что в основе враждебных отношений «Русской беседы» к органу революционной крестьянской демократии лежало классовое различие их направлений. Журнал славянофильства и журнал, исповедовавший материализм, социализм и революционное уничтожение самодержавия и дворянского землевладения, не могли не быть непримиримыми врагами. Н. Г. Чернышевский, встретивший появление «Русской беседы» довольно сдержанно, уже в № 12 «Современника» за 1856 год должен был заявить, что «Русская беседа» «не сказала еще ничего такого, с чем бы можно было согласиться хотя отчасти».

5. КРИТИКА В «РУССКОЙ БЕСЕДЕ»

Критика произведений художественной литературы занимала в «Русской беседе» весьма скромное место. Отдел «Критика» заполнялся главным образом рецензиями на работы по русской истории, причем некоторые из них были весьма пространны. Своего постоянного литературного критика «Русская беседа» не имела. Велись переговоры с А. Григорьевым, но безрезультатно. Чаще других в качестве критиков выступали К. Аксаков и Гиляров-Платонов, но и они поместили в журнале лишь две общих статьи и несколько рецензий. Даже появление «Дворянского гнезда» и «Обломова» «Русская беседа» обошла полным молчанием. Такое положение литературной критики в «Русской беседе» не было случайным и зависело от общего отношения славянофилов к русской литературе, которую они считали не заслуживающей столь серьезного внимания, как русская историческая наука.

Несмотря на небольшой удельный вес литературной критики в «Русской беседе», славянофилы имели, конечно, определенные взгляды на явления русской литературы.

Основной проблемой критики «Русской беседы» была проблема «отрицательного» и «положительного» направления в русской литературе. Ее имеет в виду не только автор статьи «О положительном и отрицательном отношении к жизни в русской литературе» (1859, № 1), но и Хомяков в своих речах, произнесенных в Обществе любителей российской словесности (1860, № 1); из ее решения исходит и К. Аксаков в своем «Обозрении русской литературы» (1857, № 1) и Гиляров-Платонов, говоря о значе-

нии «Семейной хроники» С. Т. Аксакова (1856, № 1). Достаточно вспомнить о спорах о «пушкинском» и «гоголевском» направлении в литературе, чтобы понять, что критика «Русской беседы» стремилась дать свой ответ на вопросы, волновавшие всю русскую критику 1850-х годов.

По мнению славянофильских критиков, отличительной особенностью русской литературы является преобладание в ней отрицательного отношения к действительности. «Искусство наше ограничивалось доселе одним отрицанием» и было бедно светлыми картинами русской жизни, «положительно-прекрасными образами», — утверждали они. Даже русская природа изображалась в литературе по большей части отрицательно: «В деревне скучно; грязь, ненастье. . .» (Пушкин); «Бедна природа в тебе. . .» (Гоголь) и т. п. Отсюда же и широкое распространение в русской литературе жанра сатирической комедии.

Справедливо указав на преобладание в русской литературе «отрицательного направления» (т. е. критического реализма), славянофильская критика совершенно ошибочно видела причины такого явления в отрыве русской литературы от народной почвы, в ее преклонении перед жизнью и культурой Западной Европы. Такое понимание обусловленности «отрицательного направления» могло возникнуть, конечно, лишь при враждебном к нему отношении. Так и было на самом деле: славянофилы осуждали «отрицательное направление» русской литературы, как направление одностороннее и неглубокое. «Сатирическое искусство есть неполное и одностороннее воспроизведение жизни. . . Недостаток поэтического воспроизведения светлых сторон русской жизни есть весьма важный недостаток», — писали критики «Русской беседы».

Общее мнение не нарушалось и выступлениями Хомякова в защиту «обличительной» словесности (речи при вступлении И. В. Селиванова и Л. Н. Толстого в Общество любителей российской словесности). Хомяков отстаивал, разумеется, не «отрицательное направление» русской литературы, а всего лишь «обличительную» словесность и к тому же предостерегал русских писателей от «беззаконной дерзости» и «злоупотреблений». Совершенно несомненно, что славянофильская критика принадлежала не к лагерю сторонников критического реализма, а к лагерю его врагов и недоброжелателей.

Об этом свидетельствует и более чем скептическое отношение славянофилов к прошлому и настоящему русской литературы. По их мнению, начиная с Петра I и его реформ, развитие русской литературы превратилось в историю «глотания готовой, чужими руками изготовленной умственной пищи», а сама литература (за редкими исключениями) в маскарад, в котором одни формы и декорации беспрестанно сменяются другими. Творчество Пушкина, Гоголя и появление в русской литературе произведений Герцена, Некрасова, Достоевского, Гончарова, Тургенева, Писемского, Островского, Л. Н. Толстого, Щедрина не поколебало общего отрицательного отношения славянофилов к новой русской литературе. Тезис: «у нас нет литературы» — распространялся ими так широко, что охватывал русскую литературу до 1850-х годов включительно. «Литература замкнула свой круг, истощила свои силы, впала в совершенное бессилие», — писал К. Аксаков. И если у Белинского критическое отношение к «ломоносовскому» и «карамзинскому» периодам русской литературы было связано с защитой критического реализма, то славянофилы утверждали отсутствие самобытности в русской литературе в качестве основания для борьбы с господствовавшим в литературе того времени «отрицательным направлением». Еще в 1847 году во втором томе «Московского сборника» К. Аксаков выступил против «Петербургского сборника», характеризовав большую часть произведений, помещенных в нем (в том числе «Бедных людей» Достоевского, «Помещика» Тургенева, «Заметки о русской литературе» Белинского), как «хлам» и легкомысленную болтовню. Тогда же Самарин напал в «Москвитянине» на Белинского и натуральную школу в статье «О мнениях «Современника» исторических и литературных».

Взгляды славянофилов не изменились и в 1850-е годы; «Русская беседа» продолжает борьбу с теорией и практикой критического реализма. И аргументы остались те же, например обвинение в натурализме. В программном стихотворении «Литераторы-натуралисты» К. Аксаков (1856, № 2) писал:

Все то, что жизнию полно,
Твое перо не уловляет;
Как полицейский вид, оно
Одни приметы исчисляет.

Славянофилы осуждали «отрицательное направление» в литературе в основном по тем же самым причинам, что и другие враги критического реализма. Иначе говоря, выступления славянофилов были продиктованы испугом перед революционизирующим действием произведений «отрицательного направления», а также их желанием воплотить в литературе свои социальные идеалы. Поэтому, обвиняя «отрицательное направление» в натурализме, односторонности и т. п., они настойчиво утверждали, что темные стороны русской жизни являются лишь исключениями и частностями, которые вовсе не мешают ее общему положительному изображению, воспроизведению идеальных светлых сторон русского быта и сознания.

Присоединяясь к общему хору противников «отрицательного направления», славянофилы в то же время отвергали искусство, пытающееся уйти от общественной борьбы, и положительно относились к искусству гражданскому, посвятившему себя «житейским волнениям» и «битвам». В своей статье о современной литературе К. Аксаков очень нелестно отозвался об антологических стихотворениях Щербины и лирике Фета. «Любовь, любовь, любовь; милая, милая, милая — вот что на все лады, не уставая, воспевает г. Фет», — иронически писал он. С другой стороны, «Губернские очерки» Щедрина, хотя и были отнесены К. Аксаковым не к произведениям искусства, а к «ораторским речам», заслужили более теплый отзыв благодаря тому, что «общественный элемент» — «это существенный элемент нашей литературы». Столь же определенно отношение славянофилов к «чистому искусству» было сформулировано Хомяковым в его ответе на речь, произнесенную Л. Н. Толстым при вступлении в Общество любителей российской словесности. В своей речи Толстой, сблизившийся в те годы с Дружининым, защищал чисто художественное направление искусства и противопоставлял временным и случайным задачам литературы служение идеалам вечной красоты, истины и справедливости. Хомяков энергично возражал Толстому, характеризуя теорию чистого искусства как «одностороннее явление германской эстетики». «Конечно, художество вполне свободно, — говорил Хомяков, — в самом себе оно находит оправдание и цель», но «художник всегда человек своего времени, обыкновенно лучший его представи-

тель, весь проникнутый его духом и его определившимися и зарождающимися стремлениями».

Таким образом очевидно, что славянофилы выступали против «отрицательного направления» русской литературы, не имея намерений защищать «чистое искусство». Но теория гражданского искусства имела у славянофилов реакционный характер.

«Отрицательному направлению» русской литературы славянофилы противопоставляли направление положительное, которое, отказавшись от «голого отрицания», «отыскивает в каждом явлении светлую сторону» и создает «положительно прекрасные образы». Нужно сказать, что увидеть в литературе отражение «светлых» явлений жизни и положительных образов хотели тогда не только славянофилы. А. Григорьев именно поэтому и считал Островского писателем, сказавшим «новое слово» в русской литературе, интерпретируя его творчество в духе идей «молодой редакции» «Москвитянина».

Вопрос о положительном герое занимал весьма существенное место также в критике и художественном творчестве Добролюбова и Чернышевского, хотя, разумеется, решался ими совершенно иначе, чем славянофилами. Горячо ратуя за изображение положительного героя в литературе, критики революционно-демократического лагеря боролись тем самым за отражение в литературе народного протеста против «темного царства», революционной борьбы крестьянских масс и передовой интеллигенции против крепостного права и самодержавия. Добролюбов именно поэтому так высоко и оценил Катерину из «Грозы» Островского, назвав ее «лучом света в темном царстве». По той же причине он приветствовал создание Тургеневым образов Елены и Инсарова, утверждая вместе с тем, что нам нужны русские Инсаровы, чтобы бороться против «внутренних турок». Чернышевский сам создал «положительно-прекрасные образы» в «Что делать?» И так как положительный герой в понимании Чернышевского и Добролюбова — революционер или носитель народного возмущения, то естественно, что борьба за утверждение положительных идеалов и героев в литературе соединялась в их критике и творчестве с защитой и пропагандой

«гоголевского направления», т. е. критического реализма, подрывающего основы крепостнической России.

Славянофилы, выступая за положительное направление литературы, имели в виду, конечно, нечто совсем иное, чем Чернышевский и Добролюбов. Говоря о появлении положительного направления в русском обществе, критики «Русской беседы» указывали на славянофильство, а говоря о писателях, обладающих положительным художественным воззрением, ссылались не на Тургенева или Островского, а на С. Т. Аксакова.

«Семейную хронику» и «Воспоминания» С. Т. Аксакова славянофилы оценили как начало нового периода в развитии русской литературы, на них главным образом пытались опереться в своей борьбе за положительное направление в искусстве. «Воззрение С. Т. Аксакова чище, выше и шире, нежели какое находим мы вообще у современных писателей», — утверждал Гиляров-Платонов, находя в произведениях автора «Семейной хроники» и прекрасную природу, и светлые картины жизни, и положительные образы. Насколько далеко при этом критик «Русской беседы» разошелся с передовой мыслью своего времени можно судить по тому, что к положительным образам он относил не только Степана Михайловича Багрова и Прасковью Ивановну, но и образ А. С. Шишкова, воспроизведенный Аксаковым в «Воспоминаниях». Вместе с тем славянофильская критика в своей интерпретации творчества Аксакова неизбежно должна была стать на тот же путь, по которому шли А. Григорьев и Филиппов при характеристике творчества Островского. Критика «Русской беседы» должна была настойчиво укладывать творчество С. Т. Аксакова в рамки славянофильства и противопоставлять его натуральной школе и «отрицательному направлению». Это она и делала, борясь с той оценкой творчества Аксакова, которую дал Добролюбов.

Провозгласив С. Т. Аксакова родоначальником нового направления в русской литературе, критики «Русской беседы» почти столь же восторженно отнеслись к появившимся тогда в печати произведениям Кохановской (Сохансксй), близким к славянофильству своими патриархальными тенденциями. В них они нашли художественное воззрение, родственное творчеству С. Т. Аксакова. «Это

русская повесть!» — писал К. Аксаков о повести Кохановской «После обеда в гостях» (1858, № 4).

Но всего яснее сущность пропагандируемого славянофилами положительного направления сказалась в многочисленных выступлениях К. Аксакова по поводу художественных произведений из народной жизни. Появление «Записок охотника» Тургенева и повестей Григоровича, а несколько позднее — рассказов из народного быта Писемского и Н. Успенского сделало вопрос об изображении крестьянства в литературе одним из самых серьезных вопросов критики того времени. Достаточно напомнить о таких статьях, как «Не начало ли перемены?» Чернышевского или «О романе из народной жизни в России» Герцена, чтобы убедиться в этом.

По вполне понятным причинам К. Аксаков приветствовал переход русской литературы к широкому изображению крестьянства: его быта, характеров, психологии. Еще в 1847 году в «Московском сборнике» он с одобрением писал о «Хоре и Калиныче»: «Вот что значит прикоснуться к земле, к народу: в миг дается сила!» В отличие от А. Григорьева К. Аксаков считал, что только «простой народ удержал быт древней Руси», что «купечество одною стороною примыкает к преданиям быта народного, но представителем этого быта оно быть не может» («Русская беседа» 1857, № 1). Вместе с тем большая часть художественных произведений из народной жизни совершенно не удовлетворяла К. Аксакова. По его мнению, «обратившись к народу, русские писатели не перестали быть иностранцами». Поэтому, относясь к крестьянству со снисходительным презрением, они изображают народную жизнь поверхностно, внешне. Такое изображение народной жизни К. Аксаков нашел и в рассказе В. Одоевского «Сиротинка», и в повестях Григоровича, и особенно в произведениях Писемского. В рецензии на драму Писемского «Горькая судьбина» он утверждал, что «неправда» образа Анания «мутит душу», что в руках писателей, подобных Писемскому, крестьянин («самое нравственное лицо в мире») — «не крестьянин, а один только вид его: кафтан, борода, поговорки. . .»

Вот добрались и до крестьян,
До величавого народа. —

писал К. Аксаков и в стихотворении «Литераторы-натуралисты», с горечью утверждая, что результаты обращения писателей к народу были более чем печальны:

В народе он подслушал «тоись»,
А этот «евто» притащил,
А тот «болезная» услышал,
А тот присловий накопил
И с ними в свет надменно вышел.

Известно, что и Чернышевского и Добролюбова многое не удовлетворяло в произведениях русской литературы, посвященных народу: они хотели бы увидеть в них меньше идеализации и больше суровой и горькой правды о русском крестьянстве. Поэтому, в противоположность К. Аксакову, Чернышевский в основном положительно оценил рассказы из народного быта Писемского, а позднее счел нужным посвятить специальную статью народным рассказам Н. Успенского.

К. Аксаков стремился найти в русской литературе совсем не такое отражение жизни крестьянства, какого ждал Чернышевский. Более определенное представление об идеалах К. Аксакова дает его же собственная комедия «Князь Луповицкий, или Приезд в деревню», написанная в 1851 году и вышедшая в качестве приложения к первой книге «Русской беседы» за 1856 год. Крестьянство, там изображенное, является хранителем православия, древнего общинного начала, патриархальной нравственности и мудрости. В церкви, на мирских сходках, в хороводах проводят крестьяне свои дни. В улучшении жизни крестьяне, изображенные К. Аксаковым, не нуждаются. Их не гнетет нищета, выборных старост своих они любят, с барином живут мирно и ладно. В просвещении крестьяне также не нуждаются. Наоборот, как зеницу ока берегут они свою самобытность, а если и склонны учиться, то лишь у пономаря и по церковным книгам. Одним словом, трудно в русской литературе найти столь иконописное и фальшивое изображение русского крепостного крестьянства.

«Князь Луповицкий» не только помогает уяснить требования, предъявлявшиеся К. Аксаковым к литературе, изображающей жизнь русского крестьянства, но и рас-

крывает до конца сущность того положительного направления в литературе, за которое боролись славянофилы. Становится очевидным, что славянофилы стремились превратить реалистическую русскую литературу из могучего средства освободительной борьбы и социального прогресса в средство пропаганды славянофильских идей и ложных представлений о действительности, стремились направить развитие русской литературы не по пути реализма, а по линии реакционного романтизма.

6. ХУДОЖЕСТВЕННАЯ ЛИТЕРАТУРА В «РУССКОЙ БЕСЕДЕ»

Отдел художественной литературы не был главным отделом «Русской беседы». Читатели журнала были предупреждены об этом: в программном предисловии было сказано, что «Русская беседа», по примеру дружеских бесед, будет иногда обходиться без песен и анекдотов. Критики же «Русской беседы» утверждали, что и вообще в настоящее время в России не может быть значительной прозы и поэзии. Намерения руководителей «Русской беседы» привлечь к сотрудничеству в журнале известных писателей того времени (Л. Н. Толстого, Тургенева, Писемского) отступали перед их же собственным стремлением придать «Русской беседе» от начала до конца строго выдержанное направление. Отказываясь поместить в «Русской беседе» стихотворения А. К. Толстого «Двух станов не боец» и «Как селянин, когда грозят», И. С. Аксаков писал их автору: «Вообще, любезный граф, вы имейте в виду, что ни «Русская беседа», ни «Парус» не могут, не желают, по крайней мере, относиться к помещаемым ими стихотворениям безразлично, равнодушно. Все прочие журналы в этом отношении поступают иначе, нынче — «богу свечу, завтра — чорту свечу». Они правы с своей точки зрения, относясь к стихам только с художественной стороны; но мы желаем, чтобы каждая строка нашего журнала била в известную цель, пела в общем хоре, действовала благотворно на читателя». [1]

---

[1] «Вестник Европы» 1905, № 10, стр. 442—443.

Поэзия в «Русской беседе» была представлена прежде всего стихотворениями славянофильских поэтов: Хомякова, И. Аксакова, К. Аксакова. Хомяков выступал в журнале главным образом со стихотворениями религиозно-философского («Звезда», «И. В. Киреевскому», «Широка, необозрима») и политического («Беззвездная полночь», «Не гордись перед Белградом», «Сербская песня») характера. Его поэзия была программной поэзией славянофильства и представляла собой по большей части риторическое изложение основных положений славянофильской теории. Такой же была и поэзия К. Аксакова. То обстоятельство, что Хомяков и К. Аксаков не заняли сколько-нибудь заметного места в русской поэзии, в значительной мере объясняется реакционным характером их убеждений. Почти все произведения Хомякова и К. Аксакова не свободны от предвзятости, искусственности, доктринерства. Ни тот, ни другой поэт не смог в своем творчестве порвать путы безжизненной славянофильской догмы.

Третьим поэтом-славянофилом, печатавшимся в «Русской беседе», был И. Аксаков. Это был даровитый поэт, некоторые стихотворения которого — и в особенности неоконченная поэма «Бродяга» — представляют несомненный историко-литературный интерес. Стихотворения И. Аксакова, помещенные в «Русской беседе», в противоположность программной лирике Хомякова и К. Аксакова, носили по преимуществу субъективно лирический характер и отражали болезненные противоречия и тупики славянофильства («Усталых сил я долго не жалел», «Опять тоска, опять раздор», «Пусть сгибнет все», «Зачем душа твоя смирна?» и др.). Поэтому автор счел необходимым снабдить их названием: «Из стихов прежнего периода». В 1840—1850-е годы И. Аксаков высказывал недовольство многими наиболее реакционными сторонами славянофильского учения и болезненно переживал бесплодность и бессилие славянофильства. На этой почве и выросла его поэзия.

Кроме славянофилов, в отделе поэзии активно участвовали поэты, творчество которых не противоречило славянофильскому учению, а иногда некоторыми сторонами и соприкасалось с ним. К таким поэтам относятся А. К. Толстой и Ф. И. Тютчев. А. К. Толстой поместил в «Русской беседе» около трех десятков стихотворений и поэмы

«Грешница» и «Иоанн Дамаскин». Поэмы Толстого написаны на религиозно-исторические сюжеты, а большая часть стихотворений принадлежит к стилизациям народных песен («Хорошо, братцы, тому на свете жить», «Нет, уж не ведать мне, братцы, ни сна, ни покою», «Исполать тебе, жизнь, баба старая» и т. д.).

Ф. И. Тютчев поместил в «Русской беседе» более десяти стихотворений; среди них несколько политических («В альбом Ганке», «Эти бедные селенья») и несколько интимно-лирических («О вещая душа моя!», «Она сидела на полу», «Есть в осени первоначальной»).

Иногда руководители «Русской беседы» привлекали к сотрудничеству в журнале молодых поэтов, только что появившихся в литературе, в надежде на дальнейшее сближение с ними. Так, в 1857—1858 годах в «Русской беседе» было помещено около 10 стихотворений И. С. Никитина, среди них «Нищий» («И вечерней и ранней порой»), «Медленно движется время», «Ночлег в деревне». Нельзя не отметить и появления в «Русской беседе» в 1859 году двух известных стихотворений Т. Г. Шевченко: «Вечер» («Садок вишневий коло хати») и «Сон» («На панщині пшеницю жала»). Если к названным поэтам присоединить П. А. Вяземского и М. А. Стаховича, изредка помещавших свои вещи в «Русской беседе», то перечисление поэтов, принимавших участие в журнале славянофилов, будет исчерпано.

Особо следует выделить публикацию «Русской беседой» ряда стихотворений поэтов пушкинской поры, уже сошедших в могилу. В журнале было помещено несколько стихотворений В. А. Жуковского, Н. М. Языкова, А. И. Одоевского, одно стихотворение Е. А. Баратынского и, наконец, одно стихотворение самого Пушкина («Страдалец произвольной муки»).

Особенностью отдела поэзии «Русской беседы» было обилие в нем переводов из поэзии славянских народов. Около двух десятков стихотворений и песен было переведено Н. Бергом, М. Петровским, В. Варенцовым с чешского, сербского, польского, хорватского и т. п. Разумеется, интерес к поэзии славянских народов был у славянофильского журнала не случаен. Не случайны были и публикации ряда русских народных песен из собрания П. В. Киреевского. Еще в 1852 году в предисловии к народным

песням из собрания П. В. Киреевского, помещенным в «Московском сборнике», Хомяков утверждал, что у нас в России памятники народной поэзии не являются проявлением отзвучавшей и замолкнувшей жизни, что в них сказались те стихии и начала, которые живы в народе и от которых оторвались образованные классы, что роль их поэтому в общественном воспитании исключительно велика.

Основным сотрудником «Русской беседы» по разделу прозы являлся С. Т. Аксаков. В журнале были помещены большие отрывки из «Семейной хроники» и «Детских годов Багрова внука», «Литературные и театральные воспоминания», примыкающий к ним автобиографический рассказ «Встреча с мартинистами» и, наконец, отрывок из неоконченной повести «Наташа».

Характерно, что автобиографические произведения С. Т. Аксакова повлекли за собою напечатание в журнале целого ряда других «записок» и «воспоминаний». В «Русской беседе» были помещены «Два отрывка из семейных записок» М. П. Бибикова, «Год в школе» Н. Бицына (Н. М. Павлова), «Записки» Г. Р. Державина и др. «Записки» Державина почти заполнили отдел прозы журнала за 1859 год. К автобиографическим произведениям примыкают по своим идейным тенденциям и содержанию такие повести и рассказы, как «Феклуша» П. А. Кулиша (повесть снабжена подзаголовком: «Из воспоминаний детства»), «Отрывки из автобиографии Василия Петровича Белокопытенка» М. Номиса (М. Т. Симонова), «Картины из русского быта» В. И. Даля, «День помещика» В. В. Селиванова. Для славянофильского журнала помещение такого количества произведений, посвященных изображению прошлого и уходящего быта, было естественно. В этом сказалась тесная связь славянофилов с дворянским укладом жизни. Но иногда крепостнические тенденции подобных произведений проявлялись так открыто и сильно, что даже редакция «Русской беседы» вынуждена была оговариваться. В примечании к очерку В. В. Селиванова «День помещика» редакция писала: «Мы помещаем эту статью, замечательную по живости и верности рассказа о нашем помещичьем быте, хотя и не разделяем сожалений автора об утрате патриархальности, будто где-то существовавшей вообще между помещиками

и их крестьянами... Мы полагаем, что будущее, нам принадлежащее устройство отношений между поселянами всех разрядов настолько совершеннее против патриархальности, насколько взрослый совершеннее ребенка. Конечно, иной возмужалый, свихнувшийся с пути, хуже младенца или отрока; но нельзя же, из опасения ошибок, намеренно оставаться в детстве».

Названные произведения составляли основное ядро прозы «Русской беседы». Кроме них, из вещей, помещенных в «Русской беседе», следует назвать комедию А. Н. Островского «Доходное место», рассказ Щедрина «Госпожа Падейкова», рассказ Марко Вовчка «Маша», роман П. А. Кулиша «Черная рада». Последний был снабжен эпилогом, в котором Кулиш впервые высказал свое отрицательное отношение к Гоголю и его творчеству. В украинских повестях и «Тарасе Бульбе» Гоголя Кулиш не нашел ни исторической, ни этнографической, ни художественной истины. «Русская беседа» поместила и возражение Кулишу Максимовича.

Появление на страницах «Русской беседы» произведений Островского, Щедрина, Марко Вовчка свидетельствует о том, что редакция журнала пыталась расширить круг сотрудников отдела изящной словесности, будучи готова пойти здесь навстречу писателям той школы, которую отрицательно характеризовала в отделе критики. Но привлечение более широкого круга сотрудников производилось редакцией робко и неуверенно; писателей в свою очередь отпугивало славянофильское сектантство журнала. Поэтому отдел словесности «Русской беседы» не отличался богатством и разнообразием и заполнялся иногда такими произведениями, как «Письмо В. А. Жуковского о его браке с девицею Рейтерн», статьями Кохановской о русских и народных песнях, речами Хомякова, произнесенными в Обществе любителей российской словесности.

7. ПРЕКРАЩЕНИЕ ИЗДАНИЯ «РУССКОЙ БЕСЕДЫ»

Интересные сведения о распространении и степени популярности «Русской беседы» сообщает в своих письмах много путешествовавший по России И. С. Аксаков. В письме к родным от 9 октября 1856 года, рассказывая об исключительной и повсеместной известности Белинского, Аксаков писал: «О славянофильстве здесь в провинции и слыхом не слыхать... в Екатеринославской губернии во всей нет ни одного экземпляра «Русской беседы», а получается «Русский вестник» и другие журналы». Через полтора месяца, 28 ноября 1856 года, Аксаков писал родным уже из Харькова: «Бедная «Беседа» имеет в Харькове только четыре подписчика, да и то университет, архиерей, Квитка (по знакомству со мной)... и еще кто-то». В 1856 году журнал имел лишь 850 подписчиков, на следующий год 1200 подписчиков. Выше этой цифры количество подписчиков не поднималось, и журнал издавался в убыток. Не случайно в числе харьковских подписчиков назван архиерей; тот же Аксаков и другие современники отметили популярность «Русской беседы» среди «мыслящего духовенства» и совершенную непопулярность среди молодежи и демократической интеллигенции.

Причины изложенных обстоятельств очевидны. Они, кстати сказать, были ясны и И. С. Аксакову. Первая причина: слишком отвлеченный характер журнала. «Это очень понятно, — писал Аксаков родным 28 ноября 1856 года. — Это не журнал, а четыре сборника, очень

слабо удовлетворяющие современным требованиям, и именно теперь, когда после потрясения войны, при новой правительственной эпохе, всё в России в брожении, все жаждет разрешения поднятых вопросов, не отвлеченных, но жизненных, животрепещущих... Только и читают статьи Черкасского, да о железных дорогах». Вторая и главная причина заключалась в направлении «Русской беседы». «Славянофильство... не может возбуждать сочувствия молодежи, — писал Аксаков. — Требования эмансипации, железных путей и проч. и проч., сливающиеся теперь в один общий гул по всей России, первоначально возникли не от нас, а от западников» (письмо от 9 октября 1856 года).

Хорошо понимая причины непопулярности «Русской беседы» среди читателей, И. С. Аксаков и сам не был удовлетворен журналом. «Я недоволен программой «Русской беседы»... Слова: народность, русский дух, православие производят во мне нервическое содрогание...» — писал он родным 7 марта 1856 года. А брату Константину он советовал: «Будьте умеренны и беспристрастны и не навязывайте насильственных неестественных сочувствий к тому, чему нельзя сочувствовать, к допетровской Руси, к обрядовому православию, к монахам (как покойный Иван Васильевич[1])» (письмо от 17 сентября 1856 года).

Внести некоторые изменения в программу и содержание «Русской беседы» считал необходимым и Черкасский. Он рекомендовал Кошелеву привлечь новых сотрудников и поручить руководство журналом И. С. Аксакову. Но Кошелев, опираясь на мнения Хомякова и Самарина, не сразу согласился на предложение Черкасского. Дело в том, что Аксаков казался тогда Кошелеву недостаточно твердым и правоверным славянофилом. Кошелев знал о недовольстве Аксакова программой «Русской беседы» и не хотел доверить ему редактирование журнала. В июне 1857 года Кошелев писал Аксакову: «Вы говорите о том, что попы у нас всё мертвят и что необходимо стать им во всем наперекор; вместе с тем вы говорите о живом голосе Герцена и о том, как необходимо затронуть все живое...

---

[1] Киреевский.

Нет, дражайший Иван Сергеевич, в речах Филарета несравненно более жизни, чем в произведениях Герцена... Я горжусь тем, что наша «Беседа» пользуется особым благорасположением духовенства, радуюсь тому, что мы этим путем можем действовать на него, а через него на массу народа. Нет, дражайший Иван Сергеевич, путь Герцена, его средства, слова и пр. никогда не будут одобрены мною...»

В результате передача «Русской беседы» в руки И. С. Аксакова в 1857 году не состоялась и была отложена на неопределенное время. Кошелев пригласил в помощники М. А. Максимовича, а Аксаков решил взять на себя с 1858 года редактирование выходившей в Москве газеты «Молва». Но очень скоро обстоятельства заставили и Кошелева и Аксакова взглянуть на дело иначе и привели переговоры о передаче «Русской беседы» к благополучному исходу. Будучи назначен правительством членом Рязанского губернского комитета и имея на своих плечах «Сельское благоустройство», Кошелев совершенно не мог уделять времени «Русской беседе»; между тем, престарелый Максимович оказался помощником весьма неудовлетворительным. С другой стороны, «Молва» была в декабре 1857 года закрыта правительством. Начиная с четвертой книжки «Русской беседы» за 1858 год, Аксаков принял на себя редактирование журнала. При этом, чтобы предохранить «Русскую беседу» от каких-либо неожиданностей, Кошелев оставил за собою и «сходкой» право отвергать не нравящиеся им статьи.

Беря в свои руки руководство «Русской беседой», И. С. Аксаков, естественно, стремился внести в журнал желательные ему преобразования. Журнал стал выходить шесть раз в год. Многие статьи по славянскому вопросу приобрели открыто политический характер. Новый редактор был намерен создать при журнале «славянскую контору» по книгообмену между славянскими странами и склад пожертвований. Выступления, подобные выступлениям Т. И. Филиппова, В. В. Григорьева, Н. И. Крылова, исчезли со страниц «Русской беседы». Были сделаны попытки занять более независимую позицию по отношению к официальной церкви и правительству. В первой книжке «Русской беседы» за 1859 год в статье «Современные идеи

православны ли?» Гиляров-Платонов подверг критике брошюры для народа Кулжинского и Баркова, которые, в духе крайнего мракобесия, утверждали, что и мысли об освобождении крестьян, и мысли о введении железных дорог, пароходства и т. п., и идеи обличительства в современной литературе враждебны православию. Во втором номере «Русской беседы» за 1859 год было помещено «примечание редакции» к «Письму из Белграда» Милечевича, защищавшее свободу слова и печати. В последних книжках журнала за 1859 год много писалось о недопустимом поведении полицейских властей, арестовавших в Пскове известного собирателя народного творчества П. И. Якушкина.

Но все нововведения Аксакова не выходили из границ славянофильского учения, которое продолжало определять программу и содержание «Русской беседы». Выступления «Русской беседы» против церковного обскурантизма соединялись с пропагандой православия, а критика полицейских порядков никогда не шла дальше неглубокого обличительства.

Более существенное преобразование «Русской беседы» было невозможно уже потому, что хозяином журнала оставался Кошелев, внимательно следивший за каждым шагом Аксакова. «Все статьи и примечания, малейше сомнительные в религиозном и политическом отношении, прошу Вас присылать ко мне, ибо я под своим именем не могу выпускать то, что противно моим убеждениям», — писал Кошелев Аксакову. Неоднократно Кошелев вмешивался в дела «Русской беседы» и решительно возражал против тех изменений, которые желал осуществить Аксаков. «Будьте в примечаниях от редакции крайне воздержны, — писал Кошелев Аксакову, — ибо скорее соглашусь закрыть «Беседу», чем дать ей оппозиционный характер... Я в душе за власть; с прискорбием вижу, когда она спотыкается, а не намерен выказывать к ней ни малейшей неприязни. Убедительно Вас прошу и в «Парусе» и в «Беседе» не становиться в оппозицию с правительством. Вы этим дело убьете. Что нам Герцен и компания?.. Я желаю слыть органом правительства, только либерального правительства. Впрочем, я глубоко убежден, что у нас оппозиция не плодотворна. Пуще всего нам должно избегать фан-

фаронить либерализмом, — это дешево, но гнило». Столь же резко и определенно Кошелев формулировал и свое отношение к православию. Когда Аксаков, говоря в программе «Паруса» о народности, не упомянул о православии и был намерен избежать упоминаний о православии и в объявлении об издании «Русской беседы» на 1859 год, Кошелев немедленно обратился к нему с письмом. «Без православия наша народность — дрянь. С православием наша народность имеет мировое значение... — писал Кошелев. — Могу согласиться на одно — не упоминать о православии, но сослаться на прежние наши программы; но без православия «Беседа» не имеет никакого значения, и ее под своим именем я держать не могу».[1]

Но не только постоянное вмешательство Кошелева препятствовало коренному преобразованию «Русской беседы». Многое зависело и от самого Аксакова, который, хотя и испытывал в те годы некоторые колебания, все же оставался славянофилом, подчиняясь более последовательным носителям славянофильской доктрины.

Не изменив при Аксакове своего облика и характера, «Русская беседа», естественно, как и прежде, не могла иметь успеха у читателей. Упадок журнала продолжался. «Грустно было читать описание ваше теперешнего положения «Беседы»... — писал Хомяков Аксакову. — Для нее нет в России читателя!..» «Общество русское нисколько нам не сочувствует».[2]

Положение «Русской беседы» стало еще более тяжелым после закрытия правительством газеты И. С. Аксакова «Парус». Журнал лишился более живого органа, который должен был связать его отвлеченные и теоретические выступления с жизнью и ее текущими потребностями, а взятому под подозрение Аксакову стало неудобно оставаться даже неофициальным редактором «Русской беседы». Отразилась на «Русской беседе» и смерть

---

[1] Об отношении Кошелева к И. С. Аксакову см. в книге Н. Колюпанова «Биография А. И. Кошелева», том II, М., 1892, стр. 249—251.

[2] Цитируются слова из двух писем Хомякова к И. С. Аксакову, которые, как и последующие письма Хомякова к Аксакову, точной даты не имеют. См. VIII том Полного собрания сочинений Хомякова, стр. 379, 383.

некоторых из ее главных сотрудников. В 1856 году умерли И. В. и П. В. Киреевские, а в 1859 году — С. Т. Аксаков. Заканчивая 1859 год, И. С. Аксаков объявил о прекращении издания «Русской беседы». «Сердце мое екнуло, любезный Иван Сергеевич, — писал Хомяков Аксакову, — когда получил я «Заключительное слово». Очень хорошо составлено; но больно читать, и все-таки не скроешь ни от себя, ни от других, что нас подрезало равнодушие общества, подобного «аспиду глуху».

В 1860 году Кошелев пытался самостоятельно выпускать «Русскую беседу», но издал только две книжки журнала, в которых оставшиеся в живых славянофилы оплакивали смерть еще двух славянофилов старшего поколения: Хомякова и К. С. Аксакова.

8. «МОЛВА», «ПАРУС», «ДЕНЬ»

Кроме журнала «Русская беседа», славянофилы издавали во второй половине 1850-х годов газеты «Молва» и «Парус», а в первой половине 1860-х годов — газету «День».

Еженедельная литературная газета «Молва» выходила в Москве с середины апреля до конца декабря 1857 года. Всего вышло 38 номеров. Официальным редактором «Молвы» был С. М. Шпилевский, но фактически газетой руководил К. С. Аксаков.

Название «литературной газеты» было придано «Молве», видимо, по цензурным соображениям; художественные произведения занимали в «Молве» совершенно незначительное место и были представлены главным образом стихами К. С. Аксакова, Н. М. Павлова, А. П. Чебышева-Дмитриева. Гораздо большее значение «Молва» придавала полемике с Б. Н. Чичериным, С. М. Соловьевым, Ф. И. Буслаевым, М. Н. Катковым по вопросам историко-публицистического характера. В этой полемике со стороны «Молвы» участвовали, кроме К. С. Аксакова, А. С. Хомяков, Н. И. Крылов, П. И. Бартенев, П. А. Бессонов и другие лица, одновременно сотрудничавшие и в «Русской беседе» и в «Молве». Главное место в «Молве» занимали передовые статьи К. С. Аксакова, посвященные злободневным вопросам русской жизни. По направлению своему «Молва», естественно, примыкала к «Русской беседе», но Кошелев, приветствуя появление «Молвы», в то же время просил читателей «не казнить «Русскую беседу» за то, что будет

сказано в «Молве». Он знал, что темпераментный и фанатичный К. С. Аксаков более, чем кто-либо другой из славянофилов, склонен к фрондированию против правящей аристократии, к заигрыванию с народом и способен на необдуманные поступки.

Так и случилось. В № 36 «Молвы» К. С. Аксаков поместил передовицу «Публика и народ», после которой издание газеты стало невозможным. Передовица была построена на противопоставлении синонимов «публика» и «народ». «Публика говорит по-французски, народ по-русски. Публика ходит в немецком платье, народ в русском. У публики парижские моды, у народа свои русские обычаи... Публика спит, народ давно уже встал и работает. Публика работает (большей частью ногами по паркету), народ спит или уже встает опять работать... И в публике есть золото и грязь, и в народе есть золото и грязь; но в публике — грязь в золоте; в народе — золото в грязи» и т. п.

Статья вызвала переполох в правящих кругах. «Это зажженный пальник, брошенный в пороховой погреб, — это более чем ошибка в наше взволнованное время», — отозвался о ней граф Граббе. Такой же точки зрения придерживался и министр просвещения Норов, доложивший о передовице Аксакова Александру II. Царь на докладе Норова наложил следующую резолюцию: «Статья эта мне известна. Нахожу, что она написана в весьма дурном смысле. Объявить редакции «Молвы», что если и впредь будут замечены подобные статьи, то газета сия будет запрещена, а редактор и цензор подвергнутся строгому взысканию».[1] Когда резолюция царя была объявлена К. С. Аксакову, он решил прекратить издание «Молвы». От мысли продолжать издание «Молвы» должен был отказаться и И. С. Аксаков, предполагавший взять на себя издание газеты с начала 1858 года.

В первом же номере «Молвы», представленном И. С. Аксаковым в цензуру,[2] цензор Бессомыкин вычеркнул более половины, заявив, что впредь каждый номер

---

[1] См. об этом в «Жизни и трудах М. П. Погодина», кн. XV, стр. 285.

[2] Это был № 39 «Молвы». Выпущен он не был; материалы, приготовленные для него, см. в журнале «Русский библиофил» 1915, № 5.

газеты будет выносить на обсуждение цензурного комитета. «История, возникшая по поводу статьи в одном из последних номеров «Публика и народ» Константина Сергеевича, сделала невозможным продолжение издания», — писал И. С. Аксаков Н. С. Кохановской. Любопытно реагировали на закрытие «Молвы» другие славянофилы. «Грех ему [К. С. Аксакову] вводить в такие дела власть, пора остепениться», — писал Черкасский Кошелеву.[1] Мнение Черкасского едва ли было исключением. Еще в июле 1857 года в том же духе высказался Кошелев в письме к И. С. Аксакову: «Молва» выходит, но, по-моему, она идет не как следует. Она мечется на стены и порет всякую дичь».

Еженедельная газета «Парус» возникла в начале 1859 года. Редактором газеты был И. С. Аксаков. На втором номере (от 10 января) «Парус» был закрыт правительством. Главным основанием для запрещения газеты послужили две передовицы И. С. Аксакова. В первой из них он защищал свободу слова, а во второй скептически отзывался о некоторых проводимых правительством реформах: «новые насаждения... лягут на старый хлам слоем нового хлама». А. В. Никитенко, в связи с запрещением «Паруса», сделал следующую запись в своем дневнике: «Говорят, Тимашев изо всех сил хлопочет, чтоб издатель «Паруса» И. С. Аксаков был спроважен в Вятку. Мысль отличная, самая современная, патриотическая и полезная правительству, напоминающая людям доверчивым, утопистам и оптимистам, что мы еще не так далеко ушли от времен Николая Павловича, как они думают» (29 января 1859 года).

Следует отметить, что правительство Александра II, закрыв «Парус», забеспокоилось, не вызовет ли это мероприятие недовольства в славянских странах, и само предложило московскому славянофилу Ф. В. Чижову издавать газету, широко освещающую славянский вопрос. Чижов согласился стать официальным редактором такой газеты, но с тем, чтобы фактическим ее руководителем был И. С. Аксаков. Намекая на связь новой газеты с «Парусом», Чижов предложил назвать ее «Пароходом».

---

[1] «Материалы для биографии кн. В. А. Черкасского», т. I, кн. 1, стр. 285.

Последующие переговоры Чижова и стоявшего за его спиной Аксакова с правительством окончились безрезультатно, и «Пароход» не увидел света. В конце 1859 года Аксаков просил разрешения на издание газеты «Дума», но и это ходатайство было отклонено.

С октября 1861 года, чтобы «поддержать нравственную чистоту знамени» и «предупредить перерыв преданий», И. С. Аксаков начал выпускать еженедельную газету «День». Задачи газеты Аксаков очень отчетливо сформулировал в своих письмах. Он хотел бы, с одной стороны, «подрывать в обществе веру в пустой либерализм и вкус к революционным трагикомедиям», а с другой — «постепенно проводить мысль о земском соборе, настоящем, русском», отличном не только от «западного Конвента», но и от «западных Etats généraux».

Аксаков прилагал усилия к тому, чтобы голос его газеты не сливался с общим хором реакционной печати. Он выступал в «Дне» за свободу совести и слова, за уничтожение смертной казни, осуждал отдельные стороны правительственной политики. Когда же высокопоставленная покровительница Аксакова графиня Блудова, выражая мнение придворных кругов, высказала недовольство направлением «Дня», Аксаков ответил ей 20 октября 1861 года резким письмом. Заявив, что «неблагосклонность и несочувствие» к «Дню» со стороны министров, жандармов, петербургского генералитета — «в порядке вещей», Аксаков писал: «Моя газета нападает на материализм, но она же при первом удобном случае нападает и на св. Синод с графом Толстым, с князем Урусовым, с Аскоченскими, Барковыми и т. д. Они хуже, они более принесли зла, чем материалисты... Чудовищен воображаемый вами мой союз с петербургским правительством, со двором и т. д. Я иду своей дорогой... Сделать из меня Hofpoet'а или Hofpublicist'а вам не удастся».[1] В июне 1862 года «за неисполнение цензурных правил» «День» был временно запрещен и начал снова выходить с 1 сентября того же года.

Но, в сущности, все попытки Аксакова отмежеваться от правительства, его идеологии и политики были

---

[1] Hofpoet — придворный поэт; Hofpublicist — придворный публицист.

безуспешны, и его газета бесспорно принадлежала к реакционному лагерю русской печати того времени.

Постоянно нападал «День» на «Современник», его направление и руководителей. Еще в одном из первых номеров «Дня» В. И. Ламанский выступил против Чернышевского со статьями, содержавшими элементы доноса и вызвавшими возмущение даже в либеральных кругах. «Вы хотите совместить несовместимое, служить богу и мамоне... — писал по этому поводу И. С. Аксакову Н. И. Костомаров. — Либо поддерживайте государство и тогда сознайте необходимость цензуры, III-го отделения, Петропавловской крепости и совершенного порабощения индивидуальной мысли и убеждения воле правительства; либо рискуйте государством, будьте готовы на его разложение — если хотите свободы... Если же вы начнете развертывать все папильотки, в которые завито то, что подается им [Чернышевским] почтеннейшей публике, то результат выйдет тот, что Чернышевского посадят в крепость, либо сошлют в Вятку как проповедника безбожия, социализма, революции, а вам дадут орден за разоблачение зловредного учения».[1]

Еще более горькие истины пришлось выслушать Аксакову в связи с его выступлениями по поводу студенческих волнений. О студенческих волнениях Аксаков писал в «Дне», что они ему «противны» и он им нисколько не сочувствует. «Они не в наших русских нравах; в них есть для нас что-то комедиантское» (1861, № 3). Аксаков призывал студентов прекратить волнения и заняться учением. Тогда же Аксаков высказался за недопущение в университеты девушек. В кругах демократического и революционно настроенного студенчества статьи Аксакова вызвали негодование. Были написаны протестующие письма. В письме, составленном П. И. Шиповым и подписанном группой студентов, говорилось: «Мы даже не понимаем, с какой целью вы писали вашу статью... Разве с целью поднять дух наших присмиревших было альгвазилов... Вы кончаете вашу статью «скорбью о нас, тревожной заботой о России и сочувствием всему живому и благородному в нашей молодежи...» Подите: не надо нам вашей скорби,

---

[1] Письмо Костомарова см. в книге «И. С. Аксаков в его письмах», т. IV, стр. 265—266.

оправдывающей тех, кто нас бил; не нужно России участия, выставляющего ей превратно наше дело; не нуждается наша молодежь в вашем гефсиманском целовании».[1]

Справедливость как письма Костомарова, так и протеста студентов очевидна: при разрешении важнейших вопросов русской жизни начала 1860-х годов «День» выступал вместе с реакционной печатью. А вскоре обострение классовой борьбы заставило Аксакова занять еще более определенную позицию. Оппозиционность «Дня» совершенно тускнеет, а борьба газеты против освободительного движения и революционной демократии нарастает и становится все более открытой и ожесточенной. Выступив в первых номерах «Дня» за предоставление политической свободы Польше, Аксаков быстро изменил позицию «в виду внешней опасности, грозящей государству», и стал проповедовать руссификаторство и централизм. В оскорбительном смысле он писал об украинском языке и литературе, презрительно отзывался о «какой-нибудь мордве» и призывал «проклятие народное» на Герцена за то, что тот выступил во время польского восстания в защиту поляков (1863, №№ 19 и 25).[2] И чем

---

[1] Об этом см. в книге «Политические процессы 60-х годов», М., 1923, стр. 88—97.

[2] С. А. Никитин в статье «Балканские связи русской периодической печати 60-х годов XIX века» утверждает, что «День» «стал органом поддержки национально-освободительного движения на Балканах» и «частично отражал взгляды представителей самих балканских народов». Нам представляется, что такие утверждения основаны на игнорировании панславистского и руссификаторского характера газеты И. С. Аксакова. Это тем более странно, что сам С. А. Никитин убедительно показывает, что «День» был основан при поддержке правительства, что статьями и материалами по «славянскому вопросу» Аксакова снабжало министерство иностранных дел, что подлинные представители балканских народов (Л. Каравелов) выступали против взглядов «Дня» (см. «Ученые записки» Института славяноведения, т. I, изд. Академии наук СССР, 1948, стр. 30—34). Аналогичную ошибку допускает С. А. Никитин и в статье «Возникновение Московского славянского комитета», пытаясь на основании переписки русского консула из болгар Найдена Герова доказать, что Славянский комитет вырос «не только на почве славянофильских идей славянского возрождения и братской поддержки, но и из реальных интересов самих славян, и в первую очередь болгар» («Вопросы истории» 1947, № 8, стр. 59). Подобные характеристики идеализируют и Славянский комитет, и панславизм славянофилов, и даже завоевательную политику русского царизма.

дальше, тем все злобнее нападал «День» на революционное движение, передовую литературу и публицистику, на материалистическую философию.

Естественно, что в широких кругах демократической интеллигенции «День» пользовался самой отрицательной репутацией, естественно, что круг его читателей быстро уменьшался. Сбывались пессимистические предположения Самарина, высказанные им в 1861 году И. С. Аксакову, что его газета не будет иметь успеха: «Теперь для поколения, воспитанного Белинским, «Отечественными записками», «Современником» и т. д., наша среда вовсе не существует. . .» [1]

В 1865 году Аксаков по собственному желанию прекратил издание «Дня». В 1867—1868 годах он издавал газету «Москва», а позднее — с 1880 по 1886 год — газету «Русь», в которой выступал в защиту православия и колониальной политики самодержавия, с пеной у рта говорил о революционерах и социалистической интеллигенции и помещал исполненные мракобесия статьи по еврейскому и польскому вопросу. «Русь» бесславно завершала историю славянофильской периодики, отразив окончательные итоги эволюции славянофильства, которое к 1880-м годам заняло место на самом правом фланге дворянско-буржуазной реакции.

---

[1] Письмо Самарина цитируем по статье Н. Сладкевича «К вопросу о полемике Н. Г. Чернышевского со славянофильской публицистикой», где оно впервые опубликовано.

VI. «КОЛОКОЛ»
И ВОЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ А. И. ГЕРЦЕНА

1. ОСНОВАНИЕ ВОЛЬНОЙ РУССКОЙ ТИПОГРАФИИ И «КОЛОКОЛА»

В 1849 году в первой главе книги «С того берега» Александр Иванович Герцен писал, обращаясь к своим друзьям в России: «Прощайте! Наша разлука продолжится еще долго, — может, всегда... Я остаюсь здесь не только потому, что мне противно, переезжая через границу, снова надеть колодки, но для того, чтобы работать... Я здесь полезнее, я здесь — бесцензурная речь ваша, ваш свободный орган, ваш случайный представитель». Тогда же Герцен предполагал начать печатание русских книг за границей и наладить нелегальную переброску их в Россию. В предисловии к предполагавшемуся сборнику своих произведений, датированном 1 мая 1849 года и адресованном Грановскому, Герцен сообщал: «Я буду печатать в Париже, в Лондоне. Увеличение цензурных гонений в России показывает, что пришла пора начать заграничную русскую литературу». Предвидя, что царское правительство примет все меры для «пресечения ввоза мятежной книги», Герцен заявлял: «И все-таки печатаю ее *для русских в России.* Мы посмотрим, кто сильнее — власть или мысль. Мы посмотрим, кому удастся — книге ли пробраться в Россию или правительству не пропустить ее. Да здравствует свобода книгопечатания!» [1]

---

[1] Предисловие найдено в бумагах Т. Н. Грановского и впервые опубликовано А. Иващенко в «Литературном наследстве» № 39—40, М., 1941.

В 1849 году Герцен не смог «исполнить предприятия», отвлеченный революционными событиями в Европе, «гонимый из страны в страну, преследуемый рядом страшных бедствий». Только поселившись осенью 1852 года в Лондоне, Герцен получил возможность осуществить свое намерение. В письмах от 8 и 24 февраля 1853 года он писал М. К. Рейхель: «Я решился печатать по-русски... Я серьезно завожу друкарню».

Завести русскую друкарню (типографию) в Лондоне было делом весьма трудным. Не было опыта, примера, на котором можно было бы учиться, предшественников. До этого времени никто и ничего не печатал за границей по-русски, если не считать выпущенной в 1849 году в Париже брошюры эмигранта И. Г. Головина «Катехизис русского народа». Герцену приходилось класть начало. Нужно было не только пойти на значительные материальные затраты, но и найти русский шрифт, наборщиков, наладить отправление изданий в Россию, установить связи с корреспондентами и т. д. Между тем в России и в Западной Европе царила политическая реакция; Герцен находился в Лондоне почти в полном одиночестве. «В Лондоне не было никого, — вспоминал Герцен. — Проходили недели, месяцы... «Ни звука русского, ни русского лица». Писем ко мне никто не писал» («Былое и думы»).

Задумав организацию Вольной типографии, Герцен надеялся, что его инициатива найдет серьезную поддержку у прежних русских друзей из лагеря западников. В них он хотел бы видеть представителей «истинной революционной традиции русской, той, которая шла от Пестеля и Муравьева, той, которая блеснула в петрашевцах» (письмо к М. К. Рейхель от 18 мая 1853 г.). Он полагал, что они широко используют возможность свободного книгопечатания, пришлют ему свои произведения, запрещенные вещи Пушкина, Рылеева и др., помогут распространению изданий в России. В соответствующем смысле Герцен обратился через М. К. Рейхель как к проживавшим тогда за границей А. В. Станкевичу и Н. А. Мельгунову, так и к москвичам Грановскому, Анненкову, Коршу, Кетчеру и др. «Иметь такой орган, какой русские теперь имеют через меня, им в двадцать лет не придется, но для этого надобно что-нибудь делать..

Право, стыдно им там схимниками молча сидеть», — писал он Рейхель в феврале 1853 года. Тогда же Герцен напечатал в Лондоне и воззвание «Братьям на Руси». Объявляя в нем об основании «вольного русского книгопечатания в Лондоне», Герцен писал: «Отчего мы молчим? .. Дома нет места свободной русской речи, — она может раздаваться инде, если только ее время пришло... Открытая вольная речь — великое дело; без вольной речи нет вольного человека... Время печатать по-русски вне России, кажется нам, пришло... Присылайте, что хотите, — все, писанное в духе свободы, будет напечатано, от научных и фактических статей по части статистики и истории до романов, повестей и стихотворений... Если у вас нет ничего готового, своего, пришлите ходящие по рукам запрещенные стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова, Полежаева, Печерина и др... Дверь вам открыта. Хотите ли вы ею воспользоваться или нет? — это останется на вашей совести... Быть вашим органом, вашей свободной, бесцензурной речью — вся моя цель».

Однако и обращения через Рейхель и это воззвание не произвели ожидаемого действия. Призывы Герцена остались «гласом вопиющего в пустыне». Наоборот, Герцену пришлось услышать всевозможные нарекания и советы «остановиться и ничего не печатать». Герцен забыл, что еще в 1851 году либералы, и Грановский в том числе, «хотели ему намордник надеть своими ругательными письмами» в связи с выходом его книги «Du développement des idées révolutionnaires en Russie» («О развитии революционных идей в России»).[1] Их испугали намерения Герцена, его обращения, им показалось, что Герцен погубит их своей «неосторожностью».

Трусость «друзей» огорчила Герцена, однако не только не заставила его отказаться от создания Вольной русской типографии, но еще более подняла в нем боевой дух. Решив начать дело один («без теплого слова из России»), он заговорил смелым языком революционера.

---

[1] Грановский, познакомившись с книгой Герцена, заявил ему резкий протест против ее опубликования, испугавшись, что русское правительство будет преследовать упомянутых в книге лиц (см. об этом письмо Грановского к Герцену, опубликованное в № 6 сборника «Звенья», М.—Л., 1936).

«Если б вы обе, — писал он М. К. Рейхель и Е. К. Станкевич в первой половине апреля 1853 года, — были женами офицеров, матерями военных, что же, вы и им советовали бы уходить за вагенбург [обоз]. Мы — чисто военные... Поведением наших я не могу быть доволен: их осторожность помогает правительству... Типография будет, и если я ничего не сделаю больше, то эта инициатива русской гласности когда-нибудь будет оценена!»

Уверенность и решительность Герцена опирались на понимание им исторической необходимости и своевременности своего начинания. Он полагал, что основание вольной печати является самой насущной и неотложной потребностью современного этапа русского освободительного движения. В написанном тогда открытом письме в редакцию газеты «Польский демократ» Герцен развил ряд интересных и глубоких соображений по этому поводу. Он утверждал, что русское политическое и литературное движение развивалось до сих пор в «среде аристократического меньшинства», без участия народа, «за пределами народного сознания». Трагический исход восстания декабристов заставил передовую интеллигенцию России обратиться к философским и социальным исканиям. В сущности своей это было стремление найти пути к народу. Возможность единения с народом, по мнению Герцена, была найдена в социализме, который он, будучи утопистом, видел в общинном землевладении, в освобождении крестьян с общинной землей. На почве социализма и освобождения от крепостного права должны сойтись «образованное меньшинство» и многомиллионное русское крестьянство, сохранившее «коммунистическую» общину и сознание «права на землю». Но в тот момент, — писал Герцен, — «когда *впервые* у нас было что сказать народу», Николай своими цензурными мероприятиями «лишил нас языка». Отсюда — неизбежное обращение к вольному книгопечатанию за границей. Герцен заканчивал письмо в редакцию «Польского демократа» следующими знаменательными словами: «Основание русской типографии в Лондоне является делом наиболее практически революционным, какое только русский может предпринять в ожидании исполнения иных лучших дел. Таково мое глубокое убеждение».

22 июня 1853 года Вольная типография Герцена начала действовать. Через несколько дней появилось первое издание типографии — брошюра «Юрьев день! Юрьев день! Русскому дворянству». Совершенно естественно, что первые страницы, отпечатанные в Вольной типографии, были посвящены основному вопросу той эпохи — вопросу о крепостном праве и об освобождении крестьян. Начиная агитацию за освобождение крестьян, Герцен обращает свое первое слово к дворянам, надеясь, что среди них живы традиции декабристов. Он еще не видит революционного народа и не верит в него. Но и в брошюре «Юрьев день!» он угрожает дворянам обратиться через их голову к крестьянству с призывом к революции, «к топору». «Мы еще верим в вас... — писал Герцен, обращаясь к дворянам, — вот почему мы не обращаемся прямо к несчастным братьям нашим для того, чтобы сосчитать им их силы, которых они не знают, указать им средства, о которых они не догадываются, растолковать им вашу слабость, которую они не подозревают, для того, чтобы сказать им: «Ну, братцы, к топорам теперь! Не век вам быть в крепости, не век ходить на барщину да служить во дворе; постоимте за святую волю, довольно натешились над нами господа, довольно осквернили дочерей наших, довольно обломали палок об ребра стариков... Нут-ка, детушки, соломы, соломы к господскому дому, пусть баричи погреются в последний раз!»

20 июля вышла вторая брошюра — «Поляки прощают нас» — по вопросу о независимости Польши, и в том же месяце третья — «Крещеная собственность». 13 октября 1853 года Герцен писал Ж. Мишле: «Я много работал этот год. Я устроил на собственный счет русскую типографию; она вполне оборудована и работает очень хорошо. Начиная от матриц и семи шрифтов и кончая фактором и наборщиком, все было трудно достать». [1]

---

[1] Серьезную помощь в деле организации русской типографии Герцену оказали проживавшие в Лондоне польские революционные эмигранты, особенно Ст. Ворцель. При их содействии был приобретен в Париже русский шрифт (он был отлит для Академии наук), в типографии польской эмиграции был поставлен печатный станок, из среды польских эмигрантов вышли два постоянных, ближайших помощника Герцена по типографии и издательству: Л. Чернецкий и С. Тхоржевский. Чернецкий был и первым набор-

В первых числах сентября 1853 года к Герцену приехал известный актер Михаил Семенович Щепкин. Это был первый человек из России, решившийся посетить Герцена в Лондоне. Герцен, извещенный о приезде Щепкина заранее, с нетерпением ожидал старого друга и с глубокой радостью встретил его. Но первый же серьезный разговор со Щепкиным показал Герцену, что они «стали говорить на разных наречиях». Щепкин был послан в Лондон Грановским и другими московскими либералами со специальным поручением: уговорить Герцена остановить вольное книгопечатание как дело бесполезное и опасное для проживающих в России его родных и знакомых. По письму Щепкина Герцену, написанному сразу же после его отъезда из Лондона, можно совершенно определенно судить о том, как далеко в это время разошелся Герцен со своими либеральными «друзьями». «Все брошюрки ваши... — писал Щепкин,— только слова и слова... Рабы еще не хотят быть свободными... Истории не подвинешь, она идет по своим неведомым человеку законам... Что же касается до равенства, то на это может тебе служить ответом вся природа: в ней нет ни в чем равенства, а между тем все в полной гармонии... Уезжай в Америку или какую другую страну; везде можно быть человеком, не истощаясь в бесполезных остротах и щегольских фразах». [1]

Проводив Щепкина, Герцен почувствовал себя «сиротливо, страшно». «Мне кажется, что я в лице его простился с Русью... Уж не в самом ли деле в Америку уехать?» — писал он М. К. Рейхель 6 сентября 1853 года. Но и на этот раз Герцен не опустил рук. Сознание исторической необходимости своего дела помогло ему понять, что Щепкин вовсе не был посланником и представителем всей России. «Нет, это атмосфера не России, а московских доктринеров, наших состарившихся друзей... — писал Герцен М. К. Рейхель 16 сентября, через

щиком Вольной типографии (позднее наборщиками работали некоторые русские эмигранты — в том числе и знаменитый «таинственный узник» М. Бейдеман).

[1] Письмо Щепкина к Герцену перепечатано М. К. Лемке в VII томе Полного собрания сочинений Герцена, стр. 333—336. О встрече со Щепкиным Герцен рассказал позднее в статье «Михаил Семенович Щепкин» («Колокол» 1863, № 171).

несколько дней после отъезда Щепкина. — Наши друзья представляют несчастное, застрадавшееся, затомившееся благородное поколение, но не свежую силу, не надежду, не детский звонкий привет будущему».

Герцен предвидел, что в России найдутся люди, которые, в противоположность либералам-западникам, поддержат его вольное книгопечатание и отзовутся на его призыв. «Пусть говорят наши друзья, что хотят, я типографию не закрою... — ответил он Щепкину. — Если наши друзья не оценят моего дела, мне будет очень больно, но это меня не остановит, — оценят другие, молодое поколение, будущее поколение». В том же духе Герцен писал и Рейхель: «Почему вы думаете, что вещи, писанные мною, относятся решительно и исключительно к нашим друзьям. Они всего более относятся к молодым людям». «Кто эти люди — я не знаю, вероятно, тот молодой человек, который анонимно мне писал энергические письма по-русски в Ницце, и другие вроде Петраш[евского], Спеш[нева]» (письма от 6 апреля и 8 сентября 1853 года).

Нужно принять во внимание, что положение Вольной русской типографии было в это время очень тяжелым. Начавшаяся война почти разорвала и без того слабые связи типографии Герцена с Россией. «Начала наши были темны и бедны, — вспоминал Герцен в предисловии к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне». — Три года мы печатали, не только не продав ни одного экземпляра, но не имея возможности почти ни одного экземпляра послать в Россию... все, напечатанное нами, лежало у нас на руках или в книжных подвалах... Книгопродавец с Berners Street как-то прислал купить на 10 шиллингов «Крещеной собственности»; я это принял за успех, подарил его мальчику шиллинг на водку и с несколько буржуазной радостью отложил в особое место этот *первый* гафсоврен, выработанный русской типографией».

Печатали в Вольной типографии в 1854 и в начале 1855 года попрежнему лишь старые и новые произведения самого Герцена — «Прерванные рассказы», «Тюрьма и ссылка» (из «Былого и дум»), «Письма из Франции и Италии», «С того берега», речи на организованных революционной эмиграцией «сходах» и др. — да проклама-

ции сблизившегося в те годы с Герценом русского эмигранта В. А. Энгельсона.[1] «Виардо говорит, — писал Герцен М. К. Рейхель 9 июня 1853 года, — мы составляем всю публичность Руси: ее муж переводит, я пишу, а она поет Русь».

Перелом в положении Вольной русской типографии наступил после смерти Николая I и окончания Крымской войны, в связи с новым подъемом общественного движения в России. Известие о смерти Николая I, о том, что «этот тяжелый тиран в ботфортах, наконец, зачислен по химии», Герцен встретил с восторгом. «Смерть Николая удесятерила надежды и силы». Герцен полагал, что начинаются большие перемены и события в России. Ему казалось, что настает утро того дня, к которому он «стремился с тринадцати лет» и которого ждал, «потерянный на английском берегу со своим печатным монологом». «Из-за сплошного мрака, — вспоминал Герцен, — выступали новые массы, новые горизонты, чуялось какое-то движение» («Былое и думы»).

Под влиянием смерти Николая I Герцен задумал издавать периодический сборник или журнал. 31 марта 1855 года (известие о смерти царя дошло до Герцена 3 марта) Герцен писал Ж. Мишле: «Я организую теперь русский журнал под заглавием «Полярная звезда». Это было заглавием одного альманаха, редактировавшегося Рылеевым и уничтоженного Николаем... Тучи проходят, звезды остаются...» 25 июля 1855 года, в годовщину казни декабристов, первый номер «Полярной звезды» вышел в свет. В центре обложки сборника четко выделялись профили Пестеля, Рылеева, Бестужева, Муравьева, Каховского — пяти казненных декабристов, а в качестве эпиграфа к сборнику были взяты слова из «Вакхической песни» Пушкина: «Да здравствует разум». Всеми средствами старался Герцен раскрыть «непрерывность предания, преемственность труда, внутреннюю связь

[1] Отдельным листком в 1854 году было выпущено известное стихотворение П. А. Вяземского «Русский бог». «Какие чудеса! — писал Герцен М. К. Рейхель 1 августа 1854 года. — Кто-то прислал из Москвы несколько старых стихотворений, в том числе «Русский бог» и «Сашка».

и кровное родство»[1] своей вольной печати с деятельностью первого поколения русского революционного движения.

Во введении к первой книге «Полярной звезды» Герцен характеризовал сборник как «русское периодическое издание, выходящее без цензуры, исключительно посвященное вопросу русского освобождения и распространению в России свободного образа мыслей». «План наш чрезвычайно прост, — писал Герцен. — Мы желали бы иметь в каждой части одну общую статью (философия революции, социализм), одну историческую или статистическую статью о России или о мире славянском, разбор какого-нибудь замечательного сочинения и одну оригинальную литературную статью; далее идет смесь, письма, хроника и пр. «Полярная звезда» должна быть, и это одно из самых горячих желаний наших, убежищем всех рукописей, тонущих в императорской цензуре, всех изувеченных ею. Мы в *третий* раз обращаемся с просьбой ко всем грамотным в России доставлять нам списки Пушкина, Лермонтова и др., ходящие по рукам, известные всем («Ода на свободу», «Кинжал», «Деревня», пропуски из «Онегина», из «Демона», «Гаврилиада», «Торжество смерти», «Поликрат Самосский»...). Рукописи погибнут наконец, — их надобно закрепить печатью».

Первая книга «Полярной звезды», кроме статей, заметок и больших отрывков из «Былого и дум» самого Герцена, содержала в себе статью Энгельсона «Что такое государство?», переписку Гоголя с Белинским по поводу «Выбранных мест из переписки с друзьями» (в том числе знаменитое зальцбруннское письмо Белинского), письма к Герцену: Мишле, Маццини, Гюго, Прудона, приветствовавших «Полярную звезду» и вольную печать Герцена.

«Полярная звезда» была первым из изданий Герцена, которое получило распространение в России. «Под влиянием весенней оттепели и на наш станок в Лондоне взглянули ласковее. Наконец-то нас заметили. «Полярная звезда» требовалась десятками экземпляров, а в Рос-

---

[1] Слова из предисловия Герцена к первому номеру «Полярной звезды».

сии ее продавали по баснословным ценам от 15 до 20 р. с.», — вспоминал Герцен (предисловие к сборнику «Десятилетие Вольной русской типографии в Лондоне»). Есть свидетельство, что первая книга «Полярной звезды» уже в 1855 году проникла не только в Европейскую Россию, но и в Сибирь (Селенгинск и Кяхту) к ссыльным декабристам, возбудив у них надежды и восхищение. 1 января 1856 года Герцен писал Рейхель: «Вчера пришло ко мне письмо анонимное из Петербурга, которое меня, да и не одного меня, тронуло до слез: юноши благодарят меня за типографию и за «Полярную звезду».

Выпускать «Полярную звезду» строго периодически оказалось невозможным: вторая книга сборника вышла только в конце мая 1856 года. В статье «Вперед! Вперед!», помещенной в сборнике, Герцен писал: «На первый случай вся программа наша сводится на потребность *гласности,* и все знамена теряются в одном — в знамени *освобождения крестьян с землею.* Долой дикую цензуру и дикое помещичье право! Долой барщину и оброк! Дворовых на волю! А с становыми и квартальными мы сделаемся потом».

Содержание второго номера «Полярной звезды» знаменовало наступление нового времени для вольной печати Герцена. Кроме произведений самого Герцена, в сборнике были помещены присланные наконец в Лондон многочисленные запрещенные цензурой стихи Пушкина, Лермонтова, Рылеева и др. поэтов, два письма из России, статьи Н. И. Сазонова и Н. П. Огарева. Появились люди, которые захотели воспользоваться услугами вольного книгопечатания.

Более того, уже к середине 1856 года обнаружилось, что рукописей из России поступает так много, а по направлению своему они иногда столь значительно отличаются от направления «Полярной звезды», что для них необходимо время от времени издание особых, добавочных сборников. Так возникли сборники «Голоса из России», первый выпуск которых вышел в свет в июле 1856 года. «Мы не отвечаем за мнения, изложенные не нами», — счел нужным предупредить Герцен в предисловии к «Голосам из России».

Успех первого сборника «Полярной звезды» не отразился на распространении предыдущих изданий Вольной типографии, они продолжали лежать на складах. Вторая книга «Полярной звезды» «разошлась, увлекая за собой все остальное. Вся масса книг тронулась». В начале 1857 года все напечатанное в Вольной типографии было распродано, материальные издержки стали окупаться, а лондонский издатель и книгопродавец Н. Трюбнер предпринял на свой счет вторые издания. «Вы не можете себе вообразить, какие размеры принимает наша лондонская пропаганда, — писал Герцен Фогту 9 апреля 1857 года. — Книги мои чудесно продаются, издержки покрываются. Пример: третий том «Полярной звезды» выйдет 15 апреля. Заказано уже 300 экземпляров, и я могу рассчитывать еще на 200 к 1 мая. Никогда бы я не поверил ничему подобному во времена славного Николая».

Но еще более значительный успех ждал Герцена и его вольную печать впереди.

В начале апреля 1856 года в Лондон прибыл Николай Платонович Огарев. Старый друг и единомышленник Герцена немедленно принял участие в изданиях Вольной типографии. Уже во второй книге «Полярной звезды» была помещена его статья «Русские вопросы» за подписью Р. Ч. (Русский Человек). С этого времени Огарев становится ближайшим помощником и соратником Герцена и разделяет с ним все труды по организации и созданию вольной печати.

По свидетельству Н. А. Тучковой-Огаревой, Огареву как человеку, только что приехавшему из России и живо чувствовавшему потребности пробуждающейся русской жизни, и принадлежала идея о необходимости издания в Лондоне периодического органа, выходящего более часто, чем «Полярная звезда», откликающегося на все текущие события и вопросы русской жизни, более удобного для распространения. По словам Тучковой, «Герцен был в восторге от этой мысли» и тут же предложил назвать новый орган «Колоколом».[1] О том, что

---

[1] Отдельное издание «Воспоминаний» Н. А. Тучковой-Огаревой вышло в 1929 году в изд. «Academia» под редакцией и со вступительной статьей С. А. Переселенкова.

инициатива в деле основания «Колокола» принадлежала Огареву, неоднократно заявлял и сам Герцен. «В 1856 году Огарев покинул Россию и приехал, чтобы разделить мои труды. Он предложил издавать «Колокол» параллельно с «Полярной звездой», — писал он в 1868 году в статье «Нашим врагам».[1]

В апреле 1857 года в специальном листке Герцен уже извещал читателей о скором выходе «Колокола»: «События в России несутся быстро, их надобно ловить на лету, обсуживать тотчас. Для этого мы предпринимаем новое повременное издание. Не определяя сроков выхода, мы постараемся ежемесячно издавать *один* лист, иногда два, под заглавием «Колокол»... О направлении говорить нечего; оно то же, которое в «Полярной звезде», то же, которое проходит неизменно через всю нашу жизнь... В отношении к России мы хотим страстно, со всею горячностью любви, со всей силой последнего верования, чтоб с нее спали наконец ненужные старые свивальники, мешающие могучему развитию ее. Для этого мы теперь, как в 1855 г., считаем первым необходимым, неминуемым, неотлагаемым шагом:

Освобождение слова от цензуры.
Освобождение крестьян от помещиков.
Освобождение податного сословия от побоев.

Обращаемся ко всем соотечественникам, делящим *нашу* любовь к России, и просим их не только слушать наш «Колокол», но и самим звонить в него».[2]

Первый номер «Колокола» появился 22 июня 1857 года. Он представлял собой небольшой журнал, размером в 8 страниц, с подзаголовком: «Прибавочные листы к «Полярной звезде».[3] Девизом журнала были избраны начальные слова «Песни о колоколе» Шиллера: «Vivos

---

[1] «В начале 1857 года Огарев предложил издавать «Колокол», — писал Герцен в 1863 году в статье, посвященной десятилетию Вольной типографии. «Колокол» основал Огарев», — указывал он и в письме к Тургеневу 22 ноября 1862 года.

[2] Это извещение было дословно включено Герценом в передовую первого номера «Колокола».

[3] Начиная с № 118 (от 1 января 1862 года), этот подзаголовок исчезает.

voco» — «Зову живых». Открывался первый номер «Колокола» стихотворением Огарева:

...В годину мрака и печали,
Как люди русские молчали,
Глас вопиющего в пустыне
Один раздался на чужбине...
Привета с родины далекой
Дождался голос одинокий,
Теперь юней, сильнее он...
Звучит, раскачиваясь, звон,
И он гудеть не перестанет,
Пока — спугнув ночные сны —
Из колыбельной тишины
Россия бодро не воспрянет
И крепко на ноги не станет,
И, непорывисто смела,
Начнет торжественно и стройно,
С сознаньем доблести спокойной,
Звонить во все колокола.

«Колокол» поднял влияние вольной печати на небывалую высоту. Трудные годы остались у Герцена и Вольной типографии позади. Преодолев все препятствия (в том числе и недоброжелательство либералов), Герцен дождался торжества своих чаяний и надежд. Вольная русская печать стала на прочные основания. Тем самым было осуществлено дело огромного исторического значения. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Герцен создал вольную русскую прессу за границей — в этом его великая заслуга... Рабье молчание было нарушено». «...Герцен первый поднял великое знамя борьбы путем обращения к массам с *вольным русским словом*»[1].

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 12 и 15.

2. «КОЛОКОЛ» И ВОЛЬНАЯ ПЕЧАТЬ В РОССИИ

В первое пятилетие своего существования «Колокол» имел в России неслыханный успех и приобрел совершенно исключительное влияние. Это было естественно в условиях общественного подъема, начавшегося в России после Крымской войны, усиления крестьянского движения, постепенного назревания революционного кризиса. «Колокол» отвечал на пробудившуюся в широких слоях русского общества потребность в свободном бесцензурном органе антикрепостнического и демократического направления, открыто разрешающем наболевшие вопросы русской жизни.

Успех «Колокола» во многом зависел, несомненно, и от талантливого руководства журналом, от умелого подбора и распределения материала. Главное место в «Колоколе», кроме статей Герцена и Огарева, занимали злободневные и острые сообщения из России, блестяще обработанные редакцией (главным образом Герценом) и снабженные ею убийственными примечаниями. Корреспонденциям из России Герцен и Огарев придавали очень большое значение. Помимо своих статей, Герцен и Огарев иногда печатали в «Колоколе» дискуссионные статьи, присланные из России, с которыми или соглашались, или вступали в спор. Изредка помещались в «Колоколе» стихотворения Огарева и других революционных поэтов («Размышления у парадного подъезда» Некрасова, «Памяти Добролюбова» М. Л. Михайлова и др.). Наконец, в 1860-е годы в «Колоколе» не раз публиковались и пере-

печатывались революционные прокламации, обращенные к различным слоям населения России.

Своим успехом «Колокол» обязан был, конечно, и поразительной одаренности Герцена как публициста. Чернышевский считал, что «по блеску таланта в Европе нет публициста, равного Герцену».[1] Глубокая мысль и богатая эмоциональная жизнь Герцена нашли в его публицистике исключительно яркое, подлинно художественное выражение. Слезы и смех, негодование и шутка, грусть и ирония, волнующая исповедь и потрясающая проповедь звучали в публицистике Герцена. Прекрасным помощником Герцена был Огарев, перу которого принадлежит большая часть выступлений «Колокола» по экономическим и юридическим вопросам и который, как никто другой, умел писать статьи и прокламации, обращенные к народу.

6 октября 1857 года дочь известного архитектора, наблюдательная девушка Е. А. Штакеншнейдер записала в своем дневнике: «Искандер теперь властитель наших дум, предмет разговоров... «Колокол» прячут, но читают все... Его боятся и им восхищаются... И имеем мы теперь две цензуры и как бы два правительства, и которое строже — трудно сказать».[2]

О необычайной популярности «Колокола» и об огромном влиянии Герцена писали люди самых различных убеждений: и друзья, и враги, и полудрузья, и полувраги вольной печати. «Вы — сила, вы — власть в русском государстве», — со злобой писал Герцену Б. Н. Чичерин в известном открытом письме, напечатанном в № 29 «Колокола» за 1858 год.

В одном из своих писем И. С. Тургенев сообщал Герцену любопытный факт, показывающий, как велика была в то время сила «Колокола». «Актеров в Москве вздумали прижать, отнять у них их собственные деньги; они решились отправить от себя депутатом старика Щепкина искать правды у Гедеонова (молока от козла). Тот, разумеется, и слышать не хочет. «Тогда, — говорит Щ., —

---

[1] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова...», т. I, М., 1890, стр. 319.

[2] «Дневник и записки» Е. А. Штакеншнейдер (М. — Л., 1934) содержат в себе интересный материал, характеризующий влияние и распространение «Колокола».

придется пожаловаться министру». — Не смейте! — «В таком случае, — возразил Щ. — остается пожаловаться «Колоколу». — Гедеонов вспыхнул и кончил тем, что деньги возвратил актерам. Вот, брат, какие штуки выкидывает твой «Колокол» (письмо от 7 января 1858 года).[1]

«Колокол», а вслед за ним и другие издания Вольной типографии распространялись по всей России, от Петербурга до Сибири, от столицы до глухой провинции. Широкое распространение вольная печать получила среди учащейся молодежи: в университетах, семинариях, гимназиях, а также в таких учебных заведениях, как кадетские корпуса, горный корпус, пажеский корпус и т. п. «В военно-учебных заведениях... классы делятся на герценистов и антигерценистов», — вспоминал князь Мещерский. Известно, что издания Вольной типографии проникали и в более демократическую среду; их знало купечество (особенно старообрядцы), их находили у служащих волжского пароходства, в отдельных случаях попадали они в руки крестьян. А. М. Унковский видел у крестьян Черниговской губернии копии «Крещеной собственности», прокламации и другие издания Вольной типографии. Нижегородский жандармский ротмистр обнаружил «Колокол» у некоторых крестьян села Богородского. Иногда «Колокол» и прокламации Огарева доходили и до «фабричных» и до солдат.[2]

Широкое распространение изданий Вольной типографии в России, естественно, вызвало «ливень» корреспонденций и писем в «Колокол». Корреспондентов не мог остановить и страх перед правительственными репрессиями. «Всякий писал что попало, — вспоминал Герцен: —

---

[1] Письма И. С. Тургенева к Герцену опубликованы М. Драгомановым в книге «Письма К. Д. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892. Значительная часть писем Тургенева к Герцену перепечатана в Собрании сочинений И. С. Тургенева, изданном в качестве приложения к журналу «Огонек» 1949, т. 11.

[2] О популярности и успехе «Колокола» в России см. в примечаниях М. К. Лемке к сочинениям Герцена, т. VIII, стр. 530—541, т. IX, стр. 258—260, т. X, стр. 165—168. Сведения о распространении «Колокола» и прокламаций, отпечатанных в Вольной типографии, среди крестьян и рабочих см. в работе И. С. Смолина «Колокол» (1857—1861 гг.)», помещенной в «Ученых записках» Ленинградского гос. педагогического института им. Герцена, т. XXXIX, Л., 1941.

один, чтобы сорвать сердце, другой, чтобы себя уверить, что он опасный человек... но были письма, писанные в порыве негодования, страстные крики в обличение ежедневных мерзостей. Такие письма выкупали десятки «упражнений» («Былое и думы»).

Корреспонденции передавались Герцену обычно или со специальной оказией через лиц, едущих за границу, или через проживавшую в Германии М. К. Рейхель и помещались в «Колоколе», разумеется без подписи, а часто и в совершенно переработанном виде. «Рукописей и дел привозилось и присылалось в Лондон несметное множество, — писал в «Исповеди» В. И. Кельсиев, — одних нефранкированных писем получал Герцен шиллингов на десять в день (рубля на три), и у него положительно не было возможности самому перечитывать всю эту груду бумаг, приходивших в его руки». [1]

Имена значительной части корреспондентов «Колокола» и других изданий Герцена до сих пор не выяснены, авторство многих статей и сообщений не установлено. Но известно, что среди лиц, снабжавших Герцена материалами и посылавших ему статьи, заметки и художественные произведения в первые годы существования Вольной типографии, были и представители русских либералов-западников (К. Д. Кавелин, Б. Н. Чичерин, И. С. Тургенев, П. В. Анненков, Н. А. Мельгунов, С. С. Громека и др.) и представители славянофильства (И. С. Аксаков, А. И. Кошелев, Ю. Ф. Самарин). Особенно тесно в те годы был связан с Герценом И. С. Тургенев. Через него посылали в «Колокол» материалы многие лица, желавшие сохранить свое имя в тайне. Такие тайные корреспонденты Герцена находились везде, в каждой губернии, в каждом университете, в каждом министерстве. Известно, что некоторые материалы были переданы в «Колокол» столь видным государственным деятелем, как Н. А. Милютин, и даже К. П. Победоносцев в дни своей молодости послал в «Колокол» памфлет на министра юстиции В. Н. Панина. «Корреспонденции получает Герцен отовсюду, из всех министерств и, говорят, даже из дворцов», — записала в своем дневнике Штакен-

---

[1] «Исповедь» В. И. Кельсиева напечатана в «Литературном наследстве» № 41—42, М., 1941.

шнейдер. «У низших и высших чиновников некоторых канцелярий сидели наилучшие герценовские корреспонденты», — свидетельствует Кельсиев. «Колокол» доставил много хлопот правительству Александра II, когда, воспользовавшись услугами своих вездесущих корреспондентов, опубликовал на своих страницах государственный бюджет на 1859 и 1860 годы, всегда составлявший ранее государственную тайну. Громадный секретный материал министерства внутренних дел о раскольниках весь по частям был списан и выслан Герцену в Лондон. Министр иностранных дел Горчаков был поражен, увидев напечатанный в «Колоколе» отчет о тайном заседании Государственного совета по крестьянскому делу.[1]

В целях борьбы с герценовскими корреспондентами из чиновников правительство даже отдало специальное распоряжение: 18 марта 1862 года всем губернаторам было приказано возложить производство секретных дел только на таких лиц, которые имеют «правильное понятие о служебном долге», чтобы не допустить опубликования в русских заграничных изданиях секретных, не подлежащих оглашению распоряжений правительства.

К 1860-м годам участие либералов-западников, славянофилов и разного рода чиновников в вольной печати Герцена почти прекратилось, но зато усилилось сотрудничество участников революционного движения 1860-х годов (Н. А. Серно-Соловьевич, А. А. Слепцов, Н. Н. Обручев, М. А. Бакунин, Л. И. Мечников, Н. И. Утин, Н. Я. Николадзе и др.).[2]

«Ливень» корреспонденций сопровождался потоком посетителей, хлынувших в Лондон к Герцену. В первое пятилетие существования «Колокола» у Герцена побывали сотни людей, привозивших свежие новости из России и часто увозивших с собою издания Вольной типографии. Среди них были видные общественные деятели, писатели, журналисты, ученые: Н. Г. Чернышевский, Л. Н. Толстой, И. С. Тургенев, Ф. М. Достоевский, А. Ф. Писемский, М. А. Маркович (Марко Вовчок), М. Л. Налбандян,

[1] См. письмо Герцена к И. С. Тургеневу от 15 апреля 1861 года.

[2] Список сотрудников герценовских изданий составил М. Клевенский. См. его обзор «Герцен-издатель и его сотрудники» в «Литературном наследстве» № 41—42, М., 1941.

М. Л. Михайлов, Н. В. и Л. П. Шелгуновы, В. С. Курочкин, С. Сераковский, братья Серно-Соловьевичи, К. Д. Кавелин, П. В. Анненков, А. Н. Пыпин, И. С. Аксаков и др. Наряду с людьми известными Герцена посетило и множество людей, никому не известных. «Побывать у него считают как бы долгом все отправляющиеся за границу», — записала Штакеншнейдер. Многие ехали за границу специально, чтобы познакомиться с Герценом и выразить ему свое сочувствие и почтение. «Ни страшная даль, в которой я жил от Вест-Энда... ни постоянно запертые двери по утрам — ничего не помогало... Мы были в моде... — вспоминал Герцен. — В каком-то гиде туристов я был отмечен между достопримечательностями Путнея» («Былое и думы»). «Кого только не побывало при мне у Герцена! — писал в своей «Исповеди» В. И. Кельсиев, проживавший в Лондоне с 1859 по 1862 год. — Бывали губернаторы, генералы, купцы, литераторы, дамы, старики и старухи, бывали студенты, — точно панорама какая-то проходила перед глазами, точно водопад лился, и это не считая тех, с которыми он видался с глазу на глаз».

Широкое распространение «Колокола» и других изданий Вольной типографии, рост влияния Герцена на русское общество вызвали сильное беспокойство в реакционных и правящих кругах России. Правительство Александра II боялось разоблачений «Колокола», было напугано его требованиями и чрезвычайно опасалось проникновения вольной печати в народ. «Граф Виктор Никитич [Панин — министр юстиции] опасается, чтобы книги, издаваемые Герценом, не проникли в низшие слои народа», — писал чиновник III отделения Попов в докладной записке своему начальнику. Меры борьбы с Герценом и Вольной типографией были предметом постоянных забот и размышлений правительства. Различными лицами выдвигались многочисленные и самые разнообразные проекты мероприятий по борьбе с «лондонской пропагандой». Прежде всего были предприняты шаги дипломатического характера. После того как английское правительство не согласилось закрыть типографию Герцена, министерство иностранных дел обратилось к государствам европейского континента с предложением запретить продажу изданий Вольной типографии на их территории.

Правительства Франции, Пруссии, Саксонии пошли навстречу таким требованиям.

Для борьбы с распространением изданий Герцена за границей туда был послан сам управляющий III отделением Тимашев. Разумеется, до крайности был усилен жандармский надзор на сухопутных и морских границах.

Не ограничиваясь регулярными донесениями дипломатических миссий о деятельности Герцена и Вольной типографии, русское правительство забросило в Лондон несколько агентов III отделения, которые шпионили за каждым шагом Герцена и Огарева и доносили о всех приезжающих к ним и отъезжающих от них в Россию. Некоторые из таких агентов (Михаловский, поступивший на службу в книгоиздательство Трюбнера, «ученые путешественники» Хотинский и Геденштерн) были разоблачены Герценом, другие остались ему неизвестны.

В России лица, уличенные в распространении изданий Вольной типографии или в сношениях с Герценом и Огаревым, подвергались преследованиям. «Некто Мухин сослан в Вятку за то, что читал в каком-то трактире вслух Искандера», — записала в своем дневнике Штакеншнейдер 2 февраля 1858 года. «Трое кадет сидят в Третьем отделении за то, что переписывали Герцена», — записала она 28 мая того же года. Два сына влиятельного графа Ростовцева были отстранены от военной службы за то, что, будучи за границей, посетили Герцена. В 1862 году правительство, воспользовавшись найденными при аресте и обыске некоего Ветошникова[1] письмами Герцена, Огарева, Бакунина, Кельсиева к разным лицам, проживавшим в России, арестовало Чернышевского, Н. А. Серно-Соловьевича, Налбандяна и еще около двух десятков лиц, предъявив им обвинение в «сношениях с лондонскими пропагандистами». Среди привлеченных был и Тургенев. Возник громкий судебный процесс «тридцати двух». Многие из обвиняемых были высланы в различные глухие города России, а Серно-Соловьевич и неко-

---

[1] Ветошников был служащим английской торговой фирмы, имевшей свое отделение в Петербурге. Будучи в Лондоне, он познакомился с Герценом и Огаревым и согласился провезти их письма в Россию. На пароходе Ветошников был арестован. Его выдал подосланный к Герцену агент III отделения Г. Перетц.

торые другие были приговорены к каторжным работам (Тургенев был оправдан).[1]

Русской печати было категорически запрещено не только говорить об изданиях Вольной типографии, но и упоминать самое имя Герцена.[2]

За границей же подкупленная русским правительством пресса постоянно выступала против Герцена, изливая на него клевету и брань. Особенно старалась правительственная русская газета «Le Nord», выходившая в Брюсселе на французском языке. Редактором ее был некто Н. Поггенполь, которому Огарев посвятил известное четверостишие:

В «Nord»'е сквозь все тонкости
Языка французского,
Все же так и слышится
Погань поля русского.[3]

В 1859 году в Берлине появилась и первая книга, направленная против Герцена. Называлась она «Искандер-Герцен», содержала в себе 260 страниц и принадлежала перу Н. В. Елагина, ранее прославившегося в качестве самого жестокого и нелепого цензора николаевского царствования. Написанная по предложению петербургского митрополита, книга Елагина была наполнена елейно-православными сентенциями и плоскими и грубыми ругательствами по адресу Герцена — «богоотступника, врага христианской веры, беглеца, ускользнувшего от надзора полиции, унесшего с собой сотни тысяч франков и желаю-

---

[1] О борьбе царского правительства с проникновением «Колокола» и других изданий Вольной русской типографии в Россию см. в примечаниях М. К. Лемке к сочинениям Герцена, т. VIII, стр. 530—541, т. IX, стр. 131—135.

[2] Впрочем, известный сподвижник Булгарина Б. Федоров в 1858 году под псевдонимом «Ижицин» выпустил уличный листок под названием: «Басня. Ороскоп кота. Акростих». Из букв акростиха слагались слова: «Колокольщику петля готова». В самой басне выражалась надежда, что кота Ваську, забравшегося в Альбион, «велят: за полюса-звезду повесить, а колокол коту к хвосту привесить». Герцен, познакомившись с листком, ограничился перепечаткой «Ороскопа кота» в «Колоколе». В России басню Федорова удалось высмеять Н. А. Добролюбову в статье об уличных листках.

[3] О газете «Le Nord» см. в примечаниях М. К. Лемке к сочинениям Герцена, т. VIII, стр. 362—371.

щего нам республики и социализма». «Это — поэма, — писал Герцен М. А. Маркович 5 ноября 1859 года о книге Елагина, — мы с Огаревым вечер целый катались от смеха». Отвечать на книгу Елагина Герцен не захотел и ограничился тем, что поместил в № 57—58 «Колокола» небольшую заметку, в которой писал: «Что, в самом деле, сказать на сквернословие каких-нибудь синодальных писарей и семинарских риторов старого порядка, кроме того, что отвечал знаменитый Фокс одному лорду, написавшему к нему письмо, исполненное брани и дерзости: «Sir, письмо ваше от такого-то числа я получил. Оно теперь *передо мной,* через четверть часа оно будет *за мной*, о чем честь имею вас уведомить. Преданный вам Ч. Фокс».

В декабре 1861 года в том же Берлине против Герцена выступил с брошюрой некий барон Фиркс, бельгийский агент русского правительства, скрывшийся под псевдонимом Шедо-Ферроти. Наемный борзописец упрекал Герцена в черезмерном самомнении, честолюбии, проповеди анархии и призывал его к умеренности и благожелательному отношению к Александру II. Русское правительство решило дозволить брошюру Шедо-Ферроти к продаже в России. К этому времени оно пришло к убеждению, что тактика замалчивания Герцена не принесла желательных результатов и гораздо действенней будет организация широкой и открытой травли Герцена и его изданий в русской печати. В феврале 1862 года 600 экземпляров брошюры Шедо-Ферроти были затребованы из Берлина и быстро распространены в Петербурге и по всей России. В среде революционной демократии брошюра Шедо-Ферроти вызвала глубокое негодование. Д. И. Писарев реагировал на нее пространной и резкой статьей-прокламацией, которую предполагал напечатать в подпольной типографии. «Династия Романовых и петербургская бюрократия должны погибнуть. Их не спасут ни министры, подобные Валуеву, ни литераторы, подобные Шедо-Ферроти», — писал Писарев. Четырьмя годами одиночного заключения в Петропавловской крепости поплатился Писарев за это выступление. Аналогичную прокламацию — «Русское правительство под покровительством Шедо-Ферроти» — написал и выпустил тогда в Петербурге студент П. С. Мошкалов.

Дозволив распространение брошюры Шедо-Ферроти, русское правительство дало понять русской печати, что находит желательным и другие подобные выступления против Герцена. Самым непосредственным образом об этом было доведено до сведения редактора «Русского вестника» Каткова. Вообще правительство надеялось, что его желание найдет отклик и в среде либерального «общества», открыто ставшего тогда, под влиянием нарастающего демократического движения, на путь реакции. Первым, как и следовало ожидать, пошел навстречу намерениям правительства Катков, который, по выражению В. И. Ленина, повернул в то время «к национализму, шовинизму и бешеному черносотенству».[1] В летних номерах «Русского вестника» за 1862 год Катков поместил несколько исключительных по своей разнузданности и наглости статей против Герцена и «наших заграничных refugiés». Наполненные по преимуществу оскорбительными выпадами личного характера, статьи Каткова, разумеется, обвиняли Герцена и в «измене родине» и в организации петербургских пожаров.[2] Первая же из них была одобрена самим Александром II. «Весьма хорошая статья», — сказал царь. Статьи же, направленные против выступлений Каткова, были категорически запрещены и не пропускались цензурой.[3]

Столь благосклонное отношение правительства к выступлениям Каткова заставило и многих других реакционных и либеральных публицистов последовать примеру «Русского вестника». «Наше время» Н. Ф. Павлова, «Голос» Краевского, «Весть» Скарятина, «Домашняя беседа» Аскоченского, «День» И. С. Аксакова начали систематическую травлю Герцена. Дань клевете отдал и Писемский в своем нашумевшем романе «Взбаламученное море» («взболтанная помойная яма», по выражению Герцена). Особенно широкий характер приняла эта кампания про-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 250.

[2] В Берлине при содействии русского посольства были выпущены даже лубочные литографии, изображавшие Герцена поджигателем Петербурга (см. сочинения Герцена, т. XV, стр. 223—224).

[3] Более подробно о связи выступлений Шедо-Ферроти и Каткова против Герцена с политикой царского правительства см. в примечаниях М. К. Лемке к сочинениям Герцена, т. XV, стр. 81—98 и 421—461.

тив Герцена в 1863 году в связи с польским восстанием. Герцен был объявлен агентом Польши. «И вот перед нами, вместо одного Николая, трое врагов: правительство, журналистика и дворянство — государь, Катков и Собакевич», — писал Герцен в «Колоколе» (1863, № 170).

Конечно, столь широко поставленная кампания клеветы не могла пройти для Герцена и Вольной типографии бесследно. Но и большого вреда ему она не принесла, как и вся система мероприятий правительства. Во всяком случае, в первое пятилетие существования «Колокола» ничто не могло помешать его успеху и влиянию. Тем более что в России издавались журналы («Современник», «Русское слово», «Искра»), боровшиеся с Катковым и реакционной и либеральной журналистикой. «Искра», про которую П. Боборыкин писал, что она играла в Петербурге «как бы роль «Колокола», открыто выступала против Каткова в защиту Герцена.[1]

Самыми различными путями «Колокол» и другие издания Вольной типографии проникали в Россию. В Лондоне распродажа изданий Герцена шла через книгоиздательство Трюбнера; Трюбнер же распространял их по всей Европе. Немецкие книгопродавцы, наживая на перепродаже изданий вольной печати огромные барыши, не только торговали ими во всех городах Германии, но и через специальных комиссионеров и агентов распространяли их по отелям среди приезжающих и отъезжающих русских и даже перебрасывали через границу в виде контрабанды. Естественно, что многие русские, побывавшие за границей, вывозили оттуда издания Герцена. По свидетельству современников, прусские книгопродавцы брались доставлять «Колокол» даже в Петербург — прямо на дом. Иногда сами таможенные чиновники брали издания Герцена под свое покровительство, иногда они становились более благосклонными, получив взятку.

Постоянной нелегальной организации, занимавшейся распространением «Колокола» и других изданий Герцена и Огарева, не существовало. Но уже процесс «тридцати двух» с очевидностью показал, что сеть корреспондентов,

---

[1] См. статью И. Г. Ямпольского «Искра» В. Курочкина и Герцен» в «Ученых записках» Ленинградского гос. университета, серия филологических наук, вып. 13, 1948.

распространителей, явок вокруг Вольной типографии постепенно складывалась. В распространении «Колокола» приняли участие революционеры Николай и Александр Серно-Соловьевичи, М. Л. Налбандян, В. И. Касаткин, Л. И. Мечников, Н. И. Жуковский, В. И. Бакст, М. А. Бакунин, А. И. Ничипоренко и другие лица, проживавшие в России и за границей. Есть основания предполагать, что в распространении изданий Вольной русской типографии принимал участие и Н. Г. Чернышевский.[1]

Революционная организация московских студентов (кружок П. Г. Зайчневского) создала специальную типографию для литографирования «Колокола» и отдельных сочинений Герцена; в Воронеже семинаристы переписывали «Колокол» от руки «с местными добавлениями», в Перми революционная молодежь подготавливала перепечатку из «Колокола» статьи «Что нужно народу?» в количестве 5 тысяч экземпляров, и т. д.

Для переброски «Колокола» через границу и связи с Россией были использованы агенты английских торговых фирм, имевших отделения в Петербурге (Владимиров, Ветошников), моряки торговых и военных кораблей и т. д. Известно, например, что юнкер В. В. Трувеллер и гардемарин В. А. Дьяконов провезли издания Герцена в Кронштадт на военных фрегатах «Олег» и «Громобой». Под видом каталогов и детских книг, спрятанный в ящики с двойным дном и даже в бюсты Николая I, «Колокол» провозился в порты Черного и Балтийского морей или находил путь через сухопутную границу. Горцы Кавказа провозили «Колокол» в русские города между дровами. Была сделана попытка привлечь к распространению изданий Вольной типографии русских старообрядцев. С этой целью Кельсиев совершил в начале 1862 года поездку в Россию. Известную роль в распространении изданий Вольной типографии сыграли некоторые представители польской революционной эмиграции, обладавшей необходимыми связями на границе.

---

[1] М. В. Нечкина полагает даже, что «на петербургской квартире Чернышевского сосредоточивались нелегальные произведения Герцена, она была одним из центров их распространения» (см. ее статью «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» в «Исторических записках» № 10, изд. Академии наук СССР, 1941).

Известно, что поляк Ольшевский был выслан в Якутск, будучи задержан на границе с транспортом изданий вольной печати.

Так или иначе, по словам барона Корфа, издания Герцена «расходились по России в тысячах экземпляров, и их можно было найти едва ли не в каждом доме, чтобы не сказать: в каждом кармане». По свидетельству других современников, «на Нижегородской ярмарке можно было приобрести сочинения Герцена в том числе, какое желали покупатели».[1]

Успех «Колокола» в России дал возможность Герцену и Огареву усилить и расширить деятельность Вольной типографии. В 1858 году в Лондоне возникла русско-польская типография З. Свентославского, русский станок которой можно рассматривать как дополнение к типографии Герцена. На нем печатались и отдельные издания, предпринятые Герценом и Огаревым, и вторые издания некоторых их сборников и произведений, взятые на себя книгоиздательством Трюбнера.

«Колокол» уже с 15 февраля 1858 года начал выходить, вместо одного раза, два раза в месяц. Тираж журнала был увеличен до 2500—3000 экземпляров, что по тем временам было тиражом достаточно внушительным — особенно если принять во внимание, что каждый номер «Колокола» проходил через добрый десяток рук. В 1862 году количество выпущенных номеров достигло 35.

В 1862 году, когда спрос на революционную литературу в России сильно возрос, революционерами-эмигрантами, принадлежавшими к обществу «Земля и Воля» (Бабстом, Н. И. Утиным, А. А. Серно-Соловьевичем, Касаткиным и др.) была в дополнение к лондонской Вольной типографии организована русская типография в Берне. Герцен оказывал бернской типографии материальную помощь и вместе с Огаревым сотрудничал в ней. Типография просуществовала недолго — меньше года. В ней были отпечатаны «Концы и начала» Герцена, ряд прокламаций «Земли и Воли», написанных Огаревым (и, видимо, Герценом), сборник «Свободные русские

---

[1] О переброске изданий Вольной типографии и «Колокола» в Россию и их распространении см. в книге З. П. Базилевой «Колокол» Герцена», М., 1949, стр. 151—159 и 205—212.

песни», «Записки» польского революционера Руфина Пиотровского.[1]

С сентября 1862 года в Брюсселе стала выходить французская газета «La Cloche» («Колокол»), которая составлялась из статей, переведенных из «Колокола». Издатель и редактор «La Cloche» француз Леон Фонтен заявил, что он издает газету «для ознакомления с мужественными усилиями, предпринимавшимися некоторыми превосходными умами для блага большого народа». «Давно уже издается в Лондоне русский журнал «Колокол», имя которого прозвучало по всему свету, — писал Фонтен. — Мы, в свою очередь, издаем перевод этого журнала. Он обращается ко всей Европе». Газета «La Cloche» выходила до июля 1865 года; всего было выпущено 64 номера.

Ежегодно выпускались Герценом и Огаревым сборники «Полярная звезда». За период с 1855 по 1862 год было выпущено 7 книжек «Полярной звезды» (седьмая книжка в двух выпусках).[2] В сборниках продолжали печататься произведения русских поэтов, запрещенные в России, материалы о декабристах, стихи Огарева и «Былое и думы» Герцена, теоретические статьи о социализме. До 1860 года выходили и сборники «Голоса из России», в которых Герцен и Огарев публиковали по преимуществу рукописные записки того времени по наболевшим вопросам русской жизни, присланные из России. Всего было издано девять выпусков «Голосов из России».

Здесь же следует упомянуть и о других изданиях Вольной типографии, так как почти все они падают на годы ее расцвета: 1857—1863. Прежде всего, очень много было сделано Герценом по изданию книг и материалов исторического характера. Кроме двух «Исторических сборников» (1859 и 1861 гг.) и шести сборников различных материалов о раскольниках и старообрядчестве (со-

---

[1] О бернской типографии и ее изданиях см. публикацию Е. Кушевой «К истории взаимоотношений А. И. Герцена и Н. П. Огарева с «Землей и Волей» 60-х годов» и статью Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» — «Литературное наследство» № 41—42, М., 1941.

[2] На этом издание «Полярной звезды» было фактически прервано; последняя — восьмая — книжка сборника вышла только в 1869 году.

ставленных В. Кельсиевым), Герцен издал такие книги, как «Записки Екатерины II», «Записки кн. Е. Р. Дашковой», «Записки Н. В. Лопухина», «О повреждении нравов в России» М. Щербатова. Нечего и говорить о том, что все это были издания неоценимого значения для исторической науки, тем более что их невозможно было тогда издать в России. Некоторые из них вызвали сенсацию («Записки Екатерины II»). Герцен же рассматривал их и как «материалы для уголовного следствия над петербургским периодом нашей истории».

Особенно большое значение придавали Герцен и Огарев изданию материалов о жизни и деятельности декабристов, революционные традиции которых высоко чтили и активно пропагандировали. Не ограничиваясь обширными публикациями в «Полярной звезде», они издали три выпуска «Записок декабристов», куда вошли записки И. Д. Якушкина, С. П. Трубецкого и других декабристов, а также выступили со специальной книгой «14 декабря 1825 года и император Николай I» против клеветавшей на декабристов книги барона Корфа «Восшествие на престол Николая I».

Среди изданий Вольной русской типографии на особое место следует выделить революционные воззвания, прокламации и брошюры, рассчитанные на распространение в народе и написанные доступным для народа языком. Начало было положено в 1854 году прокламациями В. А. Энгельсона «Первое видение святого отца Кондратия», «Емельян Пугачев честному казачеству и всему люду русскому шлет низкий поклон» и др. Очень много такого рода прокламаций и воззваний было напечатано в «Колоколе» и отдельными изданиями в 1860-е годы. Среди них воззвания «Земли и Воли» («Что нужно народу?», «Что надо делать войску?», «Свобода» и др.), «К молодому поколению» Н. В. Шелгунова и М. Л. Михайлова, три листка «Великорусса», несколько брошюр и прокламаций, написанных отдельными представителями «молодой эмиграции»: Н. Я. Николадзе, Л. И. Мечниковым, И. А. Худяковым и др. Изданием таких воззваний, прокламаций и брошюр Герцен и Огарев и их типография оказали огромные услуги русскому революционному движению.

Очень важное место среди изданий Вольной типографии занимают издания художественной литературы. К ним относится прежде всего ряд произведений самих редакторов «Колокола» Герцена и Огарева. В Вольной типографии были напечатаны три тома «Былого и дум» (предварительно они помещались в «Полярной звезде»), два издания «Прерванных рассказов» («Долг прежде всего», «Поврежденный» и др.) и переизданы роман «Кто виноват?», «Письма из Франции и Италии» и «С того берега». Огарев же в 1857 году издал в Вольной типографии поэму «Юмор», а в 1858 году выпустил сборник своих стихотворений, включавший 106 стихотворений, в том числе 29 публиковавшихся впервые. Вместе с тем Огарев постоянно помещал свои стихи в «Полярной звезде», а иногда и в «Колоколе».

Совершенно исключительную роль сыграла Вольная типография в издании огромного количества художественных произведений, запрещенных в России. В первой же книжке «Полярной звезды» было помещено знаменитое зальцбруннское письмо Белинского к Гоголю, а начиная со второй книги, в сборнике постоянно печатались присылаемые из России и не увидевшие там света стихотворения Пушкина, Рылеева, Лермонтова и других поэтов. Иногда такие стихи помещались и в «Колоколе» и в «Голосах из России». В 1861 году все собранные руководителями вольной печати стихотворения были соединены Огаревым в сборник и изданы под названием «Русская потаенная литература XIX столетия. Отдел первый. Стихотворения». В объемистой книге (свыше 400 страниц) было опубликовано более 200 стихотворений русских поэтов. Среди них много стихов Пушкина, поэтов-декабристов, поэтов «пушкинской плеяды», Лермонтова, Некрасова и других поэтов революционной демократии 1850—1860-х годов. Такие известные политические стихотворения, как ода «Вольность», «Деревня», «Послание к Чаадаеву», «Послание в Сибирь» Пушкина, агитационные песни Рылеева и Бестужева, «Смерть поэта» Лермонтова и множество других были впервые напечатаны в Вольной типографии в Лондоне.

Кроме сборника «потаенной поэзии», Герцен и Огарев выпустили отдельным изданием «Думы» Рылеева, издали небольшой сборник «Солдатских песен» (1862) и «первый

на Руси свободный песенник» — «Свободные русские песни» (1863), перепечатали такую замечательную книгу, как «Путешествие из Петербурга в Москву» А. Н. Радищева. «Наступило время пополнить литературу процензурованную литературой потаенной, представить современникам и сохранить для потомства ту общественную мысль, которая прокладывала себе дорогу, как гамлетовский подземный крот, и являлась негаданно то тут, то там, постоянно напоминая о своем присутствии и призывая к делу», — писал в предисловии к сборнику потаенной литературы Огарев.

Кроме названных нами книг и сборников, Вольная типография в годы 1858—1863 выпустила и ряд других изданий. Как уже указывалось, успех «Колокола» создал почву для широкой книгоиздательской деятельности Герцена и Огарева.[1]

---

[1] См. П. Н. Берков, «Библиографическое описание изданий Вольной русской типографии в Лондоне, 1853—1865», М. — Л., 1935.

3. НАПРАВЛЕНИЕ «КОЛОКОЛА»

В основу программы и содержания «Полярной звезды» и «Колокола» была положена теория «русского социализма». «Колокол» был «прежде всего органом русского социализма», — писали впоследствии Герцен и Огарев.

После поражения революции 1848 года положение Западной Европы стало казаться Герцену и Огареву безнадежным и бесперспективным. По их мнению, пагубные принципы частной собственности и мещанства получили в Европе господствующее значение и социалистическое преобразование буржуазного общества стало маловероятным. Исторической миссии пролетариата Герцен и Огарев не понимали. Руководители «Колокола» пришли к убеждению, что Россия гораздо скорее и легче перейдет к социализму, чем Западная Европа, так как в ней сохранились общинное землевладение, мирское управление и понятие о праве каждого на землю. В крестьянской полуфеодальной общине Герцен и Огарев увидели проявление социалистических начал, а в русском крепостном крестьянине — бессознательного социалиста. Они надеялись, что принципы частной собственности никогда не получат в России такого развития, как в Западной Европе, что Россия может перейти к социализму, миновав стадию капиталистического развития.

«Мы не мещане, — мы мужики, — писал Герцен в передовой статье второй книги «Полярной звезды». — Мы бедны городами и богаты селами. Все усилия создать

у нас городское мещанство в западном смысле приводили до сих пор к тощим и нелепым последствиям... Нашу особенность, самобытность составляет деревня с своей общинной самозаконностью, с мирскою сходкой, с выборными, с отсутствием личной поземельной собственности, с разделом полей по числу тягол». Именно поэтому, по мнению Герцена и Огарева, Россия более подготовлена для социального переворота и социализма, чем Западная Европа. «В форме общинного землевладения, — писал Огарев, — социализм становится на почву, потому что при наследственном землевладении почва для него невозможна».

Совершенно очевидно, что теория «русского социализма», созданная Герценом и Огаревым, была с начала до конца ошибочной. Представляя одну из разновидностей утопического социализма, теория основоположников вольной печати была, по словам В. И. Ленина, лишь «прекраснодушной фразой» и «добрым мечтанием» и на деле в ней не было *«ни грана* социализма».[1] Больше того, идеализируя крестьянскую общину, Герцен и Огарев, в сущности, защищали отсталые формы русской жизни. В дальнейшем учение Герцена о «русском социализме» было принято и усвоено русским народничеством, в борьбе с которым развивался научный социализм в России.

Сила и значение программы «Полярной звезды» и «Колокола» заключались не в идеализации русской общины и учении о самобытности исторического развития России, а в тех практических требованиях, которые были облечены в форму «русского социализма». Вера в близкое торжество социализма в России, естественно, соединялась у Герцена и Огарева с постоянным стремлением к радикальному преобразованию существующего социально-политического строя России, к уничтожению крепостного права и самодержавия. «Герцен видел «социализм» в освобождении крестьян *с землей,* в общинном землевладении и в крестьянской идее «права на землю», — писал В. И. Ленин. — «Идея «права на землю» и «уравнительного раздела земли» есть не что иное, как формулировка революционных стремлений

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 11.

к равенству со стороны крестьян, борющихся за полное свержение помещичьей власти, за полное уничтожение помещичьего землевладения». [1]

Таким образом в учении Герцена и Огарева социализм сливался в одно целое с демократизмом, их вольная печать защищала народные, крестьянские интересы, «Полярная звезда» и «Колокол» были органами революционной крестьянской демократии. «Мы — крик русского народа, битого полицией, засекаемого помещиками», — справедливо заявляли руководители Вольной типографии (1857, № 5). «В звон нашего «Колокола» входит именно вопль, поднимающийся из съезжих, из казарм, с помещичьих конюшен, с барских полей, с цензурной бойни. «Колокол» решительно принадлежит дурному обществу» (1858, № 18).

Главной чертой направления «Колокола» и всей вольной печати была борьба за освобождение крестьян от крепостного права. «Освобождение крестьян от помещиков, — писали Герцен и Огарев в предисловии к «Колоколу», — мы считаем первым, необходимым, неотлагаемым шагом». Систематически «Колокол» разоблачал «убийства, засекания, ужасы помещичьей власти», сообщал с сочувствием о крестьянских волнениях, требовал немедленного уничтожения крепостного права с передачей крестьянам той земли, которая находилась в их пользовании. «Колокол» (1857—1867) встал горой за освобождение крестьян», — писал В. И. Ленин. [2]

Сообщения о положении крепостных крестьян, помещавшиеся в «Колоколе», были проникнуты жгучей ненавистью к крепостничеству и полицейскому насилию. Корреспонденции, подобные следующей заметке об усмирении флигель-адъютантом Эльстон-Сумароковым крестьян Нижегородской губернии, помещались в «Колоколе» из номера в номер:

«Как же можно без розог уверить человека, что он шесть дней в неделю должен работать на барина, а только *остальные* для себя. Как же его уверить, что он должен, когда вздумается барину, тащиться в город с сеном и дровами, а иногда отдавать сына в переднюю, дочь в спаль-

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 11—12.
[2] Там же, стр. 12.

ную... И в сущности, отчего же не сечь мужика, если это позволено, если мужик терпит, церковь благословляет, а правительство держит мужика за ворот, а само подстегивает?..

Секите, братцы, секите с миром! А если устанете, царь пришлет флигель-адъютанта на помощь!!!» (1857, № 6).

Материалы о крестьянском движении, публиковавшиеся в «Колоколе», были в свое время единственными объективными источниками, дававшими представление о том, что происходит в России. Ф. Энгельс, придававший очень большое значение борьбе крепостных крестьян в России, писал К. Марксу 21 октября 1858 года: «Русская история идет очень хорошо. Теперь у них и на юге беспорядки. A propos! Не можешь ли достать мне у Тхоржевского или кого-нибудь, кто состоит теперь агентом Герцена, некоторые из его последних изданий? У них кое-что должно быть, например его «Голоса из России» или «Колокол». Там, может быть, можно найти материал — вряд ли много, но все же кое-где в корреспонденциях и т. д.». [1]

Наряду с освобождением крестьян «Колокол» и вольная печать защищали всестороннюю демократизацию государственного строя в России и боролись против самодержавия. Они настаивали на передаче законодательной власти в руки земской государственной думы, на введении крестьянского самоуправления и выборности государственных органов, на уничтожении чиновничества, полиции и III отделения, выступали за отмену телесных наказаний, за свободу слова, печати и вероисповеданий, за бесплатное обучение обоих полов в низшей, средней и высшей школе. [2] Предисловие к «Колоколу» вместе с «освобождением крестьян от помещиков» требовало в качестве первого и неотлагаемого шага «освобождения слова от цензуры» и «освобождения податного состояния от побоев», т. е. выдвигало ту программу, которая была сформулирована В. Г. Белинским в знаменитом письме к Гоголю.

Из номера в номер «Колокол» разоблачал бесправие и полицейский разбой, царившие в России, издевался

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXII, стр. 364.

[2] См., например, статью Огарева «На новый год» в № 89 «Колокола».

над правительством Александра II и отдельными министрами, обнажал скрытые «под спудом» махинации правящей бюрократии. С октября 1859 года до 1862 года Герцен и Огарев выпускали в качестве приложения к «Колоколу» особый листок «Под суд», специально посвященный разоблачению преступлений и безобразий, творившихся в России. Всего вышло 13 номеров. По словам Герцена, «цепь воров и безумных» охватывает всю официальную Россию и «поднимается от становых приставов, заседателей, квартальных до губернаторов, полковников, от них до генерал-адъютантов, до действительных статских советников (2-го и 1-го класса) и оканчивается художественно, мягко, роскошно, женственно в Мине Ивановне [любовнице министра двора Адлерберга], в этой Cloaca Maxima современных гадостей, обложенной бриллиантами» (1857, № 5).

Не щадили Герцен и Огарев и православное духовенство. На страницах «Колокола» «секущее православие», оправдывающее крепостничество и самодержавный произвол, подвергалось такой же беспощадной критике. «Для нас Адлерберги, Сечинские, Орловы так же равны, как Филареты, Макридии, Акрупирии, московские, коломенские, эчмиадзинские и не знаю еще какие святители», — писал Герцен.

Выступив против самодержавия и крепостного права, Герцен и Огарев и их вольная печать подняли и развили традиции первого поколения русского освободительного движения — традиции декабристов и Пушкина. «Полярная звезда» подняла традицию декабристов», — писал В. И. Ленин. [1] К декабристам Герцен и Огарев относились с глубоким благоговением. Они называли их «фалангой героев», «воинами-сподвижниками», защищали их от клеветы правительственных писак, вроде барона Корфа, публиковали всевозможные материалы, относящиеся к их жизни и деятельности, о напечатании которых в России не приходилось тогда и думать. Себя Герцен и Огарев считали «детьми декабристов» и мстителями за казненных; цель своей жизни видели в том, чтобы передать революционные традиции декабристов следующему поколению русского освободительного движения. «Нашими

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 12.

устами говорит Русь мучеников, Русь рудников, Сибири и казематов, Русь Пестеля и Муравьева, Рылеева и Бестужева», — писал Герцен. При этом Герцен хорошо понимал и основной недостаток организации декабристов — отсутствие связи с массами. «Только один Пестель, — писал он в брошюре «Русский заговор 1825 года», — старался основать революцию *на народе и на экономическом начале,* и вот последствия. В день восстания на Исаакиевской площади и в центре второй армии заговорщикам нехватало *народа»*.

Постоянно указывал Герцен и на связь своей деятельности с идеями и заветами Белинского. В первом же номере «Полярной звезды» он поместил портрет Белинского, опубликовал знаменитое письмо Белинского к Гоголю и дал яркую и глубокую характеристику великого критика в напечатанной в сборнике главе из «Былого и дум». И позднее в «Колоколе» Герцен не раз говорил о своей близости к Белинскому, которого, в противовес либералам, называл «самой революционной натурой николаевского времени» (см., например, «Письма к противнику» в № 193 «Колокола»).[1]

Будучи органами революционной крестьянской демократии, «Полярная звезда» и «Колокол» отразили в то же время и либеральные тенденции своих руководителей и их отступления от демократизма к либерализму. Герцен и Огарев были менее последовательными демократами и революционерами, чем Чернышевский и Добролюбов. В ряде статей, опубликованных в «Колоколе», Герцен и Огарев утверждали, что мирное, бескровное преобразование экономического и политического строя крепостной России предпочтительнее революции, связанной с «кровопролитием». Не понимая классовой природы русского самодержавия, Герцен и Огарев наивно мечтали о «революции сверху», при которой Александр II мог бы сыграть роль «земского царя». Отсюда — письма Герцена к Але-

---

[1] Интересно отметить, что работа Герцена «О развитии революционных идей в России» послужила одним из основных источников для первой биографии великого критика, написанной Д. Минаевым и напечатанной в 1860 году в журнале «Дамский вестник» (см. статью И. Г. Ямпольского «Первая биография Белинского» в «Научном бюллетене» Ленинградского гос. университета, 1945, № 3).

ксандру II, напечатанные в «Полярной звезде» и «Колоколе», в которых Герцен уговаривает царя освободить крестьян с землей. Своего апогея благожелательное отношение руководителей «Колокола» к Александру II достигло в связи с известным рескриптом царя на имя Назимова (декабрь 1857 года). «Ты победил, Галилеянин!» — восторженно писал Герцен в № 9 «Колокола». В. И. Ленин сказал о письмах Герцена к Александру II, что их «нельзя теперь читать без отвращения».[1]

В. И. Ленин раскрывает причины и основания идейных колебаний руководителей «Колокола». Он указывает на принадлежность Герцена к помещичьей барской среде, на то, что Герцен до 1860-х годов «не видел революционного народа и не мог верить в него».[2] С другой стороны, ошибки Герцена, несомненно, связаны и с той духовной драмой, которую переживал Герцен после 1848 года и которая, по мнению В. И. Ленина, «была порождением и отражением той всемирноисторической эпохи, когда революционность буржуазной демократии *уже* умирала (в Европе), а революционность социалистического пролетариата *еще не* созрела».[3]

Исходя из опыта событий 1848 года, Герцен правильно понял ограниченность буржуазных революций, при которых народные массы, будучи использованы в качестве «мяса освобождения», остаются попрежнему обездоленными, но при этом впал в крайность и стал подчас недоверчиво относиться к насильственным методам преобразования действительности. Была правда и в скептическом отношении Герцена к политическим переворотам и изменениям политических форм, не затрагивающим социально-экономические отношения. Он справедливо критиковал революции, которые «ставят короля-банкира на место короля-барина», и антинародную сущность европейской «демократии» и еще более справедливо высказывался о значении экономических обстоятельств в жизни людей. «Экономический вопрос есть главнейший, существеннейший, единый, спасающий... — писал Герцен в 1859 году в № 37 «Колокола». — До сих пор люди все

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 12.
[2] Там же, стр. 12.
[3] Там же, стр. 10.

толковали о фасаде, о гербах, о заборах, о сенях, о границах и церемониалах. Те, которые сказали миру: «ты печешься о многом, едино же на потребу *экономическое устройство*», те первые поняли... что пора жить и полно обстраиваться». Но и здесь Герцен, не уяснив связи экономики и политики, впал в крайность и, по словам Огарева, готов был «ужиться со всяким правительством, лишь бы оно стояло на высоте экономических изменений в государстве». С этим связана недооценка Герценом реакционной сущности самодержавия.

Отступления руководителей Вольной типографии от демократизма сказались не только в их «либеральной апелляции к верхам» и обращениях к Александру II. Положительная программа «Колокола» неизбежно приобрела некоторые черты умеренности. Так, настаивая на освобождении крестьян с землей, находящейся в их пользовании, Герцен и Огарев не требовали ликвидации помещичьего землевладения и считали возможным установить за переданную крестьянам землю небольшой выкуп за счет государства. Огарев писал, что выкуп обойдется крестьянам дешевле, чем восстание, а для помещиков передача земли крестьянам выгоднее, чем новая пугачевщина. Непоследовательность руководителей «Колокола» сказалась и на их отношениях к либералам и революционной демократии.

Либеральные тенденции, присущие «Колоколу» в предреформенные годы его существования, не раз подвергались критике со стороны более последовательных революционеров. По словам В. И. Ленина, «Чернышевский, Добролюбов, Серно-Соловьевич, представлявшие новое поколение революционеров-разночинцев, были тысячу раз правы, когда упрекали Герцена за эти отступления от демократизма *к* либерализму». [1]

Но было бы величайшей несправедливостью, говоря о либеральных колебаниях Герцена и Огарева, забыть о коренном, принципиальном отличии их убеждений от либерализма. При всех своих ошибках, вольная печать Герцена всегда оставалась защитницей народных интересов, а «Колокол» — органом революционной демократии.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 12.

Герцен и Огарев никогда не были либералами, а только допускали отступления от демократизма к либерализму. Совершенно напрасно либеральные ученые В. Е. Чешихин-Ветринский, Н. А. Котляревский, С. Ашевский и др. пытались скрыть различие между революционером Герценом и либералами и представить «Колокол» органом либерализма, а кадетов — хранителями наследия Герцена. В. И. Ленин писал: «...подло и низко клевещут на Герцена окопавшиеся в рабьей «легальной» печати наши либералы, возвеличивая слабые стороны Герцена и умалчивая о сильных». И в другом месте той же статьи: «...справедливость требует сказать, что, при всех колебаниях Герцена между демократизмом и либерализмом, демократ все же брал в нем верх». [1]

Основное отличие Герцена и Огарева от либералов заключалось в том, что, несмотря на «отвращение к крови», они всегда были готовы защищать революционные средства борьбы, если надежды на мирное преобразование России не оправдаются. Для них было ясно, что «нынешние государственные формы России никуда не годятся», что «жалкой системой мелких частных улучшений» их не исправишь, что только коренная ломка социально-политического строя страны может удовлетворить народ и проложить дорогу к социализму. И если Александр II не в силах будет осуществить «революции сверху», Герцен и Огарев готовы были на «революцию снизу». Для либералов же революция при любых условиях, при какой угодно политике правительства, была абсолютно неприемлема. Уже в № 2 «Колокола» Герцен писал: «Мы от души предпочитаем путь мирного человеческого развития пути развития кровавого, но с тем вместе предпочитаем самое бурное и необузданное развитие застою николаевского status quo». Подобные идеи «Полярная звезда» и «Колокол» пропагандировали постоянно. В известной статье «Нас упрекают» (№ 27 «Колокола» от 1 ноября 1858 года) они были выражены с исчерпывающей ясностью: «Будет ли это освобождение [освобождение крестьян с землей] сверху или снизу — мы будем за него! Освободят ли крестьянские комитеты [т. е. дворянские комитеты по крестьянскому делу], составленные из заклятых врагов

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 14, 12.

освобождения, — мы благословим их искренно и от души. Освободят ли крестьяне себя от комитетов, во-первых, а потом от всех избирателей в комитеты, — мы первые поздравим их братски и также от души... Средства осуществления бесконечно различны; которое изберется... в этом поэтический каприз истории, — мешать ему неучтиво». По мнению Герцена, все ужасы пугачевщины не будут слишком дорогой ценой за уничтожение крепостного права.

Именно поэтому надежды Герцена и Огарева на Александра II не мешали им беспощадно клеймить лицемерие и каждое реакционное мероприятие правительства и разоблачать продажность и тупость министров и высшей бюрократии. Именно поэтому либеральные надежды на Александра II были у Герцена и Огарева очень непрочны.

По мере нарастания революционной ситуации в России направление «Колокола» становится все более последовательным и революционным. «Александр II не оправдал тех надежд, которые Россия имела при его воцарении», — писал Герцен в «Колоколе» 1 июля 1858 года. «Мы каемся перед Россией в нашей ошибке. Это — то же николаевское время, но разварное с патокой», — заявил он через полтора месяца. Непосредственно перед реформой это разочарование достигло высокой степени и стало более устойчивым. «Прощайте, Александр Николаевич, счастливого пути! Bon voyage!.. Нам сюда», — писал Герцен в № 68—69 «Колокола» (15 апреля 1860 года). «Пора свои дела делать самим... убедимтесь, что от правительства ждать нечего». «Поляки делают превосходно, что не верят в чудеса Александра Невского», — повторял он в №№ 72 и 75 «Колокола». Те же убеждения и настроения нашли яркое выражение и в статье Огарева «На новый год», помещенной в «Колоколе» 1 января 1861 года. Ставя вопрос о подготовляемом правительством Александра II освобождении крестьян, Огарев писал: «Какое бы оно ни было, в первый день оно примется с восторгом. Не один шкалик откупного вина разопьется в честь свободы... Но день пройдет — все оглянутся и увидят, что и вино поддельное и свобода поддельная. Наступит пора страшного молчания, от которого много лиц побледнеет, а потом люди

очнутся, жизнь взойдет в свои права и станет искать себе выхода».

Утрачивая надежды на Александра II, Герцен и Огарев все сильнее и сильнее осознавали, что их обращения к верхам напрасны, что во дворце нет «живых», что нужно звать и будить народ и демократическую интеллигенцию. «Колокол» — их орган, их голос; на бесплодных каменистых вершинах некому его слушать, чистый звон его может раздаться сильнее в долине!» — писал Герцен в статье «1 июля 1858» (1858, № 18). Решительные и смелые призывы все чаще и чаще раздаются со страниц «Колокола». «В Тамбовской губернии крепостной человек убил своего помещика, вступившись за честь своей невесты. И превосходно сделал, прибавим мы», — писал Герцен в № 62 «Колокола» (от 1 февраля 1860 года). «Первый умный полковник, который со своим отрядом примкнет к крестьянам вместо того, чтобы душить их, сядет на трон Романовых», — утверждал он в следующем номере. [1]

---

[1] Ошибочными являются утверждения Б. П. Козьмина в одной из его статей о Герцене о том, что программа «Колокола» в предреформенные годы «отличалась чрезвычайной умеренностью и под ней мог бы подписаться любой либерал», что Герцен выпускал «Полярную звезду» и «Колокол» для «среднего сословия дворян» («А. И. Герцен в истории русской общественной мысли» — «Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1945, № 2).

4. «КОЛОКОЛ» И ЛИБЕРАЛЫ

Положение о принципиальном различии между направлением «Колокола» и либерализмом подтверждается всей историей отношений Герцена с русскими либералами.

Как известно, либеральные «друзья» Герцена выступали против основания Вольной типографии. Недоброжелательно отнеслись они и к появлению «Полярной звезды» и «Колокола». Грановский, находя издательскую деятельность Герцена ничтожной, собирался полемизировать с ним, [1] а Кавелин советовал Герцену выпускать «умеренную газету» на французском языке. «Французский язык, — писал он Герцену, — послужил бы в глазах правительства очень достаточным карантином против распространения ее в простом народе, чего особенно боятся». [2]

---

[1] См. его письмо к Кавелину от 2 октября 1855 года. Отрицательное отношение Грановского к деятельности Вольной типографии очевидно. В связи с этим нельзя согласиться с Я. Эльсбергом, который утверждает, что Грановский будто бы не только «признает целесообразность организации Вольной русской типографии», но даже критикует Герцена за «недостаточное использование этого средства» (см. его книгу «Герцен. Жизнь и творчество», изд. 2-е, М., 1951, стр. 350). Еще более непонятно утверждение З. П. Базилевой, что «Грановским было сделано немало для укрепления авторитета Герцена в России и распространения его сочинений» (см. ее книгу «Колокол» Герцена», М., 1949, стр. 46).

[2] Письма Кавелина к Герцену опубликованы М. Драгомановым в книге «Письма К. Д. Кавелина и Ив. С. Тургенева к Ал. Ив. Герцену», Женева, 1892.

Немного позднее колебания Герцена возбудили у либералов надежды на «исправление» руководителей «Колокола», на изменение программы их изданий в либеральном направлении. Оценив по достоинству огромное влияние вольной печати на русское общество, либералы, естественно, захотели использовать ее в своих интересах. От порицаний вольной печати они перешли к восхищению перед деятельностью Герцена. Тургенев, Анненков, Кавелин, И. С. Аксаков, Кошелев и другие стали корреспондентами «Колокола» и охотно снабжали Герцена различными материалами. Некоторые из них посылали Герцену письма, наполненные восторженными объяснениями в любви. «Я вижу в тебе великого человека. Тебе лавровый венок», — писал Кавелин. Началось паломничество русской либеральной интеллигенции в Лондон. «Вы власть», — говорил Герцену при свидании Катков. «И прежде его, — вспоминал Герцен, — повторяли то же Тургенев, и Аксаков, и Самарин, и Кавелин, генералы из либералов, либералы из статских советников, придворные дамы с жаждой прогресса и флигель-адъютанты с литературой; сам В. П. Боткин, — постоянный, как подсолнечник, в своем поклонении всякой силе, — умильно смотрел на «Колокол», как будто он был начинен трюфелями» («Былое и думы»).

При всем том либералы никогда не забывали настойчиво советовать Герцену не увлекаться «крайностями» и «обратиться на путь истины». Тургенев в письме к Герцену от 7 января 1858 года высказывал недовольство сатирическими разоблачениями «Колокола». И. С. Аксаков упрекал Герцена во время свидания в августе 1857 года «за вредное влияние на русскую молодежь, в которой его сочинения развивают кровожадные революционные инстинкты». Н. А. Мельгунов убеждал Герцена осторожнее обходиться с императорской фамилией.[1] Подобные советы и обвинения Герцену пришлось выслушивать и от Чичерина, и от Кавелина, и от Сама-

[1] Письмо Н. А. Мельгунова к Герцену начала 1858 года см. в примечаниях М. К. Лемке к сочинениям Герцена, т. IX, стр. 244; там же на стр. 13—14 перепечатан рассказ И. С. Аксакова о его свидании с Герценом.

рина, и от ряда других лиц. Все они надеялись заставить Герцена отказаться от социализма, от всяких мыслей о революции и уничтожении самодержавия, от беспощадной критики буржуазной цивилизации.

Несомненно, либералы преуспели в своих планах несколько больше, чем благочестивая поэтесса А. П. Глинка, возымевшая совершенно бесплодное намерение обратить Герцена на путь христианской религии (см. «Ответ русской даме» в № 36 «Колокола»), но и они не смогли заставить Герцена превратить «Колокол» и «Полярную звезду» в орган либерализма.

Очевидно, что в предреформенные годы Герцен и Огарев не проявили должной решимости и последовательности в отношении к либералам западнического и славянофильского лагеря: прислушивались иногда к их советам, предоставляли их выступлениям место в своих изданиях и т. п. Во всем этом сказались отступления руководителей «Колокола» от демократизма и надежды их на создание широкого антикрепостнического фронта, на прогрессивность дворянской интеллигенции. Но за всем тем Герцен и Огарев всегда шли своей дорогой и находились с либералами на разных сторонах баррикады. Встречающиеся до сих пор в нашей литературе утверждения, что редакция «Колокола» до реформы состояла в блоке с либералами, являются абсолютно неверными.[1]

В 1856 году Кавелин и Чичерин прислали Герцену ряд статей, снабдив их вступительным «Письмом к издателю». Отдавая должное дарованию Герцена, Кавелин и Чичерин в «Письме к издателю» резко выступали против его социалистических и революционных идей. «Только через правительство у нас можно действовать и достигнуть каких-нибудь результатов... зачем выставляете вы нас перед Европой как будущих водворителей теорий социализма?.. Ваши революционные теории никогда не найдут у нас отзыва, и ваше кровавое знамя, развевающееся над ораторской трибуною, возбуждает в нас лишь негодование и отвращение». Герцен опубликовал все присланное в первой книжке «Голосов из России», указав в предисловии, что «не согласен с письмом» и не отве-

---

[1] См. книгу З. П. Базилевой «Колокол» Герцена», стр. 72, 107 и др.

чает за мнения, изложенные в статьях. В письмах же к М. К. Рейхель и И. С. Тургеневу он заявлял, что «во всем расходится» с Кавелиным и Чичериным, что «воззрение осиплых Голосов» — глупое и подлое. Глубокая пропасть отделяла Герцена от либералов. «Ведь это детей утешают в болезнях конфетами, — нам нужны операции, горькие лекарства, — отвечал он на советы либеральных корреспондентов, — не отдадимте нашего негодования, наших стремлений, выстраданных под лапой Николая, за барскую ласку... Ряд статеек, полученных мною из России и напечатанных в 1-ой книжке «Голосов», совершенно ложен» (письмо Н. М. Щепкину от 8 января 1857 года).[1]

Еще более острое и многозначительное столкновение с Чичериным произошло у Герцена позднее, в 1858 году. Чичерин приехал тогда в Лондон, чтобы, по его словам, попытаться направить Герцена «в смысле полезном для России» и, говоря с ним от имени старых друзей, «умерить его неуместное раздражение». «Скоро я убедился, — пишет Чичерин, — что это был совершенно напрасный труд». После отъезда из Лондона Чичерин написал Герцену письмо, в котором снова резко упрекал «Колокол» в «легкомыслии», «запальчивости» и «шаткости». Герцен возразил Чичерину в № 27 «Колокола» (1 ноября 1858 года), в упомянутой выше статье «Нас упрекают». Не называя Чичерина по имени, он характеризовал его как «прямолинейного доктринера» и, защищая любые средства освобождения крестьян, писал, что «поэтическим капризам истории» мешать «неучтиво». Чичерина статья Герцена «взорвала»; он прислал Герцену пространный ответ, с просьбой поместить его в «Колоколе». В № 29 журнала ответ был напечатан с небольшим предисловием Герцена, в котором он называл выступление Чичерина «Обвинительным актом».

«Обвинительный акт» — весьма интересный документ, прекрасно раскрывающий подлинный характер отношений между либералами и руководителями вольной печати.

---

[1] И в данном случае З. П. Базилева совершенно бездоказательно пишет, что в рукописной литературе либеральной оппозиции Герцен видел «образцы подлинной гражданственности и патриотизма» (см. 37—38 стр. ее книги).

Обвиняя Герцена от имени «значительной части мыслящих людей в России» в «шаткости» и «колебаниях», в том, что его деятельностью управляет не разум, а страсть, Чичерин требовал от «Колокола» ориентации на правительство. Слова Герцена о «поэтических капризах истории», о том, что он готов поддержать всякие средства освобождения крестьян вплоть до «топора», наличие в «Колоколе» ряда революционных статей и писем, присланных из России, подверглись со стороны Чичерина бешеным нападкам. «Вы открываете страницы своего журнала безумным воззванием к дикой силе», — писал он, высказывая сожаление, что цензура бессильна над вольной печатью. «Нам нужно независимое общественное мнение, — утверждал Чичерин, — но общественное мнение умеренное, стойкое... которое могло бы служить правительству и опорою в благих начинаниях и благоразумною задержкой при ложном направлении». Пропаганду же Герцена, «раздувающую пламя», «разжигающую страсть», «взывающую к топору», Чичерин объявлял вредной для России.

Как отнесся к «Обвинительному акту» Герцен? Он ответил на него разрывом с Чичериным. В предисловии к «Обвинительному акту» Герцен противопоставил выступление Чичерина другим обвинительным письмам, помещенным в «Колоколе», — письмам из революционного лагеря: «Те были писаны с *нашей стороны,* оттого в самих несогласиях и упреках было сочувствие. Это письмо писано с совершенно *противной* точки зрения — т. е. с точки зрения административного прогресса, гувернементального доктринаризма. Мы ее никогда не принимали, — что же удивительного, что мы не ее путями и шли... Мы хотели быть протестом России, ее криком освобождения и криком боли... Мы — книгопечатальщики *«значительной части людей, страдающих в России»*. Чичерин прекрасно понял смысл сказанного Герценом. «Вы правы: мы — офицеры, стоящие в различных армиях... Может быть, тут скрывается различие между либерализмом и радикализмом», — писал он Герцену, вынужденный прекратить с ним всякие сношения.

Выступление Чичерина вызвало многочисленные отклики, и следует сказать, что не все представители либеральной интеллигенции стали тогда на его сторону. Его поддержали Кетчер, Е. Ф. Корш, ему высказал со-

чувствие либеральный бюрократ Н. А. Милютин, но Кавелин, Тургенев, Анненков и некоторые другие обратились к Чичерину с протестом против «Обвинительного акта». Им казалось в то время, что надежды на «исправление» Герцена до конца не исчерпаны, что Герцен еще обратится на путь либерализма. С своей стороны и Герцен (которому стало известно об отношении к «Обвинительному акту» Тургенева и др.), порывая с Чичериным, сохранял еще тогда отношения с другими либералами. Его разрыв с ними произошел несколько позднее.[1]

Из представителей либеральной интеллигенции наиболее близок к Герцену в предреформенное время был И. С. Тургенев. Герцен ценил в Тургеневе его огромный художественный талант, ум и широту взглядов. Но и между Тургеневым и Герценом сохранялись существенные различия. Далеко не все предложения Тургенева Герцен считал для себя приемлемыми. Так, в ответ на характерные советы Тургенева (и Анненкова) отказаться в «Колоколе» от насмешки и иронии Герцен решительно отвечал, что «смех — вовсе дело не шуточное, и им мы не поступимся». «Смех — одно из самых сильных орудий против всего, что отжило и еще держится... — писал Герцен в 1858 году в № 8 «Колокола». — В церкви, во дворце, во фронте, перед начальником департамента, перед частным приставом, перед немцем управляющим никто не смеется. Крепостные слуги лишены права улыбки в присутствии помещиков. Одни равные смеются между собой... Смех нивеллирует...» Расходились Герцен и Тургенев и по вопросу о «русском социализме» и в оценке западно-европейской культуры и государственности.[2] Тургенев позднее вполне искренно писал в своих показаниях правительству, что он «никогда не разделял его [Герцена] образа мыслей». Герцен тогда же подтвердил это в своем письме к Тургеневу от 10 марта 1864 года: «В самом деле, особенной близости между нами никогда не было».

---

[1] О появлении в «Колоколе» «Обвинительного акта» Чичерина и об отношении к нему Кавелина и др. см. в примечаниях М. К. Лемке к сочинениям Герцена, т. IX, стр. 406—424.

[2] См. в кн. III «Полярной звезды» обращенную к Тургеневу статью Герцена «Еще вариация на старую тему».

Либералы-западники, нападая на социализм Герцена, часто обвиняли его в сближении со славянофилами. Обвинение это несправедливо. Отношение руководителей «Колокола» к славянофилам — этому правому и специфически дворянскому крылу русского либерализма 1840—1850-х годов — ничем существенным не отличалось от их отношения к либерализму в целом. Несомненно, что Герцен и Огарев и здесь не проявили должной последовательности. Они ошибочно видели в славянофильском учении об общине и самобытности России родственные им убеждения, стремления и цели. На самом же деле славянофильские взгляды на общину ничего общего не имели с «русским социализмом» Герцена.[1] Иногда Герцен и Огарев склонны были преувеличивать оппозиционность славянофильства и придавали излишнее значение личному благородству отдельных славянофилов (К. С. Аксакова, И. С. Аксакова и др.). Отсюда наличие в «Колоколе» ряда сочувственных по отношению к славянофилам статей и заметок, из которых наиболее известен отклик Герцена на смерть К. С. Аксакова («Колокол», № 90 от 14 января 1861 года).

Но руководители «Колокола» не раз проводили резкую границу между собою и славянофилами. Им были абсолютно чужды и религиозность славянофилов и присущие им монархические и феодальные тенденции. Направление славянофильского органа «Русская беседа» было подвергнуто на страницах «Полярной звезды» и «Колокола» самой жестокой критике. В статье «Еще вариации на старую тему», отвечая на упреки Тургенева и других в сближении со славянофилами, Герцен писал: «Я с ужасом и отвращением читал некоторые статьи славянских обозрений: от них веет застенком, рваными ноздрями, эпитимьей, покаяньем, Соловецким монастырем... Они [славянофилы] не знают настоящей России... они свихнули свое понимание лицемерным православием и поддельной народностью».

Еще более сурово Герцен и Огарев осуждали нашедшую себе место на страницах «Русской беседы» апологию монархии и царизма («Колокол», № 3, статья

---

[1] См. в настоящей книге главу «Славянофильская журналистика».

«Лобное место») и известное выступление Черкасского в «Сельском благоустройстве» в защиту телесных наказаний для крестьян. По поводу статьи Черкасского Огарев писал в № 38 «Колокола»: «Вы можете себе представить, как меня удивила выходка некоторых славянофилов, предлагающих по освобождении крестьян сохранить помещичий полицейский надзор и даже помещичью розгу. Так это-то результат проповедывания веры в народ русский. Подумал и стал искать причины этого секущего направления. И знаете ли в чем причины? в том, что абстрактная любовь к допотопной Руси не есть любовь к живой Руси, а любовь мертвая; а что есть живого в ратующих за розгу — то и высказалось: это то, что в них гнездится барин, внутри сидит помещик, и за какие православные стенки ни прячься, а вдруг человека и прорвет барином».

Таким образом, несмотря на отступления от демократизма, Герцен и Огарев никогда не были в одном лагере с либералами. Больше того, «Колокол» разоблачал либералов и вел с ними борьбу. «Колокол», по словам В. И. Ленина, поставил важнейший вопрос «о различии *интересов* либеральной буржуазии и революционного крестьянства в русской *буржуазной* революции; иначе говоря, о либеральной и демократической, о «соглашательской» (монархической) и республиканской тенденции в этой революции. Именно этот вопрос поставлен «Колоколом» Герцена, если смотреть на суть дела, а не на фразы, — если исследовать классовую борьбу, как основу «теорий» и учений, а не наоборот». [1]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 12.

5. «КОЛОКОЛ» И РЕВОЛЮЦИОННАЯ ДЕМОКРАТИЯ

Буржуазные историки и историки литературы Корнилов, Котляревский и другие, «. . .тщательно скрывая, чем отличался *революционер* Герцен от либерала»,[1] несправедливо противопоставляли Герцена и «Колокол» революционной демократии. Особенно охотно писали они о разногласиях между Герценом и Чернышевским, изображая руководителей «Колокола» и «Современника» как деятелей различных классов и политических направлений, боровшихся между собою. Между тем совершенно очевидно, что Герцен и Огарев, хотя и допускали отступления от демократизма к либерализму, все же находились в одном лагере не с либералами, а с революционной демократией, с Чернышевским и Добролюбовым.

Судя по дневникам и некоторым выступлениям Чернышевского, будущий вождь революционной демократии питал в свое время к Герцену чувство глубокого уважения. «Я его так уважаю, как не уважаю ни одного из русских, и нет вещи, которую я не был бы готов сделать для него», — записал Чернышевский в дневнике 19 июня 1850 года. И в 1853 году, разъясняя невесте революционный характер своих убеждений, Чернышевский сравнивал себя с Герценом и говорил, что «в резкости мысли не уступает Герцену». Когда Чернышевский узнал о Вольной типографии и познакомился с первыми сборниками «Полярной звезды», он не только не переменил

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 9.

своего мнения о Герцене, но, напротив, нашел необходимым выразить свое положительное отношение к нему публично. В VI главе «Очерков гоголевского периода русской литературы», помещенной в сентябрьской книжке «Современника» за 1856 год, он дал исключительно высокую оценку деятельности Герцена и Огарева. Всякое упоминание о Герцене в печати было запрещено, Чернышевский вынужден был, не называя Герцена, говорить об «Огареве и его друзьях».[1] В той же книжке «Современника» (надо думать, не случайно) Чернышевский поместил и известную рецензию на сборник стихотворений Огарева. Здесь он опять говорил не только об Огареве, но и о Герцене. Очень одобрительно отзываясь о поэзии и жизни Огарева, Чернышевский писал, что если он и его поколение «могут теперь сделать шаг вперед, то благодаря тому только, что дорога проложена и очищена для них борьбою их предшественников», что они «больше, нежели кто-нибудь, почтут деятельность своих учителей».

С еще большим уважением относился к Герцену в первые годы своей литературной деятельности Н. А. Добролюбов, мировоззрение которого сложилось не без сильного влияния произведений Герцена и вольной печати. 13 января 1857 года Добролюбов записал в своем дневнике: «От Татариновых полетел я к восточным студентам, где ожидала меня вторая книжка «Полярной звезды»... С 10 часов начал я чтение и не прерывал его до пяти утра... Закрывши книгу, не скоро еще заснул я... Много тяжелых, грустных, но гордых мыслей бродило в голове... В половине десятого я проснулся совершенно свежим и бодрым и, напившись чаю, поговоривши, полюбовавшись еще раз на портрет Искандера, который достали они же, я с сосредоточенной решимостью обрек себя на страдание за Амартолом».

В 1858 году, в статье об уличных листках, Добролюбов высмеял первое печатное выступление против Герцена в России — басню-акростих Б. Федорова «Ороскоп кота», а в статье «О степени участия народности в развитии русской литературы» весьма одобрительно

---

[1] Напомним, что с апреля 1856 года Огарев находился в Лондоне, но вне закона он был объявлен позднее.

отозвался о деятельности Герцена в 1840-е годы и за границей (разумеется, не называя его по имени). В следующем году, в статье «Литературные мелочи прошлого года» («Современник» 1859, № 1), Добролюбов, сурово осуждая интеллигенцию 1840-х годов за прекраснодушие и либерализм, делал исключение для Белинского и еще нескольких «сильных людей», «умевших на всю жизнь сохранить «святое недовольство» и решившихся продолжать свою борьбу с обстоятельствами до истощения последних сил». «Эти люди, — писал Добролюбов, — почерпнули жизненный опыт в своей непрерывной борьбе и умели его переработать силою своей мысли; поэтому они всегда стояли в уровень с событиями, и *как только явилась им опять возможность действовать, они радушно и вполне сознательно подали руку молодому поколению*».[1] Совершенно ясно, что Добролюбов говорит о Герцене и Огареве.[2]

Известно, что в № 23—24 «Колокола» была напечатана статья Добролюбова «Партизан И. И. Давыдов во время Крымской кампании». По свидетельству одного из товарищей Добролюбова по семинарии, В. И. Глориантова, Добролюбов собирал в Нижнем-Новгороде материалы для «Колокола».[3]

Таким образом, примерно до 1859 года Чернышевский и Добролюбов не только дружески, но и с глубоким уважением относились к руководителям «Колокола», хотя Чернышевский и отмечал позднее, что он уже в середине 1850-х годов имел «образ мыслей не совсем одинаковый с понятиями Герцена».[4] Вполне справедливо они видели в Герцене и Огареве ближайших предшественников и учителей, которые передавали революционные традиции новому поколению русского освободительного движения и будили к сознательной политической жизни и борьбе разночинно-демократическую интеллигенцию.

---

[1] Курсив мой. — *А. Д.*

[2] Предположение, что эти слова Добролюбова относятся к Герцену и Огареву, впервые было высказано М. К. Лемке (Сочинения Герцена, т. X, стр. 22) и поддержано С. А. Рейсером в статье «Добролюбов и Герцен».

[3] «Литературный вестник» 1902, т. III, кн. 4, стр. 472.

[4] «Материалы для биографии Н. А. Добролюбова...», т. I, М., 1890, стр. 319.

Но в дальнейшем отношение Чернышевского и Добролюбова к Герцену изменилось. Между ними и руководителями «Колокола» возник острый конфликт, начало которому положил Герцен.

В № 44 «Колокола» (1 июня 1859 года) Герцен поместил статью «Very dangerous!!!» («Очень опасно!!!»). В ней он резко напал на руководителей «Современника» и «Свистка» за их насмешки над либерально-обличительной литературой и отрицательное отношение к «лишним людям». Герцен обвинял «Современник» и «Свисток» в «пустом балагурстве» и заявлял, что, «истощая свой смех на обличительную литературу, милые паяцы наши забывают, что на этой скользкой дороге можно досвистаться не только до Булгарина и Греча, но (чего, боже сохрани!) и до Станислава на шею».[1] Выступление Герцена нельзя, разумеется, считать случайным. Слишком очевидны либеральные тенденции утверждений и оскорбительных и несправедливых нападок Герцена. Оторванный от России, Герцен не понимал еще ни силы разночинной демократической интеллигенции, ни ее убеждений и продолжал переоценивать дворянскую интеллигенцию. Несомненно, что статья «Very dangerous!!!» явилась одним из наиболее явных отступлений Герцена от демократизма к либерализму.

В редакции «Современника» статья Герцена произвела ошеломляющее впечатление. «Однако хороши наши передовые люди! — записал в своем дневнике 5 июня 1859 года Н. А. Добролюбов. — Успели уж пришибить в себе чутье, которым прежде чуяли призыв к революции, где бы он ни слышался и в каких бы формах ни являлся. Теперь уж у них на уме мирный прогресс при инициативе сверху, под покровом законности». Н. Г. Чернышевский ездил к Герцену объясняться. В 20-х числах июня 1859 года произошло свидание Герцена с Чернышевским. Есть все основания полагать, что

---

[1] Как указал Б. П. Козьмин, статья «Very dangerous!!!» в части, касающейся критики «чистых литераторов», защищающих «чистое» искусство, направлена против «Библиотеки для чтения» и ее редактора А. В. Дружинина (см. статью Б. П. Козьмина «К вопросу о борьбе Герцена и Огарева против сторонников «чистого» искусства» — «Известия Академии наук СССР», отделение литературы и языка, 1950, т. IX, вып. 2).

они не понравились друг другу. «Кавелин в квадрате — вот и все», — писал Чернышевский о Герцене Добролюбову. Отзыв этот, конечно, несправедлив и является результатом обострившихся отношений. Позднее сам Чернышевский называл выступление Герцена со статьей «Very dangerous!!!» «удивительным недоразумением», в которое впал «один из знаменитейших и действительно лучших деятелей русской литературы».[1]

И нельзя сказать, чтобы поездка Чернышевского была бесполезной. «Разумеется, я ездил не понапрасну», — писал Чернышевский Добролюбову. В № 49 «Колокола» в специальном разъяснении Герцен в значительной степени признал ошибочным свое выступление против руководителей «Современника». «Нам было бы чрезвычайно больно, если б ирония, употребленная нами, была принята за оскорбительный намек. Мы уверяем честным словом, что этого не было в уме нашем», — писал он, называя тех, о ком он писал в «Very dangerous!!!», «нашими русскими собратьями».

К сожалению, это разъяснение не помешало Герцену через год, в № 83 «Колокола», еще раз вернуться к разногласиям с «Современником» в статье «Лишние люди и желчевики». Правда, здесь полемика носит несравненно более сдержанный характер и статья не только повторяет положения «Very dangerous!!!», но и свидетельствует об отходе от них. Называя «Современник» «одним из лучших русских обозрений»,[2] Герцен признал правильным отношение Чернышевского и Добролюбова к либеральному обличительству. «Люди, говорящие, что не на взяточников и казнокрадов следует обрушивать громы и стрелы, а на среду, делающую взятки зоологическим признаком целого племени... совершенно правы», — писал Герцен. Защищая «лишних людей», Герцен в то же время писал, что они «были столько же необходимы» в 1830-е и 1840-е годы, «как необходимо теперь, чтобы их не было». Однако характеристика

---

[1] См. заметку Вл. Путинцева «Чернышевский о Герцене» в № 6 журнала «Огонек» за 1950 год.

[2] В июле 1860 года у Герцена был А. В. Романович-Славатинский. В своих воспоминаниях («Вестник Европы» 1903, № 3) он писал: «Разговор зашел о «Современнике», направлению которого Герцен, как видно было, очень сочувствовал».

«желчевиков», т. е. разночинной демократии, была дана без сочувствия. В них Герцен видел «людей озлобленных и больных душой», его пугала их беспощадность, нетерпимость, их «злая радость отрицания». Вместе с тем Герцен признавал, что «желчевики» «представляют явный шаг вперед». И «лишних людей» и «желчевиков» должны, по мнению Герцена, сменить новые люди. «Мы уже видим, — писал Герцен, — как из дальних университетов, из здоровой Украины, со здорового северо-востока являются совсем иные люди, с непочатыми силами и крепкими мышцами». Но как бы ни выигрывала статья «Лишние люди и желчевики» по сравнению с «Very dangerous!!!», все же и здесь сказались и плохое знание Герценом революционной демократии, группировавшейся вокруг Чернышевского и Добролюбова, и его либеральные тенденции. Недаром статья была написана Герценом после разговоров с Анненковым. Недаром Тургенев, только что порвавший с «Современником», с сочувствием отнесся к статье Герцена. «И за нас, лишних, заступился. Спасибо», — писал он Герцену.

Что в основе таких статей Герцена, как «Very dangerous!!!» и «Лишние люди и желчевики» лежат не случайные недоразумения, а более серьезные причины, лучше всего показывает помещенное в № 64 «Колокола» «Письмо из провинции», подписанное «Русский человек» и снабженное пространным предисловием Герцена. Вопрос об авторстве «Письма из провинции» до сих пор остается неразрешенным. Обычно его приписывали Н. Г. Чернышевскому, но Б. П. Козьмин выдвинул очень веские доводы против этой распространенной версии. [1] Тем не менее «Письмо» и предисловие к нему обнажают самые глубокие основания разногласий Герцена с редакцией «Современника», так как несомненно, что «Русский человек» в основном разделял политические взгляды Чернышевского и Добролюбова.

«Все ждали, что вы станете обличителем царского гнета, — писал «Русский человек» Герцену, — что вы

---

[1] См. статью Б. П. Козьмина «Был ли Чернышевский автором письма «Русского человека» к Герцену» в № 25—26 «Литературного наследства». М. В. Нечкина предполагает, что автором письма «Русского человека» был Добролюбов (см. ее статью «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации»).

раскроете перед Россией источник ее вековых бедствий — это несчастное идолопоклонство перед царским ликом, обнаружите всю гнусность верноподданнического раболепия. И что же? Вместо грозных обличений неправды, с берегов Темзы несутся к нам гимны Александру II... По всему видно, что о России настоящей вы имеете ложное понятие. Помещики-либералы, либералы-профессора, литераторы-либералы убаюкивают вас надеждами на прогрессивные стремления нашего правительства... Вы пожалеете о своем снисхождении к августейшему дому. Посмотрите — Александр II скоро покажет николаевские зубы. Не увлекайтесь толками о нашем прогрессе, мы все еще стоим на одном месте... Нет, наше положение ужасно, невыносимо, и только топор может нас избавить, и ничто, кроме топора, не поможет!.. Перемените же тон, и пусть ваш «Колокол» благовестит не к молебну, а звонит набат! К топору зовите Русь. Прощайте и помните, что сотни лет уже губит Русь вера в добрые намерения царей. Не вам ее поддерживать».

В предисловии «от редакции», представляющем собою ответ на «Письмо из провинции», Герцен очень ясно определил свое тогдашнее отношение к радикальным советам «Русского человека». «Июньская кровь» взошла у меня в мозг и нервы, я с тех пор воспитал в себе отвращение к крови, если она льется без решительной крайности... — писал Герцен. — Где же у нас та среда, которую надо вырубать топором?.. «К метлам!» надо кричать, а не «к топорам!»... Кто же в последнее время сделал что-нибудь путное для России, кроме государя? Отдадим же и тут кесарю кесарево». Так открыто и ясно столкнулись либеральные иллюзии и надежды Герцена с принципами революционной демократии. Начала и убеждения, раскрывшиеся в этом столкновении, и лежали в основе разногласий Герцена с редакцией «Современника» и таких статей, как «Very dangerous!!!» и «Лишние люди и желчевики».

Несомненно, конфликт, возникший между Герценом и редакцией «Современника», был острым, а обнаружившиеся при этом разногласия — глубокими и серьезными. Но было бы ошибочно на основании изложенных выше фактов объявлять Герцена либералом и видеть

в этих столкновениях борьбу классово различных политических направлений. Здесь нашли место противоречия иного рода — противоречия между демократом, не преодолевшим до конца либеральных тенденций, колеблющимся и допускающим отступления от демократизма к либерализму (каким был Герцен), и демократами более последовательными и цельными, ушедшими дальше Герцена по дороге революции (какими были Чернышевский и Добролюбов).[1]

Даже спор Герцена с «Русским человеком» о том, к чему нужно звать Русь — к топорам или метлам, не опровергает этого положения. Дело в том, что Герцен в своем предисловии к «Письму из провинции» вовсе не отказывался от революционного насилия. Он только считал, что призывы к топору, «к этому ultima ratio [последнему доводу] притесненных», преждевременны, так как есть еще некоторые надежды на мирное преобразование России и нет в ней революционной организации, способной руководить восстанием народа. «Призвавши к топору, надобно овладеть движением, надобно иметь организацию, надобно иметь план...» Если же крестьянское восстание станет фактом, тогда, — писал Герцен, — «рассуждать нельзя, тут каждый должен поступать, как его совесть велит, как его *любовь* велит».

В других заметках того же № 64 «Колокола» Герцен и сам говорил языком «Русского человека». «Так вот они, спасители отечества! Россия опять вгоняется в татарско-немецкую, помещичье-бюрократическую колею. Если это

---

[1] Ошибочное мнение о коренном, классовом расхождении и вражде между Чернышевским и Герценом было довольно широко распространено в нашей литературе. «Герцен и редакция «Современника» в 1859 году сражались на разных сторонах баррикады, ибо защищали интересы враждующих классов», — пишет, например, В. Е. Евгеньев-Максимов в книге «Современник» при Чернышевском и Добролюбове», Л., 1936 (стр. 372—373). М. В. Нечкина в статьях «Н. Г. Чернышевский в годы революционной ситуации» («Исторические записки» № 10, М., 1941) и «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации» («Известия Академии наук СССР», серия истории и философии, 1947, т. IV № 2) доказывает близость издателей «Колокола» с Чернышевским еще в дореформенные годы, хотя ее утверждение, что Чернышевский ездил к Герцену «прежде всего для установления единой линии в предполагаемом революционном взрыве и в подготовке к нему», неубедительно.

правда, пусть же первый топор, который они вызовут этим решением, падет на их преступные головы!» — писал он в заметке «Опять розги», взволнованный известиями о намерениях правительства сохранить телесные наказания в России. «Ха, ха, ха! Это мистификация! Разве Александр II не уважает ни себя, ни русского народа, он не смеется над ним?!. Но хорошо смеется тот, кто смеется последний!» — угрожал он в заметке, посвященной назначению В. Н. Панина председателем редакционных комиссий Главного комитета по крестьянскому делу.

Очевидно, что Герцен имел право считать себя и «Русского человека» людьми одного направления, а «Письмо из провинции» — «дружеским письмом». «Вы представляете *одно из крайних* выражений *нашего* направления, — писал Герцен, — ваша односторонность понятна нам, она близка нашему сердцу; у нас негодование так же молодо, как у вас, и любовь к народу русскому так же жива теперь, как в юношеские лета».

С другой стороны, надо отметить, что и «Русский человек» — каким бы резким ни было его письмо — считал Герцена не врагом, а другом, заслуживающим уважения. «Если вы печатаете письма врагов ваших, то отчего же бы не напечатать письмо одного из друзей ваших», — заявлял он, подписывая свое письмо: «с глубоким к вам уважением Русский человек». Вместе с тем «Русский человек» вовсе не ставит своей целью разоблачить и заклеймить Герцена как либерала, а стремится своим письмом помочь ему преодолеть либеральные колебания и полностью перейти на революционные позиции. «Пусть они гибнут, но вам какое дело до этих прогнивающих трупов», — пишет «Русский человек» Герцену.

Следует сказать, что корреспонденции и статьи, подобные «Письму из провинции», довольно часто находили себе место на страницах «Колокола». Призыв к топору («заострите топоры, да за дело — отменяйте крепостное право, по словам царя, «снизу!») прозвучал, например, очень сильно еще в № 25 «Колокола» в анонимном «Письме к редактору». Либерал Чичерин считал такие выступления делом рук «Чернышевского с компанией» и негодовал на Герцена за то, что он

«открывал страницы своего журнала безумным воззваниям к дикой силе». Возмущались и другие либералы. Но Герцен и Огарев, помещая в «Колоколе» корреспонденции революционного характера, называли их «письмами из дружеского стана».[1]

Благодаря тому, что «Колокол» и вольная печать, при всех колебаниях Герцена, имели демократическое и революционное направление, они чрезвычайно помогли пробуждению революционного сознания у разночинной интеллигенции. Чернышевский, Добролюбов и Писарев испытали на себе влияние Герцена. Огромное впечатление произвели «Колокол» и «Полярная звезда» на Т. Г. Шевченко, который в своем дневнике (1857—1858 годы) оставил замечательные записи, относящиеся к Герцену и вольной печати. Перерисовывая портрет Герцена, Шевченко записал в дневник 10 декабря 1857 года: «Да, если и не похож, то я все-таки скопирую для имени этого святого человека». Через некоторое время (6 февраля 1858 года) Шевченко записал еще более выразительные строки: «Встретил старого моего знакомого, некоего г. Шумахера; он недавно возвратился из-за границы и привез с собою четыре номера «Колокола». Я в первый раз сегодня увидел газету и с благоговением облобызал». Шевченко писал также, что его «тяжело и грустно поразили портреты декабристов, воспроизведенные на обложке «Полярной звезды», — «портреты первых наших апостолов-мучеников».[2]

Существенное воздействие оказали издания Герцена на братьев Курочкиных и других искровцев. Вот что говорится по этому поводу в работе, посвященной отношениям искровцев к Герцену: «Искровцы внимательно следят за изданиями Герцена, они сотрудничают в них, входят с Герценом в личную связь, пропагандируют его произведения, защищают его перед русским общественным мнением от нападок реакционной прессы; с искровцами связано появление произведений Герцена в русских

---

[1] Подробно рассматривает корреспонденции революционно-демократического характера, публиковавшиеся в «Колоколе» в предреформенные годы, И. С. Смолин в указанной выше работе о «Колоколе».

[2] Дневник Шевченко вошел в V том Собрания его сочинений, М., 1949.

подцензурных журналах, его произведения дают толчок и конкретный материал для искровской сатиры, наконец, самый тип издания, осуществленный в «Искре», во многом аналогичен «Колоколу». [1]

В восторге от «Колокола» и других изданий Вольной типографии была демократическая молодежь. «Горячо приветствовало нас молодое поколение, — вспоминал Герцен, — были письма, от которых слезы навертывались на глазах» («Былое и думы»). Одно из подобных писем дошло до нас, хотя автор и остался неизвестным: «Я непременно хочу сказать Вам, что журнал Ваш с жадностью читается во всей России, читается даже нами, восемнадцатилетними девушками; что и мы ждем от Вас заповеди, из которой бы и мы научились быть посильно полезными нашему народу... Говорите! мы слушаем Вас, мы ждем от Вас слова, как в засуху ждут дождя, как корабли, стоящие на якоре, ждут ветра. Пошлите же нам свежий дождь, оживите наши поля и сорвите наши корабли с якорей попутным ветром! Говорите, Искандер!» [2]

Когда в 1861 году более двадцати студентов были арестованы и привлечены по делу «Первой вольной типографии в Москве», обнаружилось, что почти все они имели у себя издания Вольной типографии Герцена, экземпляры «Колокола» и портреты Герцена и Огарева. Сама тайная типография студентов (созданная под влиянием лондонской Вольной типографии) занималась главным образом литографированием «Колокола» и отдельных сочинений Герцена и Огарева. Когда же одного из видных участников раскрытой организации — П. Э. Аргиропуло — на следствии спросили: «Откуда студенты Московского университета заимствовали социальное направление?» — он ответил: «Мне кажется, что такое направление получило свое начало в сочинениях Искандера. Оно довольно распространено». Примерно такое же показание дал и руководитель организации П. Г. Зайчневский.

---

[1] См. статью И. Г. Ямпольского «Искра» В. Курочкина и Герцен».

[2] Письмо приведено М. К. Лемке в примечаниях к сочинениям Герцена, т. X, стр. 167—168.

Значительным авторитетом пользовались Герцен и Огарев и их издания у русской революционной молодежи, эмигрировавшей за границу. Так, среди молодежи, проживавшей в 1862—1863 годах в Гейдельберге, была партия «герценистов». Гейдельбергские студенты распространяли и переправляли в Россию публицистические статьи Огарева, устроили торжественный обед-демонстрацию по случаю приезда в Гейдельберг сына Герцена, организовали для ознакомления с вольной печатью общественную читальню. Один из организаторов читальни А. Л. Линев писал, что несколько молодых людей из партии «красных», видя, какое освежающее влияние делает беседа с такими личностями, как Герцен, хотели и в Гейдельберге устроить такое же общество, дабы поддержать, пропагандировать и укреплять его направление». [1]

Таким образом, несомненно, что «Колокол» и другие издания Герцена, как издания революционные и демократические, оказали большое влияние на развитие политического сознания демократической интеллигенции 1850—1860-х годов и сыграли огромную роль в развитии русского освободительного движения. [2] Это является прекрасным опровержением ложных утверждений о классовых противоречиях между Герценом и революционной демократией. Глубокое разрешение вопроса об отношении Герцена к революционной демократии дает В. И. Ленин в своих работах «Памяти Герцена»

---

[1] Об отношении гейдельбергской колонии к Герцену см. в статье Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» — «Литературное наследство» № 41—42, М., 1941. Об огромном влиянии Герцена и его вольной печати на революционное движение 1860-х годов свидетельствуют буквально все политические процессы тех лет (см. книгу М. К. Лемке «Политические процессы в России 1860-х гг.», 2-е изд., М. — П., 1923, и его примечания к XI тому сочинений Герцена, стр. 171—192 и 377—429).

[2] Судя по некоторым данным, «Колокол» и другие издания Вольной типографии получили довольно широкое распространение среди проживавших в России в 1860-х годах болгарских эмигрантов и оказали влияние на формирование убеждений Христо Ботева и других болгарских революционеров. Болгарские эмигранты приняли участие и в переброске «Колокола» и других изданий Герцена в Россию через Румынию. См. об этом в статье Л. В. Воробьева «Мировоззрение Христо Ботева» — «Вопросы философии» 1950, № 2 (10), стр. 131.

и «Из прошлого рабочей печати в России». С одной стороны, он устанавливает идейно-политическую близость и связь Герцена с революционной демократией: «...Герцен развернул революционную агитацию. Ее подхватили, расширили, укрепили, закалили революционеры-разночинцы, начиная с Чернышевского...»[1] С другой стороны, он вскрывает и различия между Герценом и лучшими представителями революционной демократии. Чернышевский, по мнению Ленина, «сделал громадный шаг вперед против Герцена. Чернышевский был гораздо более последовательным и боевым демократом».[2]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 14—15.
[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 224.

6. «КОЛОКОЛ» В ПОРЕФОРМЕННЫЕ ГОДЫ

После реформы 19 февраля 1861 года в направлении «Колокола» происходят существенные изменения. Активные и повсеместные выступления крестьян, недовольных «освобождением», подъем революционного движения в России, организация тайного общества «Земля и Воля», жестокая расправа правительства с крестьянскими восстаниями — оказали сильное влияние на Герцена и Огарева. «Колокол» становится более последовательным и боевым органом; присущие ему в 1850-х годах либеральные тенденции слабеют и почти исчезают.

Сущность произведенного правительством Александра II «освобождения крестьян» была понята руководителями «Колокола» хотя и не сразу, но очень быстро. В № 101 журнала от 15 июня 1861 года Огарев, разбирая опубликованное «Положение» об отмене крепостного права, писал: «Старое крепостное право заменено новым. Вообще крепостное право не отменено. Народ царем обманут». Известия из России о том, что крестьяне ответили на свое «освобождение» рядом восстаний, заставили Герцена и Огарева с еще большей определенностью сформулировать свое отношение к реформе. «В двадцати губерниях секут, объедают крестьян солдатами, свирепствуют предводители и генералы, и все это называется освобождением крестьян!» — негодовал Огарев в следующем номере «Колокола». «Всекаемое освобождение» — называл реформу Герцен.

Перед лицом открытого столкновения народа с самодержавием, увидев революционный народ в России, руководители «Колокола», не колеблясь, определили свои позиции. «Колокол» решительно стал на сторону народа, революционной демократии и против правительства, царя и либералов. «Кровь дымится, трупы валяются! Правительство прогресса, либеральных идей... пошло вниз — кровь скользка!» — писал Герцен (№ 101). «Разрыв с этим правительством для всякого честного человека становится обязательным», — заявил в том же номере Огарев.

Потеряв надежды на освобождение «сверху» и веру в «земского царя», Герцен и Огарев сделали вывод, что дело коренного преобразования экономического и политического строя России должен взять на себя сам народ. У них возникает надежда, что спящий «исполин просыпается», что поднимающийся «с Дона и Урала, с Волги и Днепра» ропот является предвестником всесокрушающей бури. Они полагают, что их вольная печать должна теперь обратиться непосредственно к народу. «О, если б слова мои могли дойти до тебя, труженик и страдалец земли русской! .. — писал Герцен, потрясенный расстрелом крестьян в селе Бездна. — Ты ненавидишь помещика, ненавидишь подьячего, боишься их — и совершенно прав; но веришь еще в царя и в архиерея... Не верь им. Царь с ними, и они его» (1861, № 105).

Герцен и Огарев призывали народ к борьбе за землю и волю, за выборность всех властей снизу доверху, за уничтожение бюрократии и чиновничества. С 1861 года в «Колоколе» появляется ряд статей, рассчитанных на читателя из народа и писанных доступным для него языком («Что нужно народу?», «Ход судеб» и др.). Одновременно с напечатанием в «Колоколе» эти статьи обычно выпускались в виде прокламаций и брошюр и в тысячах экземпляров отправлялись в Россию. Кроме того, у Огарева возникла мысль о необходимости издания и специального прибавления к «Колоколу» для читателей и корреспондентов из народа. Такое прибавление под названием «Общее вече» начало выходить с 15 июля 1862 года и выпускалось в течение двух лет.[1]

---

[1] Всего вышло 29 номеров. Особые надежды «Общее вече» возлагало на раскольников и старообрядцев. Ложные идеи об исклю-

Среди статей-прокламаций, напечатанных в «Колоколе», следует выделить прокламацию «Что надо делать войску?», написанную Огаревым, Н. Н. Обручевым и Н. А. Серно-Соловьевичем и выпущенную в Лондоне тремя отдельными изданиями. Авторы этой прокламации призывали солдат и офицеров не выступать против восставшего народа. «Солдаты должны помнить, — говорилось в прокламации, — что они взяты на службу насильно или из помещичьих, или из казенных крестьян, что их отцы и братья и теперь или помещичьи, или казенные, что и тем и другим нужна земля и воля».

Понимая решающее значение войска для революции, Герцен и Огарев неоднократно обращались к офицерству и солдатам с призывом нарушать присягу царю, не стрелять в народ и переходить на его сторону. «Если расстреливать, так лучше тех генералов, которые велят стрелять по безоружным», — писал Герцен.

Неоднократно обращался «Колокол» с революционными воззваниями к студенчеству. В статьях, посвященных студенческим волнениям 1861 года, Герцен убеждал интеллигентную молодежь ради общественного спасения «связать» бессмысленное и «ненужное больше» правительство («Ну, так и закидывайте аркан!») и итти в народ (1861, № 113). «В народ! к народу! — вот ваше место; изгнанники науки, покажите этим Бистромам, [1] что из вас выйдут не подьячие, а воины, но не безродные наемники, а воины народа русского!» (1861, № 110).

С таким же призывом обращался к студенчеству и Огарев в статье «Университеты закрывают» (№ 119—

чительной революционности раскольников, очень характерные для революционного движения 1860—1880-х годов, настойчиво развивал в кругах лондонской эмиграции В. И. Кельсиев, оказавший в этом отношении влияние и на Герцена и Огарева. «Мне захотелось, — писал Кельсиев в «Исповеди», — приманить раскольников на нашу сторону, возбудить в них политическую оппозицию правительству, воспользоваться беспоповским учением, что царь — антихрист, министры и архиереи — архангелы сатаны, чиновники и священники — воплощенные черти... «Ну, — сказал мне Герцен, выслушав мои панегирики расколу, — вам и книги в руки. Я в вероучениях мало понимаю, но, само собой, раскольникам следует помочь».

[1] Барон Бистром — командир гвардейской пехотной дивизии; во время студенческих волнений в Петербурге возбуждал солдат против студентов как против будущих «подьячих», которые «грабят народ».

120): «Устройте кафедры в городских залах и в волостных избах, в своей комнате и на базарной площади... Вперед, юное поколение!»

Призывы к интеллигенции итти в народ сопровождались в «Колоколе» советами «заводить типографии». «Мы с восторгом узнали, что у нас начали печатать в тиши, не беспокоя цензуру, — писал Герцен в № 105 «Колокола» (15 августа 1861 года), получив известия о появлении в России тайных типографий. — Печатайте ручными типографиями, печатайте кое-как — тут не до эльзевировских изданий; имейте букв на пол-листа, чтоб разом можно было спрятать от долгих рук и коротких умов тайной полиции... Но не нам вас учить, да еще публично — мы ограничиваемся братским советом: заводите типографии! Заводите типографии!» [1]

Все чаще и сильнее звучит в «Колоколе» призыв ко всенародному вооруженному восстанию против самодержавия и крепостников. Теперь уже руководители «Колокола» требуют не только передачи крестьянам той земли, которая находилась в их пользовании при крепостном праве, но полной ликвидации помещичьего землевладения, теперь они учат народ не верить обещаниям и намерениям царя и правительства и зовут к революции.

«Неужели же в Петербурге, видящем дневной разбой правительства, все еще будут повиноваться ему? — писал «Колокол» (№ 114) по поводу избиений войсками студентов. — Пора, наконец, проснуться; пора выразить свое неудовольствие и примкнуть к студентам; пора соединиться с крестьянами, которые еще раньше вставали отдельными частями на своих притеснителей! Правительство при последних издыханиях...»

Поднимая народ на борьбу с самодержавием, Герцен и Огарев хорошо сознавали бессилие и неорганизованность стихийных крестьянских восстаний. В 1860-е годы «Колокол» настойчиво пропагандирует идею создания тайной революционной организации, способной возглавить народное движение и вырвать власть из рук самодержавия.

---

[1] Как показывают материалы, опубликованные М. К. Лемке призыв Герцена заводить типографии не остался без отклика (см. сочинения Герцена, т. XI, стр. 388).

Еще в номере «Колокола», датированном 1 января 1861 года, в статье «На новый год» Огарев утверждал, что так как «от правительства ждать нечего», то «общество вынуждено составлять свои центры действия». Известно, что немного позднее, в 1861—1862 годах, руководители «Колокола» совместно с такими представителями русского революционного движения, как Н. А. Серно-Соловьевич, Н. Н. Обручев, А. А. Слепцов и др., создали тайное революционное общество «Земля и Воля», которое в России было связано с Н. Г. Чернышевским. В основу программы организации была положена опубликованная в № 102 «Колокола» статья-прокламация «Что нужно народу?», написанная Огаревым совместно с Н. Н. Обручевым и при содействии Н. А. Серно-Соловьевича, А. А. Слепцова и М. Л. Налбандяна.

На вопрос: «Что нужно народу?» — авторы прокламации отвечали: «Очень просто, народу нужна земля и воля», а на вопрос: «Кто ... же доставит ему все это?» — разъясняли, что «шуметь без толку и лезть под пулю вразбивку нечего; а надо молча собираться с силами, искать людей преданных, которые помогали бы и советом, и руководством, и словом, и делом, и казной, и жизнью, чтоб можно было умно, твердо, спокойно, дружно и сильно отстоять против царя и вельмож землю мирскую, волю народную да правду человеческую». Прокламация советовала народу не ждать «никакого добра» от царя и учила, что «пуще всего надо народу сближаться с войском».

Еще более ясно и остро вопрос об организации тайного революционного общества был поставлен Н. А. Серно-Соловьевичем и Огаревым в №№ 107 и 108 «Колокола» в полемике против прокламаций общества «Великорусс» (В. Ф. Лугинин, В. А. Обручев и др.). Н. А. Серно-Соловьевич в статье «Ответ «Великоруссу» и Огарев в редакционном примечании к статье Серно-Соловьевича открыто призывали читателей журнала к созданию тайных организаций. «Для страны, находящейся под вековым рабством, — писал Серно-Соловьевич, — нет другого средства сбросить иго, как тайные союзы. Они образуют борцов, соединяют силы, подготовляют движение, без них массы или не поднимаются, или, поднявшись,

не подготовленные, не выдерживают борьбы с организованным врагом».

Говоря о задачах революционной организации, Серно-Соловьевич и Огарев, в противоположность «Великоруссу», утверждали, что «надо обращаться не к обществу, а к народу». «Общество никогда не пойдет взаправду против правительства, — писал Серно-Соловьевич, — и никогда не даст народу добровольно, чего тому нужно... Общество точно так же дрябло и бессильно, как правительство, которому оно постоянно служило дворней». Огарев особое значение придавал работе революционной организации среди солдат и офицеров.

Наконец, Серно-Соловьевич и Огарев разошлись с «Великоруссом» и в понимании целей революционной организации. «Великорусс» полагал, что главная цель организации — конституция, а Серно-Соловьевич и Огарев, соглашаясь с тем, что «конституция лучше самодержавия», считали, что «не она цель и последнее слово». «Наша цель, — заявлял Серно-Соловьевич, — полное освобождение крестьян, право народа на землю, право его устроиться и управляться самим собою, освобождение и свободный союз областей».

С появлением в «Колоколе» статьи «Что нужно народу?» влияние «Земли и Воли» стало заметно сказываться на облике журнала. Он становится заграничным центром этой революционной организации. Появление на страницах «Колокола» статей-прокламаций «Земли и Воли», переиздание их в виде отдельных листков и брошюр, объявление редакции об основании «Общего фонда» на «общее русское дело» (№ 133), помещенное в № 157 «Колокола» обращение Совета общества «Земля и Воля» ко всем русским людям вносить издателям «Колокола» денежные пожертвования «в пользу сосланных и ссылаемых» — свидетельствуют об этом с полной определенностью. Герцен относился к созданию и деятельности «Земли и Воли», повидимому, более сдержанно, чем Огарев, но и он 1 марта 1863 года в № 157 «Колокола» выступил с открытым братским обращением к «Земле и Воле».

«Мы достоверно знаем, — писал Герцен, — что столичные и областные круги, соединясь между собой и с офицерскими комитетами, сомкнулись в одно общество.

Общество это приняло название «*Земля и Воля*».

Во имя этого названия оно победит!

Земля и Воля! родные слова для нас; с ними выступили и мы некогда, в зимнюю николаевскую ночь, и ими огласили раннюю зорю настоящего дня. *Земля и Воля* было в основе каждой статьи нашей, *Земля и Воля* на нашем заграничном знамени и в каждом листе, вышедшем из лондонского станка.

Земля и Воля — два великие завета двух неполных развитий, два необходимые пополнения вечно расторженных полушарий, которых соединить, быть может, удел России. Она испытала до дна, что значит *земля без воли,* она нагляделась досыта, что значит *воля без земли...*

Приветствуем вас, братья, на общем пути!»

Огарев же пропагандировал «Землю и Волю» даже в стихах.

И верю, верю я в исход
И в наше светлое спасенье,
В землевладеющий народ
И в молодое поколенье.
И верю я — невдалеке
Грядет, грядет иная доля,
И крепко держится в руке
Одна хоругвь — «Земля и Воля», —

писал он в стихотворении «Сим победиши», помещенном в № 172 «Колокола».

Позднее, начиная с № 197 «Колокола» (от 25 мая 1865 года), Герцен и Огарев прибавили к старому девизу журнала «Vivos voco» девиз «Земля и Воля». [1]

Участие руководителей «Колокола» в создании и деятельности «Земли и Воли» неизбежно должно было сопровождаться у Герцена и Огарева новым отношением к разночинной демократической интеллигенции, к ее убеждениям и духовному облику, к ее вождям. И если прежде Герцен и Огарев полагали, что руководящую роль в жизни России сыграет передовая дворянская интел-

---

[1] Ценные материалы о «Земле и Воле», о целях и планах общества, о его организации и составе содержатся в указанной выше статье М. В. Нечкиной «Н. П. Огарев в годы революционной ситуации». Сохранили свое значение и материалы о «Земле и Воле», приведенные в примечаниях М. К. Лемке к XVI тому сочинений Герцена, стр. 69—102, 155—176.

лигенция, и на страницах «Колокола» иногда находили себе место достаточно резкие выступления против «желчевиков» и их признанных вождей Чернышевского и Добролюбова, то теперь положение меняется. Героическая борьба революционной демократии против самодержавия, мужественное поведение осужденных Чернышевского, Михайлова, Н. А. Серно-Соловьевича и многих других заставили Герцена и Огарева по-новому оценить «новых людей» и их историческую роль. «Колокол» начинает с исключительным уважением говорить о новой интеллигенции, появившейся из «духоты семинарий, из-под гнета духовных академий, из бездомного чиновничества, из удрученного мещанства». «С понижением дворянства, — писал Огарев, — силою, умственною силою становятся разночинцы». Герцен, еще недавно защищавший «лишних людей», пишет теперь о превосходстве «новой России», «среды, затерянной между народом и аристократией», перед «людьми 40-х годов», перед дворянской интеллигенцией. Во втором «Письме к противнику» (Ю. Ф. Самарину — «Колокол» 1865, № 193) Герцен писал: «И вы и мы по положению, по необходимости были рефлекторами, резонерами, теоретиками, книжниками, тайнобрачными супругами наших идей... Молодое поколение стало складываться с бóльшим мужеством, с большей выдержкой и с большей готовностью на бой... Что, *энервированный* Михайлов просил пощады? Обручев валялся в ногах у царя? Чернышевский отрекся от своих убеждений? Нет, они ушли на каторгу с святою нераскаянностью». «La roture [разночинцы], — заявлял Герцен и в «Письмах к путешественнику» («Колокол» 1865, № 197), — единственная гавань, в которую можно спрыгнуть с тонущего дворянского судна».

С глубокой скорбью и сочувствием писал «Колокол» о преждевременной смерти «одного из замечательнейших публицистов русских» Н. А. Добролюбова, об осужденных и погибших в Сибири М. Л. Михайлове, Н. А. Серно-Соловьевиче и др. Михайлову было посвящено специальное прибавление к № 119—120 «Колокола», в котором, кроме присланных из России стихотворения «Узнику» и ответа на него Михайлова («Крепко, братья, вас в объятья»), были помещены страстная статья Герцена и известное стихотворение Огарева «Михайлову». Горячо

веруя в близкое торжество народа, Огарев обращался к Михайлову с прочувствованными словами ободрения:

Иди без унынья, иди без роптанья,
Твой подвиг прекрасен и святы страданья.

В том же номере «Колокола» было помещено и прекрасное стихотворение Михайлова «Памяти Добролюбова» («Вот и твой смолк голос честный»), заканчивающееся словами:

Братья, пусть любовь вас тесно
Сдвинет в дружный ратный строй,
Пусть ведет вас злоба в честный
И открытый бой.

Воплощением новой России стал для руководителей «Колокола» Н. Г. Чернышевский. «Эту новую Россию Россия подлая показывала народу, выставляя Чернышевского на позор», — писал Герцен (1864, № 187). Еще до ареста Чернышевского и его осуждения Герцен изменил свое отношение к вождю русской революционной демократии и отказался от выступлений, подобных статьям «Very dangerous!!!» или «Лишние люди и желчевики».

Когда Чернышевский был арестован и осужден и самое его имя было запрещено произносить в России, «Колокол» в многочисленных статьях защищал «самого выдающегося публициста», разъяснял значение «замечательного писателя» и разоблачал правительство и либеральное общество, рукоплескавшее ссылке «самого талантливого из преемников Белинского». В статье «Н. Г. Чернышевский» Герцен писал: «Чернышевский осужден на семь лет каторжной работы и на вечное поселение. Да падет проклятьем это безмерное злодейство на правительство, на общество, на подлую, подкупную журналистику... Поздравляем всех различных Катковых, — над этим врагом они восторжествовали! Ну что, легко им на душе? Чернышевский был вами выставлен к столбу на четверть часа, а вы, а Россия на сколько лет останетесь привязанными к нему? Проклятье вам, проклятье и, если возможно, — месть!» (№ 186 от 15 июня 1864 года). А в следующем номере «Колокола»,

в статье «VII лет», говоря с восхищением о новой разночинной среде в России, Герцен еще энергичней подчеркивал свое полное единомыслие с Чернышевским. «Для этой новой среды, — писал он, — хотим мы писать и прибавить наше слово дальних странников к тому, чему их учит Чернышевский с высоты царского столба, о чем им говорят подземные голоса из царских *кладовых*, о чем денно и нощно проповедует царская крепость — наша печальная Петропавловская лавра на Неве». «Чернышевскому, Михайлову и всем друзьям нашим, стоявшим у позорного столба, носящим цепи, работающим на каторге», — так озаглавил Герцен в том же году одну из заметок в «Колоколе».

Недавно стало известно, что, не ограничиваясь выражением горячего сочувствия к Чернышевскому, Герцен пытался еще в 1864 году поставить вопрос об организации побега Чернышевского. Об этом сообщил в своих показаниях привлеченный правительством «по подозрению в сношении с злонамеренными лицами» иркутский купец Н. Н. Пестерев. По словам Пестерева, Герцен (которого он посетил в мае 1864 года в Лондоне), склоняя его к организации «увоза» Чернышевского, говорил ему: «Пусть приедет Чернышевский, я с руками передам ему мой станок. А что, ведь от вас уйти можно? Бакунин ушел же?» [1]

Выступления «Колокола» в защиту Чернышевского явились результатом не только естественного сочувствия к осужденному революционеру, но исходили из понимания общности их дела и направления со взглядами и деятельностью Чернышевского. «Мы служили взаимным дополнением друг друга», — писал Герцен в статье «Порядок торжествует», с уважением отзываясь о социалистической и революционной теории, с «огромным талантом и пониманием» развиваемой Чернышевским. По мнению Герцена, Чернышевский, «стоя один, выше всех головой» в России, указывал «труженику, съедаемому капиталом», и «труженице, съедаемой семьей», что делать для своего освобождения и как найти дорогу к иной жизни (1866, № 230).

---

[1] См. статью В. Шульгина «Ольга Сократовна — жена и друг Чернышевского» — «Октябрь» 1950, № 8, стр. 180—181.

Отход Герцена и Огарева от либеральных надежд и иллюзий, их тесное сближение с революционной демократией неизбежно должны были сопровождаться окончательным разрывом «Колокола» с русскими либералами. В то время как направление «Колокола» после крестьянской реформы революционизируется, русские либералы, напуганные подъемом общественного движения, решительно поворачивают на путь реакции и союза с правительством. В начале 1862 года К. Д. Кавелин выпустил в Берлине брошюру «Дворянство и освобождение крестьян». Как известно, в 1850-е годы он преклонялся перед «Колоколом» и писал Герцену восторженные письма. Правда, и тогда было достаточно ясно, что восторги Кавелина относятся лишь к «либеральным тенденциям» «Колокола», что революционно-демократические и социалистические выступления Герцена не вызывали его одобрения. Но теперь Кавелин высказался открыто и с полной откровенностью. В своей брошюре, воспевая хвалебные гимны правительству Александра II, он напал не только на революционеров, но и на умеренно-конституционные стремления некоторых кругов дворянства. Герцена и Огарева выступление Кавелина возмутило до крайности. В письме к Кавелину от 7 июня 1862 года Герцен обрушился на его «тощий, стертый вредный памфлет», написанный «для негласного руководства либералующему правительству» и изображающий «русский народ скотом», а «правительство умницей». «Грановский в гробу, Кетчер, Корш в Чичерине, а Чичерин в твоей брошюре. . . — писал Герцен Кавелину. — Твоя брошюра кладет между нами предел, через который один шаг и есть — твое отречение от нее». Когда же Кавелин в своем ответе Герцену вместо «отречения» напал на политическую агитацию «Колокола», на проповедь революционного насилия и переворотов, Герцен и Огарев решительно порвали с Кавелиным. «В 93-м году тебе за это отрубили бы голову; и ты и я, мы эти средства ненавидим, но во время разгрома я не нашел бы это несправедливым», — писал Герцен Кавелину 15 июня 1862 года. Порывая с Кавелиным, Герцен и Огарев выступили против него и на страницах «Колокола». В статье «Надгробное слово» Огарев издевался над «профессорами, вьющими гнилую паутину своих высокомерно-крошечных идеек, экс-профес-

сорами, когда-то простодушными, а потом озлобленными, видя, что здоровая молодежь не может сочувствовать их золотушной мысли». Кавелин прекрасно понял, кого имел в виду Огарев. В статье о Чернышевском (1864, № 186) Герцен писал: «А тут жалкие люди, люди-трава, люди-слизняки говорят, что не следует бранить эту шайку разбойников и негодяев, которая управляет нами». И эти слова опять бичевали либералов и Кавелина, который писал Герцену 6 августа 1862 года в связи с расправой над Чернышевским: «Аресты меня не удивляют и, признаюсь тебе, не кажутся возмутительными... Революционная партия считает все средства хорошими, чтобы сбросить правительство, а оно защищается своими средствами».

Одновременно с прекращением отношений с Кавелиным Герцен и Огарев порвали с Н. А. Мельгуновым, В. П. Боткиным и «ученой Москвой». «Вы поймете из начала статьи «Ученая Москва», что между нами и бывшими близкими людьми в Москве все окончено — до их оправдания, — писал Герцен М. К. Рейхель 16 марта 1862 года. — Поведение Коршей, Кетчера, а потом Бабста и всей сволочи таково, что мы поставили над ними крест и считаем их вне существующих». Поведение русских либералов было тогда действительно более чем отвратительным. Кавелин, Черкасский доходили до обвинения Герцена в петербургских пожарах, а Боткин исходил бешеной злобой на «революционную партию».

В 1860-е годы оборвались отношения Герцена и с И. С. Тургеневым. Уже в 1862 году между Герценом и Тургеневым возникла полемика, выявившая наличие между ними глубоких идейных разногласий. Герцен сформулировал свои мнения в обращенных к Тургеневу статьях «Концы и начала», а Тургенев изложил свои взгляды в личных письмах к Герцену. Предметом спора явилась, прежде всего, теория «русского социализма» Герцена. Тургенев выступил как решительный противник «мистического преклонения» Герцена и Огарева перед крестьянской общиной и их веры в самобытность исторического развития России. «Враг мистицизма и абсолютизма, ты мистически преклоняешься перед русским тулупом и в нем-то видишь великую благодать и новизну и оригинальность будущих общественных форм — das Absolute, одним словом, то самое Absolute, над которым

ты так смеешься в философии», — писал Тургенев Герцену 18 октября 1862 года.

Легко заметить, что Тургенев напал на действительно слабую сторону учения Герцена и Огарева. Но социальная ограниченность и слабость Тургенева сказались в том, что он вел критику утопической теории «русского социализма» с позиций либерализма, а сила учения Герцена заключалась в том, что в нем социализм был неразрывно связан с демократизмом и защитой революции.

Почему Тургенев так горячо напал на социализм Герцена и Огарева? Прежде всего потому, что социализм руководителей «Колокола» соединялся у них с обращением с революционной проповедью к народным массам и с беспощадной критикой крестьянской реформы 1861 года. Тургенев же в те годы отзывался о русском народе довольно скептически и был чрезвычайно доволен «Положением» об отмене крепостного права.[1] Естественно, что Тургеневу не нравилось то направление, которого «Колокол» стал придерживаться в 1860-е годы. Об этом он неоднократно писал Герцену, дипломатично прикрывая и объясняя свое недовольство несочувствием к социалистическим статьям Огарева.

Для Тургенева учение Герцена и Огарева было неприемлемо и в его отношении к Западной Европе. Известно, что теория «русского социализма» Герцена содержала в себе беспощадную критику европейской буржуазной цивилизации и псевдодемократии. Тургенев же идеализировал буржуазные «принципы и учреждения» Европы и европейский парламентаризм. Он глубоко ошибался, полагая, что в данном случае выступает в качестве хранителя традиций Белинского, между тем как защищал всего лишь убогие идеи буржуазного либера-

[1] Вопрос о «Положении» стал предметом спора между Тургеневым и руководителями «Колокола» в связи с подготовлявшимся Герценом и Огаревым в 1862 году проектом адреса на имя правительства. По замыслу редакции «Колокола» адрес, покрытый, подобно петициям чартистов, многочисленными подписями, должен был объединить широкие слои населения России вокруг требования земского собора. Проект адреса, составленный Огаревым, был доставлен Тургеневу, но встретил со стороны писателя отрицательное отношение. Он назвал его «обвинительным актом» против «Положения» и отказался к нему присоединиться.

лизма. «Не поддавайтесь европолюбам. *Я не их и не славянофил...* довольно дурачиться и поклоняться Европе», — писал Герцен еще в 1859 году (27 ноября) М. К. Рейхель. «Европолюбию» Тургенева и других западников Герцен противопоставлял страстную любовь к России и веру в ее великое будущее.

Характерно, что политические споры Герцена и Тургенева сопровождались и философскими разногласиями. «Шопенгауэра, брат, надо читать поприлежнее, Шопенгауэра», — писал Тургенев Герцену 4 ноября 1862 года, на что последний ответил характеристикой Шопенгауэра как «идеального нигилиста, буддиста и мертвиста» (письмо Тургеневу от 29 ноября 1862 года).

В общем очевидно, что в разногласиях Герцена и Тургенева ярко сказалась противоположность идей революционного демократизма и либерализма 1860-х годов.

Кризис в отношениях Герцена и Тургенева наступил в 1863—1864 годах. Герцену стало известно, что Тургенев, будучи обвинен по процессу «тридцати двух» в сношениях с «лондонскими пропагандистами», направил правительству показания, в которых уверял в своей лойяльности и отрекался от связи с руководителями «Колокола». Стало известно и о том, что Тургенев принял участие в сборе в пользу солдат, раненных при усмирении польского восстания. Все это заставило Герцена выступить против Тургенева с должной резкостью. Первый раз он сделал это в статье «„Колокол“ и „День“», где писал: «Людишки... клеветавшие на нашего крестьянина, чтоб оправдать свое безучастие, свое эстетическое far niente и эпикурейское дегустаторство жизни, людишки, таскавшиеся годы из угла в угол Европы, не зная, что делается в России... туда же отвернулись от нас с патриотическим негодованием... Ха, ха, ха...» (1863, № 167). Достаточно сопоставить эти замечания со статьями «Концы и начала», чтобы безошибочно угадать направленность иронии Герцена.

Второй раз Герцен писал о Тургеневе еще более прозрачно и убийственно в статье «Сплетни, копоть, нагар и пр.» (1864, № 177). «Корреспондент наш говорит, — писал Герцен, — об одной седовласой Магдалине (мужского рода), писавшей государю, что она лишилась сна и аппетита, покоя, белых волос и зубов, мучась, что

государь еще не знает о постигнувшем ее раскаянии, в силу которого она *«прервала все связи с друзьями юности»*. Тургенев сразу понял, о ком говорит Герцен. Дальнейшие отношения между Герценом и Тургеневым стали невозможны, переписка прекратилась почти на четыре года. Позднее разногласия Тургенева с Герценом и Огаревым найдут свое отражение в романе «Дым», где в карикатурном виде будет изображена русская революционная эмиграция, а Потугин будет излагать западническую концепцию Тургенева.

Порывая с либералами западнического толка, Герцен и Огарев заняли непримиримую и враждебную позицию и по отношению к славянофилам. Славянофильским воздыханиям о совещательном земском соборе, дарованном царем, Герцен и Огарев в своих программных выступлениях противопоставляли земский собор, избранный народом для решения вопроса о демократическом государственном строе России, собор — учредительное собрание. Панславизму славянофилов, ратовавших за подчинение славянских племен русскому самодержавию, Герцен противопоставлял стремление к объединению всех славян на основе демократии и социализма. Решительно боролся «Колокол» против лжепатриотизма славянофилов; когда Ю. Ф. Самарин несправедливо обвинил Герцена в недостатке любви к русскому народу, последний ответил, что в ней «я не уступлю ни вам, ни всем Аксаковым. Но с правительством вместе не пойду» (письмо Самарину от 12 июля 1864 года). «Патриотизму» славянофилов, неотделимому от защиты царизма и православия, Герцен противопоставлял революционный патриотизм. Подводя в статье «Нашим врагам» («Kolokol» 1868, № 14—15) итоги деятельности «Колокола», Герцен писал: «И какой жалкий прием выставлять нас врагами России, потому что мы нападаем на современный режим... Как будто наше существование не было непрерывной защитой России, русского народа от его внутренних и внешних врагов, от негодяев, дураков, фанатиков, правителей, доктринеров, лакеев, продажных, сумасшедших, от Катковых и других тормозов в колесе русского прогресса».

Когда славянофилы, руководимые принципами «православия, единодержавия, цареволюбия и москвобесия»,

высказались против восставшей Польши и ее защитников, Герцен выступил со статьей «„Колокол“ и „День“» (№ 167), в которой писал: «Ваш независимый патриотизм так неосторожно близко подошел к казенному, что издали кажется, будто бы у него красный воротник». Не могли руководители «Колокола» простить славянофилам и активного участия их в «крестовом походе против материализма, нигилизма, социализма». «На каком основании вы, — писал Герцен в «Ответе И. С. Аксакову» (1867, № 240), — пожертвовали, по *голословным* полицейским наветам, всякой идеей независимости и свободы мнений до такой степени, что не нашли не только ни протеста, ни сочувствия, но даже *не нашли молчания,* когда ссылали на каторгу и вязали к позорному столбу Михайловых и Чернышевских?» Славянофильство, — утверждал Герцен в другой статье, — «как-то всегда противно припахивало ладаном и рясой, а теперь еще противнее выпачкалось в крови» (1866, № 213, «Письма к будущему другу»). Итоги своих отношений к славянофильству Герцен подвел в открытых письмах к Ю. Ф. Самарину, названных им «Письмами к противнику» и опубликованных в «Колоколе» (№№ 191, 193, 194).

Последние связи «Колокола» с русскими либералами оборвались с началом польского восстания 1863 года, когда почти все «образованное общество» России выступило вместе с правительством против восставшей Польши. Одержимая, по выражению Герцена, «пеньковым патриотизмом», русская реакционная и либеральная печать бесстыдно клеветала на восставших поляков, яростно требовала от правительства немедленной кровавой расправы с ними, славословила усмирителя Муравьева-вешателя. И только «Колокол» открыто отстаивал свободу Польши.

Герцен всегда был противником национального неравноправия и угнетения. «Нет народа, взошедшего в историю, который можно было бы считать стадом животных, как нет народа, заслуживающего именоваться сонмом избранных», — писал он в одном из писем к Ж. Мишле. «Мы никогда не были ни националистами, ни панславистами. Ничто не отклоняет революции в такой степени от ее большой дороги, как мания классификаций и зоологических предпочтений рас», — писал он в «Kolokol»'е (1868, № 12).

Польское восстание нашло у Герцена и Огарева не только горячее сочувствие, но и всемерную поддержку. Они надеялись, что победа поляков приведет к коренному социальному преобразованию и Польши и России. «Мы с Польшей, потому что мы за Россию, — писал Герцен. — Мы со стороны поляков, потому что мы русские. Мы хотим независимости Польши, потому что мы хотим свободы России. Мы с поляками, потому что одна цепь сковывает нас обоих... Мы против империи, потому что мы за народ» (1863, № 160). С глубоким уважением писали Герцен и Огарев о самоотвержении польского народа, призывали солдат и офицеров переходить на сторону восставших, бичевали «каннибальскую» политику русского правительства и «каннибальские» настроения русского «общества». «Нет, это — не народная война, это — полицейское усмирение войсками, — писал Герцен, — это —те ружья, которые стреляли в Бездне, это — те приклады, которыми били петербургских студентов, это — те штыки, которые завтра будут колоть крестьянина русского по команде тех же русских немцев за то, что он хочет *с волей землю*» (1863, № 155). Не ограничиваясь выступлениями в «Колоколе», Герцен и Огарев оказали и материальную поддержку польскому восстанию, а также вместе с представителями общества «Земля и Воля» выпустили несколько воззваний и прокламаций, призывающих русских солдат и офицеров не принимать участия в усмирении Польши, а послужить делу народного освобождения. Герцен предсказывал, что будущие поколения оценят их выступления в защиту Польши. «Придет время, не «отцы», так «дети» оценят и тех трезвых и тех честных русских, которые одни протестовали и будут протестовать против гнусного умиротворения... Память того, что не вся Россия стояла в разношерстном стаде Каткова, останется», — писал он Тургеневу 10 марта 1864 года.

Как известно, борьба Польши за свою независимость имела тогда прогрессивный характер, так как наносила удар всесилию царизма, продолжавшего еще играть роль мирового жандарма. Именно поэтому польское восстание 1863 года приветствовали Маркс и Энгельс. «...Ты должен теперь внимательно следить за «Колоколом», ибо теперь Герцену и К° представляется случай дока-

зать свою революционную честность», — писал Маркс Энгельсу 13 февраля 1863 года.[1] «Революционную честность» свою руководители «Колокола» доказали более чем убедительно. Позиция, занятая «Колоколом» и Герценом во время польского восстания 1863 года, получила высокую оценку В. И. Ленина. В статье «Памяти Герцена» он писал: «Когда вся орава русских либералов отхлынула от Герцена за защиту Польши, когда все «образованное общество» отвернулось от «Колокола», Герцен не смутился. Он продолжал отстаивать свободу Польши и бичевать усмирителей, палачей, вешателей Александра II. Герцен спас честь русской демократии».[2]

Позиция, занятая Герценом во время польского восстания, показывает, что разрешение им славянского вопроса было враждебно панславизму славянофилов и Погодина, которые стремились к соединению всех славянских племен под властью русского царя. Напротив, активно пропагандируя объединение славян, Герцен имел в виду создание демократической федерации славянских племен на основе уничтожения самодержавия и полного равенства. Еще в 1860 году в напечатанной в «Колоколе» (№№ 65—67) статье «Россия и Польша» Герцен писал: «Само собою разумеется, что мы говорили о *вольном* союзе равных; мы никогда не говорили ни о завоевании, ни о рабском присоединении к России; мы вообще не говорили ни о каком соединении с Россией, пока в ней будет *продолжаться* петербургское правление». В связи с польским восстанием он еще более определенно сформулировал свои позиции в славянском вопросе. «Не видно ли из-за него [из-за польского вопроса], — писал Герцен, — целого ряда других вопросов, выдвигающих на первый план славянскую федерализацию, в которой сохранится народ польский и распустится империя всероссийская в равноправном *славянском совете?*» (№ 192). Таким образом, и к разрешению славянского вопроса Герцен подходил как революционный демократ и непримиримый враг правительственного и славянофильского панславизма.[3]

---

[1] К. Маркс и Ф. Энгельс. Сочинения, т. XXIII, стр. 134.

[2] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 13.

[3] Об отношении Герцена к славянству и Польше см. в книге Я. Эльсберга «Герцен. Жизнь и творчество», изд. 2-е, М., 1951, стр. 395—408.

Совершенно очевидно, что, благодаря разрыву Герцена и Огарева с либералами и сближению с революционной демократией, «Колокол» стал в 1860-е годы гораздо более последовательным демократическим органом, чем раньше. Выступления либерального характера почти совсем исчезают с его страниц. Но и в этот период Герцен и Огарев не стали столь цельными и выдержанными революционерами, как Чернышевский. Их решительные призывы к свержению самодержавия и правительства Александра II иногда уступают место старым надеждам на мирную «реорганизацию» общественно-политического строя России. Поддерживая польское восстание и все проявления революционной борьбы в самой России, Герцен и Огарев не переставали надеяться на то, что Александр II, не доводя дело до революции, вынужден будет согласиться на созыв всенародного земского собора и коренное преобразование страны.

С наибольшей ясностью пореформенные колебания руководителей «Колокола» сказались в их статьях по поводу прокламации «Молодая Россия», появившейся в России в мае 1862 года. «Молодая Россия» стояла за «революцию кровавую и неумолимую», обещала пролить «втрое больше крови, чем пролито якобинцами» и возлагала «главную надежду» на интеллигентную молодежь. «Молодая Россия» справедливо порицала «Колокол» за обращения к царю, за «близорукий ответ на письмо человека, говорившего, что пора бить в набат и призывать народ к восстанию, а не либеральничать», за надежды на мирный переворот и «отвращение от кровавых действий».[1] Герцен посвятил «Молодой России» две статьи: «Молодая и старая Россия» (№ 139) и «Журналисты и террористы» (№ 141). Очень энергично защищая авторов прокламации от клеветы и расправы правительства, издеваясь над испугом либералов перед «Молодой Россией», Герцен в то же время, вопреки «Молодой России», продолжал высказывать либеральные надежды на то, что революция является не единственным способом освобождения народа. Называя царскую власть «врагом», Герцен тут же допускает, что она может стать

[1] Прокламацию «Молодая Россия» см. в книге «Политические процессы 60-х годов» под ред. Б. П. Козьмина, М.—П., 1923.

«во главу народного дела». «Императорская власть у нас... может сделаться татарским ханатом и французским комитетом общественного спасения», — утверждал он. Отсюда мечты Герцена о мирном преобразовании России. «Придет роковой день — станьте грудью, лягте костьми, но не зовите его, как *желанный день,* — писал Герцен. — Если солнце взойдет без кровавых туч, тем лучше, а будет ли оно в Мономаховой шапке или во фригийской — все равно».

Но вместе с тем в герценовской критике «Молодой России» было много справедливого. Герцен был прав, когда упрекал «Молодую Россию» в доктринерском пренебрежении к народу и перенесении на русскую почву несостоятельной бланкистской, заговорщической тактики. При этом Герцен вовсе не считал революционные методы борьбы принципиально недопустимыми: «насильственные перевороты бывают неизбежны; может, будут и у нас... на них надобно быть готовым», — писал он.

И хотя либеральные иллюзии не исчезли из «Колокола» до конца его существования, все же, подводя итоги, опять следует сказать, что в 1860-е годы отступления от демократизма у руководителей «Колокола» стали встречаться несравненно реже, чем раньше, революционные идеи в их пропаганде значительно усилились и направление «Колокола» стало гораздо более последовательным. Следствием этого явились: и правильное освещение «Колоколом» сущности «освобождения крестьян», и переход его руководителей к практической революционной деятельности в России, и их честные революционные позиции во время польского восстания 1863 года. Герцен «не мог видеть революционного народа в самой России в 40-х годах, — писал В. И. Ленин. — Когда он увидел его *в 60-х* — он безбоязненно встал на сторону революционной демократии против либерализма. Он боролся за победу народа над царизмом, а не за сделку либеральной буржуазии с помещичьим царем. Он поднял знамя революции». [1]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 14.

7. ПОСЛЕДНИЕ ГОДЫ ВОЛЬНОЙ ТИПОГРАФИИ И «КОЛОКОЛА»

С осени 1863 года начинается период упадка «Колокола» и Вольной типографии. Резко уменьшается поток корреспонденций и еще более — посетителей Герцена, катастрофически сокращается количество читателей, ослабевает влияние. «К концу 1863 года, — вспоминал Герцен, — расход «Колокола» с 2500—3000 сошел на 500 и ни разу не поднимался далее 1000 экземпляров» («Былое и думы»). С 15 мая 1864 года Герцен и Огарев стали выпускать «Колокол» лишь один раз в месяц, а с 15 июля прекратили издание «Общего веча». Тогда же Вольная типография и книгоиздательство Трюбнера прекращают издание всяких книг и сборников. Еще раньше — с 1863 года — перестает выходить «Полярная звезда».

Быстрый и сильный упадок «Колокола» и Вольной типографии находит свое объяснение в событиях, совершавшихся в России. Еще летом 1862 года правительство Александра II, подавив стихийные крестьянские волнения и умело использовав петербургские пожары, начало свой поход против революционной демократии. Были закрыты на 8 месяцев «Современник» и «Русское слово» и запрещены воскресные школы, были брошены в Петропавловскую крепость Чернышевский и Писарев и арестовано несколько десятков человек, обвиненных в сношениях с «лондонскими пропагандистами», была открыта кампания клеветы и доносов в реакционной печати. Разгром польского восстания знаменовал окончательную неудачу первого демократического подъема и натиска

и спад создавшейся на рубеже 1850 и 1860-х годов революционной ситуации. Надежды на близкую крестьянскую революцию рассеялись. Революционный лагерь потерпел поражение, а слабые революционные организации, не имевшие прямой опоры в народе, или были ликвидированы правительством, или распались. В 1864 году прекращает свое существование «Земля и Воля». Либеральные круги русского общества, напуганные возможностью революционного взрыва, решительно встали на сторону правительства в его борьбе с революционерами. Широкие круги интеллигенции, сочувствовавшие раньше революционным организациям и демократической печати, отказываются от участия в общественной жизни и политических интересов.

В этой атмосфере поражения, ренегатства, отступничества положение «Колокола» и вольной печати, естественно, стало исключительно тяжелым. Связи с Россией рвутся. В статье «VII лет», помещенной в «Колоколе» от 15 июля 1864 года и ярко отразившей переломный момент в судьбах «Колокола», Герцен писал: «Рев, вой, шипенье казенного, свирепого патриотизма заглушает всякое человеческое слово. Образованная Россия оказалась гораздо больше варварской, чем Россия народная. На этом варварстве ее стали возможными ужасные дела и ужасные слова — казни в Польше, каторги в России, раненый Сераковский, вздернутый на виселицу, Чернышевский, белым днем выставленный у позорного столба, и все прочие неистовства правительства и общества. Пока продолжается этот «запой» кровью, для чего наша речь? С кем нам говорить, для кого писать, печатать?»

С другой стороны, несомненно, что и среди известной части революционной интеллигенции популярность «Колокола» постепенно падала. У разночинной демократической интеллигенции был другой властитель дум — более последовательный и решительный, более близкий ей по убеждениям и психологическому складу — Чернышевский. Перед его авторитетом отступал авторитет руководителей «Колокола». Достаточно вспомнить хотя бы о той критике, которой подверглись «Колокол» и Герцен в прокламации Зайчневского «Молодая Россия».

Оказавшись в трудном положении, руководители «Колокола» не сдавались. В той же статье «VII лет»

Герцен заявлял, что «надо иметь дух продолжать речь» — «продолжать для того, чтоб не умолк последний протест, чтоб не заглохло угрызение совести, чтоб не было вдвое стыдно потом, чтоб иной раз опять выжечь клеймо позора на узком лбе палачествующего правительства, обнищавшего дворянства и шпионствующей журналистики».

Цели и задачи, поставленные Герценом перед продолжающим выходить «Колоколом», осуществлялись в дальнейшем довольно последовательно. Некоторые отступления в сторону либерализма не помешали «Колоколу» с честью закончить свое существование в качестве органа демократического и революционного. Больше того, говоря о направлении «Колокола» в последние два-три года его существования, нельзя не отметить появления в статьях его руководителя Герцена одной новой тенденции. Мы имеем в виду изменение отношения Герцена к пролетариату и перспективам социального развития человечества. Вопрос этот представляется настолько существенным, что требует несколько более обстоятельного рассмотрения.

Как известно, будучи социалистом-утопистом, Герцен не понимал исторической роли пролетариата и склонялся к мысли, что в Западной Европе и рабочий класс подчинится всевластию собственности и мещанства. В последние же годы жизни у него наметилось несколько иное понимание этого вопроса, и он, по выражению В. И. Ленина, «обратил свои взоры... к *Интернационалу,* к тому Интернационалу, которым руководил Маркс...» [1]

Обычно для доказательства перехода Герцена на новые позиции ссылаются на письма «К старому товарищу», написанные Герценом уже после прекращения «Колокола» и «Полярной звезды» и опубликованные в 1870 году в «Сборнике посмертных статей». [2] Между тем новые тенденции во взглядах Герцена нашли достаточно определенное отражение и в «Колоколе» в послед-

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 11.

[2] Герцен утверждал в письмах «К старому товарищу», что «экономические вопросы подлежат математическим законам» и «царству капитала и безусловному праву собственности так же пришел конец, как некогда пришел конец царству феодальному и аристократическому». Второе письмо он начал с признания огром-

ние годы его существования. В июле 1865 года в третьем «письме к путешественнику» («Колокол» № 200) Герцен, заявляя, что европейская и американская демократия «вопросов, занимающих работников, *не разрешила и не может разрешить»,* утверждал, что разрешить эти вопросы может только социализм. Через несколько месяцев, заканчивая помещенную в декабрьском номере «Колокола» за 1865 год статью «К концу года», Герцен писал: «вы [европейское общество] пойдете пролетариатом к социализму, мы — социализмом к свободе». Эти заявления о кризисе буржуазной демократии и переходе Европы пролетариатом к социализму были знаменательными. Через год в программной статье «Порядок торжествует» Герцен развил эти мысли значительно шире. Говоря о подземных ручьях, подмывающих здание дряхлеющей европейской цивилизации, Герцен ссылался на «французских и немецких работников, сходившихся в нынешнем году на совещание с английскими и швейцарскими в Женеве», т. е. на I конгресс Первого Интернационала. «Англия поблагоденствует еще... — писал Герцен, — пока туго понимающий, *но понимающий* работник выучит по складам такие простые правила, как «мало habeas corpus'а, надобно еще кусок хлеба», и французский комментарий к ним в английском переводе: «У кого есть дубина, у того есть хлеб!» Любопытно, что и в понимание «русского социализма» Герцен привносит теперь новый оттенок, заявляя, что он идет от общинного владения землей и «работничьей артели». «Дикая реакция, гадкая реакция... — писал Герцен о России, — но где же великий тормоз, чтоб остановить движение?.. Разве само следствие по каракозовскому делу не указывает, что в московской молодежи была мысль пропаганды между фабричными работниками-крестьянами, первой попытки органического сочетания тех двух социальных оттенков, о которых мы говорили?»

ной роли Первого Интернационала, «международных работничьих съездов», объединяющих в «боевую организацию» «мир рабочий». «Работники, — писал Герцен, — соединяясь между собой, выделяясь в особое «государство в государстве», достигающее своего устройства и своих прав помимо капиталистов и собственников, составят первую сеть и первый всход будущего экономического устройства».

Но если надежды на социалистическое преобразование России Герцен попрежнему связывает преимущественно с крестьянством и общинным землевладением, то его мнение о перспективах исторического развития Западной Европы сильно изменилось. Раньше Герцен оценивал их весьма пессимистически, теперь же он склонен думать, что рабочий класс явится той исторической силой, которая осуществит в Западной Европе социалистический переворот. В статье «Маццини — полякам» («Kolokol» 1868, № 12) Герцен писал: «Подвалы и мансарды европейских городов идут, не сознавая этого, к различным решениям той же социальной проблемы, которая волнует сердца крестьян в избах среди наших равнин и лесов. Право на труд и право на землю — два вида осуществления социальной задачи, старающейся передать орудия труда в распоряжение трудящегося, освободив его от монополизированной случайности, от упроченной анархии, от всех исторических оков, которые мешают свободному развитию».

К мыслям о рабочем социалистическом движении Герцен возвращается и в своем прощальном выступлении в «Kolokol»'е, в статье «Нашим врагам». Вынужденный прекратить издание журнала, Герцен наносил последние удары Каткову и другим врагам своего дела. «Легко сказать с видом школьного учителя: «Времена социализма прошли», — иронизировал Герцен. — И это на другой день после брюссельского конгресса [III конгресса Первого Интернационала], женевской забастовки, в двух шагах от движения немецких рабочих, среди подъема с удесятеренной силой социальных вопросов по всей Европе, не исключая и Англии».

Разумеется, было бы ошибочно на основании приведенных выступлений Герцена говорить об усвоении им идей научного социализма. Герцен до конца своих дней оставался утопистом, не преодолевшим «добрых мечтаний» и надежд на русскую «самобытность». Но еще более ошибочно не видеть тех сдвигов, которые происходили в мировоззрении Герцена в последние годы его жизни, не заметить, что у него появляется иное — более глубокое и справедливое — отношение к рабочему движению и судьбам социализма на Западе. Герцен переходил, по определению В. И. Ленина, «от иллюзий «надклассо-

вого» буржуазного демократизма к суровой, непреклонной, непобедимой классовой борьбе пролетариата». [1]

Между тем положение «Колокола» и Вольной типографии продолжало оставаться очень тяжелым. Чтобы поправить дело и «снова рвануться в ряды живых», Герцен задумывает перенести издание «Колокола» из Лондона в Женеву. 4 января 1865 года он писал Огареву из Женевы: «Здесь перекрещиваются беспрерывно едущие из и во Францию, из и в Италию, здесь многие живут и пр.». В апреле 1865 года издание «Колокола» в Лондоне было прекращено. Последним номером журнала, выпущенным в Лондоне, был 196-й от 1 апреля 1865 года. Следующий — 197-й — номер вышел уже в Женеве 25 мая того же года. В Женеву была переведена и Вольная типография, вскоре подаренная Герценом Чернецкому, который управлял ею с самого ее возникновения.

Но и переезд в Женеву не помог падающему «Колоколу». Общественная реакция, углубившаяся в России после выстрела Каракозова, не могла способствовать его возрождению. «Русские говорят, — писал Герцен Огареву 26 февраля 1867 года, — что в Петербурге и Москве решительно никто «Колокола» не читает и что его вовсе нет; что прежде разные книгопродавцы sous main [тайком] хоть продавали, а теперь пожимают плечами и говорят: «никто не требует».

Переезжая в Женеву, Герцен и Огарев надеялись, что «Колокол» найдет поддержку у русской революционной эмиграции, широким потоком хлынувшей после разгрома революционного движения в России в города Швейцарии. В Швейцарии проживали тогда: А. Серно-Соловьевич, Н. Утин, Л. Мечников, М. Элпидин, В. Касаткин, Н. Жуковский, Н. Николадзе, М. Гулевич, Л. Шелгунова, позднее С. Нечаев и многие другие представители эмигрировавшей из России разночинной интеллигенции. Были среди них и последователи Бакунина, и люди, случайно попавшие в эмиграцию и позднее «принесшие покаяние», но многие из них имели право называть себя учениками Чернышевского. Известно также, что среди «молодой эмиграции» возникла русская секция Первого Интернационала.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 11.

Надеждам Герцена и Огарева на сотрудничество с «молодой эмиграцией» сбыться было не суждено. Из переговоров о совместном ведении «Колокола» ничего не вышло. «Молодая эмиграция» требовала, чтобы редакция газеты зависела от широкой корпорации эмигрантов, в распоряжение которой Герцен должен был предоставить и средства, обеспечивающие «Колокол». Герцен же, предлагая эмигрантам активнее печататься в «Колоколе» и даже соглашаясь допустить постоянных сотрудников газеты в совет редакции, решительно не соглашался выпустить руководство «Колоколом» из своих рук и передать газету и ее фонды в руки корпорации, так как не верил в литературные силы и способности «молодой эмиграции» и во многом расходился с ней во мнениях.

В дальнейшем — в 1867 году — отношения Герцена с проживавшими в Женеве русскими революционерами и совсем испортились. Когда в «Колоколе» появилась статья «Порядок торжествует», в которой Герцен утверждал, что он с Огаревым и Чернышевский являются деятелями одного направления, А. Серно-Соловьевич выступил против Герцена с нашумевшей тогда брошюрой «Наши домашние дела». Герцен не ответил в печати на брошюру Серно-Соловьевича, но из его писем известно, что он был возмущен ею. И раньше Герцен отзывался о «молодой эмиграции» недоброжелательно, а теперь и совсем отказался от всяких сношений с ней. Все попытки Огарева, ближе стоявшего к молодежи, чем Герцен, примирить враждующие стороны, были тщетны.

Несправедливо и резко нападая на революционную русскую эмиграцию, Герцен, несомненно, допустил политическую ошибку; за грубоватой, по его мнению, внешностью «нигилистов» он просмотрел черты подлинного демократизма и революционности. В отношении Герцена к «молодой эмиграции» снова сказались его непоследовательность и принадлежность к барской среде. С своей стороны, Серно-Соловьевич и другие были абсолютно правы, когда обвиняли Герцена в неустойчивости и колебаниях, в заигрывании с либералами, когда напоминали ему о недопустимости таких выступлений, как «Very dangerous!!!» и «Лишние люди и желчевики». Серно-Соловьевич издевался над умилением Герцена перед идейкою

земского царя и «победившим Галилеянином» и возмущался его несправедливым отзывом о стрелявшем в царя Каракозове, которого Герцен назвал «сумасшедшим».

Однако, критикуя Герцена, Серно-Соловьевич и другие выдвинули против него и некоторые неверные обвинения, а Герцен, со своей стороны, не во всем ошибался, нападая на «молодую эмиграцию». Так, Серно-Соловьевич совершенно неправильно утверждал, что все молодоё поколение «с отвращением» отвернулось от Герцена, что никакого положительного значения в русском революционном движении Герцен не имеет, что между Герценом и Чернышевским «нет, не было, да и не могло быть ничего общего». Серно-Соловьевич был абсолютно неправ, когда писал, что Герцен и Чернышевский — «два противоположных элемента, которые не могут существовать рядом, друг возле друга... две натуры, не дополняющие, а истребляющие одна другую». Серно-Соловьевич не понимал, что Герцен, несмотря на все свои колебания, принадлежал к одному лагерю с Чернышевским, что значение Герцена в формировании взглядов молодого поколения и в развитии революционного движения в России было огромно. Герцен же справедливо возражал против увлечения некоторых представителей «молодой эмиграции» бакунистскими, бунтарско-заговорщицкими методами, против их преклонения перед террором и террористами, против нечаевщины, подложных манифестов и т. п. И хотя при этом Герцен и допускал иногда недооценку массового революционного насилия, но это не мешало ему быть в данном случае более глубоким политическим мыслителем, чем многие революционеры того времени и будущие русские народники.

Нужно отметить и то, что Герцен отказался от публичной полемики с Серно-Соловьевичем, видимо, признав внутренне правоту многих обвинений «молодой эмиграции». В посвященной же общей характеристике «нигилистов» статье «Еще раз Базаров» («Полярная звезда» 1869) он не столько нападал на молодежь, сколько стремился оправдать свое поколение в глазах последней.

Многие представители «молодой эмиграции» были во многом несогласны с выступлением Серно-Соловьевича и более объективно оценивали историческую роль Герцена.

Так, Н. Утин в 1869 году в одном из своих писем утверждал, что молодые революционные деятели относятся к Герцену «с тем уважением, которое заслуживает 17-летний труд на пользу дела свободы, хотя бы это дело или, вернее, практический путь к совершению этого дела понимался им иначе, чем нами, сообразно с ходом времени и обновлением поколений». А когда Герцен умер, в Лейпциге вышла анонимная брошюра, проникнутая глубоким уважением к основателю вольной печати и руководителю «Колокола». «Явятся другие с горячей любовью к делу, люди честные, энергичные, но того значения, которое имел «Колокол», не будет иметь ни один обличительный орган, какое бы ни имел крайнее направление... — писал автор брошюры. — Мы обязаны были ему [Герцену] в лучшие годы студенческой жизни лучшими часами... Им мы подготовлены и к пониманию Чернышевского». [1]

Так или иначе, «Колокол» продолжал угасать. Наконец, в десятилетнюю годовщину «Колокола», в № 244—245 от 1 июля 1867 года, Герцен и Огарев объявили о том, что они приостанавливают издание журнала на полгода, с тем чтобы «перевести дух, отереть пот, собрать свежие силы... проверить, в чем мы были правы и где ошибались». «Следующий лист «Колокола» выйдет 1 января 1868 года, — заявлял Герцен, — им мы начнем второе десятилетие». Здесь же было помещено и известное стихотворение Огарева «До свиданья», в котором поэт, напоминая о своем «предисловии» к «Колоколу», писал:

Смолкает «Колокол» на время,
Но быстро тягостное бремя
Промчится, как ненужный сон,
И снова наш раздастся звон,
И снова с родины далекой
Привет услышится широкий,
И, может, в наш последний час
Еще светло дойдет до нас —
Как Русь торжественно и стройно
И непорывисто смела,
С сознаньем доблести спокойной
Звонит во все колокола!

---

[1] Подробной характеристике взаимоотношений руководителей «Колокола» и «молодой эмиграции» посвящена статья Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция» — «Литературное наследство» № 41—42, М., 1941.

Но русский «Колокол» — журнал для России и на русском языке — уже не возобновился. Через полгода Герцен и Огарев стали выпускать «Колокол» на французском языке под названием «Kolokol (La Cloche), revue du développement sociale, politique et littéraire en Russie». Это был журнал, преследовавший особые задачи. От имени русской демократии он обращался к европейскому обществу с целью разъяснить ему истинное положение дел в России и ее историческое значение. «Нам кажется, что на сию минуту полезнее говорить о России, чем говорить с нею... — писали Герцен и Огарев в первом номере «Kolokol»'а. — От имени входящих в совершеннолетие и не имеющих ни языка дома, ни органа за границей, мы являемся с поднятой головой и с свободной речью защитниками нашей России перед судьями старого мира».

«Колокол» постоянно защищал русский народ от клеветы отечественных либералов и внешних врагов. Достаточно было, например, «Таймсу» отозваться о русском народе как о «непостоянном» и «неразумном», как Герцен в статье «Русская конституция и английский журнал» (1864, № 178) обрушился на «орган капиталистов, биржевиков и банкиров», который клевещет на русский народ, напугавшись его «коммунистических стремлений». Защитником России от западно-европейских публицистов и политиков, ненавидевших Россию, пламенным патриотом выступает Герцен и в «Kolokol»'е.

«Kolokol» выходил и распространялся с большим трудом. «Стал жернов! Воды нет, а мы надрываемся вертеть... Caro mio, нам пора в отставку и приняться за что-нибудь другое — за большие сочинения или за длинную старость!», — писал Герцен Огареву (письма от 4 мая и 14 июля 1868 года). Выпустив 15 номеров «Kolokol»'а и 7 номеров «русского прибавления» к нему, Герцен и Огарев 1 декабря 1868 года навсегда закончили издание «Колокола».

Последний номер «Kolokol»'а открывался грустным и торжественным письмом Герцена Огареву. «Дорогой друг, — писал Герцен. — Я хочу предложить тебе не более и не менее, как «государственный переворот», а именно — немедленное прекращение или, если тебе больше

нравится, отсрочку на неопределенное время «Kolokol»'a. Всему свое время, сказал мудрец; есть время, когда нужно собирать камни, и есть другое — когда нужно их бросать... Что касается большей части наших самых дорогих убеждений, то мы уже сто раз высказывали их и повторяли; вокруг них образовалось жизненное ядро. Есть молодежь, так глубоко, так бесповоротно преданная социализму, столь богатая смелой логикой, столь сильная научным реализмом и отрицанием во всех областях клерикального и правительственного фетишизма, что бояться нечего — идея не погибнет. Мы с тобой принадлежим к тем старым пионерам, к тем «сеятелям», которые вышли рано поутру, лет сорок назад... Семена, которые достались в наследство небольшому числу наших друзей и нам от наших великих предшественников, мы бросили в новые борозды, и ничего не погибло... Прорастание не останавливается».

Так закончил свое существование «Колокол», а вместе с ним и Вольная типография Герцена, сыгравшие столь существенную роль в истории русского освободительного движения и русской печати.[1]

Значение своей и Огарева деятельности Герцен понимал совершенно правильно. Историческое развитие России поставило перед Герценом и Огаревым задачу: передать революционные традиции первого поколения русского освободительного движения — традиции дворянских революционеров — следующему поколению — разночинной крестьянской демократии и поднять его на борьбу с крепостным правом и самодержавием. В этом заключалось призвание Герцена и Огарева как «детей декабристов», как деятелей, «разбуженных громом пушек на Сенатской площади». Основанием Вольной русской типографии и одиннадцатилетним изданием «Колокола» Герцен

---

[1] 15 февраля 1869 года были выпущены «Supplément du Kolokol» («Прибавление к «Колоколу») и последняя книга «Полярной звезды». В 1870 году — уже после смерти Герцена — Огарев совместно с С. Нечаевым сделали попытку возобновить издание «Колокола». Ими было выпущено шесть номеров журнала. Но по своему направлению и по содержанию этот орган, руководившийся указаниями Нечаева, резко отличался от «Колокола» Герцена (см. указанную работу Б. П. Козьмина «Герцен, Огарев и «молодая эмиграция»).

и Огарев показали, как превосходно поняли они и как блестяще выполнили задачу, возложенную на них историей. «Влияние лондонского станка от 1856 до конца 1863 года — не только практический факт, но факт исторический. Стереть его нельзя», — утверждал Герцен и был прав. Вольная русская типография сыграла огромную роль в борьбе против крепостного права и самодержавия и содействовала пробуждению разночинцев. «Как декабристы разбудили Герцена, так Герцен и его «Колокол» помогли пробуждению *разночинцев*», — писал В. И. Ленин в статье «Из прошлого рабочей печати в России». [1]

Громадную роль «Колокол» и Вольная типография Герцена сыграли и в развитии русской печати. Напрасно враги Герцена утверждали, что «Колокол» и «Полярная звезда» пройдут бесследно в истории русской литературы. Исключительное влияние вольной печати Герцена и «Колокола» на развитие нашей журналистики и, в особенности, на развитие бесцензурной печати, как подпольной в России, так и вольной за границей, совершенно несомненно. «Предшественницей рабочей (пролетарски-демократической или социал-демократической) печати была тогда [при крепостном праве] общедемократическая бесцензурная печать с «Колоколом» Герцена во главе ее», — писал В. И. Ленин. [2]

Глубокий след проложила деятельность Вольной русской типографии в русской литературе. Достаточно напомнить, что Герцен и Огарев впервые опубликовали письмо Белинского к Гоголю и множество других произведений, запрещенных в России, что они сами были прекрасными писателями, блестящими публицистами и глубокими критиками, чтобы убедиться, как высоко подняла их вольная печать революционно-демократические традиции в литературе и какое большое влияние оказали ее издания на все последующее развитие русской художественной литературы, публицистики и критики.

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 20, стр. 223.

[2] Там же.

Обратившись с революционной проповедью к народу, «Колокол» сыграл большую роль в подготовке русской революции, в деле революционного воспитания трудовых масс. В статье «Памяти Герцена» В. И. Ленин писал: «Чествуя Герцена, пролетариат учится на его примере великому значению революционной теории; — учится понимать, что беззаветная преданность революции и обращение с революционной проповедью к народу не пропадает даже тогда, когда целые десятилетия отделяют посев от жатвы. . .» [1]

---

[1] В. И. Ленин. Сочинения, изд. 4-е, т. 18, стр. 15.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Редактор И. Ямпольский
Художник Б. Георгиев
Технический редактор
Л. Крючкина
Корректор А. Рабинова

Подписано к печати 9/V 1951 г. М-27772.
Тираж 10000 экз. Бумага 84 × 108¹/₃₂=7,88
бумажных листов — 25,83 печатных листов,
25,07 учетно-авторских листов.
Заказ № 2183.

4-я типография
им. Евг. Соколовой
Главполиграфиздата при
Совете Министров СССР.
Ленинград,
Измайловский пр., 29.